МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Вирен Суэми Адриан Фернхем

ПСИХОЛОГИЯ КРАСОТЫ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

ПИТЕР

The Psychology of Physical Attraction

Viren Swami and Adrian Furnham

LONDON AND NEW YORK

Вирен Суэми, Адриан Фернхем

ПСИХОЛОГИЯ КРАСОТЫ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Перевод с английского под редакцией профессора Е. И. Николаевой

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск
2009

Вирен Суэми
Адриан Фернхем

Психология красоты и привлекательности

Серия «Мастера психологии»

Перевела с английского Е. Виноградова

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*Е. Румановская*
Научный редактор	*Е. Николаева*
Выпускающий редактор	*Е. Егерева*
Литературный редактор	*Т. Белова*
Художественный редактор	*К. Радзевич*
Корректоры	*Н. Баталова, Н. Викторова*
Верстка	*С. Сенива*

ББК 88.5 УДК 316.6

Суэми В., Фернхем А.

С91 Психология красоты и привлекательности / Пер. с англ. под ред. Е. И. Николаевой. — СПб.: Питер, 2009. — 240 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»),

ISBN 978-5-49807-108-4

Что значит красота в современном обществе? Какую роль играет физическая привлекательность? Как интерпретируется красота с позиций социальной и эволюционной психологии? Замечательная книга, написанная известными английскими психологами Виреном Суэми и Адрианом Фернхемом, дает подробные высокопрофессиональные ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся теоретических и практических аспектов психологии красоты и привлекательности.

Издание адресовано психологам, медикам, педагогам, студентам и преподавателям профильных вузовских факультетов, а также всем интересующимся.

ISBN 978-5-49807-108-4

ISBN 978-0-415-42251-2 (англ.)

Подписано в печать 27.02.09. Формат 70 х 100/16. Усл. п. л. 19,35. Тираж 3000. Заказ 14352.

ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том *2;*

95 3005 — литература учебная.

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15.

Оглавление

Предисловие к русскому изданию

Когда-то Монтень заметил, что Господь удачнее всего распределил между людьми ум, так как никто не жалуется на его отсутствие. Действительно, люди не сетуют на ум, но интенсивно занимаются его изучением.

С красотой и привлекательностью наблюдается принципиально другая закономерность: о ней много говорят, к ней стремятся, ее непрерывно демонстрируют, но о ней практически нет научных работ. Средствами массовой информации предлагаются стандарты красоты, безапелляционно определяющие особенности фигуры, рост, вес, которые большинство людей принимают за объективные требования и к собственному телу. И оказывается, что в противостоянии этому социальному давлению им не на что опереться, поскольку нет объективных данных относительно того, как и почему люди делают заключение о красоте другого человека.

В книге «Психология красоты и привлекательности» Вирена Суэми и Адриана Фернхема делается попытка рассмотреть именно эти редко поднимаемые вопросы: какие физические характеристики определяют влечение мужчин и женщин друг к другу, почему именно эти характеристики лежат в основе суждения о красоте, насколько люди в разных концах земного шара одинаковы в своих предпочтениях?

Возможны разные походы к изучению феномена влечения людей друг к другу. Особенностью данной книги является то, что авторы пытаются проанализировать два полярных подхода: позиции эволюционной и социальной психологии. Рассмотрение начинается с данных, предлагаемых эволюционной психологией. Этот подход крайне редко представляется русскоязычному читателю в популярной литературе, хотя он прочно занимает лидирующие позиции в объяснении многих явлений психологического бытия. Это направление психологии, которое рассматривает поведение и пристрастия людей исходя из того прошлого, в котором формировались и поведение, и пристрастия. С моей точки зрения, этот взгляд на природу человека особенно необходим сейчас, когда в силу резкого уменьшения передач просветительского характера в СМИ появилось множество необоснованных рассуждений, критикующих теорию эволюции Ч. Дарвина. 12 февраля 2009 г. во всем мире прошло празднование 200-летия со дня рождения этого великого ученого. И данная книга будет лучшим подарком для тех, кто принимает идею эволюционного происхождения жизни на земле.

Взгляд на человека как на одного из существ, возникших в ходе естественной эволюции, а потому имеющего черты, которые объясняются именно длительным приспособлением к меняющимся условиям существования в ряду других животных, в настоящее время подтверждается многочисленными данными, которые не были доступны Дарвину в момент создания теории. В результате последних проведенных международных генетических исследований выявилось, что у человека и шимпанзе 98% общих генов.

В рамках эволюционной психологии привлекательность объясняется с точки зрения выбора мужчинами и женщинами тех представителей противоположного пола, которые обладают физическими характеристиками, свидетельствующими о будущей продуктивности, в частности способности выносить здорового ребенка у женщины и умения обеспечить защиту ребенку и матери у мужчины. Любые знаки, несущие свидетельства высокой репродуктивности, привлекают внимание представителя противоположного пола.

Однако объективный анализ данных с точки зрения эволюционного подхода приводит авторов к заключению, что только такой взгляд не способен объяснить реальные факты: красота и влечение к ней зависят от культуры и того раннего опыта восприятия другого человека, который люди получают от своих родителей, живя в специфической культуре.

Кросс-культурные исследования показывают, что чем ниже уровень жизни в данной местности, тем больше нравятся полные люди, чем выше экономический статус страны, тем больше привлекает стройность.

Однако авторы не останавливаются только на анализе полученных результатов, но и поднимают вопрос о дискриминации людей на основе их внешнего вида. Возможно, это самый болезненный аспект темы, который крайне актуален для стран, где не составляет труда увидеть объявления о принятии на работу, содержащие информацию о требованиях к физическим данным претендентов.

Авторы особым образом подчеркивают, что и стандарты красоты, и стили ее поддержания породили индустрию, в которой вращаются огромные средства и работают многие люди. Именно поэтому столь быстро раскручиваются программы, в которых предлагаются хирургические методы коррекции фигуры и лица, вредные для здоровья способы сохранения веса и соответствия стандартам, объясняемые только желанием получить большие деньги, а не жизненными показаниями и требованиями к сохранению здоровья человека. Рекламируя хирургические операции по коррекции фигуры или черт лица, в соответствующих телевизионных передачах ничего не сообщается о последствиях, которые возникают после общего наркоза или самой операции, которая переносится организмом как мощнейший стресс.

Взгляд на красоту и влечение к противоположному полу с точки зрения оценки уровня здоровья и способности вынашивать и растить детей может лечь в основу иного поведения людей, связанного со здоровым образом жизни и ответственностью за необоснованное решение походить на мифологизированный СМИ идеал.

Книга состоит из 10 глав. В главе 1 предлагается небольшой экскурс в историю — к попытке Пифагора «просчитать» красоту. Сами же авторы ограничивают описание данного вопроса направлениями эволюционной психологии и кросс-культурными исследованиями.

В главе 2 авторы обращают внимание на то, что, хотим мы этого или нет, но первое впечатление от восприятия человека и его внешности играет большую роль на последующее суждение о нем и его поступках. При этом мы часто опираемся на ничем не подтвержденные стереотипы и даем более благоприятные оценки

привлекательным людям, занижая достоинства менее привлекательных. Именно поэтому большинство считает людей красивых более честными, более талантливыми, невиновными и т. д.

В главе 3 авторы обращаются к эволюционной психологии, опирающейся на объяснительную силу теории Дарвина. Они перечисляют основные гипотезы этого раздела психологии, основная из которых состоит в том, что человек современный обладает особенностями, которые возникли у него в процессе приспособления в иных условиях, на более ранних ступенях эволюционного развития. Особый акцент эволюционные психологи делают в этом случае на универсальности этих механизмов, которые должны быть одинаковыми у всех людей вне зависимости от их современного проживания.

В главе 4 авторы описывают «вклад» отдельных частей тела в привлекательность человека, их связь с показателями здоровья и репродуктивности.

В главе 5 анализируются вес и форма тела, а точнее, конусообразный торс у мужчины и отношение объема талии к объему бедер у женщины.

В главе 6 рассматривается влияние культуры на представления о физической привлекательности и делается вывод о существенной связи этих представлений с изменениями условий жизни людей.

В главе 7 авторы предлагают читателю посетить современный брачный рынок и понять причины тех или иных выборов партнеров в настоящее время, механизмов того, почему супруги так часто похожи друг на друга.

В главе 8 поднимается вопрос о социальном научении, при котором та микросреда, в которой живет человек, обучает его воспринимать в качестве красивого то, что считается таковым в данном социуме.

В главе 9 авторы выдвигают предложение, что знание о том, что мы кому-то нравимся, меняет наше представление об этом человеке. И далее вступает в действие возможность быть откровенным с ним, использовать одинаковые методы невербального общения.

В главе 10 предлагается синтетический подход, объединяющий разные точки зрения, представленные ранее, и намечается перспектива будущих исследований.

В целом есть все предпосылки к тому, чтобы данная книга стала стартовой площадкой для рассуждений читателя по поводу роли привлекательности в его собственной жизни, возможно, к пересмотру каких-то аспектов собственного поведения и в конечном итоге — к более осознанному подходу к тому, что составляет основу его жизни. И тогда слова о том, что красота спасет мир, станут более понятными и обоснованными.

Е. И. Николаева,
доктор биологических наук,
профессор кафедры психологии
и психофизиологии ребенка
РГПУ им. А. И. Герцена

Посвящается моим родителям, Мире и Мохану Суэми.

Вирен Суэми

Посвящается моей невероятно привлекательной жене Элисон и сыну Бенедикту.

Адриан Фернхем

Предисловие

Восприятие прекрасного происходит постепенно, а не внезапно; оно требует не только времени, но и изучения.

Джованни Руффини, итальянский писатель

История ученого, интересующегося вопросами красоты и привлекательности

В 1961 г. Юрген Хабермас написал, что в XVIII в. произошло постепенное превращение кофеен Лондона и Парижа в центры политического, артистического и литературного критицизма, в которых «мнения освобождались от пут экономической зависимости». Кофейни, где любая достойная внимания работа, книга или музыкальное произведение должны были получить законное право на существование, стали площадкой для самовыражения, изложения мнений и выдвижения тем для общественного обсуждения. В XXI в. на смену кафе пришла Всемирная паутина, представляющая собой среду, главное достоинство которой заключается скорее в возможности читать, а не писать.

Когда скучающий ученый бесцельно странствует по Сети, ему неожиданно приходит в голову идея поискать блоги, в которых обсуждаются его исследования. В конце концов, если вы знаете, что результаты вашей работы попали в блогосферу, то это означает, что ваше исследование обсуждается теми людьми, которым оно действительно интересно. И можно быть уверенным, что когда ученый находит то, что ищет — жаркое, шумное, порождающее споры обсуждение его работы, — он счастлив. Однако ученому, интересующемуся вопросами физической привлекательности, шанс на такое самовозвеличивание выпадает крайне редко. Любому специалисту, проводящему исследования в данной области, выполняемая им работа представляется крайне важной и даже очень значительной; однако блогеры, как правило, выражают сомнение в том, что ученым следует тратить время на мучительное решение вопросов красоты и привлекательности. Неужели, думают они, не существует более важных тем для изучения, чем то, «что видно невооруженным глазом», или то, что не следует судить о книге по обложке?

Учитывая холодный прием, оказываемый ученым, интересующимся вопросами привлекательности, по крайней мере в виртуальном пространстве, вполне закономерным кажется вопрос, почему мы решили посвятить этой теме целую книгу. Что ж, начнем с того, что передача научных знаний нередко напоминает игру, в которой выстроившиеся в ряд люди шепотом передают друг другу сообщение,

пока оно не достигает человека, стоящего последним. Затем этот человек произносит вслух услышанную им фразу, которая, как правило, заметно отличается от оригинала. Эта игра вызывает у ученых, занимающихся работой в области физической привлекательности, особое раздражение: когда результаты их исследований достигают дедлайна, то нередко утрачивают всякое сходство с тем, что было изначально. Более того, проведенные ими исследования используются для того, чтобы сделать выводы о том, что одна знаменитость обладает большей привлекательностью, чем другая, или что средний человек непривлекателен, потому что у него или нее «неподходящая (вставьте название соответствующей части тела)». Таким образом, одна из причин создания этой книги заключается в необходимости вернуть хотя бы немного содержания исследованиям в области красоты и привлекательности.

Другой, не менее важной, причиной написания этой книги является то, что вопрос физической привлекательности никак нельзя назвать несущественным. Возможно, нам хочется *верить* в его тривиальность и считать себя современными людьми, которые способны замечать в человеке не только его внешность, однако большое число психологических исследований показывает, что красота по-прежнему играет важную роль в нашей жизни. Вполне вероятно, что будущие поколения посчитают оценку других людей на основе их внешности отвратительным явлением, существовавшим во времена их предков. Однако прежде чем произойдет нечто подобное, нам следует хотя бы разобраться в том, *почему* людей так очаровывает физическая красота. В конце концов, красота человека занимала умы художников, поэтов и философов на протяжении многих веков, что уже делает ее темой, достойной обсуждения.

Наконец, ученые — тоже люди, поэтому иногда и они подвластны человеческим слабостям: как и все остальные, они способны чувствовать восхищение, удовлетворение, удивление и благоговение при виде красоты, а некоторые из них даже могут стать жертвой тщеславия, нарциссизма и, конечно же, страстного увлечения. Все это делает тему красоты человека особенно интересной для ученых. Кто сказал, что наука должна заниматься исключительно поиском средств лечения рака, открытием новых галактик или созданием нового суперкомпьютера? Раскрытие загадок человеческого разума, — включая то, что делает человека привлекательным для других, — представляет собой не менее грандиозную задачу.

Увы, представленные нами объяснения могут оказаться недостаточными для того, чтобы убедить словоохотливого блогера. В этом случае мы можем адресовать его вопросы нашим редакторам — Люси Кеннеди, Таре Стебински и Доуну Харрису, которым принадлежит идея создания этой книги и которые оказывали нам постоянную помощь в работе. Мы также получали поддержку со стороны многих других людей: так, огромное влияние на наши представления оказали Мартин Тове, Дэвид Фредерик, Дороти Эйнон и Крис Макманус, которые (помимо всего прочего) занимаются научным изучением физической привлекательности. Генри Плоткин, Дебби Стэнистрит, Дон Маккрири, Малгожата Розмус-Вжезинска, Мартин Ворачек и Джон Картрайт (часто не сознавая этого) формировали наше мышление в том, что касается данных вопросов в целом. Естественно, вина за любые ошибки и упущения лежит только на нас. Бесчисленное множество

людей, которых слишком много, чтобы назвать их поименно, помогали нам в сборе информации по всему миру и проведении статистических анализов (здесь хочется сказать особые слова благодарности Алестеру Макклелланду). В осуществляемых нами экспериментах приняли участие многие сотни людей, и научные результаты этой работы являются в равной степени их заслугой. И конечно же, необходимо упомянуть здесь блогеров — возможно, эта небольшая книга поможет им на время остановиться и обдумать те вопросы, о которых мы говорим.

Вирен Суэми и Адриан Фернхем
Лондон, 2007 г.

ГЛАВА 1

Что Пифагор открыл миру

Очевидно, что абсолютного стандарта красоты не существует.

И именно это делает ее поиск таким интересным.

Дж. К. Гэлбрейт, писатель и экономист

Прекрасна ли красота, или ее делает такой наш взгляд?

У. М. Теккерей, писатель.
Виргинцы: повести из жизни прошлого столетия

Считается, что первая попытка проведения систематического исследования физической привлекательности была сделана греческим математиком и философом Пифагором, жившим в VI в. до н. э. (Armstrong, 2004; Swami, 2007). Во времена Пифагора и древних греков красота ассоциировалась с правильными пропорциями, или правилом «золотого сечения», и эти же принципы, определяющие красоту человеческого лица или тела, использовались в архитектуре, музыке и живописи (Gaut and Lopes, 2001; Horn and Gurel, 1981). Возможно, наиболее знаменитым примером применения принципов Пифагора является рисунок Леонардо да Винчи «Витрувианский человек», который связывает пропорции Пифагора с анатомией человеческого тела. Однако человечество настолько волнует вопрос привлекательности, что нам известно бесчисленное множество других примеров неустанного поиска секретов красоты (рис. 1.1).

Даже в наши дни представление Пифагора о красоте вызывает множество споров, однако благодаря ему возникла всеобъемлющая пояснительная схема для понимания одного из вопросов, решение которых наиболее важно для психологов и философов. На сегодняшний день попытки понять все аспекты привлекательности направляют наиболее активные исследования в рамках психологических наук и — как и в случае с Пифагором — остаются предметом шумных споров среди ученых и неспециалистов, занимающихся этим вопросом (Swami and Furnham, 2006; 2007). В этой книге мы постарались проанализировать, оценить и суммировать эти исследования, а также рассказать о том, что делает психологию привлекательности такой интересной, если не спорной, наукой. В книге приведена оценка структуры мотиваций и процессов, которые определяют последствия, вызванные привлекательностью.

Если говорить более точно, то эта книга рассказывает об эволюционной, социальной и кросс-культурной психологии внешней привлекательности. Она посвя-

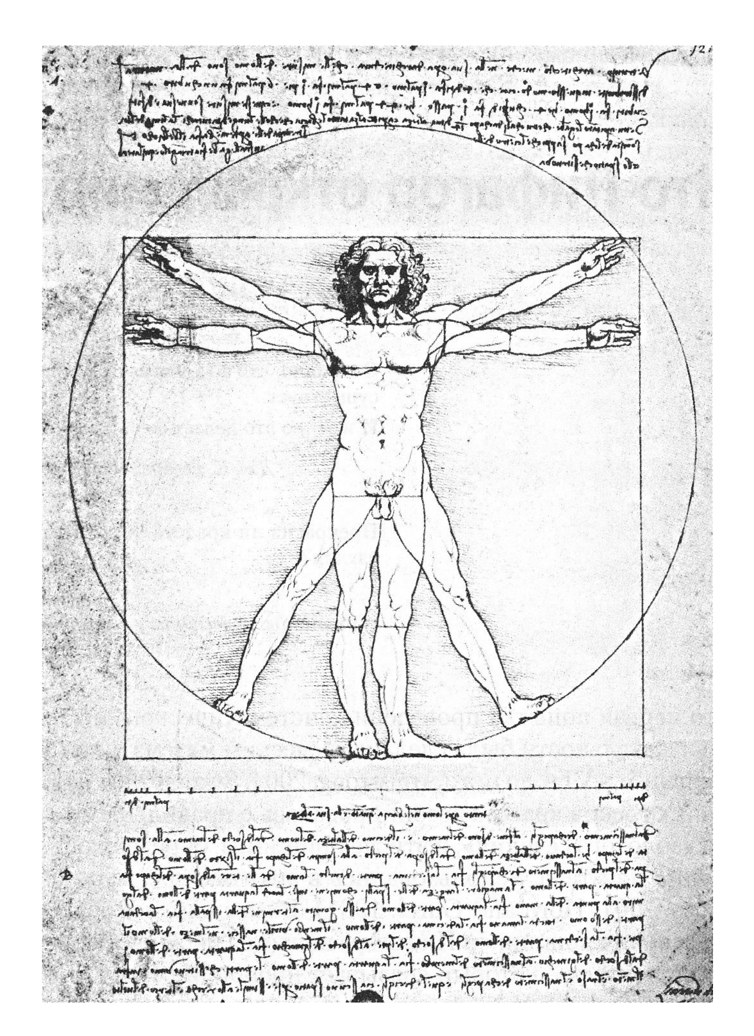

Рис. 1.1. Леонардо да Винчи, «Витрувианский человек» (ок. 1490), который воплощает поиск объективных стандартов красоты. Идея о том, что красоту человека определяют математические пропорции тела, взятая у древних греков, считалась одним из величайших достижений, заложившим основу итальянского Возрождения. Рисунки Леонардо да Винчи, включая «Витрувианского человека», сочетают в себе внимательное изучение древних текстов и результаты тщательного изучения реальных человеческих тел, проведенного им самим. Copyright © Betlmann/CORBIS

щена изучению вопроса, которому нередко уделяется недостаточное внимание. Учитывая особенности рассматриваемой нами темы, мы предлагаем читателям информацию из самых разных дисциплин. Антропологи и зоологи, биологи и косметические хирурги, социологи и психологи, философы и творческие люди — все они пытаются решить вопрос привлекательности со своей точки зрения. Однако очень редко можно встретить готовность объединить различные концепции в рамках одной теоретической системы, что в определенной степени было присуще древним грекам.

Это нежелание связано с рядом причин. На фундаментальном уровне различные дисциплины неизменно ищут ответы на разные вопросы. Так, социальным психологам сложно отделить физическую привлекательность от межличностных взаимодействий (Hogg and Vaughan, 2005), так как они считают, что между ними существует явная связь (рис. 1.2). С точки зрения этих исследователей, интерес одних людей к другим возникает по множеству причин, среди которых лишь часть связана с внешней привлекательностью. Кроме того, социальные психологи, как правило, рассматривают привлекательность как *гештальт,* и их интересует, когда, как и почему люди находят других привлекательными. Они часто пытаются проследить момент первоначального влечения во времени, от формирования дружеских отношений до возникновения любви, от интимных отношений до брака. Таким образом, привлекательность (аттракция) рассматривается внутри социального контекста, в котором она возникает, и не может быть от него отделена (Hogg and Vaughan, 2005).

Рис. 1.2. Для социальных психологов привлекательность не может быть отделена от социального контекста, в котором разворачиваются межличностные отношения

Эволюционные психологи, напротив, проявляют больший интерес к физической привлекательности как таковой, а не к процессу влечения (Symons, 1979). Эволюционная психология вызывает более гневную и эмоциональную реакцию, чем какая-либо другая область психологии, за исключением, пожалуй, психоанализа. Существуют сторонники первоначальной теории эволюционной психологии; затем есть те, кто пытается обновить, пересмотреть или даже изменить первоначальную теорию, оставаясь при этом в каком-то смысле ее «сторонниками»; и, конечно же, существуют те, кто в нее не верят. Среди них, по-видимому, нет агностиков, и хотя этот факт сам по себе не всегда идет на пользу науке, он мо-

жет стать прекрасным катализатором для обсуждения. Эволюционная психология привносит в науку о физической привлекательности узкое и в то же время убедительное теоретическое объяснение того, почему определенные человеческие черты более привлекательны, чем другие. Хотя не все согласны с этой точкой зрения, не вызывает сомнений то, что в последние годы именно эволюционная психология продвинула науку о физической привлекательности на новый этап развития.

Сутью теории эволюционной психологии является адаптация, подчеркивающая общую, или универсальную, «человеческую природу». В принципе, можно представить себе эволюционную психологию, которая принимает во внимание изменения в области экологии и окружающей среды, однако на практике большинство специалистов этого направления только пытаются описать универсальные психологические механизмы, которые управляют множеством форм поведения. Более того, масштабность временных рамок эволюционной психологии, охватывающих многие тысячелетия, иногда наводит на мысль о том, что все мы являемся заложниками нашего прошлого и наследственности, и не в последнюю очередь в том, что касается физической привлекательности. Большинство теорий эволюционной психологии, посвященных данному вопросу, не обращает особого внимания на межнациональные и кросс-культурные различия в стандартах привлекательности. Парадоксально то, что нередко именно теории эволюционной психологии пробуждают активный интерес к кросс-культурному и историческому изучению красоты. В частности, многие антропологи и специалисты по кросс-культурной психологии оспаривают представление об универсальной и единообразной человеческой природе, высказывая предположения о многообразии и изменчивости моделей привлекательности.

Существует множество интересных описаний культурных практик, предназначенных для повышения физической привлекательности человека (Darwin 1871; см. также Swami, 2007, 38-39). О чем бы ни шла речь - о шрамах на лице,' которые когда-то были популярны в Европе (шрамы, полученные во время дуэли, служили признаком храбрости), или о сохранившихся до наших дней украшениях и моделях поведения различных племен (таких, как диски в нижней губе или удлинение шеи), очевидно, что на протяжении многих веков мужчины и женщины стремятся повысить свою привлекательность (рис. 1.3). Эти и многие другие примеры наглядно показывают, на что готовы пойти люди ради того, чтобы стать более привлекательными. Более того, некоторые исследователи утверждают, что современные способы, такие как соблюдение диеты для достижения определенного веса тела или косметическая хирургия, мало чем отличаются от племенных или исторических практик улучшения внешности (Jeffreys, 2005).

Очевидно, что в разных концах земного шара существуют различные стандарты привлекательности. Любой путешественник может подтвердить не только существование разных норм гостеприимства и общественных правил поведения, но и то, что представления о красоте в одной стране или культуре могут отличаться от тех, которые есть в другой. Специалисты по кросс-культурной психологии и антропологи проводят систематический анализ суждений о физической привле-

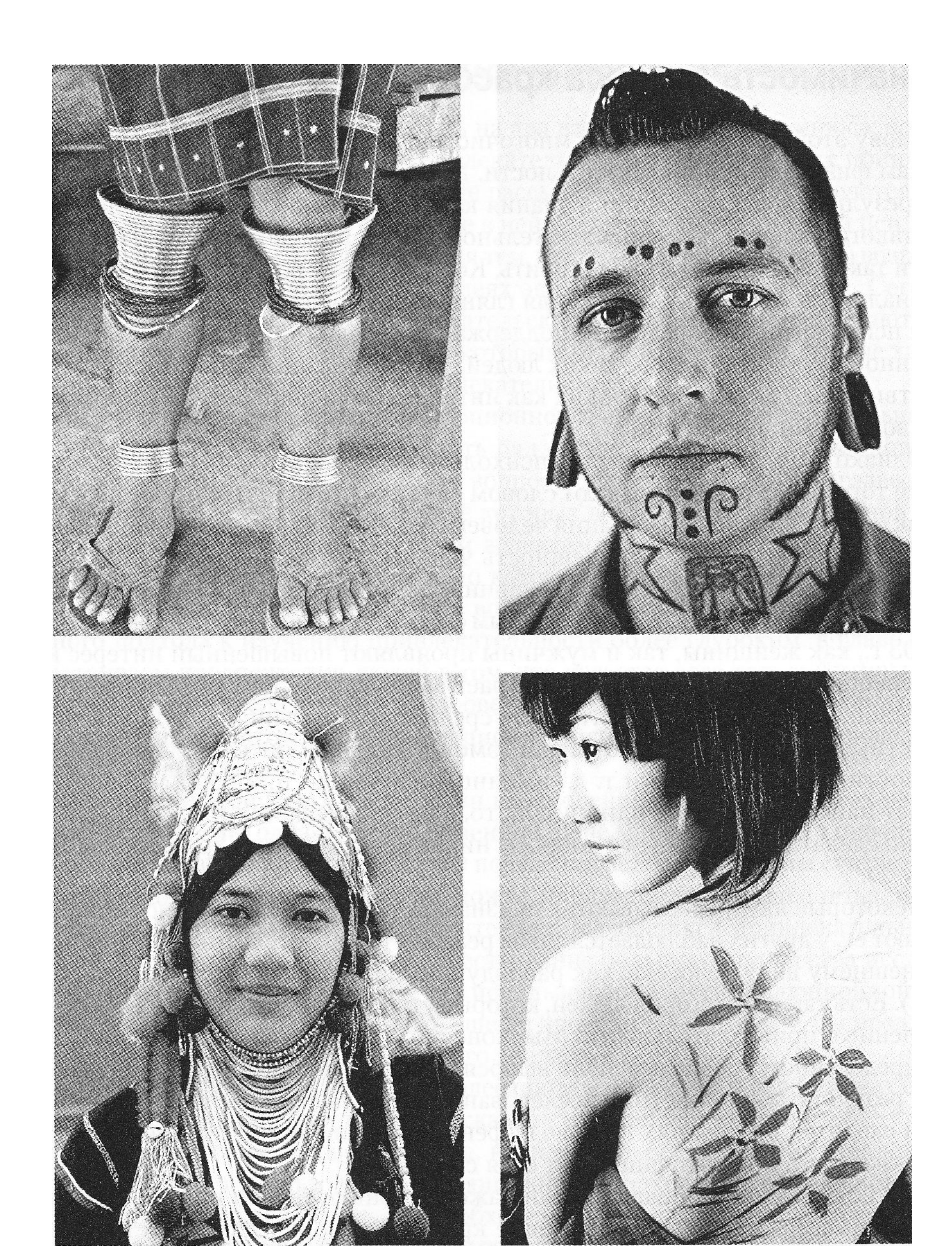

Рис. 1.3. На протяжении многих веков различные культуры использовали множество практик и украшений для повышения физической привлекательности человека

кательности в разных странах. Результаты их исследований свидетельствуют о том, что социально-экономические условия, экология или культура какой-либо страны или региона могут оказывать сильное влияние на наши представления о том, кого можно считать привлекательным и почему.

Значимость вопроса красоты и привлекательности

В основу этой книги положены многочисленные публикации, посвященные вопросам физической привлекательности. Мы интерпретировали содержащиеся в них результаты исследований и знания как объективное документальное описание такого явления, как привлекательность, однако некоторых читателей этой книги такой подход может не устроить. Кое-кто может возразить, что этот вопрос тривиален; он может быть темой для глянцевых журналов, предметом эмпирической психологии или средством поддержания беседы, но никак не объектом для истинной науки. По мнению таких людей, ученые должны заниматься изучением действительно важных тем, таких как интеллект или психические расстройства, а не вопросами внешности.

Однако результаты множества психологических и социологических исследований того, что сегодня называют словом «лукизм» (*lookism*), которое переводится как оценка или дискриминация человека исключительно по внешним данным, свидетельствуют о том, что внешность человека может оказывать мгновенное и глубокое влияние на то, как его воспринимают другие люди и как он рассматривает самого себя (Patzer, 2002). По данным опроса, проведенного газетой «Observer» в 2003 г., как женщины, так и мужчины проявляют повышенный интерес к своему внешнему виду, считая, что он играет важную роль в их повседневной жизни (Mann, 2003). Вполне вероятно, что среди множества индивидуальных характеристик, которыми обладают люди (эмоциональный интеллект, моральность, личностные особенности и т. д., именно физическая привлекательность оказывает наиболее сильное влияние на то, как складывается их жизнь. Из этого можно сделать вывод, что эти вопросы никак нельзя назвать тривиальными (см. главу 2).

Некоторые люди отказываются признавать важную роль внешности или принижают ее, у других наблюдается такая реакция на свидетельства дискриминации по внешнему виду человека, как равнодушие, несогласие или даже гнев (Patzer, 2002). Есть также категория людей, которые утверждают, что у каждого свое представление о привлекательности. Мы, конечно же, признаем такую возможность; на определенном уровне все люди выносят свои суждения о красоте. Однако при этом результаты многолетних исследований и опыта свидетельствуют о том, что люди сходятся во мнениях по поводу феномена физической привлекательности, принимают его и идентифицируют себя с ним.

Мы не стремимся оправдать или даже узаконить то, что в наши дни иногда воспринимается как слепое увлечение красотой и привлекательностью. Тем не менее необходимо признать, что внешность человека оказывает огромное влияние на его психологическое благополучие, по крайней мере, в большинстве культур, существующих на сегодняшний день. Это вовсе не исключает вероятности того, что в будущем общество начнет воспринимать физическую привлекательность как отклонение от нормы или какое-то другое незначительное явление. Однако, несмотря на привлекательность такого идеала и возможность его достижения, следует в первую очередь понять, почему в большинстве современных обществ люди уделяют такое внимание своей внешности.

Психология физической привлекательности

В этой книге сделана попытка ответить на два взаимосвязанных вопроса: *почему* мы считаем определенных людей привлекательными и *что* делает их привлекательными в наших глазах? Хотя в книге рассматриваются и анализируются различные точки зрения, главное внимание в ней уделяется эволюционной психологии привлекательности. Это объясняется тем, что в последние годы резко возросло число исследований, основанных на идеях эволюционной психологии. Сегодня появилось множество научно-исследовательских работ, которые предлагают эволюционное объяснение тех причин, по которым мы считаем определенные характеристики конкретного человека привлекательными.

Если мы хотим разобраться в эволюционной психологии привлекательности, то нам прежде всего необходимо понять ряд общих принципов эволюционного подхода к психологии, и именно этому вопросу посвящена глава 3. В главе 4 мы приводим обзор исследований, в основе которых лежат идеи эволюционной психологии, уделив главное внимание тем аспектам внешности человека, которые считаются привлекательными и в число которых входят симметричность, определенные черты лица, длина ног и цвет волос. Чтобы сделать наш анализ эволюционного подхода к изучению привлекательности более глубоким, в главе 5 мы рассматриваем предпочтения людей в том, что касается веса тела и фигуры. Ряд описанных в книге исследований мы провели сами, однако целью подробного изучения одного из аспектов теории эволюционной психологии является проведение критического анализа.

При создании этой книги мы черпали вдохновение в различных идеях эволюционной психологии, однако это не изменило наше мнение о том, что она не способна объяснить абсолютно все аспекты поведения человека. Так, мы считаем, что эволюционная психология вряд ли может предоставить лучшее объяснение кросс-культурных различий в предпочтениях, касающихся привлекательности (глава 6). Кроме того, несмотря на существование большого количества исследований физической привлекательности с использованием идей эволюционной психологии, их критический анализ пока еще не проводился. В главе 7 мы предлагаем читателям возможный вариант такого анализа.

Мы считаем, что нам необходимы более продуманные теории, в которых будет использована эволюционная теоретическая система, но при этом люди будут рассматриваться как социальные существа, какими они, без сомнения, и являются. Другими словами, использование эволюционного подхода для объяснения причин физической привлекательности необходимо, но не достаточно. В связи с этим в главе 8 мы обращаемся к ряду ключевых концепций, выдвигаемых целым поколением социальных психологов, изучающих вопросы физической привлекательности. Эта глава посвящена процессу привлекательности, который, по нашему мнению, играет важную роль в понимании того, почему мы судим о других людях по их внешности.

Стремление к красоте и привлекательности, чем бы оно ни было вызвано, может оказывать глубокое влияние на отдельных людей, политику государства и общество в целом. Так, это явление заставляет нас искать ответы на важные во-

просы, затрагивающие природу общества, в котором мы живем, и то значение, которое мы придаем внешности человека. Не может ли особое внимание, уделяемое собственному внешнему виду, в некоторых случаях превратиться в бесконечное стремление к идеалу привлекательности, который недостижим? И не станет ли стремление к красоте допустимой и значимой целью, к которой будут стремиться люди в XXI в.? Эти и другие вопросы рассматриваются в заключительной части главы 9.

Не так давно любые научные попытки понять физическую привлекательность не вызвали бы ничего, кроме презрения: считалось, что решение вопросов человеческой красоты следует оставить тем, кто в ней действительно разбирается, а именно художникам и философам. Другие считали любую попытку дать определение физической привлекательности бессмысленной: ведь, по их мнению, красота представляет собой качество, которое с трудом поддается научному анализу. Тем не менее на интуитивном уровне мы знаем, что существует нечто, что мы можем назвать физической красотой и что обладает силой, позволяющей влиять на самые разные аспекты нашей жизни. Данная книга представляет собой попытку понять этот объект желаний. Однако прежде чем мы начнем наше путешествие к достижению этого понимания, нам кажется вполне уместным привести краткое предостережение английского поэта Фрэнсиса Куорлса (цит. по Gilman, 1980):

> Смотри на красоту не слишком много, чтобы она не опалила тебя; не слишком долго, чтобы она не ослепила тебя; не слишком близко, чтобы она не сожгла тебя. Если ты увлекаешься ею, она обманывает тебя; если ты любишь ее, она лишает тебя покоя; если ты охотишься за ней, она уничтожает тебя. Если ее сопровождает добродетель, это рай для сердца; если ей сопутствует мудрость, это страдание для души. Это костер для умного человека и печь для дурака.

ГЛАВА 2

Красота есть добро

Что хорошо — всегда прекрасно, то, что красиво, — хорошо!

Дж. Г. Уиттиер. Сад

В прекрасном — правда, в правде — красота.
Вот знания земного смысл и суть.

Дж. Китс. Ода к греческой урне[1]

Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро.

Л. Толстой. Крейцерова соната

Всем нам известны две аксиомы красоты — «у каждого свое представление о красоте» и «никогда не следует судить о книге по обложке» (Langlois et al., 2000). Первая мысль предполагает, что у каждого человека есть специфическое или присущее только ему представление о физической привлекательности, что делает ее плохим критерием для оценки других людей. И даже если бы существовало единое мнение о том, кого следует считать привлекательным, народная мудрость убеждает нас не «судить по внешнему виду». Мы должны стремиться увидеть истинную, внутреннюю красоту человека, а не обращаться с людьми исключительно на основе такого изменчивого критерия оценки, как внешность. Вот как сказал об этом Шекспир в своем стихотворении «Страстный пилигрим» (The Passionate Pilgrim, 1598):

Что красота? Лишь суетность одна,
Лишь внешний блеск, что быстро тусклым станет.
Стеклу подобна хрупкому она,
Бутону, что, едва раскрывшись, вянет.
Как суетность, цветок иль блеск стекла,
Лишь пробил час, — она уж отошла.
Не возвратишь потерянного ты;
Блеск не вернется, как ни три тряпицей;

Перевод В. Микушевича.

Увянув, на земле лежат цветы;
Разбитое стекло уж не склеится.
Так красоту ничто уж не вернет —
Ни снадобья, ни краски, ни уход.[1]

Тем не менее результаты множества психологических исследований свидетельствуют о том, что, возможно, внешность человека является его наиболее доступной для восприятия особенностью и играет важную, существенную, а иногда скрытую роль в повседневной жизни (Langlois et al, 2000; Patzer, 2002). Так, впервые встречаясь с человеком, мы формируем о нем мгновенные суждения, определяемые тем впечатлением, которое «складывается» на основе всей воспринимаемой нами информации. Мы создаем мысленный образ человека, объединяя все наши предпочтения и знания в согласованную картину его дальнейшего поведения, каким мы его представляем (рис. 2.1). Это «первое впечатление» может сохраняться долгое время и оказывать сильное влияние на наши взаимодействия с этим человеком (Schneider et al., 1979).

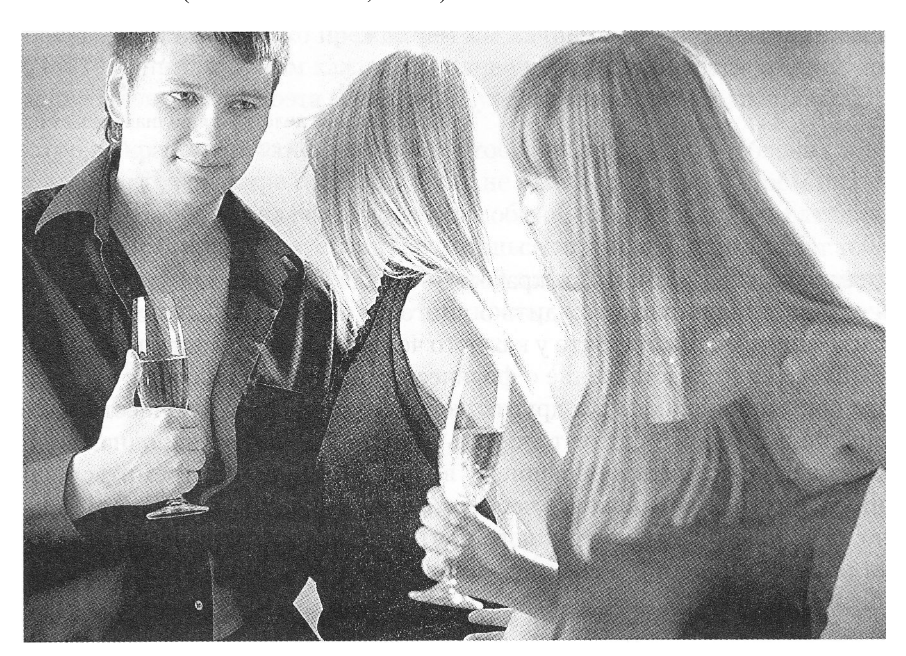

Рис. 2.1. Когда мы встречаемся с человеком впервые, его внешность играет важную роль в формировании наших суждений о нем. Объединив в единое целое все наши предпочтения и знания о других людях, мы формируем первые впечатления, которые сохраняются достаточно долгое время и оказывают сильное влияние на наши взаимоотношения с этим человеком

Формирование первых впечатлений происходит мгновенно (Baron et al, 2006), и, как следует из их названия, они в значительной степени зависят от того, что мы в первую очередь замечаем в других людях. Точнее говоря, они основываются прак-

[1] Перевод В. С. Давиденковой-Голубевой.

тически полностью на невербальных стимулах — главным образом, внешности человека (Park, 1986), — влияние которых на первоначальные впечатления в четыре раза превышает влияние вербальных стимулов. Отчасти это объясняется тем, что мы фокусируем внимание на тех стимулах, которые, по нашему мнению, могут предоставить нам информацию о личности, ценностях и принципах другого человека, — на том, что Соломон Эш (Asch, 1946) определил как «основные особенности». Процесс формирования впечатления идет по самому простому пути (Baron et al., 2006), который предполагает отнесение людей к социальным категориям на основе их внешности. Несомненно, первое впечатление может измениться, и такое происходит довольно часто; однако главное заключается в том, что внешность влияет на то, как люди взаимодействуют друг с другом и какие чувства испытывают к самим себе.

Красивое означает хорошее

На протяжении многих лет результаты самых разных исследований и обзоры специализированной литературы указывают на то, что физическая привлекательность и внешность оказывают важное и предсказуемое влияние на те суждения, которые люди выносят о других (Dion, 1974; Eagly et al., 1991; Langlois et al, 1995; Snyder et al., 1977). И это касается не только незнакомцев, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Даже взаимодействия с хорошо знакомыми нам людьми, включая друзей, членов семьи и коллег, нередко связаны с суждениями, сделанными на основе их внешности (Cook, 1971), что может быть большой неожиданностью как для них, так и для нас самих. Однако что именно представляют собой подобные предпочтения в области восприятия и в чем конкретно выражается их влияние?

Джудит Ланглуа и ее коллеги (Langlois et al., 2000) провели метаанализ более 900 исследований и отметили различия в отношении к людям, которые определялись тем, насколько они казались привлекательными в восприятии других людей. Так, даже среди знакомых друг с другом людей суждения о привлекательных людях были более положительными, чем о тех, кто был менее привлекателен. На основании этого Ланглуа с коллегами (Langlois et al., 2000) сделали вывод о том, что вопреки житейской мудрости физическая привлекательность в действительности оказывает огромное влияние на нашу повседневную жизнь. Действуем ли мы сознательно или неосознанно, но мы относимся к людям, которых считаем привлекательными, более положительно, чем к тем, кто кажется нам менее привлекательным.

В ходе ставшего на сегодняшний день классическим исследования этого эффекта, проведенного Карен Дион и ее коллегами (Dion et al, 1972), участникам предлагалось оценить по ряду критериев фотографии, на которых были изображены лица людей, обладающих различной степенью привлекательности. Ученые выяснили, что физически привлекательные люди получали более положительные оценки в плане различных личностных характеристик и возможных жизненных результатов, таких как счастье в браке и успешная карьера. Это позволило Дион и ее соавторам (Dion et al., 1972; 285) утверждать, что в восприятии человеком других людей «красивое означает хорошее». Сегодня это явление известно как эффект привлекательности (Alley and Hildebrandt, 1988; Berscheid and Walster, 1974; Dion, 1981, 1986; Hatfield and Sprecher, 1986).

Первоначальное исследование имело определенные недостатки, однако основные результаты, полученные в ходе его проведения, были неоднократно повторены. Так, привлекательных людей оценивают как более честных (Yarmouk, 2000), более приспособленных к жизни и психически уравновешенных (Cash et al., 1977; Dion, 1972), более счастливых, успешных и коммуникабельных по сравнению с менее привлекательными людьми ((Dion et al., 1972). Результаты исследований также показывают, что внешне привлекательные люди имеют большее личное пространство, они чаще побеждают в спорах, им чаще доверяют секреты, и вообще их считают лучше во всем в сравнении с теми, чья привлекательность меньше (Cash and Soloway, 1975; Horai et al., 1974; Patzer, 1985).

Подобные суждения распространяются не только на взрослых людей (Corter et al., 1978; Hildebrandt and Fitzgerald, 1981); существуют свидетельства того, что эффект привлекательности может действовать и в отношении детей. Например, Стефан и Ланглуа (Stephan and Langlois, 1984) просили североамериканских студентов старших курсов рассказать об их первых впечатлениях от детей из разных этнических групп. Результаты проведенного ими исследования показали, что оценки наиболее привлекательных детей были более благоприятными, чем те, которые давались их менее привлекательным сверстникам, вне зависимости от их этнической принадлежности. Более того, даже те люди, от которых мы ждем «справедливости», нередко оказываются жертвами подобных предпочтений: исследования указывают на то, что некоторые преподаватели считают, что более привлекательные студенты в большей степени способны добиться успехов в учебе, чем менее привлекательные (Adams, 1978; Clifford and Hatfield, 197).

В одном из ранних исследований, проведенных Лэнди и Сигаллом (Landy and Sigall, 1974), студентов мужского пола просили дать оценку одному из двух эссе, отличающихся по качеству исполнения, к каждому из которых была прикреплена фотография предполагаемого автора, девушки-студентки. В одном варианте условий к «хорошему» эссе прилагалась фотография привлекательной девушки, а затем фотография ее довольно непривлекательной сверстницы; во вторых условиях предлагались «плохие» эссе с каждой из фотографий. Как и ожидалось, Лэнди и Сигалл (Landy and Sigall, 1974) выяснили, что «красота означает талант»: в обоих условиях более высокие оценки были даны привлекательным студенткам. Полученные в ходе этого исследования результаты имеют важное практическое значение для изучения процесса выставления оценок на экзаменах. С подобными предубеждениями человек сталкивается на протяжении всей своей жизни: в сравнении с людьми, не отличающимися особой привлекательностью, внешне привлекательные люди имеют больше возможностей получить работу (рис. 2.2; Dipboye et al., 1977; Swami et al., в различных публикациях; Watkins and Johnston, 2000) и более высокий начальный оклад (Dipboye et al., 1975).

Красивый означает невиновный

Ученые выяснили, что существует еще одно место, где предубеждения, связанные с привлекательностью, играют очень важную роль. Речь идет о зале суда, где внешне привлекательные обвиняемые получают более мягкое наказание, чем менее

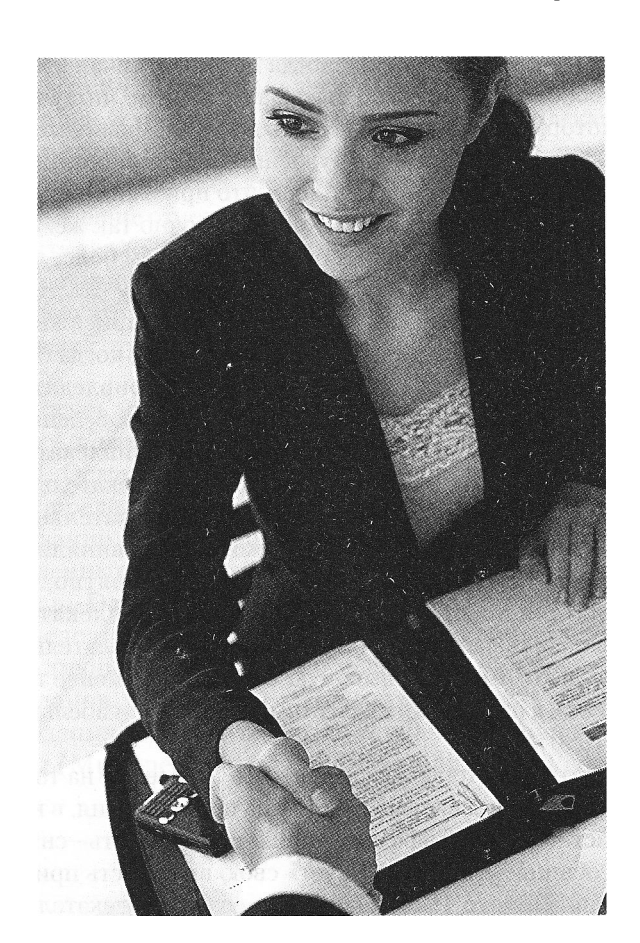

Рис. 2.2. Вероятность получения работы для привлекательных людей выше, чем для менее привлекательных, особенно если работа связана с активным межличностным общением. Это предубеждение получило такое широкое распространение, что сегодня большинство учреждений настаивает на том, чтобы претенденты не прикладывали к своим заявлениям фотографию

привлекательные (Cash et al, 1977; Mazella and Feingold, 1994; Stewart, 1984). Естественно, сложно оценить влияние физической привлекательности на восприятие виновности в условиях реальных судебных заседаний, поэтому в большинстве исследований, посвященных этому вопросу, используются коллегии присяжных, имитирующие настоящие. Тем не менее практически все без исключения исследования такого рода показывают, что отношение к физически привлекательным людям отличается большей снисходительностью как в плане воспринимаемой вины, так и в том, что касается назначения наказания (Darby and Jeffers, 1988; Kulka and Kessier, 1978; Solomon and Schopler, 1978).

Кастеллоу с коллегами (Castellow et al, 1990) отобразили это влияние в количественных показателях: фиктивные коллегии присяжных находили менее привлекательных обвиняемых виновными в 2,5 раза чаще, чем тех, кто отличался привлекательностью. Точно так же вероятность вынесения вердикта о виновно-

сти возрастала в 2,7 раза в тех случаях, когда истица отличалась большей привлекательностью. Особое беспокойство вызывают данные, полученные Стюартом (Stewart, 1980), которые указывают на то, что действие физической привлекательности в качестве фактора влияния на суждения о виновности не ограничивается фиктивными жюри присяжных; выяснилось, что при вынесении решения о наказании реальные судьи реагируют на обвиняемых точно так же. Это означает, что, по мнению судей, чем привлекательнее обвиняемый, тем более снисходительного приговора он заслуживает.

Другие исследования показывают, что фиктивные присяжные с большей готовностью признают факт сексуального домогательства, когда обвиняемый менее привлекателен или когда в роли истицы выступает привлекательная женщина (Castellow et al, 1990; Wuensch and Moore, 2004). При проведении смоделированных судебных процессов по делу об изнасиловании привлекательным обвиняемым назначалось более мягкое наказание, чем непривлекательным, а тех подсудимых, которых обвиняли в изнасиловании непривлекательной жертвы, реже воспринимали как виновных в сравнении с теми, кого обвиняли в изнасиловании привлекательной жертвы (Jacobson, 1981). Вполне вероятно, что (фиктивные) присяжные заседатели воспринимают физически привлекательных истцов и ответчиков как людей, обладающих иными социально желательными характеристиками, поэтому дают им более высокую оценку, чем менее привлекательным участникам процесса, в плане таких качеств, как коммуникабельность и интеллект (Castellow et al, 1990).

Однако результаты некоторых исследований указывают на то, что эффект привлекательности меняется в зависимости от типа преступления, в котором обвиняют подсудимого. В частности, сила эффекта «привлекательность—снисходительность» снижается, когда обвиняемый «использует» свою внешность при совершении преступления (Sigall and Ostrove, 1975). Например, если привлекательная (фиктивная) подсудимая обвинялась в краже со взломом, т. е. в совершении преступления, не связанного с ее внешним видом, то ее приговаривали к более мягкому наказанию, чем непривлекательную обвиняемую. И наоборот, когда подсудимая «использовала» свою привлекательность для совершения преступления (мошенничества), преимущества привлекательности при назначении наказания утрачивались (Sigall and Ostrove, 1975; но см. Wuensch et al, 1991).

На сегодняшний день в нашем распоряжении имеется недостаточное количество литературы, рассматривающей практические последствия эффекта привлекательности, однако этот вопрос не менее важен, чем любой другой изучаемый аспект физической привлекательности. Следует отметить, что, несмотря на существование закона, запрещающего принятие решений о приеме на работу на основании таких факторов, как этническая принадлежность, пол и инвалидность, в области трудоустройства по-прежнему существует дискриминация, основанная на физической привлекательности (Watkins and Johnston, 2000). Тем не менее вопрос о том, когда и как часто принятие решений основывается на внешности, все еще находится в стадии обсуждения. Экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что такие решения встречаются, однако полученные в ходе их проведения результаты не всегда однозначны.

Так, Хейлман и Саруватари (Heilman and Saruwatari, 1979) утверждают, что женщинам, которые ищут работу, привлекательность может не только помочь, но и стать помехой в трудоустройстве. Они выяснили, что привлекательным женщинам отказывали из-за их внешности, когда они пытались получить работу на управленческих должностях, хотя красота помогала им, когда они претендовали на должности, не имеющие отношения к управлению. А согласно данным Шахани-Деннинг и Плумиталло (Shahani-Denning and Plumitallo, 1993), в тех случаях, когда ошибку совершал привлекательный сотрудник, его руководители были более склонны считать, что это произошло из-за недостаточного усердия. Неудачи менее привлекательных сотрудников, напротив, воспринимались как следствие невезения.

Это может служить иллюстрацией важного исключения в случае эффекта привлекательности, который исследователи назвали «обратной стороной» красоты (Bassili, 1981; Dermer and Thiel, 1975). Впоследствии Кэш и Джанда (Cash and Janda, 1984) определили это явление как «заблуждение об эгоистичности красоты» на основании того, что привлекательных людей иногда воспринимают как самовлюбленных и эгоистичных (рис. 2.3). Однако Шахани-Деннинг и ее коллеги (Shahani-Denning et al., 1993) отмечают, что подобные исследования имеют один недостаток — в них, как правило, используются демонстрации фотографий, а не личные интервью. При использовании более сложных экспериментальных планов результаты исследований чаще свидетельствуют в пользу предубеждения о том, что «красота означает добро», а не «обратной стороны» красоты (Musumeci and Shahani-Denning, 1996; Podratz and Dipboye, 2002).

Рис. 2.3. Красивое не всегда означает хорошее: красота может иметь «теневую сторону», особенно если привлекательный человек воспринимается как самодовольный и эгоистичный

В чем заключается эффект привлекательности

Несмотря на существование большого числа свидетельств эффекта привлекательности, до сих пор не найден ответ на один важный вопрос — почему мы судим о других людях различным образом, основываясь на их внешности? Специалисты предлагают самые разные объяснения этого предубеждения, однако большинство из них построено на одной из форм теории социального научения (Dion, 1986). В наиболее развернутых объяснениях эффект привлекательности рассматривается как стереотип, который можно понять с точки зрения имплицитной[1] теории личности (Ashmore, 1981; Ashmore et al., 1986). В этом случае предпочтение в пользу привлекательности оценивается как часть набора структур знаний, используемых людьми для понимания и предсказания поведения других людей.

По мнению Игли и ее коллег (Eagly et al, 1991), эффект привлекательности отражает косвенные связи между физической привлекательностью и личностными качествами. При составлении первого впечатления о человеке мы пытаемся идентифицировать его с помощью установленных схем, что ведет к формированию стереотипов и связанных с ними имплицитных суждений. Данный подход предполагает, что в нашем сознании социальные категории «привлекательных» и «непривлекательных» людей связаны с различными аспектами личности. Например, если мы считаем, что «привлекательные люди общительны», то, встречая человека, который кажется нам привлекательным, мы скорее всего припишем ему открытость, а не интровертность.[2]

Однако сторонники имплицитной теории личности не считают, что предубеждение, связанное с привлекательностью, носит одномерный характер (например, что красивое означает хорошее), а утверждают, что данный оценочный параметр может быть разделен на различные типы оценочного значения, обладающие конкретным содержанием (Kim and Rosenberg, 1989; Rosenberg, 1977), такие как социальная компетентность, интеллектуальные способности, просоциальное поведение и психологическая или эмоциональная стабильность. Влияние физической привлекательности одного человека на умозаключения другого о его личностных качествах можно объяснить определенным содержанием этих предположений (рис. 2.4).

Однако на практике физическая красота может иметь более сильные связи с некоторыми параметрами имплицитной теории личности, чем с другими. В своем обзоре эффекта привлекательности Игли и ее коллеги (Eagly et al, 1991) утверждают, что физическая привлекательность наиболее сильно связана с такой категорией, как социальная компетентность, которая включает в себя навыки межличностных отношений, коммуникабельность и последствия ее проявления, такие как популярность (в некоторых работах используется понятие «эмоциональный интеллект»; Bradberry and Gteaves, 2005). Другие оценочные параметры, такие как интеллектуальная компетентность, различаются по степени психологической связи с физической привлекательностью.

Кроме того, результаты метаанализа, проведенного Игли и ее коллегами (Eagly et al, 1991), свидетельствуют о том, что сила стереотипа привлекательности

[1] Имплицитный — неосознаваемый. — *Примеч. науч. ред.*

[2] Р1нтровертность — обращенность внутрь. — *Примеч. науч. ред.*

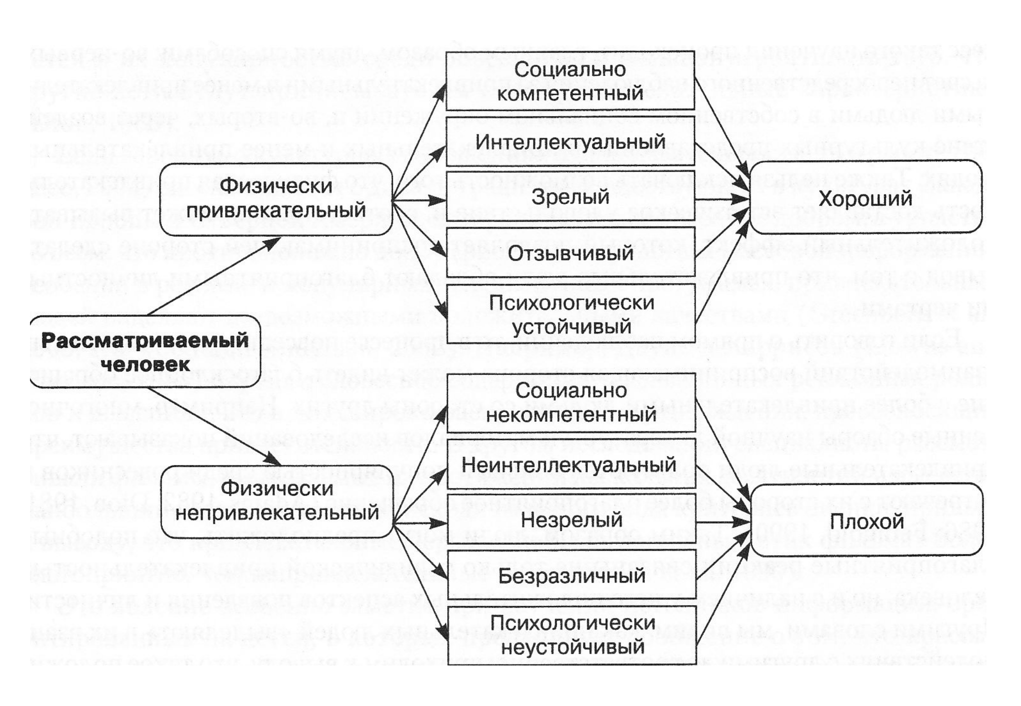

Рис. 2.4. Пример формирования впечатления

определяется информацией, не связанной с внешним видом человека. Действие эффекта привлекательности ослабевает, когда участники исследования наряду со стимулами привлекательности получают доступ к конкретной информации. Эту идею подтверждают результаты других исследований. Так, в известной работе Аргил и Макгенри (Argyle and McHenry, 1971) сообщается о том, что при показе фотографий в качестве стимулов участники исследования оценивали людей, носящих очки, как более интеллектуальных в сравнении с теми, кто очками не пользовался. Однако этот эффект пропадал, когда тех же самых людей показывали в процессе общения на видеозаписи; это, по-видимому, объясняется тем, что подобные записи предоставляли участникам конкретную информацию, обеспечивающую более высокую дифференцированность их восприятия. Это позволяет предположить, что при восприятии друзей, родственников и сослуживцев физическая привлекательность играет менее важную роль, чем в случае восприятия незнакомцев, так как мы обладаем значительной дополнительной, «сглаживающей» информацией о близких нам людях.

Формирование предпочтения в пользу привлекательности

Основное положение имплицитной теории личности заключается в том, что предпочтения, связанные с привлекательностью, формируются в рамках социального и культурного контекста. Игли и ее коллеги (Eagly et al., 1991) считают, что про-

цесс такого научения происходит, главным образом, двумя способами: во-первых, за счет непосредственного наблюдения за привлекательными и менее привлекательными людьми в собственном социальном окружении и, во-вторых, через воздействие культурных представлений о привлекательных и менее привлекательных людях. Также нельзя исключать возможность того, что физическая привлекательность доставляет эстетическое удовольствие и, соответственно, может вызывать положительный эффект, который позволяет воспринимающей стороне сделать вывод о том, что привлекательные люди обладают благоприятными личностными чертами.

Если говорить о прямом наблюдении, то в процессе повседневных социальных взаимодействий воспринимающая сторона может видеть благосклонное обращение с более привлекательными людьми со стороны других. Например, многочисленные обзоры научной литературы и материалов исследований показывают, что привлекательные люди пользуются большей популярностью среди ровесников и встречают с их стороны более благоприятное обращение (Adams, 1982; Dion, 1981, 1986; Feingold, 1990). Таким образом, люди могут предположить, что подобные благоприятные реакции связаны не только с физической привлекательностью человека, но и с наличием у него положительных аспектов поведения и личности. Другими словами, мы видим, как привлекательных людей «выделяют» в их взаимодействиях с другими, и, соответственно, приходим к выводу, что такое положительное поведение в отношении них является результатом их физической привлекательности и обладания соответствующими качествами.

На практике подобные предпочтения формируются в очень юном возрасте, когда мы наблюдаем за общением родителей и сверстников. Адаме и Крейн (Adams and Crane, 1980) сообщают, что родители и учителя детей дошкольного возраста считают, что они будут отдавать предпочтение привлекательным детям и взрослым, если попросить их высказать суждение об относительной привлекательности человека, выступающего в роли стимула. Более того, они утверждают, что среди детей дошкольного возраста эффект привлекательности связан с ожиданиями родителей и учителей, что позволяет предположить, что наиболее важную роль в формировании у детей этого стереотипа может играть социальное научение.

Дион (Dion, 1986) также говорит о роли научения в формировании предпочтений, связанных с привлекательностью, в категориях негативного подкрепления.[1] Она высказывает предположение о том, что в период детства определенные типы контактов со сверстниками могут оказывать наиболее сильное воздействие на формирование таких предпочтений, в особенности если речь идет о поддразнивании или высмеивании внешне непривлекательных детей (Berscheid et al., 1973). Такие типы контактов усиливают возникновение стереотипов привлекательности не только у детей, которые принимают участие в подобном негативном поведении, но и среди тех, кто просто наблюдает за такими столкновениями (рис. 2.5). Кроме того, позитивная связь между физической привлекательностью

[1] Негативное подкрепление — тип научения, сопровождаемый негативными эмоциями. — *Примеч. науч. ред.*

детей и их популярностью среди ровесников повышает вероятность того, что другие дети будут приписывать им социально-желательные характеристики (Dion, 1986).

Если говорить о культурных сообщениях о привлекательности, то в работе Эко (Eco, 2004) рассказывается о давней традиции, существующей в культурах Западной Европы и Северной Америки, которая связывает красоту с добром, а уродство со всем, что противоположно добру (рис. 2.6). В средствах массовой информации, особенно в рекламе и популярных телевизионных программах, привлекательных людей наделяют всевозможными положительными качествами (Greenberg et al., 2003; Harwood and Anderson, 2002). Например, Дауне и Харрисон (Downs and Harrison, 1985) изучили словесное содержание телевизионных рекламных роликов и выяснили, что в них широко распространены утверждения, превозносящие преимущества привлекательности. В другом исследовании специалисты рассматривали фильмы, выпускаемые на протяжении нескольких десятилетий и имевшие наибольший кассовый успех, и, исходя из целого ряда критериев оценки, пришли к выводу, что привлекательные персонажи были показаны в этих фильмах более благоприятно, чем непривлекательные герои (Smith et al., 1999).

Это явление особенно заметно при изучении источников информации, ориентированных на детей, в которых превалирует сообщение о том, что красота означает добро. Хербозо и ее коллеги (Herbozo et al., 2004) провели исследование видеофильмов и книг для детей и выяснили, что сообщения, подчеркивающие значение внешности, присутствуют во многих фильмах, хотя в них они встречаются реже, чем в книгах. Результаты исследования, проведенного Клейном и Шиффман (Klein and Shiffman, 2006), показывают, что внешность персонажей мультипликационных фильмов связана с множеством разных переменных, в числе

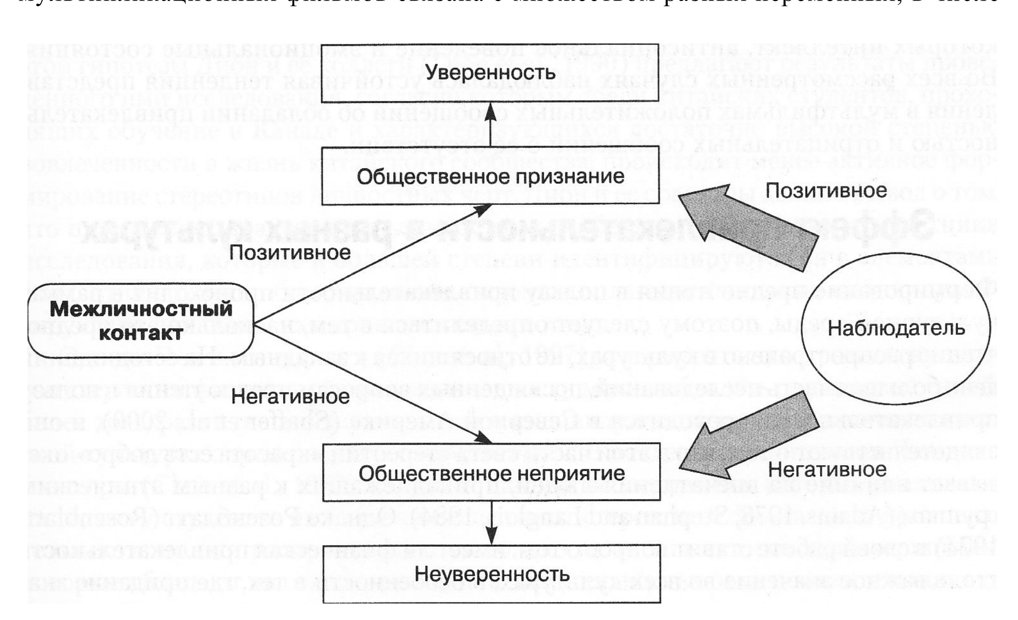

Рис. 2.5. Позитивное и негативное подкрепление предпочтения в пользу привлекательности

Рис. 2.6. В большинстве культур, особенно на Западе, добро часто наделяют красотой или привлекательностью, а зло показывают безобразным: это представление ярко отражено в истории красавицы Золушки и ее уродливых сводных сестер. Copyright © Hulton-Deutsch Collection/CORBIS

которых интеллект, антисоциальное поведение и эмоциональные состояния. Во всех рассмотренных случаях наблюдалась устойчивая тенденция представления в мультфильмах положительных сообщений об обладании привлекательностью и отрицательных сообщений о ее отсутствии.

Эффект привлекательности в разных культурах

Формирование предпочтения в пользу привлекательности происходит в рамках культурной среды, поэтому следует определиться с тем, насколько это предпочтение распространено в культурах, не относящихся к западным. На сегодняшний день большая часть исследований, посвященных вопросам предпочтения в пользу привлекательности, проводится в Северной Америке (Shaffer et al, 2000), и они свидетельствуют о том, что в этой части света стереотип «красота есть добро» оказывает влияние на впечатления людей, принадлежащих к разным этническим группам (Adams, 1978; Stephan and Langlois, 1984). Однако Розенблатт (Rosenblatt, 1974) в своей работе ставит вопрос о том, имеет ли физическая привлекательность столь важное значение во всех культурах, в особенности в тех, где придание значимости внешности человека может противоречить социальным нормам. Это предположение подкрепляется рядом свидетельств: например, Розенблатт и Козби

(Rosenblatt and Cozby, 1972) выяснили, что роль привлекательности может различаться в зависимости от культурного контекста.

Другие кросс-культурные исследования указывают на то, что предпочтение в пользу привлекательности может быть более ярко выражено в тех культурах, где индивидуализм преобладает над групповыми ценностями (Dion, 1986). В анализе различных культурных аспектов, сделанном Фиске и его коллегами (Fiske et al, 1998), упоминаются две культурно структурированные социальные системы, или «психики»: индивидуалистическая, европейско-американская (иногда называемая «западной»), и коллективистская, восточно-азиатская (или «восточная»), В целом люди в индивидуалистических культурах обладают независимым собственным «я»: они уделяют главное внимание своей индивидуальности, мало поддаются влиянию социального контекста и сохраняют четкие границы между собственным «я» и другими людьми. Для людей в коллективистских культурах, напротив, характерно взаимозависимое «я», при котором границы между личностью и другими людьми более размыты, а сами люди сильно привязаны к своей социальной группе. Это различие между двумя типами личности в значительной степени определяет связь, существующую между людьми в рамках их культур, и может влиять на формирование стереотипов, таких как предпочтение в пользу привлекательности.

В одной из своих работ Карен Дион (Dion, 1986) говорит о том, что личные характеристики, такие как физическая привлекательность (особенно привлекательное лицо), могут быть более индивидуализирующими, чем другие личностные особенности, такие как пол и возраст, связанные с различными ролями или социальными идентичностями. Таким образом, в культурных контекстах, которые подчеркивают коллективистские ценности, оценка людей на основе физической привлекательности может подвергаться осуждению. В качестве подтверждения этой гипотезы Дион и ее коллеги (Dion et al., 1990) предлагают результаты проведенного ими исследования, согласно которым среди китайских студентов, проходящих обучение в Канаде и характеризующихся достаточно высокой степенью вовлеченности в жизнь китайского сообщества, происходит менее активное формирование стереотипов личностных черт. Дион и ее соавторы делают вывод о том, что при оценке характера или личностных особенностей человека те участники исследования, которые в большей степени идентифицируют себя с элементами коллективистского общества, менее склонны полагаться на такие индивидуализирующие признаки, как привлекательное лицо.

Однако Чен и его коллеги (Chen et al, 1997) утверждают, что в разных культурах стереотип физической привлекательности может обладать одинаковой силой; более того, различие этого стереотипа в индивидуалистической и коллективистской культурах определяется его *содержанием.* В поддержку этой теории Чен и его соавторы (Chen et al., 1997) приводят данные исследования, которые указывают на то, что у студентов из Тайваня существуют стереотипы физической привлекательности, но они распространяются только на те личностные характеристики, которые обладают высокой социальной желательностью или нежелательностью. Однако в случае личностных черт, для которых характерна средняя степень желательности, не наблюдается никакого влияния стереотипа физической привле-

кательности, что говорит о различии в проявлении этого предпочтения в более индивидуалистическом контексте. Естественно, в условиях постоянно растущей глобализации нашего мира многие индивидуалистические характеристики, ассоциирующиеся с Западом, получают все большее распространение в восточных культурах. Это позволяет предположить, что современные представители коллективистских культур могут демонстрировать предпочтения в пользу привлекательности, похожие на те, которые существуют у людей, принадлежащих к западной культуре, однако эти вопросы требуют дальнейшего изучения (Shaffer et al., 2000).

Вывод

По мнению Ланглуа и ее соавторов (Langlois et al., 2000: 404), влияние физической привлекательности можно охарактеризовать как «сильное и пандемическое».[1] Это означает, что оно выходит за пределы первоначальных впечатлений, формирующихся при встрече с незнакомцами, и распространяется на взаимодействия с людьми, с которыми мы тесно общаемся в повседневной жизни. Несмотря на все известные афоризмы и житейскую мудрость, мы, как правило, имеем одинаковые представления о том, кто привлекателен, а кто нет, и на их основе формируем суждения о других людях. В целом в современных условиях обладание физической привлекательностью является преимуществом как для детей, так и для взрослых, а значение эффекта привлекательности равноценно или даже превышает значение других важных переменных, представленных в социальных науках. Таким образом, вполне резонно задуматься над тем, какие черты или качества мы находим привлекательными в других людях. Многие специалисты пытались ответить на этот вопрос, но, возможно, наиболее продуманные ответы можно найти у эволюционных психологов.

[1] Пандемический — распространенный в разных регионах. — *Примеч. науч. ред.*

ГЛАВА 3

Дарвин, половой отбор и павлиний хвост

> Красота человека говорит в его пользу лучше любого рекомендательного письма.
>
> *Аристотель, греческий философ*

> Не забывайте о том, что самые красивые вещи в мире — самые бесполезные: например, павлины и лилии.
>
> *Дж. Рескин, британский художественный критик. Камни Венеции*

В наши дни, когда речь заходит о причинах, по которым мы находим определенные черты человека привлекательными, очень большой популярностью пользуется объяснение, основанное на эволюции и биологии. В течение нескольких десятилетий психологи пытаются включить в свои работы идеи и теории, взятые из естественных наук. Некоторые авторы даже описывают психологию как «биосоциальную науку» или «биопсихологию» (Pinel, 1993), подчеркивая ту роль, которую биология играет (или должна играть) в понимании поведения человека. Самым современным примером биопсихологии является дисциплина, получившая название «эволюционной психологии», которая предполагает использование эволюционной теории Дарвина для объяснения поведения современного человека (Barrett et al., 2002; Bereczkei, 2000; Buss, 2005; Palmer and Palmer, 2002).

Считается, что в XIX в. было три великих мыслителя, которые во многом определили представления людей о самих себе: Чарлз Дарвин, Зигмунд Фрейд и Карл Маркс. Каждый из них оказал огромное влияние на мышление, выходившее далеко за рамки их первоначальных интересов. Они сформировали наши представления о самих себе и нашем месте во Вселенной — то, как мы определяем, понимаем и объясняем поведение человека и его природу. Практически не требует доказательств то, что наиболее весомое влияние на наши взгляды в отношении земного существования оказал Дарвин. Временами создается впечатление, что звездный час марксизма и психоанализа уже позади, в то время как дарвинизм попрежнему занимает лидирующее положение в научном сообществе.

Учитывая объяснительную силу утверждений Дарвина, не стоит удивляться тому, что теория эволюции захватила воображение психологов, представляющих

самые разные школы. Привлекательность теории Дарвина (практически такая же, как теорий Фрейда или Маркса) заключается в присущей ей экономии доводов, самобытности и универсальности. В отличие от других теорий, пытающихся занять лидирующее положение в объяснении нашего земного существования, таких как креационизм и другие псевдоучения, в пользу эволюционной теории свидетельствует такое количество данных, что практически не остается сомнений в ее достоверности (Swami, 2006a). Кроме того, фундаментальные принципы данной теории отличаются ясностью, поддаются проверке и доступны для понимания, что делает ее еще более привлекательной. В результате этого сегодня популярные книги по эволюционной психологии заполняют полки многих солидных книжных магазинов и пользуются широким спросом (Buss, 1994, 1999; Palmer and Palmer, 2002).

В научных кругах эволюционная психология также становится доминирующим направлением психологической мысли (Barkow et al., 1992; Dennett, 1995; Pinker, 1997, 2002), а эволюционные психологи могут многое сказать по поводу физической привлекательности. Первое всестороннее исследование привлекательности как продукта эволюции было представлено в конце 1970-х гг., когда Дон Симоне опубликовал свою работу «Эволюция сексуальности человека» (Evolution of Human Sexuality, 1979). Эта работа заставила других специалистов взглянуть на физическую привлекательность с эволюционной точки зрения, в результате чего за последние десятилетия количество исследований по этому вопросу, проведенных в рамках эволюционной теории, значительно возросло.

Если социальным психологам свойственно уделять главное внимание социальным последствиям привлекательности, эволюционисты пытаются найти ответы на два вопроса: *что* является физическими маркерами привлекательности и *почему* они важны? В этой главе мы предложим вам один из ответов на вопрос «почему», а в следующей представим несколько ответов на вопрос «что». Однако прежде чем мы это сделаем, необходимо разобраться с тем, что подразумевается под эволюционной психологией.

Эволюция и психология

Сегодня большинство ученых пришло к согласию по поводу основных положений теории Дарвина об эволюции путем естественного отбора. Согласно этой теории, все организмы, относящиеся к определенным видам, имеют различные поведенческие, морфологические или психологические характеристики — свой «фенотип». Часть этих различий между индивидами передается по наследству, т. е. переходит от поколения к поколению. Так, некоторые индивиды демонстрируют более высокую эффективность в конкурентной борьбе (поиске пищи, выборе полового партнера, спасении от хищников и т. д.), потому что характерные свойства, которыми они обладают, дают им определенное преимущество перед теми, кто их лишен. Потомки таких индивидов наследуют эти успешные признаки от своих родителей, а когда подобная тенденция сохраняется на протяжении многих поколений, это может привести к формированию новых видов (Darwin, 1887/1959). Это наблюдение лежит в основе известной фразы о «выживании сильнейших» (рис. 3.1).

Рис. 3.1. Основные принципы теории Дарвина об эволюции путем естественного отбора

Хотя ученым еще ни разу не приходилось наблюдать возникновение новых видов, факт эволюции признается в той же степени, как и любые другие открытия, сделанные наукой, и очень маловероятно, что основные положения этой теории будут опровергнуты (Swami, 2006a). Для эволюционных психологов факт эволюции имеет особое значение при объяснении поведения современного человека. На фундаментальном уровне они отмечают то, что все человеческие существа являются продуктом эволюционного процесса, происходящего на протяжении миллионов лет. Более того, представители этого направления применяют основные положения теории Дарвина непосредственно к психологическому функционированию людей в надежде, что эволюция может многое объяснить в их поведении.

В основе эволюционной психологии лежат четыре или пять основных гипотез (табл. 3.1). Во-первых, ученые этого направления предполагают, что поведение человека можно понять с помощью изучения структуры его мозга, который, в свою очередь, можно рассматривать как продукт человеческого генома. Таким образом, для некоторых специалистов эволюционная психология представляет собой геноцентрическую программу, из чего следует, что поведение человека формируется в результате раскрытия генотипов. Другими словами, инструкции для «построения» организмов прописаны в генах, которые также служат инструментом передачи информации от одного поколения к другому (Crawford, 1998). В данном случае можно сказать, что эволюционная психология приписывает наследственное происхождение многим познавательным процессам, которые опыт всего лишь «приводит в действие» (Plotkin, 1994).

Во-вторых, согласно эволюционной психологии, новейшая история (т. е. последние 10 тысяч лет или около того) слишком непродолжительна, чтобы внести

Таблица 3.1. Основные положения эволюционной психологии

Гипотеза	Объяснение	Результат
Геноцентризм	Морфологию, физиологию и психологию человека следует понимать как результат действия генов	Гены задают разворачивающиеся программы, которые проверяются и точно регулируются окружающей средой
Теория о древнем происхождении	Люди приспособлены к «обстановке эволюционной адаптации»	В современном окружении люди могут демонстрировать неспособность к адаптации
Адаптационизм	Многие формы поведения человека являются психологическими приспособлениями к «обстановке эволюционной адаптации»	Большинство форм поведения человека можно объяснить с помощью адаптационного подхода
Теория мономорфизма мышления	Человеческий разум представляет собой набор специализированных ментальных «инструментов», которые приводятся в действие в разное время под влиянием разных ситуаций	Под действием разных эволюционных воздействий у мужчин и женщин формируются различные ментальные модули
Универсальность	Природа человека единообразна и универсальна	Некоторые познавательные механизмы действуют постоянно и предсказуемо в широком диапазоне условий

серьезные изменения в человеческий геном. Более того, тот геном человека, который известен нам на сегодняшний день, развивался в «обстановке эволюционной адаптации» (Tooby and Cosmides, 1990a), т. е. в период эволюционной истории человечества, который обычно относят к позднему периоду каменного века или плейстоцену (эпохе, охватывающий промежуток времени от 1,8 миллиона до 10 тысяч лет назад). Эволюционные психологи утверждают, что наш мозг адаптирован, главным образом, к условиям этой обстановки эволюционной адаптации, а именно что естественный отбор привел к возникновению адаптаций под действием определенных давлений в физическом и географическом окружении прошлого (Pinker, 1997; Symons, 1987, 1989). В свете этой «теории о древнем происхождении» (Plotkin, 1997) современные люди иногда могут вести себя неадаптивно из-за того, что наш «разум каменного века» не приспособлен к адаптивным реакциям на сельскохозяйственный или промышленный образ жизни (Symons, 1989, 1990, 1992).

Третий ключевой аспект эволюционной психологии связан с утверждением о «модульности» человеческого разума. Ученые, представляющие это направление, рассматривают разум человека как набор «сотен или тысяч» специализированных ментальных инструментов, которые приводятся в действие в разное время под влиянием различных ситуаций (Tooby and Cosmides, 1995: 1189). Они утверждают, что наши предки, жившие во времена плейстоцена, сталкивались с множеством проблем, связанных с адаптацией, при этом успешность их решения в одной сфере (например, поиск полового партнера) не распространялась на другую сферу (например, спасение от хищников). Таким образом, каждая проблема адап-

тации была связана с развитием конкретного механизма ее решения, не похожего на швейцарский армейский нож с множеством инструментов, предназначенных для выполнения разных функций. Основываясь на этом, эволюционные психологи высказали предположение о существовании эволюционирующих модулей для всех форм поведения — от избегания инцеста до сексуальной привлекательности, от ревности до формирования союзов. В своей совокупности эти модули представляют собой основополагающую «природу человека», которую сложно изменить (Buss, 1995; Jones, 1999).

Наконец, исходя из того, что эволюционирующие модули являются результатами приспособления к обстановке эволюционной адаптации, психологи, принадлежащие к данному направлению, предполагают, что «люди должны иметь общую сложную архитектуру адаптаций, характерную для каждого вида» (Tooby and Cosmides, 1992: 38). Другими словами, если все люди имеют одни и те же психологические модули, то это позволяет говорить об универсальной и единой человеческой природе (Tooby and Cosmides, 1992b, 1992). Бесспорно, многие эволюционные психологи не отрицают существования ряда кросс-культурных различий, однако другие придерживаются мнения, что по меньшей мере некоторые познавательные механизмы устойчивы к условиям окружающей среды и могут действовать постоянно и предсказуемо в широком диапазоне условий, существующих в настоящее время (Singh, 1993a).

Половой отбор

Некоторые исследователи используют адаптационную теорию эволюционной психологии в качестве уникального и не имеющего аналогов средства для объяснения того, какие характеристики считаются физически привлекательными, и причин их значимости. Согласно этой точке зрения, мы находим других людей привлекательными из-за того, что им присущи определенные черты и особенности, сформировавшиеся в ходе прошлой эволюционной истории. Однако, выступая в роли воспринимающего, мы сами обладаем особенностями, чертами или предпочтениями, которые заставляют нас считать некоторые черты более привлекательными. Иными словами, то, что мы находим красивым в других людях, и приобретенные ими черты являются продуктами эволюции (Symons, 1995).

Дарвин объяснял этот феномен предпочтительного отношения к определенным признакам других и их последующее усиление с помощью понятия «половой отбор». В своей работе «Происхождение человека и половой отбор» (The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex, 1871) Дарвин писал, что созданная им теория естественного отбора не позволяет объяснить наличие у самцов ярких признаков, таких как хвост павлина, потому что такие признаки снижают способность к выживанию. Когда павлин расправляет свой хвост, он становится не только «привлекательным» для самок, но очень заметным для хищников. Таким образом, Дарвин пришел к выводу, что у всех видов, размножающихся половым путем, любой наследуемый признак, который ставит под угрозу выживание, может распространиться в рамках вида, потому что помогает в конкуренции за самок.

В своих работах Дарвин проводит различие между борьбой самцов за самок и выбором самками самцов. Тем не менее он также признает, что выбор самок и конкуренция самцов нередко являются сторонами одной и той же медали: выбор партнера одним полом предполагает конкуренцию среди представителей другого пола. Последняя может происходить в форме прямой «внутриполовой конкуренции» (например, непосредственные бои за особь противоположного пола) или опосредованной «межполовой конкуренции» (например, поиск и соблазнение особи противоположного пола). Дарвин не мог объяснить, почему именно особи мужского пола более активно конкурируют в процессе поиска брачного партнера (см. цветную вклейку, рис. 1) — почему самцы ухаживают, а самки выбирают, — но он представил впечатляющее количество свидетельств того, что данный пример наблюдается у самых разных видов (Darwin, 1871).

Чарлз Дарвин отмечал важность своей теории полового отбора, однако большинство его современников считали ее наименее удачной из предложенных им идей (Huxley, 1938). Так продолжалось до 1970-х гг., когда теория полового отбора пережила второе рождение. В своей работе, посвященной столетней годовщине создания этой теории, Роберт Трайверс (Trivers, 1972), наконец, объяснил, почему самцы ухаживают, а самки выбирают, предположив, что наличие у особей женского пола большинства видов более высоких уровней необходимого «родительского вклада» превращает их в дефицитный репродуктивный источник, за который самцы должны бороться (см. далее). В последующее десятилетие произошел резкий скачок интереса к половому отбору, сопровождавшийся проведением новых поведенческих экспериментов над животными (Moller, 1988) и появлением важных работ на эту тему (Bateson, 1983; Blum and Blum, 1979; de Waal, 1982; Dunbar, 1988). Сегодня концептуальную основу эволюционной психологии образует теория естественного отбора, однако практические исследования чаще всего проводятся в сфере полового отбора.

Неконтролируемый отбор

Сигналы для привлечения партнеров носят ярко выраженный характер, поэтому они могут мешать индивиду. У многих видов птиц (включая столь любимых Дарвином павлинов) яркая окраска и пестрые украшения привлекают внимание не только потенциальных половых партнеров, но и хищников. Многие виды рыб также имеют яркую окраску и в надежде найти пару выставляют себя напоказ хищникам. Кроме того, достижение наибольшей привлекательности некоторых признаков, таких как оленьи рога, требует времени и сил, что делает их достаточно «дорогими» украшениями (см. цветную вклейку, рис. 2). В связи с этим возникает вопрос: если выживание сильнейших является непреложным правилом, то почему существуют подобные очевидные предрасположенности?

Одна из первых попыток ответить на этот вопрос была сделана Фишером (Fisher, 1915, 1930), входившим в число тех немногих биологов, которые восприняли теорию полового отбора всерьез. Фишер рассматривал предпочтения половых партнеров как закономерные биологические особенности, возникающие в результате наследуемых различий, и на основе этого представления предложил

гипотезу о существовании процесса, получившего название «неконтролируемый половой отбор». Это процесс, в ходе которого возникает позитивная обратная связь между предпочтениями самками определенных черт самцов и этими чертами, что приводит к неконтролируемому развитию этих черт. При наличии соответствующего толчка в нужном направлении (например, первоначального смещения предпочтений женских особей) модель Фишера позволяет объяснить ярко выраженные признаки самцов, наблюдаемые у представителей многих видов.

Если признаки самца (например, цветные пятна) и предпочтения самок определяются генетически, то самки, образующие пары с такими самцами, будут и дальше производить на свет мужское потомство с пятнами и женское потомство, выражающее предпочтение таким самцам. Эти «привлекательные сыновья» будут продолжать производить много потомков, так как самки будут чаще выбирать их в качестве брачных партнеров, а потомство женского пола будет предпочитать спаривание с другими «привлекательными» самцами и, в свою очередь, производить успешных сыновей (рис. 3.2). Так, только благодаря спариванию с самцами, имеющими «привлекательные» пятна, самки могут достичь высокого уровня приспособляемости (Andersson, 1982).

В число последних концепций, построенных на основе теории неконтролируемого полового отбора, входит «модель сенсорных предпочтений» (Kirkpatrick and Ryan, 1991). Согласно этой модели, один пол предпочитает особей обладающих определенными качествами, потому что это предпочтение предполагает преимущества в других областях кроме спаривания. Например, на рис. 3.2 наличие у самцов зеленых пятен может быть предпочтительным в связи с тем, что зеленый цвет является сигналом пригодности фруктов. Таким образом, сенсорное предпочтение у самок в виде влечения к зеленым пятнам распространяется на другие области, выходя за пределы выбора пищи. Следовательно, если наличие зеленых пятен у представителей одного пола является предпочтительной чертой партнера из-за сенсорного предпочтения у другого пола, гены, предопределяющие более сильные предпочтения в отношении зеленых пятен, могут получить более широкое распространение, потому что у них возникает связь с генами, определяющими появление таких пятен.

Процесс неконтролируемого отбора нарастает до момента появления какого-либо ограничивающего давления.

Как и следует ожидать, большинство видов обычно обращает особое внимание на внешние проявления, которые отличаются большей громкостью, размерами, яркостью, разнообразием и новизной (Miller, 1993), однако у разных видов эти сенсорные предпочтения имеют серьезные отличия. Например, у тех особей, которые едят зеленые ягоды, могут развиться глаза, чувствительные к зеленому цвету и более благоприятно воспринимающие зеленые пятна, в то время как у особей, питающихся красными ягодами, будут глаза, чувствительные к красному цвету и красным пятнам (Miller, 1998). Тем не менее данная модель не предполагает связи между сигналом и каким-либо основополагающим признаком; определенный признак не передает никакой правдивой информации, которая может быть полезной для наблюдателя. Более того, он может первоначально возникнуть в результате предпочтения в какой-либо другой области, а затем в ходе

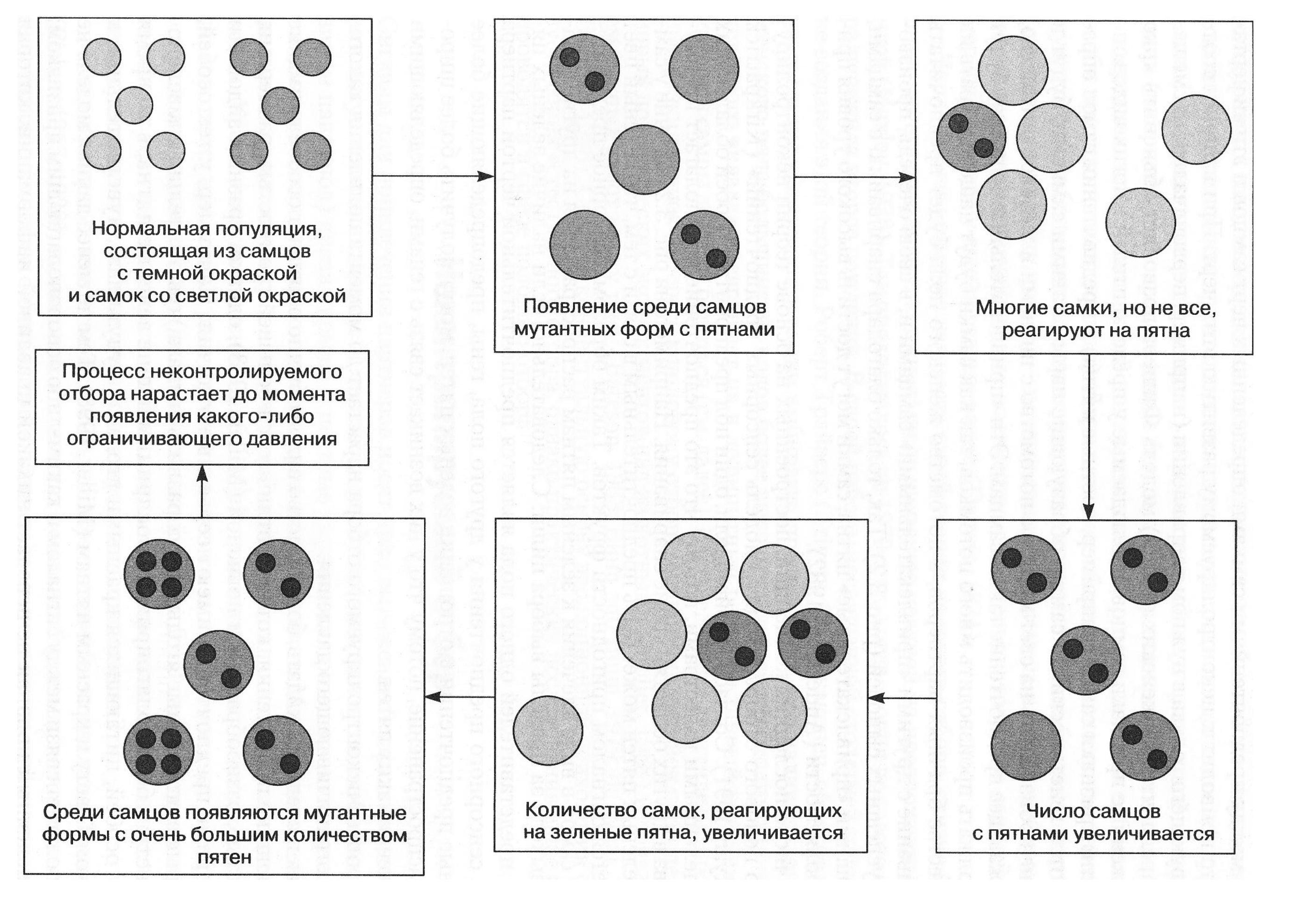

Рис. 3.2. Пример неконтролируемого полового отбора особей с пятнами

неконтролируемого отбора произойдет усиление этого признака у особей одного пола, сопровождающееся «строительством» механизмов восприятия у особей другого пола.

Хорошие гены

В отличие от сторонников теорий неконтролируемого полового отбора и сенсорных предпочтений большинство эволюционных психологов утверждает, что физические черты, которые особи считают привлекательными, были выбраны для того, чтобы выступать в роли сигнала, указывающего на какое-либо основное качество их обладателя (Rowe and Houle, 1996), такого как очень «хорошее здоровье» или «хороший статус» (Gangestad and Kaplan, 2005; Grammer et al., 2003). Особи, характеризующиеся отличным здоровьем или статусом, могут стать лучшими брачными партнерами по ряду причин: они могут передать своим потомкам «более здоровые» гены, быть способными предоставить большие материальные выгоды, такие как защита или пища, или обладать более высокой плодовитостью и способностью к размножению (проще говоря, их отличает более высокий репродуктивный потенциал). Давайте вернемся к шаблонному примеру, заимствованному у Дарвина: павлины с менее впечатляющими хвостами чаще становятся жертвами хищников (Petrie, 1992), следовательно, качество хвоста служит отражением некой основной особенности, связанной со способностью избегать хищников. Таким образом, в процессе эволюции самки павлина могут начать выбирать самцов по качеству их хвоста, а сами самцы — демонстрировать и большие здоровые хвосты (Petrie et al., 1991).

Традиционно сторонники теории хороших генов утверждали, что хорошие гены указывают именно на «хорошее здоровье». Так, теория паразитов Гамильтона — Зак (Hamilton and Zuk, 1982) предполагает, что процесс эволюции наделяет особей, ищущих себе пару, влечением к потенциальным партнерам, чьи наблюдаемые признаки указывают на отсутствие паразитов и, соответственно, сопротивляемость к инфекционным заболеваниям (или более хорошее «здоровье»). Таким образом, самки деревенских ласточек, которые выбирают самца с более длинным хвостом, заботятся об улучшении здоровья своего потомства, так как подобная иммунная устойчивость передается по наследству (Soler et al., 1998).

В разное время и в разных условиях превалируют различные патогенные микроорганизмы. Генотипы, которые были выбраны в процессе эволюции, потому что в определенный момент времени они обладали сопротивляемостью к конкретному заболеванию, в будущем могут быть исключены из-за отсутствия у них сопротивляемости новому патогенному микроорганизму. Следовательно, генотип, считающийся благоприятным в определенной обстановке, будет изменяться в результате постоянной «гонки вооружений» между патогенными микроорганизмами и их «хозяевами». В подобной ситуации особи женского пола, скорее всего, будут повышать качество генов своих потомков, выбирая самцов, обладающих сопротивляемостью к определенному заболеванию, и используя в качестве подсказки яркие признаки. Обладание таким признаком требует, чтобы самец был здоров, чтобы данная особенность была продемонстрирована наилучшим образом, а самка

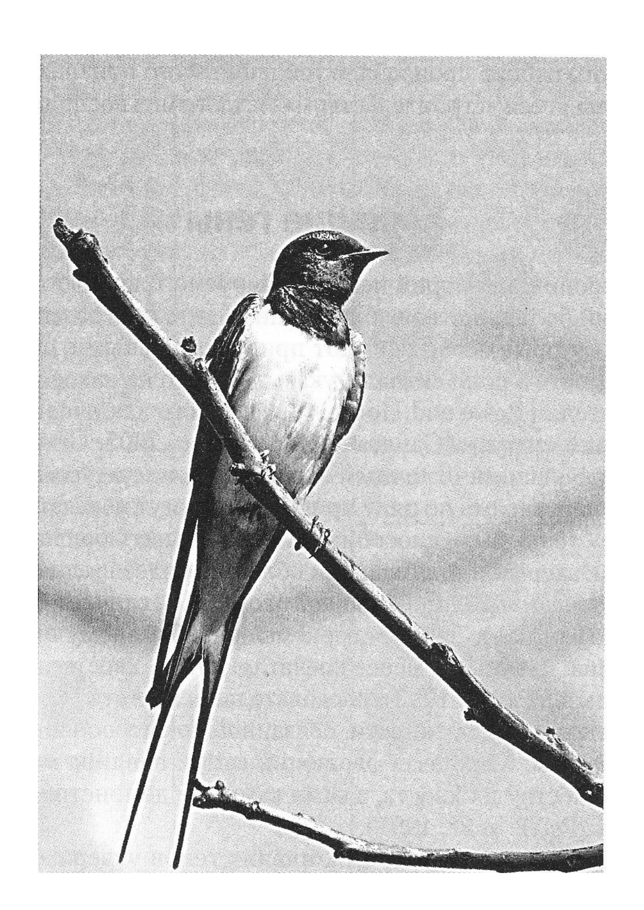

Рис. 3.3. У самцов деревенских ласточек длина хвоста указывает на сопротивляемость заболеваниям и жизнеспособность. Соответственно самки деревенских ласточек, которые выбирают партнера с более длинным хвостом, заботятся об улучшении здоровья своего потомства

могла оценить здоровье своего партнера по «громкости» сигналов (Zuk, 1991, 1992).

С другой стороны, в работах последних лет высказывается предположение, что приравнивание хороших генов к хорошему здоровью носит слишком широкий характер (Gangestad and Kaplan, 2005). Например, в некоторых ситуациях отдельным видам могут быть выгодны неэкономные затраты на сигналы, предназначенные для привлечения партнеров, даже если это приводит к общему ухудшению их здоровья. Кроме того, признаки, ассоциирующиеся с хорошими генами, могут иметь и другие преимущества, поэтому развитие пышных, экстравагантных сигналов может оказаться полезным, даже если это ослабляет долгосрочную жизнеспособность и здоровье. Это не значит, что наличие признаков болезни и здоровье не важны для выбора половых партнеров; к тому же хорошие гены не обязательно сигнализируют о хорошем здоровье или «статусе» (Gangestad and Kaplan, 2005).

Кроме того, как живые организмы могут быть уверены в том, что сигналы о хорошем здоровье или статусе соответствуют реальному положению вещей, а не являются всего лишь обманом? Захави (Zahavi, 1975) предполагает, что правдивость признака гарантируется его высокой ценой: животные сигнализируют о своем наивысшем качестве с помощью «гандикапа», или дорогостоящего увечья. Согласно теории увечья Захави, чтобы сигнал заслуживал доверия, он должен быть «дорогим», в ином случае его будет легко подделать (Zahavi, 1975). Другими словами, особи, которые способны «позволить себе» дорогостоящее увечье, могут считаться более жизнеспособными, чем те, которые обладают меньшим увечьем (Andersson, 1986; Iwasa et al., 1991). Именно этот факт делает увечье истинным признаком жизнеспособности.

Хотя мы и рассматриваем модель Фишера — Захави и модель хороших генов отдельно, следует отметить, что они не являются взаимоисключающими (Andersson, 1986; Heywood, 1989). В своих последних теоретических работах Кокко и ее коллеги сделали попытку объединить модель сенсорных предпочтений, теорию хороших генов и неконтролируемый отбор (Kokko, 2001; Kokko et al., 2003, 2006). Так, сенсорное предпочтение зеленых пятен может усиливаться в последующих поколениях (см. рис. 3.2), однако только самые лучшие самцы смогут позволить себе их демонстрацию. Таким образом, сенсорные предпочтения в конечном счете приводят к демонстрации хороших генов. С этой точки зрения различные модели полового отбора действительно следует рассматривать как взаимосвязанные и не исключающие друг друга.

Предпочтения в выборе полового партнера

Как видно из примера с самцом и самкой павлина, у большинства видов, размножающихся половым путем, мужская особь ухаживает, а женская особь выбирает. Если Дарвин (Darwin, 1871) не мог дать обоснованного объяснения этому различию, то Бейтман (Bateman, 1948) и Трайверс (Trivers, 1972) указывают на то, что практически у всех видов, размножающихся половым путем, самцы производят мелкие гаметы (сперматозоиды), а самки — большие (яйцеклетки). А так как самки вкладывают в создание каждой яйцеклетки больше материала и сил, чем самцы в производство одного сперматозоида, яйцеклетка представляет для мужских особей более ограниченный ресурс, чем сперма для женских особей. Кроме того, цена внутреннего оплодотворения, беременности и длительной лактации для самок особенно высока, что приводит к еще большим различиям между особями мужского и женского пола (Symons, 1979).

Минимальная цена, которую должны «заплатить» представители обоего пола для производства потомства, называется «родительским вкладом» и подразумевает любую характерную особенность или поведение любого из родителей, которые повышают способность потомков к выживанию и размножению. Идеи минимального родительского вклада лежат в основе гипотез, выдвигаемых эволюционными психологами в вопросе половых предпочтений. В своей классической статье Трайверс (Trivers, 1985) утверждает, что из-за половой асимметрии родительского вклада в процессе отбора особи того пола, у которого вклад больше,

демонстрируют «большую привередливость» на брачном рынке, так как в случае неправильного выбора их потери гораздо выше. Эта повышенная разборчивость представителей одного пола вынуждает представителей противоположного пола конкурировать друг с другом, чтобы попасть в число избранных.

Однако теория Трайверса (Trivers, 1985) также говорит о том, что у тех видов, для которых характерен высокий родительский вклад обоих полов, например у людей, повышенная избирательность в выборе брачного партнера присуща в равной степени мужским и женским особям. Естественно, физиологический вклад женщин в любом случае превышает такой вклад со стороны мужчин, однако на протяжении многих лет после своего рождения потомство человека зависит от родительской заботы. В связи с тем что успешный репродуктивный цикл возможен только при условии, что само потомство выживет для последующего размножения, оно требует заботы как минимум до тех пор, пока не сможет выживать самостоятельно. По мнению эволюционных психологов, именно это определяет особое значение родительского вклада у людей: в процессе эволюции мужчины могли повысить репродуктивный потенциал своих потомков с помощью предоставляемой им родительской заботы.

И все же во всех культурах родительский вклад женщин превосходит вклад мужчин (Einon, 2007). Как утверждают эволюционные психологи, в этом нет ничего неожиданного, учитывая еще одну половую асимметрию, наблюдаемую у людей. При внутреннем оплодотворении женщина всегда может быть уверена в том, что рожденный ею ребенок генетически принадлежит ей. Однако внутреннее оплодотворение связано со скрытой овуляцией у женщин, поэтому ни один мужчина не может быть абсолютно уверен в том, что потомство его партнерши генетически принадлежит ему (Einon, 2007). В данном случае речь идет о проблеме «неуверенности в отцовстве»: учитывая вероятность того, что предполагаемый потомок мужчины на самом деле не его, всегда существует шанс, что он вносит свой вклад в ребенка другого мужчины. Таким образом, из-за того, что родительский вклад мужчин может растрачиваться впустую, в процессе эволюции они были «спроектированы» таким образом, чтобы уровень их родительского вклада был ниже, чем у женщин, что позволило бы защитить их от подобного риска.

Одним словом, в связи с тем, что на протяжении эволюционной истории мужчины обеспечивали достаточно высокий родительский вклад, у них (так же, как и у женщин) сформировалась высокая избирательность в выборе партнера, вместе с которым им предстоит инвестировать в будущее потомство. Однако существующее у двух полов различие *форм* родительского вклада приводит к тому, что выбор брачных партнеров связан с предпочтениями тех представителей противоположного пола, которые демонстрируют способность обеспечивать именно те формы родительского вклада, которые стали присущи этому полу в процессе эволюции (Kenrick et al., 1996).

Говоря о «сексуальных стратегиях», эволюционные психологи подразумевают комплексный набор адаптаций, которые организуют и направляют репродуктивное усилие индивида (Buss, 1994). Эти адаптации влияют на то, как индивиды выбирают брачных партнеров, какие характерные особенности ищут у других, сколько сил вкладывают в поиск партнеров и т. д. (Gangestad and Simpson, 2000).

Согласно этой теории, в процессе эволюции у женщин сформировалась тенденция считать привлекательными мужчин, которые могут обеспечить им прямые выгоды (заботу, ресурсы и т. д.), в то время как сами мужчины начали считать привлекательными женщин, обладающих максимальным репродуктивным потенциалом. А так как предполагается, что эти различия определяются эволюционными адаптациями, они существуют во всех обществах, т. е. носят кросс-культурный характер (Bus, 1989). Все это позволяет объяснить, какие черты мужчины и женщины находят привлекательными у представителей противоположного пола и почему.

Определение качества

Как женщины и мужчины могут понять, что представители противоположного пола обладают желательными для них качествами? Достаточно сложно сразу же выявить способность мужчины обеспечить прямые выгоды, так же как определить количество детей, которых женщина может родить на протяжении жизни. Отвечая на этот вопрос, эволюционные психологи утверждают, что в процессе эволюции женщин стали привлекать желательные качества мужчин, которые связаны со способностью предоставления ресурсов. Точно так же эволюция сделала привлекательными для мужчин поддающиеся обнаружению качества женщин, связанные с максимальным репродуктивным потенциалом (Buss, 1994; Buss and Schmitt, 1993).

Согласно теории эволюционной психологии, в случае с женщинами «проблема с определением» была решена за счет формирования предпочтения высокого статуса (особенно в долгосрочных отношениях) другим факторам, таким как привлекательность. Ведь чем выше статус мужчины, тем больше его способность контролировать ресурсы. В большинстве обществ высокий статус ассоциируется с богатством и властью; его также связывают с умом, эмоциональной стабильностью и сознательностью, которые уже сами по себе являются желательными чертами (Furnham, 2001). Соответственно соперничество мужчин в борьбе за внимание женщин сфокусировано на приобретении и демонстрации сигналов, указывающих на обладание ресурсами. Таким образом, как утверждают некоторые язвительные люди, красота мужчины определяется только «толщиной его кошелька» (Drury, 2000: 90).

С другой стороны, мужчины решили проблему выявления максимального репродуктивного потенциала у женщин, начав уделять главное внимание свидетельствующим о нем признакам, таким как молодость или плодовитость (Buss, 1989; Pawlowski and Dunbar, 1999; Symons, 1979), а не тем отличительным чертам, которые указывают, скажем, на статус. Согласно теории Басса (Buss, 1994: 53), в число этих признаков входят «полные губы, чистая, гладкая кожа, ясные глаза, блестящие волосы, хороший мышечный тонус и соответствующее распределение жира в теле... пружинистая походка, живое выражение лица и высокая энергичность». Считается, что эти признаки сигнализируют о том, что женщина находится на пике своих репродуктивных способностей. Одним словом, хотя мужчины и женщины могут ценить в партнере одни и те же особенности (такие, как привле-

кательность, статус, эмоциональная стабильность и т. д.), они придают им разную значимость в результате того влияния, которое оказал на них процесс эволюции.

Для того чтобы найти подтверждение этим предположениям, эволюционные психологи проводят самые разные качественные и количественные исследования. Так, некоторые из них занимаются изучением частных объявлений, которые дают обширный материал, рассказывающий о предпочтениях людей в выборе брачных партнеров (Kenrick and Keefe, 1992; Waynforth and Dunbar, 1995). Исследования показывают, что в объявлениях о поиске гетеросексуальных партнеров, размещенных женщинами в газетах различных стран мира, особое внимание уделяется показателям благосостояния или статуса, или тем показателям, которые указывают на готовность инвестировать в возможные отношения (Greenlees and McGrow, 1994; Wiederman, 1993). Это можно объяснить тем, что женщины, способные получить доступ к большим ресурсам, особенно в традиционных экономических условиях, могут внести больший вклад в свое потомство и тем самым повысить его шансы на выживание и размножение (Borgerhoff Mulder, 1989; Voland, 1988).

В газетных объявлениях, размещенных мужчинами, напротив, наблюдается другой пример предпочтений: особое значение в них придается наличию у предполагаемых партнеров сигналов физической привлекательности (Buss, 1987; Buss and Barnes, 1986), в то время как другим показателям таким как благосостояние или статус уделяется гораздо меньше внимания. Исходя из положений эволюционной психологии, признаки физической привлекательности у женщин интерпретируются как показатели их репродуктивного потенциала. В связи с тем что физическая привлекательность предсказуемо меняется с возрастом, который, в свою очередь, соотносится с плодовитостью женщины, эти признаки представляют собой косвенные средства оценки этой плодовитости.

Подобные предпочтения были также выявлены при проведении более традиционных психологических экспериментов. Так, для изучения предпочтений в выборе полового партнера Дэвид Басс (Buss, 1989; см. также Buss et al., 1990) провел исследование в формате опроса в более чем 30 странах и выяснил, что женщины уделяют особое внимание признакам, связанным с богатством и статусом, в то время как мужчины придают первостепенное значение физической привлекательности. В своем обзоре работ, посвященных вопросу предпочтений в выборе половых партнеров, Граммер (Grammer, 1989) пишет о том, что при оценке потенциальных партнеров женщины используют больше подсказок, чем мужчины. Мужчины, как правило, отдают предпочтение физической привлекательности, а женщины рассматривают множество различных особенностей, включая социальный и экономический статус. Похожие результаты были получены этнографами и антропологами: во многих племенных обществах мужчины превыше всего ценят в своих предполагаемых невестах молодость (Borgerhoff Mulder, 1988).

Эти данные служат основой для теорий о физической привлекательности, разрабатываемых эволюционными психологами. Согласно им, женщинам свойственно искать в мужчинах привлекательные признаки, которые сигнализируют об обладании, или возможности обладания, ресурсами или вероятности предоставления родительской заботы. С другой стороны, мужчины, как правило, ищут в женщинах признаки, сигнализирующие о максимальном репродуктивном потенциале,

молодости или том и другом одновременно. В сочетании с теорией полового отбора эти гипотезы положили начало огромному количеству психологических исследований, посвященных изучению тех черт, которые мужчины и женщины находят привлекательными в партнерах противоположного пола, и некоторые из них мы обсудим в следующей главе.

Вывод

Утверждения об эволюционном происхождении предпочтений в выборе партнера стали своего рода отличительным признаком эволюционной психологии. Безусловно, не все разделяют точку зрения, что предпочтения молодости у мужчин и предпочтения высокого статуса у женщин являются адаптациями, возникшими в результате эволюции (Eagly and Wood, 1999; Foley, 1996; Luszyk, 2001). Зеркальным отражением этого настроения могут служить слова английского поэта XVIII в. Александра Поупа, который написал: «Я считаю, что в том, чтобы любить женщину за ее красоту, столь же мало пользы, как в том, чтобы любить мужчину за его богатство: и то, и другое может измениться».

Тем не менее многие специалисты с удовольствием используют концептуальную основу эволюционной психологии для проведения многочисленных исследований, связанных с вопросами эволюционного происхождения предпочтений в сфере физической привлекательности. Действительно, эволюционная психология позволяет исследователям выдвигать и проверять целый ряд очень специфических гипотез по поводу красоты и привлекательности. Эти исследования не обязательно подтверждают валидность общей теории, но многие из них дают новый толчок исследовательской работе в этой области.

ГЛАВА 4

Обнаженные женщина и мужчина

Красивая женщина подобна драгоценному камню; хорошая женщина — это сокровище.

Муслихаддин Саади, персидский поэт

Обычного мужчину больше интересует женщина, которая проявляет к нему интерес, чем та, у которой красивые ноги.

Марлен Дитрих, актриса

Эволюционная психология рассматривает не только общие принципы, управляющие интересом мужчин и женщин к потенциальному партнеру, но и те физические особенности, на которые они ориентируются в своих суждениях. Рассматривая вопрос выбора полового партнера, мы говорили о тех общих принципах, которые определяют и направляют предпочтения мужчин и женщин. Если сформулировать коротко и просто, то в рассматриваемом нами случае мужчины выбирают женщин с максимальным репродуктивным потенциалом, а женщины ищут мужчин, обладающих ресурсами и способных обеспечить потомству родительскую заботу. При этом они должны обращать внимание на выбранные в ходе полового отбора сигналы, которые предупреждают о наличии каждого из этих качеств у партнера противоположного пола.

Выделенные в результате полового отбора сигналы появляются, как правило, в период половой зрелости под действием половых гормонов (у людей это, главным образом, тестостерон и эстроген). Их появление происходит именно в то время, когда возникает необходимость их влияния на процесс выбора партнера (Gould and Gould, 1989). Традиционно основной задачей теории полового отбора является объяснение чрезмерных и неадаптивных фенотипов, таких как оперенье павлинов. Однако выделенные в результате полового отбора черты не обязательно предполагают затраты, связанные с пониженным уровнем выживаемости (Buss, 1987). Так, Барбер (Barber, 1995) отмечает, что серебристая полоса на спине взрослого самца гориллы служит сигналом социального статуса, который привлекает самок, но ученым не известны какие-либо связанные с этой особенностью затраты в плане выживаемости.

Значительная часть исследований в области эволюционной психологии посвящена тем физическим особенностям, селектированным в ходе полового отбора,

которые мужчины и женщины находят привлекательными у потенциальных партнеров противоположного пола. В число таких особенностей входят многие части тела человека, а также украшения и нефизические черты (табл. 4.1). Если учесть, что лицо человека оказывает сильное влияние на социальные взаимодействия, нет ничего удивительного в том, что именно оно находится в центре внимания большинства научных исследований и художественных произведений (Ferrario et al, 1995; Furnham and Reeves, 2006). Однако в последнее время появились работы, которые сфокусированы на изучении тела человека. В этой главе мы рассмотрим ряд характеристик, которые попали в поле зрения эволюционной психологии и подверглись наиболее полному исследованию.

Таблица 4.1. В теории наука о физической привлекательности позволяет изучать практически все аспекты человеческого тела и лица (адаптировано из Patzer, 2006: 1051)

Часть тела	Примеры
Статические единицы оценки	Рост, туловище, конечности
Волосы	Длина, цвет, прическа, наличие/отсутствие волос на теле
Кожа	Цвет, отсутствие дефектов, качество
Глаза	Цвет, форма
Нос	Форма, размер
Губы	Полнота, цвет
Рот	Гигиена полости рта
Лицо	Наличие/отсутствие волос на лице, инфантильность, мужественность, симметричность
Плечи	Ширина, форма
Фигура	Симметричность, пропорциональность, ОТБ, ОТГ[1]
Ягодицы	Форма, размер, упругость
Вес	Общий вес, распределение веса, соотношение веса и роста (индекс массы тела)
Мускулатура	Расположение и размер мускулов, мышечный тонус
Живот	Размер, форма, мышечный тонус
Руки	Симметричность, длина, размер, пропорциональность относительно тела
Кисти рук	Симметричность, размер, кожа
Пальцы	Симметричность, длина, кожа, ногти, кутикулы
Ноги	Симметричность, длина, размер, пропорциональность относительно тела
Стопы	Симметричность, размер, кожа
Процедуры	Повседневная гигиена, прическа
Украшения	Одежда, драгоценности, косметика
Динамика	Язык тела, личное пространство, старение, походка, личностные черты и другие нефизические атрибуты

[1]ОТБ — отношение «талия-бедра», ОТГ — отношение «талия-грудь». — *Примеч. ред.*

Эти черты представлены не в порядке возрастания их значимости, а сам обзор нельзя назвать исчерпывающим (более всесторонний анализ см. в Morris, 1987). Цель этой главы заключается в том, чтобы познакомить читателей с наиболее яркими примерами исследований, появление которых стало возможным благодаря эволюционной психологии. В качестве последнего предупреждения следует упомянуть о необходимости помнить о том, что решения, принимаемые индивидуумом в вопросе выбора полового или брачного партнера, так же как во всех других аспектах реальной жизни, носят обусловленный характер. Другими словами, вне зависимости от нашей собственной привлекательности или того, насколько привлекательными мы считаем других, нет никаких гарантий того, что влечение будет взаимным. Критерии выбора партнера практически всегда зависят от обстоятельств, о чем мы обязательно поговорим в следующих главах.

Молодость

«Страстный пилигрим» — это сборник стихотворений, опубликованных под именем Вильяма Шекспира, хотя в действительности только пять из двадцати представленных в нем произведений принадлежат его перу. В одном из этих стихотворений Шекспир воспевает молодость:

Старости не сжиться с юностью шальною:
Юность так беспечна, старость так грустна;
Юность — утро лета, старость — ночь зимою;
Юность — летний жар, а старость холодна.
Юность силой пышет, старость еле дышит;
Юный бодр, старик убог;
Юность смотрит смело, старость — охладела;
Юный резв, а старый строг.
Старость, ты презренна; юность, ты блаженна...[1]

Шекспир не одинок в восхвалении достоинств молодости. Если воспользоваться теоретической моделью, предлагаемой эволюционными психологами (см. главу 3), то станет очевидно, что многие из изучаемых ими черт служат признаками молодости. Это связано с тем, что ценность потенциального брачного партнера зависит не только от ожидаемой от него родительской заботы или генетического вклада в потомство, но и от его «плодовитости», или вероятности того, что спаривание приведет к зачатию и рождению потомства (Symons, 1979). Если половой партнер выглядит молодо, то это повышает шансы на то, что он обладает высоким репродуктивным потенциалом.

Исследования показали, что с возрастом оценки физической привлекательности как мужчин, так и женщин снижаются (McLellan and Mckelvie, 1993), хотя во втором случае это более заметно. Если с увеличением возраста женщин оценивают как менее женственных (Arking, 1998), то на оценки мужественности мужчи-

[1] Перевод В. С. Давиденковой-Голубевой.

нами это влияет в меньшей степени (Deutsch et al, 1986). Результаты этих исследований иногда связывают с «двойным стандартом» старения, существующим в западных обществах, однако эволюционные психологи поддерживают идею о том, что в случае с мужчинами действуют менее строгие стандарты привлекательности, чем у женщин, которые в меньшей степени связаны с молодостью.

Лучшим показателем молодости служит лицо человека, о чем наглядно свидетельствует рост промышленности, связанной с производством средств и продуктов против старения (Junqueira et al., 1995). В одной из своих работ Каннингем (Cunningham, 1986) сообщает, что по результатам проведенного им исследования мужчины из пяти популяций считают, что лица, которые выглядят моложе реального возраста человека, более привлекательны, чем лица, которые соответствуют реальному возрасту или делают человека старше. На основании этого он высказывает предположение, что *выглядеть* молодым более важно, чем *быть* молодым. Кроме того, изменение черт лица в сторону омоложения приводит к повышению оценок привлекательности, что полностью отражает пример, существующий в реальном мире, где модели женского пола имеют более юные лица, чем население в целом (Jones, 1996).

Некоторые специалисты считают, что предпочтение лиц, выглядящих более молодо, отражает предпочтение инфантилизма или «детскости» (Cunningham, 1986; Johnston and Franklin, 1993), которые определяются как черты, вызывающие желание заботиться об их обладателе. Инфантильные черты играют особо важную роль в привлекательности женских лиц: женщин с детскими чертами (такими, как большие, широко посаженные глаза, небольшой нос и маленький подбородок), как правило, оценивают как наиболее привлекательных. Это подтверждается кросскультурными исследованиями с участием представителей афро-американской, азиатской, латиноамериканской и тайваньской групп населения, которые высказывали суждения о женщинах на основании собственного культурного происхождения, и показали точно такие же результаты (Cunningham et al, 1995; Zebrowitz et al., 1993).

Джонс (Jones, 1996,1996) высказывает предположение, что привлекательность лица, особенно у женщин, можно объяснить с помощью теории сенсорных предпочтений, а именно: предпочтение привлекательности лица могло возникнуть «случайно» на основе предпочтения, не связанного с выбором полового партнера. Он утверждает, что женщины с молодыми чертами лица должны иметь преимущество в борьбе за мужчин, учитывая то предпочтение, которые мужчины отдают молодости. Мужчины оказывают предпочтение женским лицам с явными указателями плодовитости, связанной с возрастом это рассматривается как сенсорное предпочтение инфантилизма лица у женщин (Jones, 1996). Другими словами, инфантилизм лица является «выходящим за пределы нормы» показателем молодости, а не признаком реального фенотипического или генетического качества (Thornhill and Grammer, 1999).

Однако в последние годы у этой теории появился ряд противников, которые указывают на то, что некоторые привлекательные женские черты не выглядят по-детски. Так, высокие скулы на привлекательных женских лицах резко контрастируют с выступающими скулами и пухлыми щеками у детей (Grammer and Atzwanger,

1994). Последние теории привлекательности лиц, выдвигаемые эволюционными психологами, подчеркивают роль полового диморфизма черт лица человека, который, по их утверждению, делает эти черты показателями основного качества.

Половой диморфизм

Различия вторичных половых признаков у мужских и женских особей одного вида называются «половой диморфизм» и могут проявляться в диапазоне от незначительных отличий в размере до таких особенностей, как большие рога или цветастая расцветка. В качестве примера можно вспомнить оленьи рога, разноцветный хвост павлина, рог жука-носорога и определенные черты лица людей (рис. 4.1). Достаточно одного взгляда, чтобы заметить существенные различия в чертах лица мужчин и женщин. Несмотря на то что некоторые черты, такие как высокие скулы и широкая улыбка, считаются привлекательными как у женщин, так и мужчин (Forgas, 1987), есть и такие, которые оказывают противоположное действие. По мнению некоторых эволюционных психологов, обладание чертами лица, которые «типичны для определенного пола», повышает физическую привлекательность мужчин и женщин.

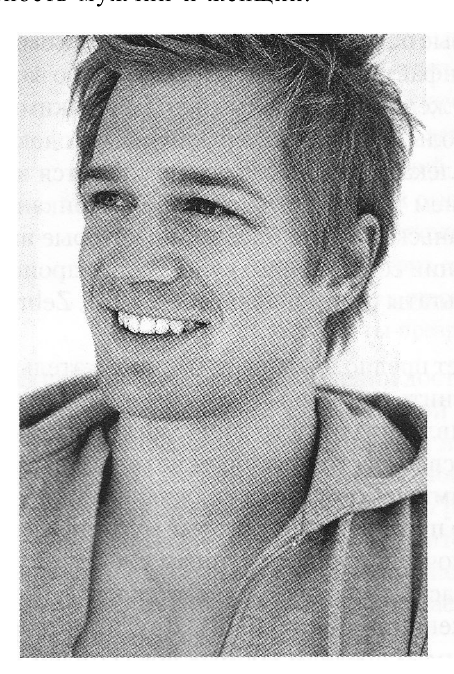
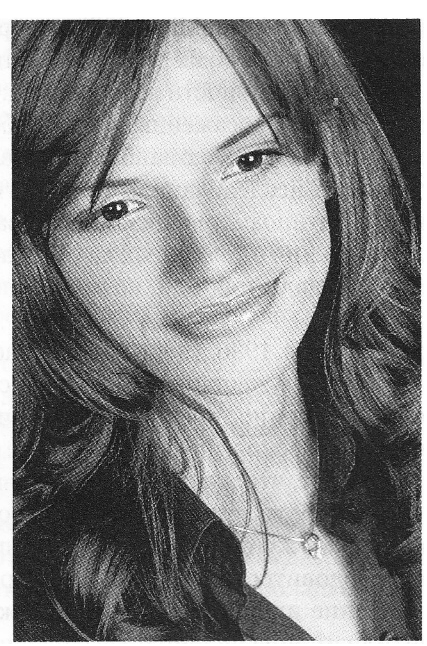

Рис. 4.1. Черты лица мужчин и женщин значительно отличаются. Для типично мужского лица характерны широкая челюсть и большой лоб, а для женского - большие глаза и маленький нос

Считается, что у женщин «женственность» лица (например, маленький нос и подбородок, а также большие глаза) сигнализирует об общем репродуктивном состоянии и способности посвящать себя потомству. Хотя изменение обстоятельств

не оказывает серьезного влияния на женственность лица, Гэнгстэд и Шейд (Gangestad and Scheyd, 2005) считают, что она может отражать эволюцию энергетического баланса женщины, необходимого для размножения. В число преимуществ увлечения женщиной с такими качествами (по крайней мере, в родовых популяциях) входит зависимость между женственностью лица и прямыми выгодами (такими, как более низкий уровень заболеваемости) и непрямыми факторами (генетические выгоды для потомства). Эту точку зрения подтверждают результаты исследований, свидетельствующие о существовании сильной положительной связи между оценками участниками эксперимента женственности лиц женщин и их привлекательности (Koehler et al., 2004; Rhodes et al., 2003). Так, два исследования, в которых использовались методы компьютерного усреднения и преобразования изображений, показали, что повышенная женственность женских лиц считается привлекательной (Johnston et al., 2001; Perret et al., 1998).

С другой стороны, у мужчин «мужественность» лица (например, широкая челюсть) считается дорогостоящим украшением, поскольку преувеличенно мужественные черты снижают сопротивляемость мужчин заболеваниям и паразитам (Folstad and Karter, 1992). Гэнгстэд и Шейд (Gangestad and Scheyd, 2005) предполагают, что подобный различающийся признак является следствием двойственного влияния андрогенов на желание украшательства (более высокое число андрогенов приводит к большему количеству украшений) и на иммунную функцию (андрогены ослабляют иммунную функцию). Тем не менее мужественные черты, в конечном счете, ассоциируются с определенными желательными свойствами: в различных культурах мужчины с мужественными лицами воспринимаются как социально доминирующие (Mazur et al., 1984).

Одно из объяснений этой связи состоит в том, что тестостерон усиливает стремление к спариванию у особей мужского пола, а состояние мужчины определяет, насколько эффективно он может в этом спаривании участвовать. Таким образом, изменение состояния приводит к колебаниям метаболизма тестостерона, что может стать причиной изменений мужественности черт лица в подростковом возрасте. В соответствии с этими интерпретациями в ходе некоторых исследований были выявлены позитивные связи между мужественностью мужских лиц и подтвержденным состоянием здоровья (Rhodes et al., 2003) и привлекательностью (Grammer and Thornhill, 1994; Penton-Voak et al, 2001). Например, в ходе исследования, проведенного Джонстоном и его коллегами (Johnston et al., 2001), женщин просили определить среднее, привлекательное и мужественное лицо из множества мужских и женских лиц, и согласно полученным результатам выбранное привлекательное лицо находилось в средней части спектра на стороне мужественности.

Тем не менее ряд исследований показывает, что в отдельных случаях женственные черты на мужских лицах считаются привлекательными (Little et al., 2001), хотя другие свидетельствуют об отсутствии согласованности полодиморфических черт, которые считаются привлекательными (Scheib et al., 1999). Возникает вопрос: если, как утверждалось ранее, мужественность лица мужчины меняется в зависимости от его состояния, почему женщины не всегда отдают предпочтение мужественным лицам? Дэвид Перрет и его соавторы (Perret et al., 1998) высказы-

вают предположение, что женщины ищут «компромисс» между хорошим половым партнером и хорошим отцом, а более женственные лица предполагают наличие более высоких способностей к отцовству. Данная теория предполагает, что мужчины с женственными лицами воспринимаются как более сердечные, более приятные и более честные, чем мужчины с мужественными лицами (Fink and Penton-Voak, 2002).

Еще одним подтверждением этого факта служат результаты исследований, указывающие на то, что предпочтения женщин меняются в зависимости от менструального цикла. В период овуляции женщины предпочитают более мужественные лица, а в другое время они отдают предпочтение более женственным (Penton-Voak et al, 1999b). Кроме того, во время приближения овуляции женщин привлекает запах мужчин с симметричной фигурой (Gangestad and Thornhill, 1998), низкие мужские голоса (Puts, 2005) и демонстрации более уверенного и компетентного поведения в области межполового общения (Gangestad et al., 2004). Эти изменения в предпочтениях во время менструального цикла наиболее хорошо объясняют решения в оценке сигналов наследуемого состояния здоровья тех женщин, которые находятся в детородном периоде своей жизни.

Однако, как свидетельствует предыдущий раздел, посвященный молодости, не все согласны с тем, что женственность или мужественность лица «сигнализирует» о состоянии здоровья (Jones, 1996). Следует отметить, что в своем обзоре научной литературы по этому вопросу Виден и Сабини (Weeden and Sabini, 2005) говорят о существовании очень незначительного числа свидетельств, подтверждающих связи привлекательности лица с реальным здоровьем, а Фейнголд (Feingold, 1992) считает, что воспринимаемые связи между мужественными чертами и коммуникабельностью имеют очень мало оснований. Тем не менее изучение предпочтений в области мужественности и женственности людей создает множество возможностей для проведения научных исследований.

Борода

В своих работах по половому отбору Чарлз Дарвин (Darwin, 1871) высказывал предположение о том, что относительное отсутствие волос у человека в сравнении практически со всеми другими млекопитающими является результатом полового отбора. Он утверждал, что если тела женщин, в сравнении с мужскими телами, почти лишены волос, то их отсутствие представляет собой атипичный случай отбора со стороны мужчин, который произошел в какой-то период доисторической эпохи. Барбер (Barber, 1995) распространил это рассуждение на бороды: он предположил, что у людей волосы на лице могут претендовать на роль черты, выделенной в результате полового отбора. Бороды появляются у мужчин в период полового созревания и не обладают никакой видимой ценностью с точки зрения выживания, тем более что женщинам или детям они совсем не нужны (рис. 4.2). Таким образом, если бороды были чертой, выбранной в результате полового отбора в процессе эволюционной истории человечества, то следует ожидать, что женщины будут находить мужчин с окладистой бородой более привлекательными, чем чисто выбритых мужчин (Freedman, 1969a).

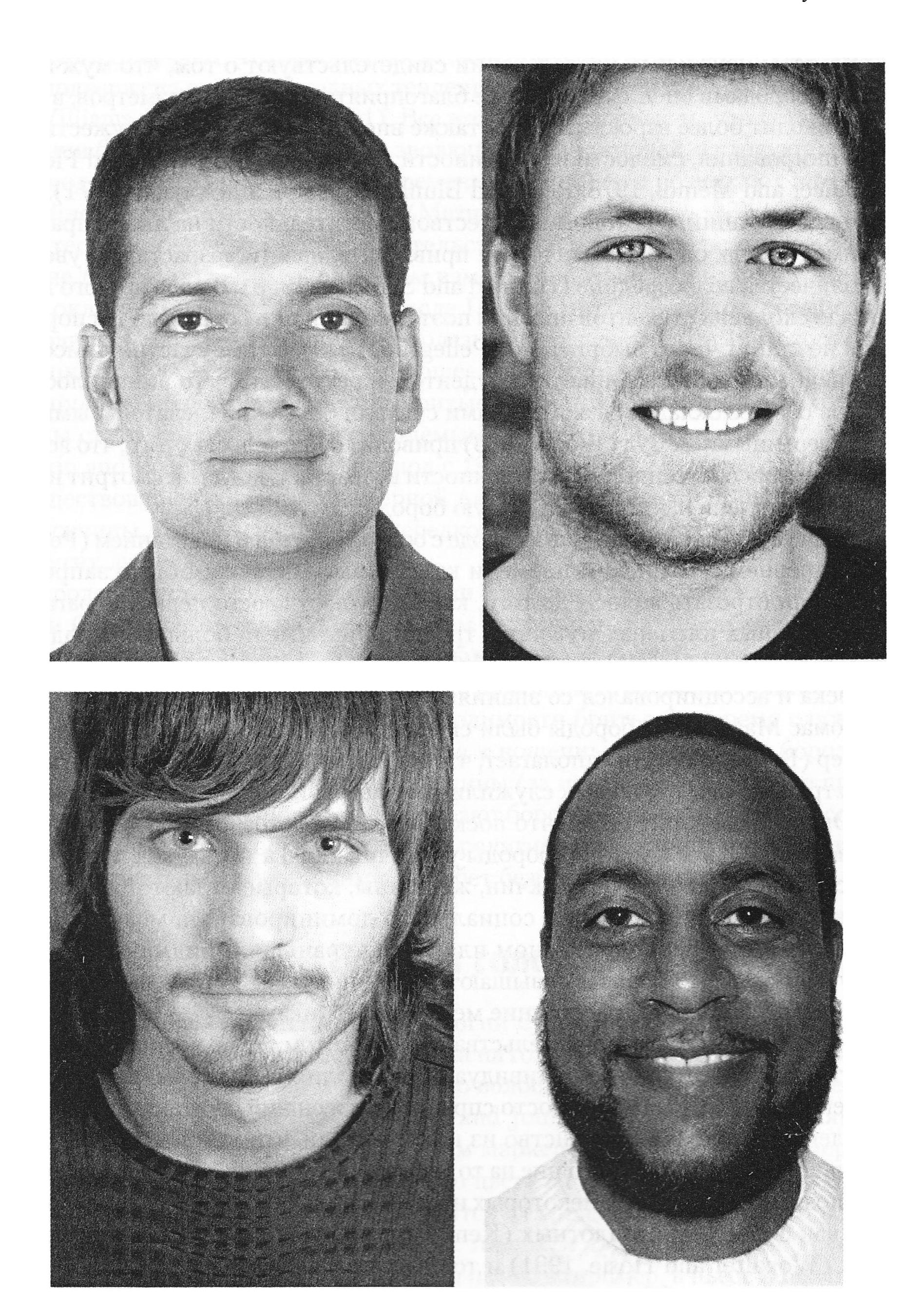

Рис. 4.2. У людей волосы на лице могут претендовать на роль черты, выделенной в результате полового отбора. Борода появляется у мужчин в период полового созревания и не обладает никакой видимой ценностью с точки зрения выживания. Но все ли женщины находят мужчин с бородой более привлекательными, чем чисто выбритых?

Результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что мужчины с большими бородами оцениваются более благоприятно по ряду параметров, в число которых входит более взрослый вид, а также впечатление большей мужественности, доминирования, смелости и уверенности (Addison, 1989; Kenny and Fletcher, 1973; Pancer and Meindl, 1978; Reed and Blunk, 1990; Roll and Verinis, 1971). В одном из исследований, в котором количеством растительности на лице управляли экспериментально, оценки физической привлекательности возрастали с увеличением количества волос на лице (Hatfield and Sprecher, 1986). В ходе другого исследования нескольких студентов просили поэтапно сбривать бороды до тех пор, пока их лица не станут чисто выбритыми (Pellegrini, 1973). Затем участники исследования оценивали фотографии этих студентов, в результате чего выяснилось, что студентов с более окладистыми бородами считали более привлекательными, зрелыми и уверенными. А Вуд (Wood, 1986) приводит свидетельства того, что восприятие человеком собственной мужественности возрастает, когда он смотрит на себя в зеркало, приклеив на лицо фальшивую бороду.

Исторически люди относились к бороде с особой заботой и почитанием (Peterkin, 2001). В древнем германском племени катти молодым людям было запрещено сбривать или отрезать волосы до того, как они убьют своего первого врага, и во многих подобных племенах мужчины традиционно имели большие окладистые бороды. У древних римлян мужчина с бородой был воплощением добродетельного человека и ассоциировался со знаниями и мудростью. «В древние времена, — писал Томас Маколей, — бороды были символом мудрости и благочестия».

Барбер (Barber, 1995) предполагает, что в ходе эволюционной истории бороды могли устрашать врагов, так как служили демонстрацией социального доминирования. Он также говорит о том, что поскольку с возрастом размер (и, предположительно, социальное влияние) бороды увеличивается, а также, как правило, повышается социальный статус мужчин, женщины, которые отдают предпочтение бороде как признаку зрелости и социального доминирования, могут добиться большего успеха в репродуктивном плане. Еще раньше Фридман (Freedman, 1969a) утверждал, что бороды повышают воспринимаемый статус мужчин и могут увеличить социальное расстояние между соперниками.

Однако доступные нам свидетельства говорят о том, что в восприятиях бороды могут быть существенные индивидуальные различия. Например, Фейнман и Гилл (Feinman and Gill, 1977) просто спрашивали женщин, считают ли они бороду привлекательной, и большинство из них ответили, что так не считает. Есть и другие свидетельства, указывающие на то, что оценки мужчин с бородами не всегда бывают позитивными: в ходе некоторых исследований бородатых мужчин воспринимали как более нечистоплотных (Kenny and Fletcher, 1973); менее привлекательных (Wogalter and Hosie, 1991) и только иногда как более умных (Addison, 1989), более старых и более зрелых, чем чисто выбритые мужчины (Cunningham et al., 1990; Wogalter and Hosie, 1991).

Известны и другие единичные результаты исследований, согласно которым борода не считается (или не считалась) привлекательной во всех культурах. У древних египтян волосы на лице ассоциировались с трауром, и они считали бороды непривлекательными (исключение составляла тонкая полоска усов). Некоторые

социологи отмечают, что борода (так же, как прически и цвет волос) по своей природе подвержена влиянию модных тенденций и культурных предписаний (Bunkin and Williams, 2000; Peterkin, 2001). Все это наводит на мысль, что установки в отношении бороды не определяются эволюционной историей, а следуют изменениям в моде (по меньшей мере, в современном мире) или возникают в результате случайного «смещения установки» (Mazur, 1986).

Естественно, существуют свидетельства того, что борода, по крайней мере в плане длины, может быть объектом изменчивой моды. До начала XX в. в моде были окладистые бороды, однако после Первой мировой войны, когда солдатам приходилось сбривать бороды из-за болезней и воздействия химического оружия, ситуация начала меняться. Последующее распространение массового маркетинга, популяризировавшего чисто выбритые лица, привело к тому, что отсутствие бороды стало единственным приемлемым вариантом на несколько десятилетий (Bunkin and Williams, 2000). В период с 1920-х до 1960-х гг. бороды практически не существовали в обществах Северной Америки и Западной Европы, а те немногие мужчины, которые их носили, нередко сталкивались с предвзятым отношением других людей.

Бороды, вместе с длинными волосами (см. далее), вернулись в Западную Европу и Северную Америку под влиянием радикальных социально-политических движений середины 1960-х гг. Так, в фильме «Зимний солдат» показано, как многие ветераны Вьетнама, протестовавшие против войны, отращивали длинные волосы и бороды в знак протеста против необходимости бриться во время службы. Тем не менее в середине 1980-х гг. тенденция к ношению полноценной бороды вновь ослабла, и сегодня лишь немногие мужчины (за исключением тех, кто принадлежит к определенным религиям) отращивают бороды. В разные моменты современной истории мужскую бороду наделяли религиозными атрибутами, не связанными с привлекательностью, такими как обет безбрачия и святость.

Волосы головы

С точки зрения эволюционной психологии существует множество интересных особенностей волос, растущих у человека на голове (см. цветную вклейку, рис. 3). В их число входит качество и количество волос: так, их длина, цвет и блеск могут служить важными сигналами (Graham and Jouhar, 1981). Волосы являются настолько значительным индивидуальным маркером, что по крайней мере на Западе людей часто описывают с помощью цвета их волос (Bull and Hawkes, 1982). В некоторых культурах волосы становятся фетишем: для кого-то это венец славы, а для многих предмет беспокойства, гордости или развлечения. Не остались волосы и без внимания поэтов и авторов песен: например, в пьесе Шекспира «Венецианский купец» (The Merchant of Venice, 1596) Бассанио говорит о Порции:

Богатая наследница в Бельмонте
Живет; красавица — прекрасней вдвое
Высокой добродетелью; порой
Ее глаза привет мне молча слали.

Ей имя — Порция; она не ниже
Супруги Брута, дочери Катона.
Все знают цену ей: из разных стран
Четыре ветра навевают ей
Искателей. А солнечные кудри
Как золотое светятся руно;
Бельмонт они в Колхиду обращают,
И не один Язон туда стремится.[1]

Последним примером использования эволюционно-психологического подхода к вопросу изучения волос головы является работа Фроста (Frost, 2006), в которой он высказывает предположение о том, что светлые волосы появились у людей в конце последнего этапа ледникового периода (от 10 тысяч до 11 тысяч лет назад) в результате полового отбора. В этот период в европейском регионе могла быть острая нехватка продовольствия. Единственным источником пищи была охота на диких животных, однако для их поиска приходилось совершать трудные походы, в которых погибало большое количество мужчин, в результате чего процент выживания среди женщин был выше, чем у мужчин. Вследствие этого, как утверждает Фрост (Frost, 2006), у женщин, живущих в северной части Европы, преобладали светлые волосы и синие глаза, которые «выделяли» их на фоне соперниц во времена жесткой конкуренции за немногочисленных мужчин.

Если применить предположение Фроста к современным условиям, то оно говорит о том, что у людей существует универсальное предпочтение индивидуумов со светлыми волосами, — что воскрешает в памяти комедийную пьесу Аниты Лоос «Джентльмены предпочитают блондинок» (или снятый по ней фильм с участием Мэрилин Монро и Джейн Рассел). Более того, Фрост (Frost, 2006) приводит аргументы в пользу концепции «преимущества редкого цвета». Когда индивидуум сталкивается с потенциальными партнерами, обладающими одинаковой ценностью, он обычно выбирает того, кто наиболее «выделяется», т. е. обладает самой редкой цветовой морфой. Имеются свидетельства существования преимущества редкого цвета у некоторых видов, не относящихся к человеческому роду, таких как красные мучные хрущаки и бабочки-листовертки (Hughes et al, 1999; Simchuk, 2001).

Но есть ли свидетельства существования преимущества редкого цвета у людей? В одном из ранних исследований Телен (Thelen, 1983) показывал мужчинам три серии слайдов с изображением светловолосых и темноволосых женщин и просил их выбрать из каждой серии одну, на которой они хотели бы жениться. Первая серия включала в себя изображения шести брюнеток, вторая — одной брюнетки и пяти блондинок, а третья — одной брюнетки и одиннадцати блондинок. Результаты исследования показали, что предпочтение одной и той же брюнетки возрастало пропорционально редкости цвета ее волос. Позднее Шведер (Schweder, 1984) сообщил о том, что женщины склонны менять цвет своих волос и прическу таким образом, чтобы они были наименее распространены среди населения в целом.

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

С другой стороны, нам известно, что восприятие цвета волос различается в зависимости от смены модных тенденций и появления новых медийных кумиров. Рич и Кэш (Rich and Cash, 1993) изучили частоту появления различных цветов волос в женских журналах за четыре десятилетия. Они пришли к выводу, что в этих журналах был представлен очень высокий процент блондинок, за исключением 1960-х гг., когда на большей части территории Северной Америки, а может быть, и во всем мире, иконой стиля стала Джеки Кеннеди, которая была брюнеткой. В целом на Западе существует тенденция воспринимать людей со светлыми волосами как более привлекательных, более соблазнительных и дружелюбных, хотя их также могут считать ненадежными, поддающимися манипулированию и неразборчивыми (Lawson, 1971).

Гораздо меньше нам известно о влиянии на привлекательность седых волос. Кто-то может возразить, что седые волосы ассоциируются с возрастом, поэтому они должны восприниматься как непривлекательные. В конце концов, как сказал немецкий поэт и философ Фридрих Шиллер, «седые волосы — это цветы смерти». Хотя есть те, кто видит красоту в седине, — например, художница Мария Дьюинг:

> Седые волосы красивы сами по себе, помимо этого, они настолько смягчают внешность и создают настолько особый колорит, что благодаря их благотворному влиянию многие женщины, которые в юности были некрасивы, превращаются в красавиц.

Еще меньше исследований посвящено длине волос, хотя ряд ученых проявляет интерес к примеру облысения у мужчин (Hankins et al., 1979; Henss, 2001; Roll and Verinis, 1971; Wells et al, 1995). В одном из своих исследований Кэш (Cash, 1990) выяснил, что облысение является причиной более низких оценок физической, социальной и личностной привлекательности, а также успешности в жизни. Однако в том же самом исследовании отсутствие волос было связано с высокими оценками ума и завышенными оценками возраста. Кэш (Cash, 1990) высказывает предположение о том, что из-за того, что облысение начинается с годами у мужчин, которые к нему предрасположены, оно может служить признаком возраста. Естественно, некоторые мужчины пытаются скрыть лысину с помощью накладных волос или париков, но подобные действия определяются их личностными чертами (Franzoi et al, 1990; Gosselin, 1984).

Мужчин с длинными волосами, напротив, оценивают как более женственных, не соответствующих представлениям о мужчинах, более молодых и менее сильных, образованных и умных в сравнении с мужчинами с короткими волосами (Pancer and Meindl, 1978; Peterson and Curran, 1976). Однако эти исследования проводились в тот период политической истории Запада, когда длина волос у мужчин отождествлялась с социально-политической активностью. Еще меньше работ посвящено исследованию длины волос у женщин, хотя Терри и Кранцу (Terry and Krantz, 1993) удалось выяснить, что длинные волосы у женщин ассоциируются с пониженным социальным влиянием. Это может быть связано с тем, что длинные волосы смягчают овал лица и делают его более молодым.

Волосы на теле

Установки в отношении волос на теле человека также объясняются как эволюционная адаптация. Барбер (Barber, 1995) предполагает, что отсутствие волос на теле, в особенности у женщин, является сексуально привлекательным женским признаком, потому что указывает на молодость. С возрастом у женщин повышается уровень тестостерона, что приводит к росту волос на теле, в связи с чем отсутствие таких волос можно связать с плодовитостью и молодостью. Однако связь между отсутствием волос и молодостью, возникшая в результате эволюции, пока еще остается не совсем понятной.

Начнем с того, что тело женщины, полностью лишенное волос, является более точным признаком того, что она еще не достигла половой зрелости, т. е. обладает очень низким репродуктивным потенциалом. Кроме того, установки в отношении волос на теле (включая волосы в подмышечных впадинах и на лобке) гораздо чаще отражают культурные и личные нормы и могут простираться от удовольствия до отвращения по поводу как присутствия таких волос, так и их отсутствия. В большинстве западных обществ в конце XX в., особенно среди женщин, сформировалась тенденция удалять волосы на теле, и главной причиной для этого стало появление сексуальных образов женщин, не имеющих волос на теле, в рекламе и других средствах информации.

Если говорить о мужчинах, то в некоторых культурах большое количество волос на мужской груди служит символом половой зрелости и мужественности, в то время как в других мужское тело, лишенное волос, служит признаком молодости. В современном западном обществе многих мужчин занимает вопрос депиляции, т. е. удаления волос с тела ниже уровня шеи. По результатам одного из исследований, более 60% опрошенных мужчин сообщили, что делают депиляцию (Boroughs et al., 2005), и лучшим объяснением этого факта может быть сформированный обществом идеал мужской привлекательности.

Цвет кожи

Практически во всех культурах мужчины и женщины имеют разный цвет кожи: у женщин он светлее, а у мужчин, как правило, темнее (см. цветную вклейку, рис. 4; Frost, 2005; Jablonski and Chaplin, 2000). Это следствие может быть продуктом естественного отбора в период беременности и лактации повышается выработка организмом витамина D, что приводит к снижению пигментации. В ходе естественного отбора отдается предпочтение более светлому цвету кожи у женщин (Jablonski and Chaplin, 2000). Кроме того, Фрост (Frost, 2006) считает, что на эту особенность был ориентирован и половой отбор, в результате чего у европейцев появилась более светлая кожа (Frost, 1994a, 1994b; Manning et al, 2004), и это может объяснить кросс-культурные различия в цвете кожи.

Но действительно ли у мужчин и женщин существуют устойчивые предпочтения в отношении цвета кожи партнеров противоположного пола? В литературе по антропологии приводится множество фактов, подтверждающих существование среди представителей этнических племен предпочтения женщин с цветом кожи

светлее среднего уровня, существующего в данной местности (van der Berghe and Frost, 1986). В западных обществах светлые волосы и кожа ассоциируются с сексуальной привлекательностью, особенно у женщин (Guthrie, 1976). Однако этот феномен не ограничивается Западом: Ван дер Берг и Фрост (van der Berghe and Frost, 1986), проанализировав доступные данные по 51 обществу, выяснили, что в 47 из них предпочтение отдается более светлым оттенкам кожи у женщин. При этом существует ряд данных, указывающих на то, что в рамках этнических групп женщины предпочитают мужчин с более темной кожей (Aoki, 2002; Frost, 1988, 2005; van der Berghe and Frost, 1986).

Однако в разных этнических группах картина осложняется различиями в способах взаимодействия эволюционных и социально-культурных примеров. С одной стороны, имея возможность выбора, индивидуумы обычно идеализируют цвета кожи, которые отражают норму, существующую в их собственной этнической группе. Суэми и его коллеги (Swami et al., 2007e) предлагали участникам исследования, представляющим восемь различных национальных окружений, изображения женщин, у которых цвет кожи варьировался от светлого до темного. Они выяснили, что представления о привлекательности этих женщин носили местный характер: например, жители острова Барбадос считали привлекательными более темные оттенки кожи, чем британцы или австрийцы.

В некоторых обществах предпочтения в отношении цвета кожи осложняются еще больше колониальным и расистским наследием прошлого, которое предполагает опорочивание более темных оттенков (Ducille, 1996; Hall, 1995; Russell et al, 1992; Swami, 2007). Почти во всех обществах, переживших колониальную оккупацию (и во многих других, где ничего подобного не происходило), имперская идеология связывает светлый оттенок кожи с добродетелью и властью. Это происходит не только под действием расистских законов: Холл (Hall, 1995) рассказывает о том, как концепции черной расы высмеивались и порочились в искусстве и культуре. Например на многих картинах, написанных в XVIII и XIX вв., изображали белую женщину, принадлежащую к высшему классу, в окружении одного или более чернокожих слуг, которых часто изображали протягивающими жемчуг, кораллы или другие ценности своей хозяйке (см. цветную вклейку, рис. 5). Как слуги, так и их подношения — символы Африки, и все это служит знаками в социальной конструкции, которая выделяет белокурую женщину, как красивую (Hall, 1995; Swami, 2007). Даже сегодня индивидуумы с кожей темного цвета сталкиваются с дискриминацией чаще, чем люди со светлой кожей (Frisby, 2006; Keenan, 1996; Leslie, 1995), а европейские черты соответствуют более высокому статусу даже в некоторых небольших этнических группах (Maddox, 2004; Thompson and Keith, 2001).

Сильная связь существует также между цветом кожи и социальным статусом (Keith and Herring, 1991). Во многих доиндустриальных обществах загорелая кожа означает, что человеку приходится большую часть дня работать на улице, и, соответственно, он беден или не имеет образования. В различные моменты истории, например в Древнем Египте и Китае, светлая кожа считалась более привлекательной, так как такая кожа означала, что человек достаточно богат, чтобы не заниматься физическим трудом. Женщины и богини, изображенные на древних китайских картинах, часто обладают светлой кожей, т. е. признаком, который

обычно ассоциируется с девушками из королевских или благородных семей, которые могут позволить себе большую часть времени проводить дома.

В некоторых индустриальных обществах, напротив, непривлекательной считается бледная кожа, так как она воспринимается как нездоровый признак того, что человек работает в городском районе с загрязненной атмосферой и недостатком солнечного света. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что сегодня загорелая кожа приобретает все большую популярность в западных и некоторых восточных субкультурах, таких как «гангуро» (ganguro) в Японии. Несмотря на то что ультрафиолетовое облучение представляет собой основной фактор риска в развитии рака кожи (Armstrong and Kricker, 2001; Diepgen and Mahler, 2002), загар оказывает позитивное влияние на внешность как женщин, так и мужчин (Bond and Cash, 1992; Broadstock et al., 1992; Hill, 2002; Jackson and Aiken, 2000; Miller et al., 1990; Sahay and Piran, 1997; Smith et al, 2007).

Важную роль в формировании установок по отношению к загару играют социально-культурные влияния, особенно такие, как средства массовой информации, сверстники и члены семьи (Cafri et al., 2006). Некоторые теоретики считают, что рост доходов людей в сочетании с расширением возможностей поездок в теплые страны зимой позволяет цвету кожи стать повсеместным признаком рода занятий человека. В развитых странах возможность получения загара служит символом статуса, и это сообщение передается людям через средства массовой информации и социальные взаимодействия (Jackson and Aiken, 2000; Wichstorm, 1994). В одном из последних исследований испытуемые, которые смотрели журнальную рекламу с участием загорелых моделей, давали значимости загара для общей привлекательности более высокие оценки, чем члены контрольной группы (которые смотрели нейтральные стимулы), что позволяет предположить, что подобная форма передачи информации обусловливает более позитивные оценки внешности загорелого человека (Lee et al., 2004).

Таким образом, хотя результаты некоторых исследований подтверждают предпочтение цвета кожи, который светлее средних показателей, эти предпочтения могут систематически различаться в зависимости от воспринимаемого социально-экономического статуса. Когда цвет кожи, светлый или темный, ассоциируется с низким социально-экономическим статусом, он, как правило, не считается ценным и поэтому воспринимается как менее привлекательный. Этот пример соответствует предположению о том, что в большинстве, если не во всех, человеческих обществах люди конкурируют за авторитет (Henrich and Gil-White, 2001). Фредерик с коллегами (Frederick et al, 2005) предполагают, что человеческое тело может быть важной ареной для борьбы за престиж. Хотя их рассуждения ограничиваются выделенностью мужской мужественности и формой или стройностью женского тела, идеалы цвета кожи также могут стать местом конкуренции в области престижа, которая затрагивает оба пола.

«Плавающая» (меняющаяся) асимметрия

Один из самых крупных споров в истории искусства связан с неожиданным открытием асимметричности черт лица Венеры Милосской, известной античной скульптуры, которая в настоящее время хранится в Лувре в Париже (Swami, 2007).

В действительности большинство людей осознает, что им не свойственна полная симметрия, чего бы это ни касалось — формы глаз и ушей, рук или грудей и даже улыбки. У многих людей асимметричны брови и морщины. С течением времени эта асимметрия может увеличиваться или как минимум становиться более заметной. В научной литературе такую асимметрию называют «плавающей» асимметрией, или небольшими отклонениями от абсолютной двусторонней симметрии в признаках, которые в среднем не демонстрируют никакой направленной асимметрии (Simons et al., 2004).

Многие эволюционные психологи считают отклонения от абсолютной симметрии результатом стрессоров, существующих в окружающей среде, таких как ослабленное питание, болезни и паразитарные инфекции. Другими словами, такие внешние факторы, как загрязняющие вещества, патогенные микроорганизмы и физические травмы, оказывают неблагоприятное влияние на симметричное развитие. Таким образом, предполагается, что более высокая симметрия отражает присутствие «хороших генов», так как свидетельствует о том, что индивидуум способен сопротивляться стрессогенным факторам окружающей среды. Одним словом, эволюционные психологи утверждают, что только самые здоровые особи популяции обладают способностью достигать симметрии, несмотря на неблагоприятные окружающие условия (Thornhill and Gangestad, 1993).

Ученые выяснили, что «плавающая» асимметрия может играть важную роль в жизни растений и животных, когда они сталкиваются с необходимостью борьбы за выживание, половых партнеров и размножение (Moller, 1996; Moller and Swaddle, 1997; Moller and Thornhill, 1998; Swadle and Cuthill, 1994; Thornhill, 1992). Например, самки деревенских ласточек предпочитают самцов с симметричными хвостами тем, у кого хвосты асимметричны (Moller, 1992), а самки павлинов отдают предпочтение самцам с длинными хвостами, украшенными большим количеством симметричных глазных пятен (Petrie et al., 1991). Предположение, лежащее в основе этих исследований, состоит в том, что если выбор партнера влечет за собой появление парных структур или украшений, то размер и симметрия украшений могут служить надежным признаком сильного партнера.

Что свидетельствует о важности симметрии для людей? Прежде всего, это тот факт, что для ранних форм искусства, в особенности рисунков на лице и теле, характерна одна общая черта — использование симметричных узоров (рис. 4.3; Boas, 1955; Brian, 1979; Ebin, 1979). Традиционно предпочтение симметрии в рисунках на лице и теле связывали с культурными процессами, однако сегодня ученые считают такое объяснение недостаточным. Одна из причин возникновения таких сомнений заключается в том, что многие культуры, демонстрирующие такое предпочтение, находятся во временной или географической изоляции (Levi-Strauss,1963), а другая связана с отсутствием влияния научения на это предпочтение (Rentschler et al., 1998; Washburn and Humphrey, 2001). Вполне возможно, как это предполагают эволюционные психологи, что предпочтение симметрии представляет собой эволюционное предпочтение, оказывающее влияние на культурные практики (Cardenas and Harris, 2006).

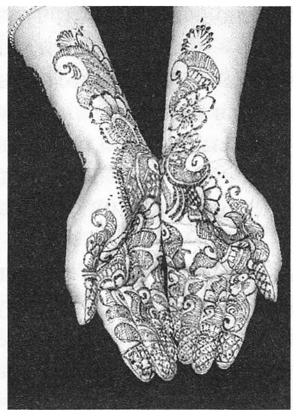

Рис. 4.3. Для ранних форм искусства, в особенности рисунков на лице и теле представителей различных племен, характерна одна общая черта - использование симметричных узоров.
Copyright © Jim Zuckerman/CORBIS

Исследования показывают, что более симметричные мужские фигуры и лица привлекают внимание большего числа половых партнеров и чаще занимаются сексом (Thornhill and Gangestad, 1999) и что частота оргазмов у женщин связана с низкой «плавающей» асимметрией у партнеров мужского пола (Thornhill et al, 1995). Однако эти исследования не дают прямой оценки влияния «плавающей» асимметрии на привлекательность индивидуума, и было бы полезно выяснить, насколько подобная асимметрия снижает оценки привлекательности. На практике исследования «плавающей» асимметрии, проводимые эволюционными психологами, рассматривают тело и лицо отдельно.

Целый ряд исследований посвящен изучению симметрии лиц с помощью изменения их изображений в сторону повышения или уменьшения симметрии. Некоторые из этих исследований показывают предпочтение симметрии лица при вынесении суждений о привлекательности как мужских лиц, так и женских (Koehler et al, 2002; Perrett et al., 1999; Rhodes et al., 2001a, 2001b). Джиллиан Родес и ее коллеги (Rhodes et al, 1999) в ходе своих экспериментов доказали: если соединить половину лица с ее зеркальным отражением, чтобы сделать его идеально симметричным, лицо становится значительно привлекательнее. Однако результаты других исследований свидетельствуют о том, что такие симметричные лица воспринимаются как менее привлекательные (Sawaddle and Cuthill, 1995) или вообще не наблюдается никаких предпочтений (Noor and Evans, 2003).

У всех этих исследований есть один недостаток: они предоставляют определенные доказательства в пользу существования предпочтения симметрии, однако не дают ответа на вопрос о степени его значимости. Вполне вероятно, что симметрия действительно важна для людей, однако она имеет меньшее значение, чем другие особенности лица, такие как полодиморфические признаки (Gangestad and Scheyd, 2005). Джоанна Шейб и ее коллеги (Scheib et al., 1999), например, выяснили, что симметрия лица и тела является предпосылкой привлекательности мужчины, однако в первом случае достаточно видеть

половину лица, которой присущи минимальные указатели симметрии. Размер нижней челюсти, высокие скулы и здоровая кожа — все они коррелируют с симметрией и могут быть причиной ее связи с привлекательностью (Gangestad and Thornhill, 2003; Jones et al., 2004).

Еще меньше исследований посвящено изучению влияния «плавающей» асимметрии на привлекательность тела человека, при этом данные, полученные в ходе их проведения, нельзя назвать убедительными. Сингх (Singh, 1995a) использовал схематичные изображения женских фигур с различной степенью симметрии грудей и получил результаты, свидетельствующие о том, что обе эти переменные играют важную роль в формировании суждений о привлекательности. В ходе своих экспериментов Сингх создавал асимметрию груди, при которой одна из грудей заметно провисала, в результате чего испытуемые оценивали изображенных на рисунках женщин как более старых. Данные, полученные Сингхом, были подтверждены другими исследованиями (Furnham et al., 2006).

В более поздних исследованиях, чтобы найти ответ на рассматриваемый вопрос, ученые использовали новые технологические средства. Так, Мартин Тове и его коллеги (Tovee at al., 2000) для проведения исследования симметрии воспользовались компьютерными технологиями, с помощью которых они меняли фотографические изображения 25 женских тел, придавая им полную симметрию. Когда участников эксперимента просили оценить этих женщин с точки зрения привлекательности, не наблюдалось никакого различия в оценках нормальных изображений (имеющих отклонения в симметрии) и измененных (полностью симметричных) вариантов. Однако когда испытуемым показывали одновременно неизмененное изображение и его симметричный вариант и просили выбрать наиболее привлекательное тело, они, как правило, отдавали предпочтение симметричному изображению. Этот эффект был незначительным, что позволяет предположить, что симметрия может иметь определенное значение при вынесении суждений о привлекательности, однако не большое.

Слабая связь между симметрией и привлекательностью может быть объяснена тем, что «плавающая» асимметрия служит плохим признаком качества здоровья или «хороших генов». В одном из наиболее часто цитируемых исследований, проведенном Шекелфордом и Ларсеном (Shackelford and Larsen, 1997), студенты старших курсов в течение месяца вели дневники, в которые ежедневно записывали различные симптомы, связанные с состоянием своего здоровья. Согласно полученным результатам, низкая «плавающая» асимметрия лица была связана с более хорошим физиологическим здоровьем. Однако Виден и Сабини (Weeden and Sabini, 2005) пересчитали корреляции, представленные в этой работе, и высказали предположение, что между «плавающей» асимметрией лица и физиологическим здоровьем существует слабая связь. Более того, сделанный ими анализ двух других исследований, которые привели к точно таким же выводам (Rhodes et al., 2001b; Tomkinson and Olds, 2000), также бросает тень сомнения на существование связи между здоровьем и «плавающей» асимметрией лица. То же самое можно сказать об исследованиях, связывающих симметрию тела и здоровье, где речь идет в лучшем случае об очень незначительной связи.

Рост и длина тела

Предпочтения в отношении роста женщин и мужчин — это очень мало изученная тема, что вызывает определенное удивление, учитывая значение роста в массовой культуре и достаточную простоту и надежность способов его оценки (Freedman, 1969b). Согласно научным исследованиям рост человека оказывает сильное влияние на его характер и личностные качества, и это влияние настолько высоко, что психолог Альфред Адлер предложил такое понятие, как «комплекс Наполеона», для описания случаев, когда небольшой рост заставляет людей чувствовать себя несовершенными. У таких людей маленький рост может привести к формированию чувства неполноценности и принятию излишне агрессивного поведения для компенсации отсутствия соответствующего роста или силы.

У людей рост является полодиморфическим признаком: среди большинства этнических групп мужчины, как правило, выше женщин на несколько дюймов (Gillis and Avis, 1980). Эволюционные психологи считают, что высокий рост у мужчин ассоциируется с «хорошими генами», так как отражает их более высокий репродуктивный успех в сравнении с мужчинами среднего роста. В своей работе Павловски с коллегами (Pawlowski et al., 2000) показали, что мужчины, обладающие ростом выше среднего, имеют больше детей, чем мужчины среднего роста: в целом каждый метр остаточной длины тела (скорректированной в соответствии с возрастом и местом рождения) стоит одного полноценного потомка, рожденного в течение жизни. А Неттл (Nettle, 2002a) приводит данные о том, что среди жителей Великобритании мужчины, рост которых выше среднего, на протяжении жизни имеют большее количество совместно проживающих с ними партнеров и для них характерна более низкая вероятность бездетности или отсутствия серьезных отношений.

В свете этой точки зрения эволюционные психологи приводят множество примеров того, что высоких мужчин считают более привлекательными, чем мужчин среднего роста. Так, женщины оказывают явное предпочтение мужчинам, которые выше их самих (Pawlowski, 2003), а более высокие мужчины получают больше ответов на свои объявления о знакомстве (Pawlowski and Koziel, 2002). Кроме того, известно, что женщины выходят в свет со своими более высокими партнерами чаще, чем с партнерами меньшего роста (Sheppard and Strathman, 1989), а большинство женщин, размещающих в газетах объявления о знакомстве, указывают рост как важное качество предполагаемого партнера (Jackson and Ervin, 1992). Одним словом, высокий рост делает мужчину привлекательным, потому что ассоциируется с воспринимаемыми свидетельствами репродуктивного успеха. Следует отметить, что мужчины с наиболее высоким репродуктивным успехом, участвующие в исследовании Дэниела Неттла (Nettle, 2002a), были одного роста (1 м 80 см) с теми, кого женщины называли наиболее привлекательными в исследовании Хенсли (Hensley, 1994).

Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что для женщин, напротив, рост выше среднего не является преимуществом в плане репродуктивного успеха (Nettle, 2002b). Это означает, что обладание ростом выше среднего не влияет на репродуктивный успех женщин так, как это происходит в случае с муж-

чинами. Это согласуется с предположением, что при формировании суждений о выборе партнера мужчинам свойственно выбирать женщин, которые меньше их ростом (Gillis and Avis, 1980). Рост играет менее важную роль в привлекательности женщин, а мужчины считают женщин среднего роста более привлекательными и чаще назначают им свидания (Jackson and Ervin, 1992; Sheppard and Strathman, 1989).

Тем не менее до сих пор остается неясной степень влияния роста на физическую привлекательность. Виден и Сабини (Weeden and Sabini, 2005) отмечают, что рост может быть важен при принятии решений о выборе партнера (так же, как и другие характеристики, такие как образование, политические взгляды и так далее), но при этом не является «привлекательным» в смысле влияния на суждения о привлекательности людей. Есть множество отдельных примеров и ряд эмпирических данных, которые свидетельствуют о том, что люди предпочитают партнеров с комплементарным ростом, но при этом они нередко довольствуются теми, чей рост соответствует основным социальным стереотипам (для женщин — выше их самих; для мужчин — ниже их самих; Cameron et al., 1977; Hensley, 1994; Martel and Billier, 1987). Неоднонаправленный подбор партнеров по росту широко распространен в западных обществах (Susanne and Lepage, 1988), а также в некоторых группах, не принадлежащих к западной культуре (Ahmad et al., 1985).

Вместе с тем некоторые исследования свидетельствуют о том, что мужчины среднего роста считаются более привлекательными в качестве половых партнеров, чем очень высокие или очень низкие (Graziano et al., 1978). Кроме того, невысокие мужчины иногда внушают большую симпатию из-за того, что высокий рост может казаться пугающим (Graziano et al., 1978). Наконец, ряд исследований показывает, что высокий рост ассоциируется с плохим здоровьем и смертностью (Gunnell et al., 2003b; Samaras et al., 1999; Shors et al., 2001). Хотя все сказанное не обязательно исключает объяснение с точки зрения теории «хороших генов» — особенно если учесть, что рост может быть настолько дорогостоящим признаком и обеспечивать существенные преимущества, связанные с эволюционным процессом (например, способность устрашать соперников), однако это объяснение следует применять с осторожностью.

Ситуация усложняется еще больше из-за существования связи между ростом и социально-экономическим статусом. Джадж и Кейбл (Judge and Cable, 2004) провели анализ исследований, посвященных вопросу роста и успехов на работе, и установили высокую корреляцию между ростом и успехом и доходами. Полученные ими результаты указывают на «возможность прогнозирования того, что за 30 лет работы индивидуум, рост которого составляет 180 см, может заработать на 166 тысяч долларов [США] больше, чем человек с ростом 162 см» (Judge and Cable, 2004; 437). Для объяснения связи между ростом и успехами на работе Джадж и Кейбл (Judge and Cable, 2004) предложили модель, включающую в себя несколько опосредованных процессов влияния (рис. 4.4).

Во-первых, рост влияет на то, как люди рассматривают самих себя (самооценка), и то, как их оценивают другие (социальная оценка). Социальная оценка и самооценка воздействуют на результаты работы человека и на оценку его работы со стороны его руководителя. Это, в свою очередь, определяет тот успех, ко-

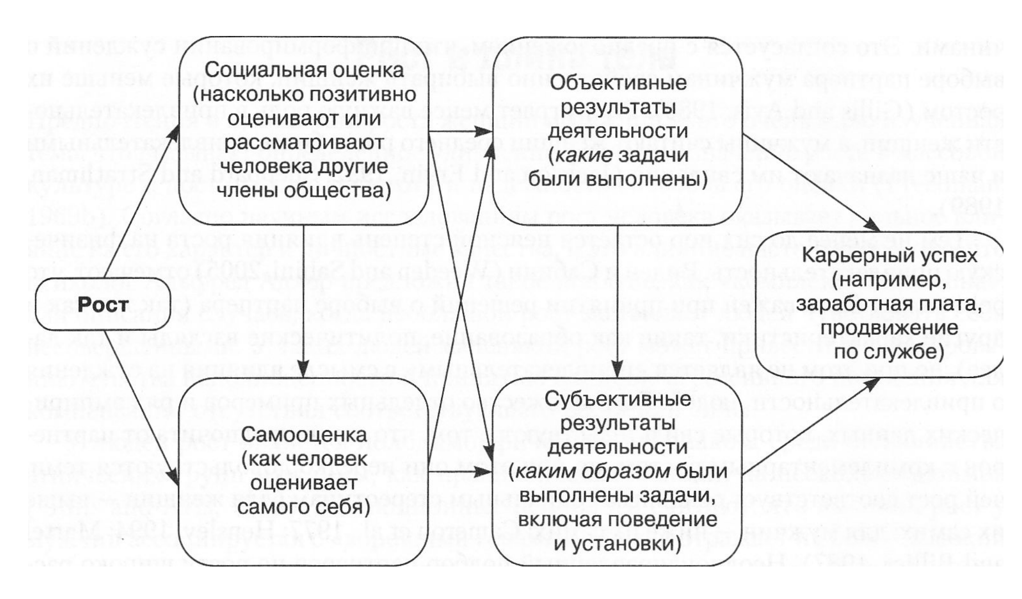

Рис. 4.4. Связь между ростом человека и результатами его работы (адаптировано из Judge and Cable, 2004: 429)

торого человек достигает в своей карьере. Джадж и Кейбл (Judge and Cable, 2004) пришли к выводу, что рост связан с результатами трудовой деятельности человека, хотя не так сильно, как с социальной оценкой и самооценкой. В частности, полученные ими данные указывают на то, что рост играет более важную прогностическую роль в том, что касается субъективных оценок, а не объективных результатов. Другими словами, рост определяет то, как наблюдатели воспринимают и оценивают других людей, в большей степени, чем реальные результаты работы.

Исследования позволяют предположить, что в дополнение к возможным врожденным предрасположенностям женщины могут научиться предпочтению признаков, которые служат надежными указателями ресурсов и к которым в данном случае относится рост (Barrett et al., 2002). Такое научение может происходить через непосредственный опыт или через культурную передачу определенных правил в отношении поведения. Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что более высокие мужчины добиваются большего социального и экономического успеха (Higham and Carmet, 1992; Jackson and Ervin, 1992; Kurtz, 1969; Lester and Sheehan, 1980; Stogdill, 1948; Young and French, 1998), что подтверждает идею научения через наблюдение.

Длина ног

Когда мы говорим об исследованиях, рассматривающих рост человека, следует упомянуть связанную с этим концепцию о том, что некоторые мужчины предпочитают длинные женские ноги, о чем свидетельствует целый ряд примеров, опи-

санных в научной литературе (Morris, 1987). Рост моделей, которых мы видим в глянцевых журналах и на показах мод, превышает рост нормальных женщин в среднем на 11 см (Tovee et al., 1997), причем в большей степени это связано с различием в длине ног. Однако существует очень незначительное количество исследований, посвященных вопросу влияния длины ног на физическую привлекательность. Редким исключением является работа Вирена Суэми и его коллег (Swami et al., 2006), в которой они утверждают, что существует один атрибут, позволяющий объяснить предпочтение, связанное с длиной ног, — отношение длины ног к длине тела (leg-to-body, LBR) — НДТ. В связи с тем что это отношение достаточно легко определить, его часто используют в качестве критерия для изучения уровней питания и развития, особенно у детей (Albanes et al., 1988).

С точки зрения эволюционной психологии существует ряд причин, определяющих значение отношения длины ног к длине тела в эстетических оценках мужчин и женщин. Прежде всего, это отношение может служить сигналом или признаком стабильного развития в детстве и текущего состоянии здоровья. В первом случае прерывание роста на любом этапе жизненного цикла приводит к формированию довольно длинного туловища и коротких ног (Leitch, 1951). Если происходит значительное замедление темпов роста (например, вследствие недостаточного питания или психологического стресса), у взрослого человека будут более короткие ноги по отношению к туловищу. Некоторые исследования свидетельствуют о том, что длина ног, измеренная в детстве, может быть той составляющей роста, которая наиболее чувствительна к влияниям окружающей среды. Кроме того, большая длина ног по отношению к туловищу ассоциируется с различными жизненными результатами, в числе которых сниженный риск возникновения коронарной болезни, устойчивость к диабету, низкое кровяное давление, лучшее состояние сердечно-сосудистой системы, более низкая смертность во взрослом состоянии и сниженный риск развития рака (Davey Smith et al., 2001; Gunnel et al., 2003a, 2003b).

Исходя из этой точки зрения, можно предположить, что более высокое отношение длины ног к длине тела будет предпочтительнее как у мужчин, так и у женщин, так как оно служит показателем способности к сопротивлению повреждающим факторам, связанным с развитием, и текущего состояния здоровья. Однако когда Суэми и его коллеги (Swami et al., 2006a) проверили эту гипотезу с помощью рисунков мужских и женских фигур с различным отношением длины ног и тела (рис. 4.5), они выявили предпочтение более высокого соотношения у женщин, но не у мужчин, что позволило им предположить, что это отношение играет разную роль в суждениях мужчин и женщин. В связи с тем что отношение длины ног и тела является полодиморфическим признаком, а у женщин оно больше, чем у мужчин, более высокий показатель этого соотношения может быть связан с женственностью, а более низкий — с мужественностью. Более того, пик роста человека приходится на подростковый возраст, поэтому более высокое отношение длины ног и длины тела может также служить признаком молодости, которая больше ценится у женщин. Таким образом, половой диморфизм соотношения длины ног и тела мог развиться в результате предпочтения мужчинами женщин с более высоким отношением длины ног и длины тела.

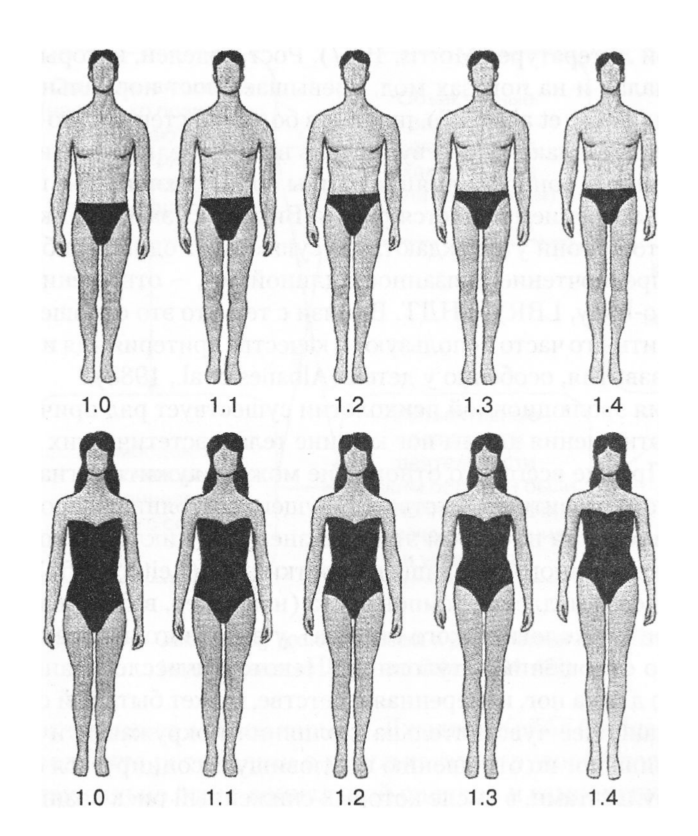

Рис. 4.5. Рисунки фигур, использованных для изучения предпочтений в сфере отношения длины ног к длине тела (отношения указаны под каждым изображением) (из Swami et al., 2006)

Однако результаты этих исследований не являются окончательными, поэтому необходимо проведение дальнейшей работы для объяснения того, каким образом длина ног может быть связана с привлекательностью мужчин и женщин. Суэми с коллегами (Swami et al., 2006c) высказывают предположение, что результаты их исследования можно объяснить с помощью социально-культурных установок и предпочтений в плане длины ног относительно туловища. Как отмечает Моррис (Morris, 1987), демонстрация женских ног давно считается сексуально привлекательной, по крайней мере, в контексте западного общества. В различные периоды существовали самые разные представления о том, в какой степени женщине позволительно демонстрировать свои ноги. Мужские ноги, напротив, привлекают гораздо меньше внимания, что можно объяснить требованиями моды (Morris, 1987). С другой стороны, привлекательными могут считаться другие аспекты мужских ног, такие как мускулистость. Последнее согласуется с идей, что мускулистость является важной составляющей физической привлекательности мужчин, по крайней мере, в отношении верхней части тела (Maisey et al., 1999; Swami and Tovee, 2005a).

Тем не менее отношение длины ног и длины тела подкрепляет популярное представление о том, что длина ног является важной особенностью женской при-

влекательности. На сегодняшний день остается неясным, насколько предпочтения в области соотношения длины ног и тела могут быть связаны с предпочтением общего роста, и вполне вероятно, что это отношение может быть использовано только после того, как будут «отфильтрованы» другие атрибуты (такие, как вес тела и рост) (Fan, 2007). Определенную роль в общей привлекательности может играть не только длина ног, но и их форма. Например, обувь на высоких каблуках может подчеркнуть лодыжку, которую некоторые люди саму по себе считают привлекательной.

Размер стопы

Еще одним половодиморфическим признаком у людей является размер стопы: как правило, у женщин стопы меньше, чем у мужчин (Fessler et al., 2005a). Фесслер с коллегами (Fessler et al., 2005b) предполагают, что половой диморфизм размера стопы является продуктом полового отбора более маленькой стопы у женщин. Они отмечают, что стопы у детей меньше, чем у взрослых, поэтому небольшая стопа у взрослого человека может рассматриваться как признак молодости (Barber, 1995). Кроме того, эта идея подтверждается тем, что у женщин размер стопы увеличивается с возрастом и в результате деторождения.

Используя рисунки мужчин и женщин, которых отличал только относительный размер стоп, Фесслер с коллегами (Fessler et al, 2005b) определили, что в нескольких отдельных культурах в случае с женщинами предпочтение, как правило, отдается маленькому размеру стоп, в то время как у мужчин предпочтительными являются стопы среднего размера. По их мнению, это подтверждает идею о том, что размер женской стопы является признаком, выбранным в результате полового отбора, тем более что только с точки зрения естественного отбора объяснить диморфизм размера стоп невозможно. Учитывая предрасположенность к падениям во время беременности, связанную с небольшим размером стоп, можно было бы ожидать, что естественный отбор будет поддерживать больший размер стоп по отношению к длине тела женщин в сравнении с мужчинами. Однако существование противоположного примера позволяет предположить, что именно половой отбор сформировал размер стоп у женщин и постоянное предпочтение маленьких женских стоп у мужчин.

Тем не менее следует с осторожностью применять данные, полученные Фесслером и его коллегами (Fessler et al., 2005b), к таким культурным практикам, как бинтование стоп, которое было распространено в Китае вплоть до начала XX в. (рис. 4.6). Эта практика заключается в обертывании стоп молодых женщин бинтами для предотвращения их нормального роста, в результате чего стопы остаются маленького размера, но при этом сильно деформируются. Исходя из результатов исследования Фесслера и его коллег (Fessler et al., 2005), можно предположить, что такие практики возникли из-за того, что мужчины находят маленькие ноги привлекательными, однако было бы ошибкой думать, что они могут считать деформированные ноги эротичными. Чаще всего мужчины вообще не видят забинтованные ноги женщин, так как в большинстве традиционных культур они прикрыты одеждой. Кроме того, социологи утверждают, что бинтование ног проводилось для того,

чтобы сделать женщин зависимыми от мужчин, так как в таком состоянии они не могли ходить, стоять прямо или даже удерживать свой вес без поддержки мужчины.

Рис. 4.6. Практика бинтования ног была широко распространена в Китае вплоть до начала XX в. и предполагала обертывание стоп молодых женщин бинтами для предотвращения их нормального роста. Copyright © Michael S. Yamashita/CORBIS

Голос

Эволюционных психологов интересуют не только физические особенности человеческого тела, но и нефизические характеристики, такие как голос (Puts, 2005; Puts et al, 2006). Ученые предполагают, что в ходе эволюционной истории человечества голос мог служить важным признаком в выборе партнера, особенно в ночное время, когда видимость снижена (Hughes et al, 2002). Это связано с тем, что вне зависимости от речевого контента звук человеческого голоса предоставляет слушателю важную информацию о множестве биологически значимых особенностей, таких как социально-демографические характеристики, флуктуирующая асимметрия и половое поведение (Collins, 2000; Dabbs and Mallinger, 1999).

Прослушивая образцы голосов, люди могут сделать выводы о социально-экономическом статусе говорящего (Ellis, 1967; Harms, 1963), его личностных особенностях (Zuckerman and Driver, 1989), а также о признаках эмоционального и ментального состояния (Ekman et al., 1976; Streeter et al, 1977). Слушатели также могут оценить возраст, рост и вес говорящего с той же точностью, которая возможна при оценке фотографий (Krauss et al., 2002). Результаты исследования, прове-

денного Хьюзом и его коллегами (Hughes et al, 2002), показывают, что голоса индивидуумов с симметричными морфологическими чертами оцениваются как более привлекательные, а по мере усиления отклонений от двусторонней симметрии происходит снижение оценок привлекательности.

Хьюз и его соавторы (Hughes et al., 2002) отмечают, что развитие голоса происходит в подростковом возрасте под влиянием активизирующих половых гормонов. Эстроген и прогестерон формируют голос женщин, а мужской голос видоизменяется под действием тестостерона (Abitbol et al., 1999). Эти же самые гормоны участвуют в развитии особенностей телосложения, характерных для каждого пола, таких как отношение «плечи—бедра» у мужчин и «талия—бедра» у женщин (см. главу 5). На основании этого Хьюз с коллегами (Hughes et al., 2004) утверждают, что голоса женщин с низким отношением «талия—бедра» (ОТБ) и мужчин с более высоким отношением «плечи—бедра» оцениваются как более привлекательные в сравнении с теми, у кого эти соотношения выше или ниже соответственно. Они также говорят о связи между оценками привлекательности голоса и различными особенностями полового поведения, о которых сообщают сами испытуемые и в число которых входят возраст, когда был пережит первый сексуальный опыт, и количество половых партнеров.

Люди воспринимают индивидуумов с привлекательными голосами более благоприятно и считают, что они обладают более желательными личностными характеристиками (Zuckerman and Driver, 1989). Более того, чем выше оценки привлекательности голоса, тем более похожим на себя считает участник эксперимента говорящего и тем больше его желание вступить с ним в контакт (Miyake and Zuckerman, 1993). Некоторые авторы называют это явление «стереотипом голосовой привлекательности» (Zuckerman and Driver, 1989; Zuckerman et al., 1990), а Хьюз с коллегами (Hughes et al., 2004) считают, что люди, обладающие голосовой привлекательностью имеют большие сексуальные возможности.

Как собрать Шалтая-Болтая

В своем «Эссе о критике» (Essay on Criticism, 1711) Александр Поуп пишет: «Не губы и глаза зовем мы красотой, а соединение всех черт и окончательный результат». Это высказывание отражает широко распространенное мнение, что красоту следует искать не в отдельных чертах человека, а в их единстве. В этой главе мы рассмотрели самые разные физические особенности человеческого тела, но не выяснили, в какой степени эти атрибуты взаимодействуют друг с другом, определяя общую физическую привлекательность. В конце концов, когда мы смотрим на человека, то видим гораздо больше, чем простую сумму частей его тела (Swami, 2007). Это согласуется с мыслью о том, что нет никакого смысла в создании психологически адаптированных модулей, выявляющих предпочтения для каждой конкретной черты, тем более что существует возможность использования более обобщенного механизма (например, «выбрать хорошего партнера») (Sterelny and Griffiths, 1999).

Однако на удивление мало исследований посвящено изучению этой возможности, а имеющиеся на сегодняшний день работы, как правило, сфокусированы

на том относительном вкладе, который вносят в физическую привлекательность лицо и тело. Как свидетельствуют данные исследований, лицо оказывает на суждения о привлекательности более сильное влияние, чем характерные особенности тела, такие как ОТБ или вес (Furnham et al., 2001). Так, Мьюзер с коллегами (Mueser et al., 1984) выяснили, что оценки привлекательности женских лиц позволяют объяснить более значительную часть различий в оценках всей фигуры человека, чем оценки тела. Это предполагает, что при формировании суждений об общей привлекательности людям свойственно использовать в большей степени признаки, которые они видят на лице, а не те, которые связаны с телом. В этом нет ничего удивительного: лицо является наиболее информативной частью тела (Symons, 1979) и, таким образом, может сообщить об общем состоянии здоровья человека.

С другой стороны, Торнхилл и Граммер (Thornhill and Grammer, 1999) считают, что лицо и тело следует рассматривать как «единое украшение, сигнализирующее о качестве». Согласно результатам проведенного ими исследования, между оценками привлекательности лица женщины, ее вида сзади и спереди существуют позитивные корреляции, которые они использовали для того, чтобы выдвинуть предположение о едином украшении, или сложной характерной черте, действующей в процессе конкуренции за партнеров, которая сигнализирует о гормональном здоровье. В частности, они утверждают, что влияние эстрогена на развитие полодиморфических черт женских лиц и тел приводит к возникновению постоянных внешних сигналов на лице и теле. А если учесть, что формирование других полодиморфических особенностей (таких, как соотношение длины ног и длины тела, рост и голос) также подвержено влиянию половых гормонов, то их тоже можно считать частью этого единого украшения.

Это, конечно же, не исключает возможности «различий» в действии отдельных составляющих сигнала при определенных обстоятельствах. Например, в некоторых ситуациях передача сигналов с помощью жировых отложений на ягодицах позволяет женщинам добиться большего успеха в привлечении партнеров, и при таком сценарии значение этих отложений может превзойти значение привлекательности лица (см. главу 6). Или полный (а значит, нездоровый) человек может иметь «оптимальное» ОТБ (Tovee et al., 2002), и в подобной ситуации суждения о весе тела могут «побить» суждения о фигуре (см. главу 5).

Естественно, на определенном этапе работы исследователям удобно рассматривать каждую характерную особенность отдельно. Тем не менее примеры представленные в этой главе, показывают, что в конечном счете Шалтая-Болтая необходимо снова собрать воедино. Выделение отдельных частей тела может быть полезным с точки зрения исследовательских целей, однако отсутствие целостного подхода, несомненно, помешает пониманию того, что означает физическая привлекательность (Armstrong, 2004; Swami, 2007).

Вывод

В этой главе мы рассмотрели ряд морфологических особенностей человеческого тела, которые мужчины и женщины считают привлекательными. Исходя из логики эволюционной психологии, в процессе развития мужчины начинают считать

привлекательными признаки, которые сигнализируют о репродуктивной ценности или здоровье. С другой стороны, для женщин привлекательными становятся те признаки, которые сообщают о наличии у мужчин потенциала для приобретения ресурсов. При условии, что эти характерные особенности являются честными сигналами качества или состояния здоровья, мужчины и женщины, которые выбирают в качестве половых или брачных партнеров тех, кто обладает такими особенностями, получают репродуктивное преимущество.

Выяснение того, какая характерная черта человека (если такая вообще существует) является наиболее важной и как эти особенности в своей совокупности влияют на привлекательность, представляет собой достаточно сложную задачу. Тем не менее эволюционная психология дает нам отправную точку для дальнейшей работы в этом направлении и обсуждения использования тех или иных черт. В следующей главе мы более подробно поговорим об особенностях мужских и женских тел, которые вызывают наибольшие споры между эволюционными психологами и сторонниками социально-культурной теории, а именно о предпочтениях в области фигуры и веса тела у мужчин и женщин.

ГЛАВА 5

О песочных часах и треугольниках: вес и форма тела человека

Красота, *сущ.* Сила, при помощи которой женщина очаровывает любовника и держит в страхе мужа.

А. Бирс, американский сатирик. Словарь Сатаны

В жизни, как и в искусстве, красота кроется в изгибах тела.

Э. Дж. Булвер-Литтон, английский писатель. Что он будет делать с этим ?

В предыдущей главе мы проанализировали некоторые из физических особенностей, которые мужчины и женщины находят привлекательными в потенциальном партнере. Исследования свидетельствуют о том, что многие из этих черт играют важную роль в суждениях о физической привлекательности, однако подавляющее большинство этих работ сфокусировано на двух наиболее известных и политизированных аспектах человеческого тела: фигуре и весе. В этой главе мы рассмотрим аргументацию, используемую в эволюционной психологии для объяснения причин, по которым мы считаем привлекательными определенные мужские и женские фигуры. Это позволит проиллюстрировать методологию исследований, применяемую многими эволюционными психологами, а также сложности в выборе единого объяснения результатов, полученных с помощью этих методов.

Мужская фигура

Традиционно большинство исследований сконцентрировано на изучении характерных черт, которые определяют физическую привлекательность женщин, и лишь незначительное количество из них посвящено тому, что делает привлекательными мужские тела. Суэми (Swami, 2007) называет целый ряд причин этого явления, в том числе преобладание среди ученых, изучающих физическую привлекательность, представителей сильной половины человечества и идея сторонников эволюционной психологии о том, что привлекательность мужчин интересует женщин меньше, чем признаки, сигнализирующие об обладании ресурсами. Однако в последних исследованиях предпринимаются попытки исправить это упущение,

и сегодня многие признают, что женщины, по крайней мере в некоторых культурах, придерживаются четкого убеждения по поводу того, что представляет собой идеальное тело мужчины.

Барбер (Barber, 1995) полагает, что некоторые аспекты мужского тела могли быть выбраны в процессе полового отбора. В ранних исследованиях подчеркивается тот факт, что оценки мужской привлекательности повышаются с увеличением маскулинности, а особенности тела, которые сигнализируют о доминировании или маскулинности, такие как плечи мужчины, мускулатура верхней части тела и бицепсы, считаются наиболее важными. Важно отметить, что эти характерные черты более развиты у мужчин, чем у женщин (Ross and Ward, 1982), и зависят от уровня тестостерона (Bjorntorp, 1987).

С другой стороны, результаты ряда исследований, в которых в качестве стимулов использовались силуэты людей, показывают, что женщины предпочитают умеренно развитые мужские торсы телосложению ярко выраженного мускульного типа (Barber, 1995). Однако в большинстве этих исследований не рассматривается непосредственно мужское телосложение и используются схематичные рисунки, которые сфокусированы на ОТБ (т. е. отношения объема талии и объема бедер). Согласно этим исследованиям, у мужчин наиболее предпочтительным является ОТБ в диапазоне от 0,90 до 0,95 (Furnham et al., 1997, 2001; Henss, 1995; Lynch and Zellner, 1999; Singh, 1995b). Предположительно, это связано с тем, что такие показатели являются «оптимально здоровыми» для мужчин (Singh, 1995b). Однако существует очень мало доказательств того, что ОТБ в диапазоне от 0,90 до 0,95 у мужчин ассоциируется со здоровьем (Weeden and Sabini, 2005). Более того, многие исследования указывают на то, что форма нижней части тела, которую и оценивают с помощью ОТБ, играет не очень существенную роль, когда мужчины и женщины рассматривают мужское тело с точки зрения физической привлекательности. Их в большей степени интересует сложение верхней части тела, и многие мужчины сообщают о желании нарастить мускулатуру торса и рук.

О треугольниках

К счастью, при проведении целого ряда исследований с целью изучения предпочтений женщин и мужчин в отношении привлекательности мужского тела используются более качественные наборы стимулов. Некоторые из исследований полагаются на рисунки, основанные на «соматотипах», предложенных Шелдоном и его коллегами (Sheldon et al., 1940, 1954). Эти авторы выделяют три типа телесной конституции, или соматотипа, по которым можно оценить телосложение человека: эндоморфия (упитанность, или мягкость), мезоморфия (мускулистость) и эктоморфия (худоба). Диксон с коллегами (Dixson et al., 2003) предлагали женщинам оценить рисунки с хрестоматийными примерами трех соматотипов Шелдона (Sheldon et al., 1940,1954) наряду со средним вариантом. Согласно результатам их исследования, женщины в большей степени предпочитали мезоморфичный тип, затем следовал средний тип, за ним эктоморфный и, наконец, эндоморфный.

В ходе других исследований проводилось изучение относительного вклада в оценки привлекательности мужских тел общего веса тела (который оценивается с помощью индекса массы тела (ИМТ), формы верхней части тела (оцениваемого по ОТГ) и формы нижней части тела (оцениваемой по ОТБ). Результаты этих исследований, в которых использовались фотографические и трехмерные изображения (рис. 5.1), показывают, что все три критерия оценки играют важную роль в определении привлекательности мужского тела, однако основным показателем является ОТБ, которое объясняет большую часть различий в оценках (Fan, 2007; Fan et al., 2005; Maisey et al, 1999; Swami and Tovee, 2005a; Swami and Tovee, в прессе b; Swami et al., 2007i). Например, в исследовании Мейси и его коллег (Maisey et al, 1999) отношение «талия—грудь» (ОТГ) определяло 56% различий в оценках привлекательности, при этом более низкие показатели этого отношения (указывающие на больший объем груди в сравнении с талией) приводили к повышению этих оценок. Результаты исследования Алана Диксона и его коллег (Dixson et al., 2003) также свидетельствуют об общем предпочтении низких ОТБ.

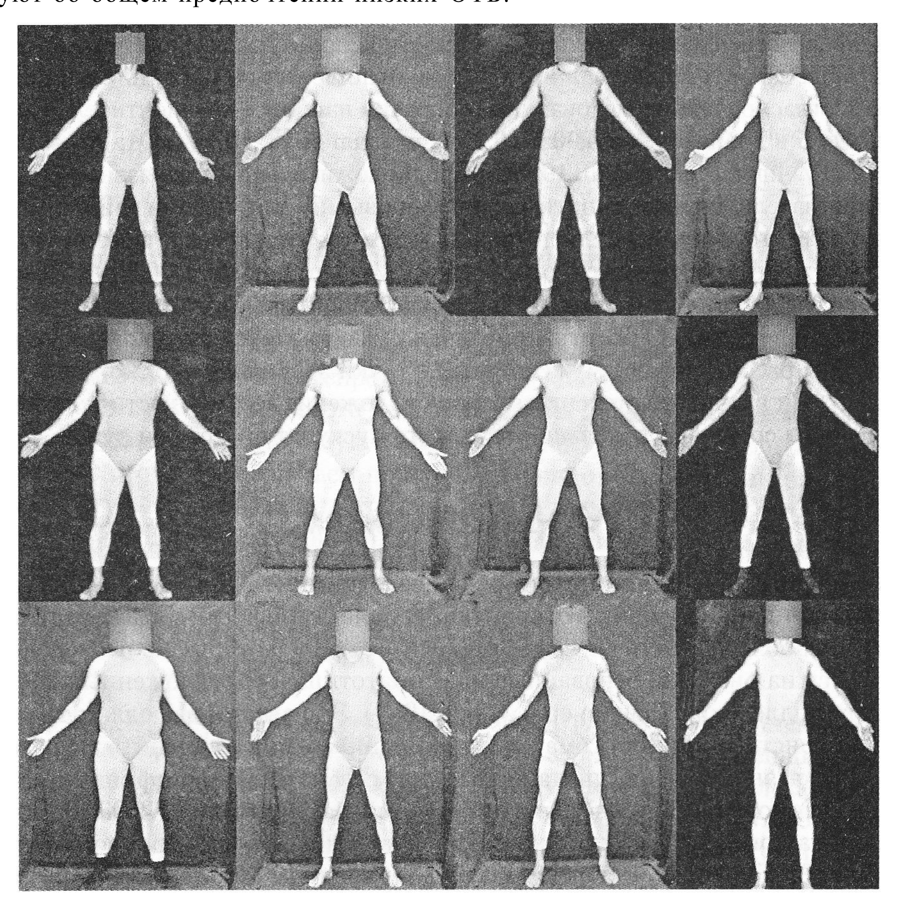

Рис. 5.1. Примеры фотографических стимулов, использованных в исследовании Мейси и его коллег (Maisey et a!., 1999). Изображения представлены в свободном порядке и воспроизведены с разрешения Мартина Тове

Считается, что женщины отдают предпочтение мужчинам, у которых торс имеет форму «перевернутого треугольника», т. е. тех, у кого узкая талия и широкие грудь и плечи (рис. 5.2), что соответствует физической силе и развитию мышц верхней части тела. Эти предположения подтверждаются результатами исследований с использованием рисунков, которые показывают, что женщины предпочитают мужчин с «V-образной фигурой» (плечи шире груди, которая, в свою очередь, шире бедер; Frederick and Haselton, 2003; Furnham and Radley, 1989; Lavrakas, 1975; Salusso-Deonier et al, 1993). Например, исследование Ховата (Hovath, 1979) показало, что ширина плеч служит хорошим фактором прогнозирования привлекательности рисунков с изображениями мужчин и что ОТБ определяет почти все различия в оценках привлекательности тел при использовании стимулов. О значимости этого отношения свидетельствуют и самоотчеты женщин, которых спрашивали о том, что они считают важным в фигуре мужчины (Franzoi and Herzog, 1987).

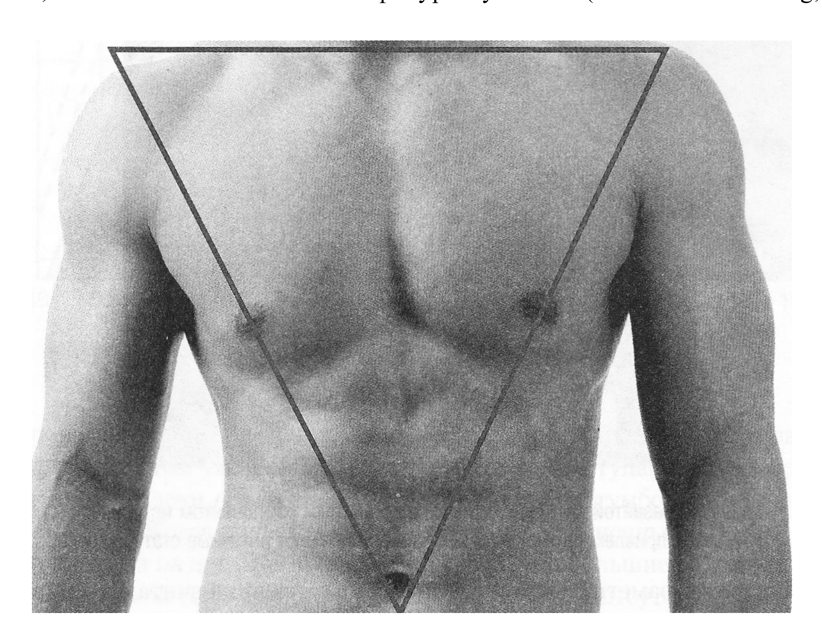

Рис. 5.2. В экономически развитых обществах женщины считают привлекательными мужчин, имеющих торс в форме «перевернутого треугольника», т. е. узкую талию и широкие грудь и плечи

Существует множество свидетельств того, что обладанию развитой мускулатурой уделяется большое внимание в исторических сообщений о мужской привлекательности (рис. 5.3), а также в создании идеального образа тела современных мужчин (Fisher et al., 2002; Jacobi and Cash, 1994; Jones, 2001; McCreary and Sasse, 2000, 2002; O'Dea and Rawsthorne, 2001; Phillips and Diaz, 1997; Pope et al, 2000). Так, среди юношей подросткового возраста очень популярно такое средство наращивания мышечной массы, как занятия тренингом с сопротивлением (Ricciardelli and McCabe, 2003), а когда их спрашивают о том, какие части своего тела они хотели бы видеть более мускулистыми, они, как правило, называют грудную клетку, бицепсы и плечи (Drewnowski and Yee, 1987; Huenemann et al., 1966).

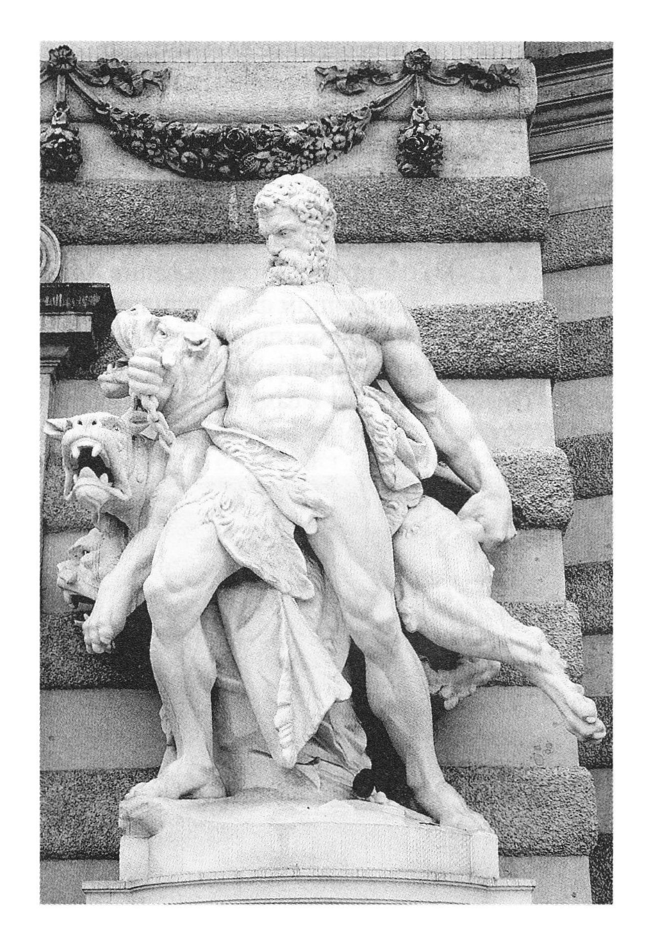

Рис. 5.3. Обладание развитой мускулатурой является важным компонентом исторических сообщений о мужской привлекательности, о чем свидетельствуют античные статуи героев

Однако следует заметить, что для того, чтобы мужчина считался привлекательным, ему недостаточно иметь V-образную форму тела. Другим важным критерием оценки является вес тела (Fan et al., 2005; Maisey et al., 1999; Swami and Tovee, 2005a, в прессе b; Swami et al., 2007i). В исследовании Мейси и его коллег (Maisey et al, 1999) индекс массы тела (ИМТ) был незначительным фактором прогнозирования привлекательности, тем не менее он определял 13% различий в криволинейной зависимости. Так, ИМТ, приближающиеся к нижнему концу нормального диапазона веса, оценивались как более привлекательные и сопровождались уменьшением кривизны по обеим сторонам этого пика (рис. 5.4). Другие исследования показывают, что в случае самооценок привлекательности мужчины, имеющие ИМТ в диапазоне избыточного и недостаточного веса, считают себя менее привлекательными, чем мужчины из выборки с нормальным весом (Cash and Hicks, 1990; McCreary and Sadava, 2001). Результаты исследований, в которых использовались рисунки, свидетельствуют о том, что фигуры мужчин с избыточным весом постоянно оцениваются как менее привлекательные (Fallon and Rozin, 1985; Furnham et al, 1997; Henss, 1995).

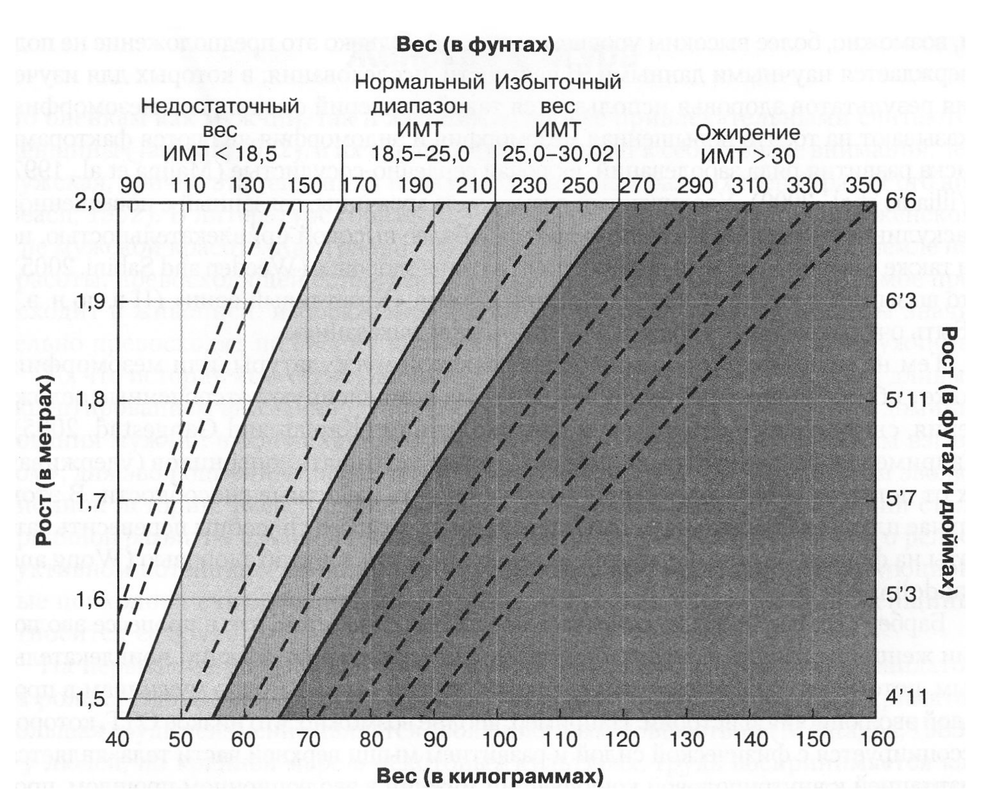

Рис. 5.4. Диаграмма, иллюстрирующая различные категории ИМТ

При проведении еще одного исследования варьировались несколько параметров мужской фигуры, в том числе наличие или отсутствие выступающего вперед живота, сутулые и прямые плечи, объем шеи, а также V-образная и тумбообразная форма тела (Gitter et al, 1982). Когда студенты университетов в Соединенных Штатах и Израиле оценивали рисунки на предмет привлекательности, наибольшие различия в оценках были связаны с такой особенностью тела, как наличие или отсутствие выступающего вперед живота, которая определяла 53% различий во всех культурах. Эти результаты отчасти расходятся с данными исследований, согласно которым основным детерминирующим фактором является отношение объема груди и объема талии, но подтверждают озабоченность современных людей состоянием мышц живота (Baker, 1997). Одним словом, данные исследований указывают на то, что мужчины могут считаться привлекательными, только если способны продемонстрировать одновременно наличие хорошо развитой мускулатуры и низкую упитанность (и, возможно, плоский живот).

Мужская фигура и здоровье

В соответствии с «традиционной» теорией хороших генов можно было бы предположить, что мужчины с низкими ОТБ и весом тела в нормальном диапазоне ИМТ считаются привлекательными, потому что обладают оптимальным состоянием здоровья

(и, возможно, более высоким уровнем ресурсов). Однако это предположение не подтверждается научными данными. В частности, исследования, в которых для изучения результатов здоровья используется такой критерий оценки, как мезоморфия, указывают на то, что повышенная мезоморфия и эндоморфия являются факторами риска развития ряда заболеваний, включая сердечно-сосудистые (Malina et al, 1997; Williams et al., 2000). Увеличенный размер тела мужчины, связанный с повышенной маскулинностью, может ассоциироваться с более высокой привлекательностью, но он также связан с худшими результатами в плане здоровья (Weeden and Sabini, 2005), что вызывает в памяти слова из комедии Плавта «Хвастливый воин» (II в. до н. э.): «Быть очень красивым мужчиной — это тяжкое наказание».

Тем не менее формирование более развитой мускулатуры, или мезоморфии, может обеспечивать преимущества, которые компенсируют отсроченные осложнения, связанные со здоровьем и благополучием (Kaplan and Gangestad, 2005). Например, повышенная маскулинность может устрашать соперников (удерживая их от попыток отбить партнершу) или усиливать защитные способности. В этом случае плюсы, которые могут быть переданы потомству, способны перевесить затраты на формирование повышенной мускулистости в ущерб здоровью (Wong and Candolin, 2005).

Барбер (Barber, 1995) высказывает предположение о том, что в процессе эволюции женщины начали находить определенное телосложение мужчин привлекательным, потому что обладание именно такой фигурой было выгодно мужчинам в прошлой эволюционной истории. Например, вполне возможно, что низкое ОТГ, которое ассоциируется с физической силой и развитием мышц верхней части тела, является адаптацией к внутриполовой конкуренции мужчин в эволюционном прошлом, происходящей в форме непосредственных боев или устрашения. В альтернативном варианте увеличение верхней части тела можно объяснить как приспособление к охоте на больших животных, которая, по мнению Барбера (Barber, 1995), в обстановке эволюционной адаптации была преимущественно мужским видом деятельности. Таким образом, если женщины адаптированы к выбору мужчин, способных быть «хорошими охотниками», их должны привлекать мужчины с мезоморфической фигурой, так как такое телосложение позволяет достичь наибольших успехов в охоте.

Хотя предположения Барбера (Barber, 1995) кажутся достаточно правдоподобными, однако на сегодняшний момент они остаются всего лишь догадками из-за недостатка соответствующих знаний о прошлых эволюционных средах, к которым, по утверждению эволюционных психологов, мы адаптированы. В некотором смысле эти предположения можно назвать «просто сказками», использовав для этого метафору, с помощью которой Стивен Гулд (Gould, 1981) описал некоторые аспекты эволюционно-психологической парадигмы. «Просто сказки» эволюционной психологии, названные так в честь сборника сказок Редьярда Киплинга, в которых рассказывается, например, о том «Как леопард стал пятнистым», не могут служить примером истинного научного объяснения. Кроме того, следует помнить о том, что объяснения причин, по которым мы находим привлекательным мускулистый идеал мужчины, предлагаемые социальными конструктивистами, столь же достоверны, как объяснения эволюционных психологов, и о некоторых из них мы поговорим в последующих главах (см. главы 7 и 8).

Женская фигура

По оценкам как мужчин, так и женщин наиболее привлекательными считаются женщины (Jackson, 1992), и их внешность привлекает к себе больше внимания, чем мужская, причем эта тенденция наблюдается в самых разных культурах (Ford and Beach, 1952). В литературе гораздо проще найти примеры поклонения женской, а не мужской красоте. Как говорит об этом Жан-Антуан Пти-Сенн: «На земле нет красоты, превосходящей естественное очарование женщины». То же самое происходит в живописи: изображения идеализированной женской красоты значительно превосходят по своему количеству изображения идеального мужчины.

То, что историк искусства Джон Бергер (Berger, 1977) считал несправедливым акцентированием внимания на привлекательности женщин в результате доминирования мужчин в большинстве обществ, которое он называл «мужским взглядом», для эволюционных психологов является естественным результатом эволюционной истории. Конкуренция женщин за высококачественных мужчин стала причиной развития различных физических признаков, сигнализирующих о репродуктивном потенциале женщин. К числу характерных черт, которые эволюционные психологи считают сигналами репродуктивных способностей женщины, относится ее грудь.

На первый взгляд женская грудь кажется наиболее подходящим кандидатом на роль сигнала, выбранного в процессе полового отбора у людей. У приматов большая грудь неизменно является эволюционным новшеством (Montagna, 1983), а у людей, по крайней мере в некоторых культурах, грудь воспринимается как важная составляющая сексуальной привлекательности (Ford and Beach, 1952). Это подтверждается готовностью женщин прибегать к операциям по увеличению груди для повышения своей физической привлекательности: только в Соединенных Штатах ежегодно проводится около 300 тысяч таких операций (Американская ассоциация пластических хирургов, 2005). У женщин могут быть самые разные причины для принятия подобного решения (эстетические цели, ослабление физического дискомфорта и т. д.), однако сравнительная частота операций по увеличению и уменьшению груди свидетельствует о том, что нежелательным или непривлекательным может считаться как большой, так и маленький размер груди.

На сегодняшний день существует очень мало данных, позволяющих связать размер груди с плодовитостью, лактационными способностями или здоровьем (Barber, 1995), что практически исключает объяснение причин привлекательности женской груди на основании теории «хороших генов». Согласно другому объяснению, женская грудь развилась в результате неконтролируемого отбора в качестве признака того, что женщина никогда не рожала. В связи с тем, что наиболее интенсивно грудь развивается в начале наступления репродуктивного возраста, некоторые исследователи высказывают предположение, что грудь развилась в качестве полового сигнала репродуктивной ценности, а не плодовитости (Barber, 1995; Cant, 1981). Одним словом, вследствие того, что грудь является знаком репродуктивного возраста, у мужчин должны были сформироваться механизмы, определяющие соответствующие предпочтения (Marlowe, 1998). В частности, муж-

чины должны считать большую грудь более привлекательной, чем маленькую, потому что она служит более значительным признаком репродуктивной ценности.

Однако при включении размера груди в качестве переменной в исследования физической привлекательности психологи не выявили устойчивых предпочтений. Например, Клинк и Станески (Klienke and Staneski, 1980) сообщают, что при использовании в исследовании словесных описаний наиболее благоприятные оценки участников обоего пола получила грудь среднего размера. В другом исследовании эти экспериментаторы использовали цветные фотографии и выяснили, что женщин с более маленькой грудью оценивают как компетентных, честолюбивых, умных, высоконравственных и скромных. По мнению женщин и мужчин, женщинам с большой грудью присущи противоположные качества. А по данным исследования, проведенного Фернхемом и Суэми (Furnham and Swami, 2007), в котором использовались рисунки женских фигур с различным размером груди, участники оценивали маленькую грудь как наиболее привлекательную.

Гиттер с коллегами (Gitter et al, 1983) также провели исследование с участием мужчин и женщин, однако в отличие от вышеназванных экспериментов полученные ими данные указывают на то, что мужчины отдают предпочтение большой груди, в то время как женщины более положительно оценивают грудь маленького размера. Однако у женщин с избыточным весом большая грудь не считается особенно привлекательной: Лоу (Low, 1979) предполагает, что привлекательными могут быть только стройные женщины с большой грудью. К такому же выводу пришли Фернхем и его коллеги (Furnham et al., 1998), которые определили, что привлекательность размера груди варьируется в зависимости от фигуры и размера тела, причем наличие большой груди повышает оценки привлекательности только при условии стройности фигуры.

Имеющиеся на данный момент результаты исследований не позволяют сделать окончательный вывод о том, какой размер женской груди считается привлекательным. Доказательства того, что предпочтения в области размера груди носят очень непостоянный характер, были представлены Аланом Мазуром (Mazur, 1986), который продемонстрировал, что представление об «идеальном» размере груди постепенно менялось от моды на плоские фигуры 1920-х гг. до идеала женщины с большой грудью, появившегося в начале 1960-х гг. С тех пор, одновременно с идеализацией социумом крайней худобы, произошло уменьшение предпочтительного размера груди, хотя в последнее время в средствах информации, ориентированных на мужчин, появилась тенденция к демонстрации женщин с большой грудью (Koff and Benevage, 1998). Естественно, размер груди является всего лишь одной из характеристик, которые могут влиять на предпочтения в области формы верхней части тела, однако это наиболее «общая» переменная и основной фактор, определяющий столь пристальное внимание к женской груди в массовой культуре (Mazur, 1986).

Результаты последних исследований указывают на то, что размер груди может быть наименее важным качеством, влияющим на оценки мужчин в отношении женской привлекательности, после веса тела и фигуры (Furnham et al., 2006; рис. 5.5). С другой стороны, до сих пор остается неясным, сохраняется ли такое различие в предпочтениях при включении в исследования кросс-культурных выбо-

рок, хотя есть все основания считать, что именно так и происходит (Swami et al., 2007b, 2007d). Одним словом, хотя мы и говорим о том, что размер груди может являться признаком, развившимся в результате полового отбора, его не следует рассматривать как надежный фактор прогнозирования физической привлекательности (Barber, 1995).

О песочных часах

Достаточно пролистать любой современный журнал мод или глянцевый журнал, чтобы понять, что красота также означает худобу, иногда даже опасную для здоровья. Мартин Тове и его коллеги (Tovee et al., 1997) собрали данные о биометрических показателях 300 моделей, работающих в индустрии моды, и 300 моделей из глянцевых журналов и выяснили, что у них неизменно наблюдается недостаточность веса с точки зрения ИМТ. Исследование женщин, принимавших участие в конкурсе красоты на звание «Мисс Америка» и представленных на разворотах журнала «Плейбой», также показало, что за 20-летний период (между 1959 и 1978 г.) произошло изменение «идеала» в сторону все большей худобы, в то время как в реальности вес американских женщин увеличился на 4% (Garner et al., 1980; см. также Freese and Meland, 2002; Voracek and Fisher, 2002). Последующие исследования свидетельствуют о том, что эта тенденция сохранялась в период между 1979 и 1988 гг. (Wiseman et al., 1992) и не ослабевает даже в новом тысячелетии (Seifert, 2005; Sypeck et al., 2004, 2006). Все эти исследования позволяют предположить, что для мужчин, живущих на Западе, вес играет наиболее важную роль в формировании суждений о привлекательности женского тела (Swami, 2006b).

Однако некоторые эволюционные психологи убеждены в ошибочности этого предположения. Профессор Техасского университета в Остине Девендра Сингх провел серию новаторских исследований (Singh, 1993a, 1993b, 1994a, 1994b, 1994c, 1995a, 1995b; Singh and Luis, 1995; Singh and Young, 1995), которые ярко продемонстрировали, что хотя изменение общего веса тела является наиболее заметным изменением, происходящим в результате наступления половой зрелости, при его изучении не учитывается анатомическое распределение жировых отложений, зависящее от пола человека. Если до пубертатного периода фигуры у мальчиков и девочек более или менее похожи, во время полового созревания отложение и использование жира регулируется половыми гормонами — главным образом эстрогенами и тестостероном (La Velle, 1995; Leong, 2006).

У большинства женщин отложение жира (или образование жировых тканей) происходит в области живота и блокируется в ягодично-бедренной области более активно, чем в любой другой части тела. Этот процесс известен как «гиноидное» жироотложение. С другой стороны, у большинства мужчин отложение жира блокируется в брюшной области и происходит в ягодично-бедренной, что соответствует «андроидному» типу жироотложения (Bjorntorp, 1991,1997; Rebuffe-Scrive, 1988, 1991). Именно такое половодиморфическое распределение жира на теле определяет различие фигур у мужчин и женщин (Molarius et al., 1999) и, как правило,

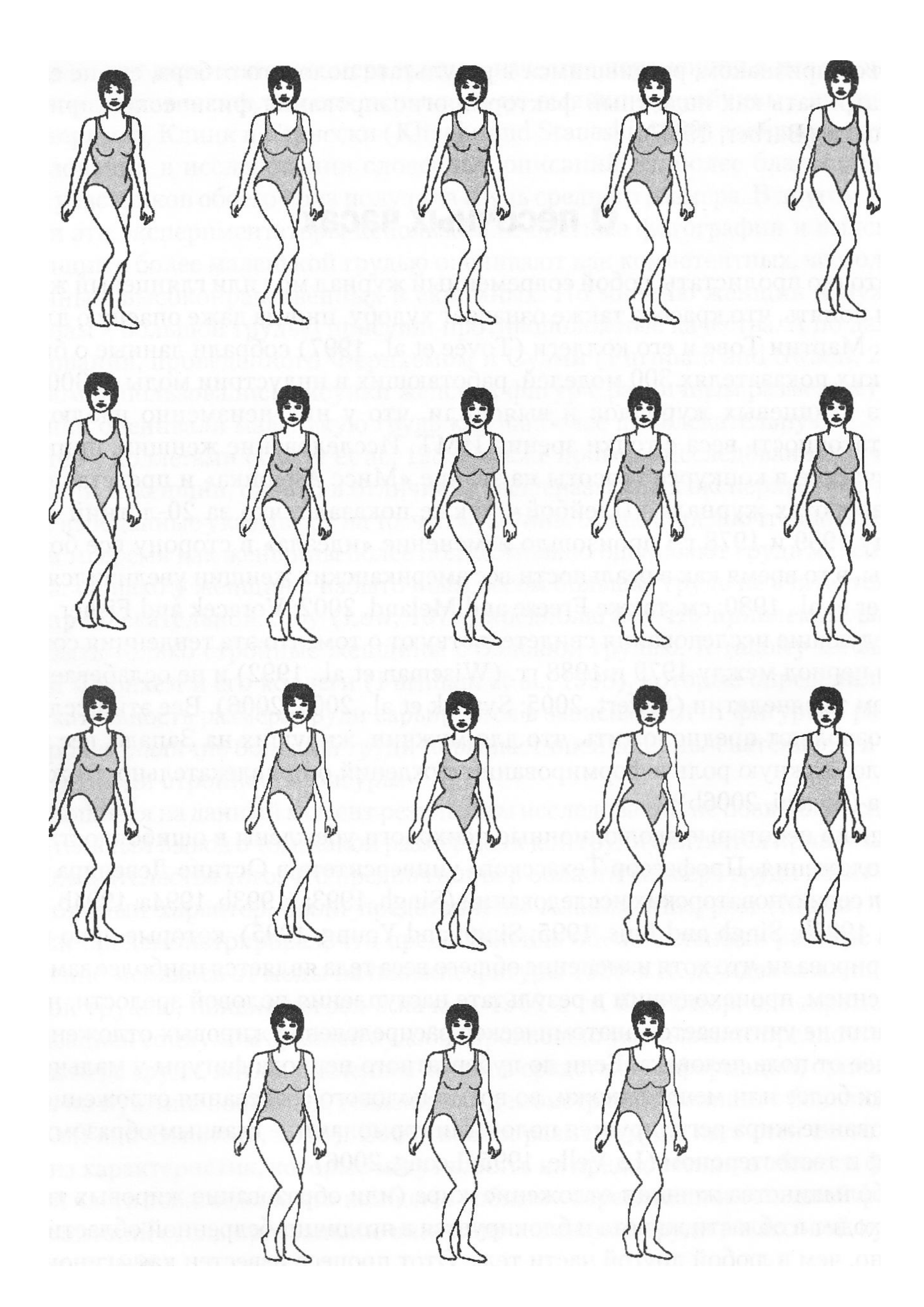

Рис. 5.5. Примеры стимулов, использованных Фернхемом и его коллегами (Furnham et al., 2006), которые отличаются по размеру груди, ОТБ и весу тела. Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что размер груди оказывает наименьшее влияние на оценки физической привлекательности

оценивается количественно с помощью подсчета отношения объема талии и объема бедер. Этот критерий оценки известен как ОТБ и тесно связан с представлением о классической женской фигуре в форме «песочных часов» (рис. 5.6; Singh, **2006).**

Рис. 5.6. ОТБ оценивается с помощью подсчета отношения объема талии к объему бедер а его низкие показатели тесно связаны с представлением о классической женской фигуре, имеющей форму «песочных часов». Copyright © Bettmann/CORBIS

У здоровых женщин европеоидной расы до менопаузы ОТБ составляет от 0,67 до 0,80 (Lanska et al., 1985); у здоровых мужчин европеоидной расы — от 0,85 до 0,95 (Jones et al, 1986; Marti et al., 1991). Как правило, в подростковом периоде ОТБ у женщин ниже, чем у мужчин, хотя после наступления менопаузы оно приближается к мужским показателям (Arechiga et al., 2001; Kirschner and Samojlik, 1991). Повышение данного отношения у женщин во время менопаузы может быть вызвано снижением уровня эстрогенов, которое приводит к увеличению жировых отложений в области живота. Это предположение подтверждается результатами исследований, которые свидетельствуют о том, что в случае назначения женщи-

нам и мужчинам лекарственных препаратов, содержащих эстроген, ОТБ у них со временем уменьшается (Kirschner and Samojlik, 1991; Pasquali et al., 1999).

Одним словом, в результате действия половых гормонов возникают характерные для каждого пола различия в типе распределения жира. Объединив эту идею с эволюционно-психологическим подходом, Сингх высказал предположение, что риск возникновения различных заболеваний зависит не только от ожирения, определяемого по ИМТ, но и от анатомического расположения жировых отложений (Gou et al., 1994; Kissebah and Krakower, 1994). Таким образом, ОТБ связано на прямую с различными аспектами жизни, причем у женщин более низкие показатели этого соотношения соответствуют лучшим результатам. В частности, данное неблагополучное отношение является фактором риска сердечно-сосудистых заболеваний, гипертрофического диабета, гипертонии, эндометриального рака, рака яичников и груди, а также заболеваний желчного пузыря (Folsom et al., 1993; Huang et al., 1999; Misra and Vikram, 2003).

Сингх также утверждает, что ОТБ указывает на все заболевания, влияющие на репродуктивный статус женщины (см. Kirchengast and Huber, 1999; Waass et al., 1997). У женщин с более высокими соотношениями менструальные циклы носят менее регулярный характер (van Hoof et al., 2000), а в период овуляции данное отношение значительно ниже, чем в неовариальные периоды менструального цикла (Singh et al., 2000). Также ОТБ влияет на вероятность успешного наступления беременности: для женщин, участвующих в программах искусственного оплодотворения, шансы на зачатие уменьшаются, если у них данное отношение превышает 0,80 (Zaadstra et al., 1993). Замужним женщинам с более высоким ОТБ также бывает сложно забеременеть, и они рожают своего первого ребенка в более позднем возрасте, чем замужние женщины с более низким ОТБ (Kaye et al., 1990). На основании этих данных Сингх делает вывод, что размер ОТБ служит надежным показателем предрасположенности женщин к разным серьезным физическим заболеваниям и их плодовитости.

Идеальное ОТБ

Эволюционные психологи говорят о том, что одной из главных проблем, с которой в эпоху плейстоцена сталкивались наши предки, занимавшиеся охотой и собирательством, было определение ценности партнера. Сингх (Singh, 1993a) предполагает, что для преодоления этой проблемы у мужчин развивались «механизмы восприятия», или ментальные модули, предназначенные для выявления и использования информации, которую передает ОТБ, при определении привлекательности женщины в качестве возможного полового партнера. Из-за связи ОТБ со здоровьем и плодовитостью мужчины используют его как непосредственный критерий оценки привлекательности женщин. Таким образом, по утверждению Сингха (Singh, 1993a), можно систематически изменять оценку женской привлекательности мужчинами, варьируя размеры ОТБ.

Для проверки этой идеи Сингх (Singh, 1993a, 1993b) разработал набор из 12 рисунков с изображениями женских фигур, которые систематически изменялись в том, что касается общего веса тела (недостаточный, нормальный и избыточный

вес) и ОТБ (рис. 5.7). В рамках каждой весовой категории рисунки представляли четыре уровня ОТБ, определяемых изменением объема талии. Проведя серию экспериментов с использованием этих рисунков, Сингх (Singh, 1993a, 1993b, 1994c; Singh and Luis, 1995) сообщил об отрицательной корреляции между ОТБ и женской привлекательностью: рисунки с ганоидным отношением (0,70 и 0,80) оценивались как наиболее привлекательные, а по мере увеличения отношения оценки снижались. Несмотря на то что отношение к определенным весовым категориям также оказывало влияние на суждения испытуемых, в рамках каждой такой категории фигуры с более низким ОТБ оценивались как более привлекательные, чем другие фигуры, входящие в эту группу.

Предпочтение низкого ОТБ было повторно выявлено в других экспериментах с использованием исходного набора рисунков Сингха, проводившихся в Соединенных Штатах (Singh, 1994c), Великобритании (Furnham et al., 1997) и Герма-

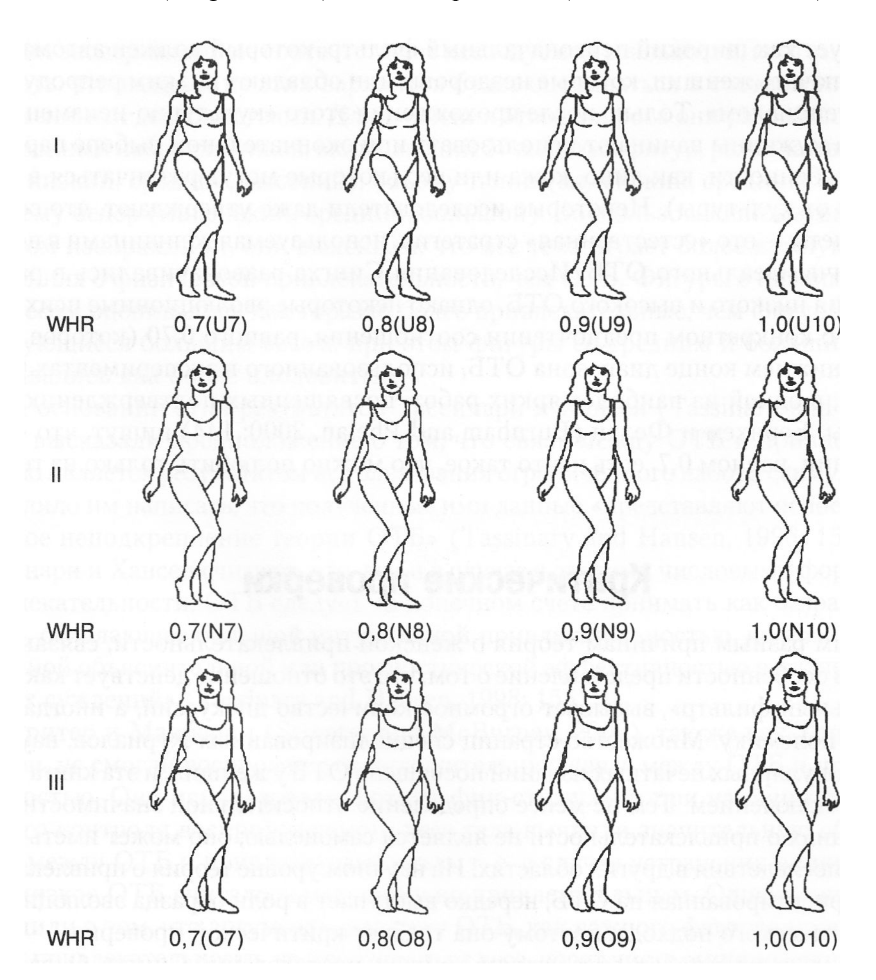

Рис. 5.7. Исходный набор рисунков женских тел, имеющих отличия на четырех уровнях ОТБ и трех уровнях веса тела, предложенный Сингхом. Использовано с разрешения Девендры Сингха

нии (Henss, 1995). Однако чтобы никто не говорил, что рисунки не отражают предпочтений в выборе партнера, проявляющихся в реальной жизни, были также проведены полевые исследования влияния ОТБ с участием реальных людей. Так, Микаш и Бейли (Mikash and Bailey, 1999) сообщают, что у женщин с низким ОТБ больше сексуальных партнеров, чем у женщин с высоким ОТБ, а Хьюз и Гэллап (Hughes and Gallup, 2003) приводят данные о том, что молодые женщины с низким ОТБ сообщают о вступлении в половые отношения в более раннем возрасте. Кроме того, оценки привлекательности повышаются в случае использования эстетической пластической хирургии, целью которой является перераспределение жира, позволяющее сделать тело более пропорциональным без изменения ИМТ (Roberts and Weinfield, 2005; Singh and Randall, 2007).

В своей совокупности эти исследования указывают на то, что женщина, чтобы считаться привлекательной, должна иметь низкое ОТБ и вес тела, укладывающийся в нормальный диапазон. По мнению Сингха (Singh, 1993a: 304), ОТБ «действует как широкий первоначальный фильтр, который должен автоматически исключать женщин, которые нездоровы или обладают низким репродуктивным потенциалом». Только после прохождения этого «культурно-неизменного» фильтра мужчины начинают использовать при окончательном выборе партнера такие особенности, как лицо, кожа или вес (которые могут различаться в зависимости от культуры). Некоторые исследователи даже утверждают, что соблюдение диеты — это «естественная» стратегия, используемая женщинами в попытке достичь идеального ОТБ. Исследования Сингха разворачивались в рамках сравнения низкого и высокого ОТБ, однако некоторые эволюционные психологи говорят о конкретном предпочтении соотношения, равного 0,70 (которое находится в нижнем конце диапазона ОТБ, использованного в экспериментах Сингха). Так, в одной из наиболее ярких работ, посвященных подтверждению этой гипотезы, Бернхем и Фелан (Burnham and Phelan, 2000: 144) пишут, что «в соотношении, равном 0,7, есть нечто такое, что можно полюбить только на генном уровне».

Критические проверки

По самым разным причинам теория о женской привлекательности, связанная с ОТБ, и в особенности представление о том, что это отношение действует как «первоначальный фильтр», вызывает огромное количество дискуссий, а иногда даже жаркую полемику. Множество страниц специализированных журналов, научных книг и популярных печатных изданий посвящено ОТБ у женщин, и эта книга не является исключением. Тем не менее определение относительной значимости ОТБ в суждениях о привлекательности не является самоцелью; оно может иметь более важные последствия в других областях. На научном уровне теория о привлекательности, ориентированная на ОТБ, нередко выступает в роли образца эволюционно-психологического подхода, поэтому она требует критической проверки.

Одна из первых работ, содержащих критику исследований Сингха, была опубликована Тассинари и Хансеном (Tassinarv and Hansen, 1998), которые были не согласны с тем фактом, что исследование ОТБ и женской привлекательности

ограничивается использованием набора рисунков, разработанного Сингхом. Тассинари и Хансен (Tassinary and Hansen, 1998) предположили, что использование этих рисунков для отображения различий в ОТБ связано с недостаточной «экологической валидностью». Сам Сингх отмечал, что нарисованные стимулы часто лишены выразительности и нереалистичны, а кроме того, они строятся на основе одного исходного изображения, которое в дальнейшем подвергается модификациям. Фернхем и Ривз (Furnham and Reeves, 2006) отмечают, что изменения ОТБ, использованные в рисунках Сингха, представляют собой грубые приближения, сделанные на основе двумерных стимулов. Так, тщательно проведенные измерения показали, что у тех фигур, которые, по утверждению Сингха, имели ОТБ 0,70, реальные показатели этого соотношения были равны 0,69, 0,70 и 0,75 (Furnham and Reeves, 2006).

В связи с этим Тассинари и Хансен (Tassinary and Hansen, 1998) предположили, что в случае показа модифицированных вариантов одного и того же стимула условия эксперимента не соответствуют исследуемой реальности, поэтому нельзя ожидать, что каждый из этих вариантов будет оцениваться в соответствии с его собственными достоинствами. Для изучения этого вопроса они разработали свой собственный набор рисунков, включающий 27 женских фигур, различающихся по весу (низкий, средний, высокий), объему талии (маленький, средний, большой) и объему бедер (маленький, средний, большой). Воспользовавшись этим новым набором изображений, они выяснили, что вес тела играет более важную роль в суждениях о физической привлекательности, чем ОТБ. Фигуры с низким и средним весом оценивались как гораздо более привлекательные, чем фигуры, характеризующиеся большим весом, при этом фигуры со средним и большим весом оценивались как более плодовитые.

На основании этих результатов Тассинари и Хансен (Tassinary and Hansen, 1998) высказали предположение о том, что связь между ОТБ и привлекательностью является результатом использования ограниченного набора стимулов. Это позволило им написать, что полученные ими данные «представляют ясное и однозначное неподкрепление теории ОТБ» (Tassinary and Hansen, 1998: 154-155). Тассинари и Хансен считают, что, как и в случае с другими числовыми формулами привлекательности, ОТБ следует «в конечном счете понимать как безразмерное число, обладающее большой интуитивной привлекательностью, но крайне ограниченной объяснительной или прогностической эффективностью в плане эстетических суждений» (Tassinary and Hansen, 1998: 155).

Стритер и Макберни (Streeter and McBurney, 2006), так же как Триссари и Хансен, не смогли воспроизвести положительную связь между ОТБ и привлекательностью. Они использовали фотографии-стимулы и при наличии статистического контроля воспринимаемого веса тела выявили значительную обратную связь между ОТБ и привлекательностью, т. е. в случае устранения влияния веса тела низкое ОТБ считалось максимально привлекательным. Однако они тут же сообщили о том, что аргументы в пользу ОТБ, как важного фактора прогнозирования привлекательности, не зависящего от веса, носят чисто эмпирический характер: они не оспаривали тот факт, что это отношение предсказывает предпочтение только в случае уменьшения влияния веса (McBurney and Streeter, 2007).

Ряд других исследователей также делали попытки решить проблемы недостаточной экологической валидности, связанные с использованием рисунков, и в ходе проведенных ими экспериментов снова было выявлено значительное влияние ОТБ (Singh, 2002). Например, Рональд Хенсс (Henss, 2000) разработал исследование с использованием фронтальных фотографий женщин, изображенных в полный рост, с различными ОТБ, которые изменялись с помощью компьютерных программ. Используя этот новый набор стимулов, Хенсс (Henss, 2000) получил данные, подтверждающие утверждение Сингха о том, что ОТБ является важным атрибутом привлекательности женской фигуры. Однако, так же как Стритер и Макберни (Streeter and McBurney, 2003), Хенсс (Henss, 2000) отметил, что при одновременном изменении ОТБ и общего веса тела становится очевидным, что вес в большей степени определяет различия в оценках, чем ОТБ. Он сделал вывод, что все полученные данные подтверждают тот факт, что ОТБ играет менее важную роль, чем категория веса или лицо.

К точно такому же выводу пришли Форестелл и ее коллеги (Forestell et al, 2004), которые использовали рисунки Тассинари и Хансена для проверки того, в какой степени различные особенности фигуры влияют на оценки привлекательности женских фигур, даваемые женщинами. Полученные ими результаты показывают, что у фигур, которым отдали предпочтение участницы эксперимента, ОТБ было равно примерно 0,70, однако по мере увеличения размера тела предпочтительными становились более высокие отношения. Фигурам с талией и бедрами, имевшими маленький или средний размер, предпочтение отдавалось вне зависимости от веса тела, а фигуры с большими бедрами были менее предпочтительными вне зависимости от других особенностей фигуры. Это позволяет предположить, что вес тела, размер талии и бедер имеют комплексное влияние на привлекательность женской фигуры (Furnham et al., 2005, 2006; Swami and Furnham, 2006), хотя это предположение никак не помогает прекратить споры на эту тему.

Относительная значимость фигуры и веса тела

Если одних ученых волнует проблема использования рисунков в исследованиях ОТБ, то другие ученые пытаются найти ответ на вопрос, действительно ли это отношение выступает в роли «первоначального фильтра» женской привлекательности. При использовании рисунков вес тела может быть представлен в виде обобщенной неопределенной категории, однако применение наборов стимулов, созданных с помощью современных технологий, позволяет исследователям давать более четкие определения веса тела. В таких исследованиях вес тела, как правило, оценивается с помощью ИМТ, когда ИМТ ниже 18,5 считается показателем недостаточного веса, ИМТ между 18,5 и 25 — показателем нормального веса, ИМТ между 25 и 30 — избыточного веса, а ИМТ, превышающий 30, свидетельствует об ожирении (Bray, 1998; рис. 5.3).

Эти исследования подтверждают предположение о том, что в определении оценок женской привлекательности вес тела играет важную роль, которая нередко в значительной степени превосходит роль ОТБ. Именно так считают Тове и его коллеги (Smith et al., 2007a; Tovee et al., 1997, 1998, 1999), которые оспаривают

имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований ОТБ. Они утверждают, что было бы ошибкой считать, что при изменении фигуры вес тела остается постоянным (Tovee and Cornelissen, 2001). Это означает, что корректирование рисунков за счет изменения объема талии приводит к изменению не только ОТБ, но и видимого ИМТ, в результате чего невозможно сказать, на основе чего выносятся оценки о привлекательности — ОТБ, ИМТ или того и другого одновременно (Tovee and Cornelissen, 1999; Tovee et al., 1999). Тове и его коллеги утверждают, что подобная ошибка присутствует практически во всех предыдущих исследованиях, поэтому существует вероятность того, что та значимость, которую они приписывают ОТБ, является продуктом ковариации этого отношения с ИМТ.

Для того чтобы изучить относительную значимость ИМТ и ОТБ в восприятии женской привлекательности, Тове с коллегами прибегли к интуитивному решению: они воспользовались изображениями реальных женщин, у которых ИМТ и ОТБ были точно известны (рис. 5.8). Это позволило им дать раздельную оценку влияния этих переменных. Проведенный ими анализ показал, что, несмотря на то что и фигура, и вес тела являются важными факторами прогнозирования привлекательности женщин, значимость такого фактора, как ИМТ, гораздо выше, чем ОТБ (Tovee and Cornelissen, 2001; Tovee et al., 1998, 1999). В ходе исследований ИМТ определял более 70% различий в оценках привлекательности, в то время как ОТБ объясняло чуть более 2%. Другими словами, значимость ИМТ для оценок привлекательности была примерно в 35 раз больше. Подобные результаты не ограничиваются исследованиями с участием жителей Великобритании: Суэми и его коллеги использовали эту же самую парадигму для проведения исследований в Европе, Полинезии, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Африке и получили точно такие же данные (табл. 5.1).

Таблица 5.1. Исследования, свидетельствующие о том, что вес тела является лучшим фактором прогнозирования привлекательности, чем ОТБ

Континент	Страна	Ссылки
Африка	Южная Африка Танзания (племя хандза)	Tovee et al. (2006) Marlowe and Wetsman (2001); Westman and Marlowe (1998)
Северная и Южная Америка	Канада Перу (племя матсигенка) США	Wilson et al., (2005) Yu and Shepard (1998) Pahl and Boland (2001)
Азия	Япония Малайзия Таиланд	Swami et al. (2006b) Swami and Tovee (2005b); Swami et al. (2007g) Swami and Tovee (2007a)
Австралазия	Независимое Самоа	Swami et al. (2007g)
Европа	Великобритания Финляндия Греция Португалия Испания	Smith et al. (2007); Swami and Tovee (2005b); Tovee et al. (1997, 1998, 2002) Swami and Tovee (2007) Swami et al. (2006a) Swami et al. (в прессе, b) Swami et al. (в прессе, b)

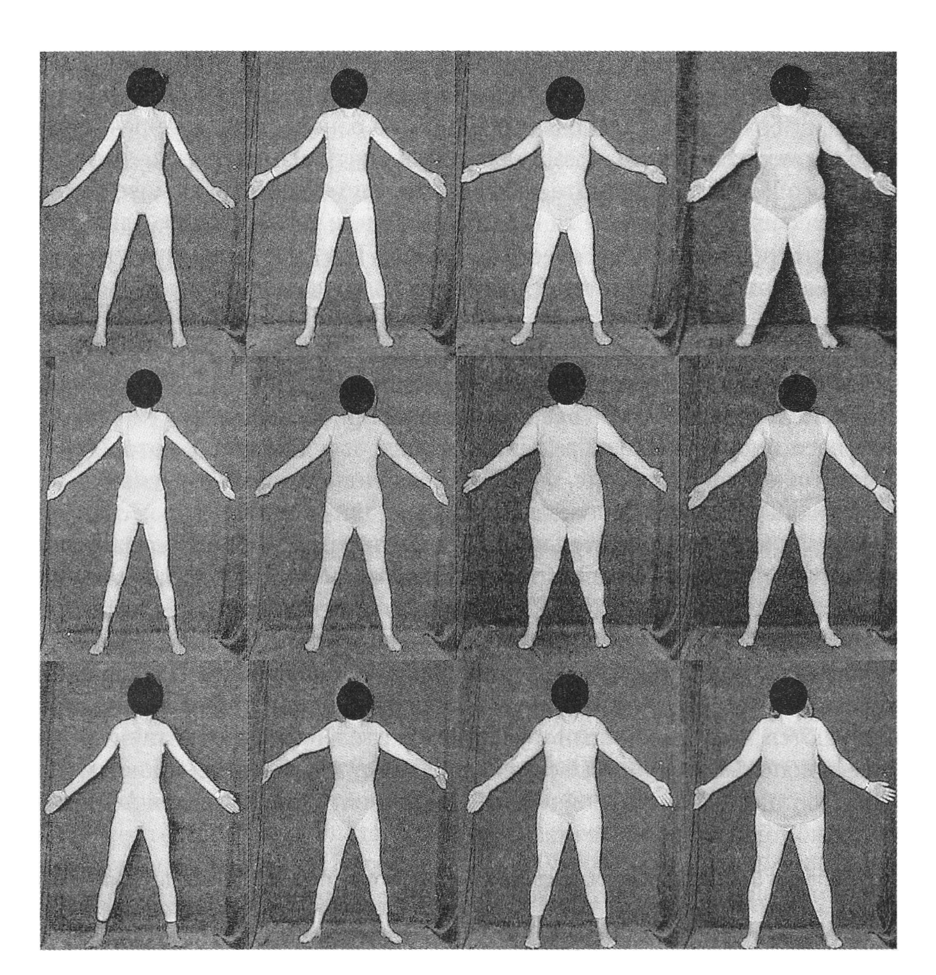

Рис. 5.8. Примеры фотографий стимулов, использованных в исследованиях Тове и его коллег (Tovee et al., 19976 1998). Изображения располагаются в свободном порядке и воспроизводятся с разрешения Мартина Тове

В своем исследовании Тове и его коллеги использовали самый широкий диапазон показателей ИМТ и ОТБ, и это позволяет утверждать, что их относительные диапазоны были неравны. Таким образом, очевидная значимость ИМТ в этих исследованиях могла быть результатом более высокого относительного различия в весе тела, чем в ОТБ (Singh, 2002). Для решения этой проблемы Тове с коллегами (Tovee et al, 2002) использовали изображения женских тел, у которых диапазон показателей ИМТ строго контролировался (что давало определенное «преимущество» ОТБ), однако даже при таких условиях не была выявлена роль данного отношения как значимого показателя оценок привлекательности.

В ходе второго эксперимента Тове и его коллеги (Tovee et al., 2002) «нарушили» естественную связь между ОТБ и ИМТ. Обычно у женщин наблюдается положительная корреляция между этими показателями, т. е. женщины с более высоким ИМТ, как правило, обладают менее соблазнительными формами.

Тове с коллегами, напротив, выбрали те фотографии, на которых была продемонстрирована обратная корреляция между ИМТ и ОТБ, т. е. на них была изображена группа, в которой женщины с большим весом имели более «аппетитную» фигуру. Однако несмотря на то, что в этой выборке изображений ОТБ уделялось особое внимание, доминирующим прогностическим фактором снова стал ИМТ. Иными словами, женщины с низким ИМТ и высоким ОТБ оценивались как более привлекательные, чем те, у которых был высокий ИМТ и низкое ОТБ.

Важно отметить, что точно такие же результаты были получены, когда вместо вида спереди использовались изображения женщин в профиль (Tovee and Cornelissen, 2001) или когда применялись другие методологические схемы и стимулы (Puhl and Boland, 2001; Thornhill and Grammer, 1999; Wilson et al., 2005). Так, при использовании трехмерных изображений были получены данные, согласующиеся с предположением о том, что ИМТ является критерием привлекательности женщин (Smith et al., 2007a). Фэн и его соавторы (Fan et al, 2004) утверждают, что лучше всего тело женщины можно оценить, разделив ее объем в кубических метрах на квадрат ее роста. Предложенный ими новый параметр, названный индексом объема-высоты (volume-height index, VHI) — ИОВ, имеет сильную линейную связь с ИМТ. Осуществив ряд экспериментов, Фэн и его коллеги (Fan et al., 2004) выяснили, что ИОВ позволяет предсказывать привлекательность женщин лучше, чем ИМТ, что позволило им сделать предположение о том, что этот ИОВ используется для оценивания ИМТ при визуальной оценке физической привлекательности. Одним словом, доступные нам данные говорят о том, что ОТБ вряд ли действует в качестве «первоначального фильтра» при оценке женской привлекательности и что вес тела женщины служит более хорошим фактором прогнозирования оценок привлекательности.

Вес тела, ОТБ и здоровье

Можно ли с точки зрения эволюционной психологии объяснить, почему мужчины считают привлекательным определенный вес тела у женщин? Тове и его коллеги говорят о преимуществах использования ИМТ в качестве основания для выбора партнера в связи с тем, что данный параметр служит надежным показателем здоровья женщины (Manson et al., 1995; Willet et al., 1995) и репродуктивного потенциала (Frisch, 1987, 1988; Lake et al., 1997; Reid and van Vugt, 1987; Wang et al., 2000). Например, ожирение среди всего прочего связано со сложностями в период беременности, нарушениями менструального цикла и бесплодием (National Heart, Lung and Blood Institute, 1998). Женщины, имеющие очень маленький вес, также сталкиваются с проблемами, связанными с нарушениями менструального цикла и отсутствием овуляции (De Souza and Metzger, 1991), а нервную анорексию связывают с более высоким числом выкидышей, повышенным процентом преждевременных родов и сниженным весом новорожденных (Bulik et al., 1999).

Одним словом, для женщин оптимальным показателем ИМТ с точки зрения здоровья и плодовитости является показатель, равный 19-20. По данным боль-

шинства исследований, ИМТ, попадающий в этот диапазон (который находится в нижней части категории нормального веса), также наиболее предпочтителен в плане физической привлекательности. Так, Тове и его коллеги (Tovee et al, 2003) предлагали женщинам воспользоваться компьютерной программой для того, чтобы менять изображения тела, добавляя жир в определенные области или удаляя его. В среднем участницы эксперимента определяли идеальный женский ИМТ как 20 с небольшим. Этот вывод подтверждается другими исследованиями: в случае самооценок привлекательности женщины, у которых ИМТ был в диапазоне избыточного веса, оценивали себя как менее привлекательных (Cash and Hicks, 1990), а женщины с ИМТ в диапазоне недостаточного веса считали себя наиболее привлекательными (McCreary and Sadava, 2001).

Тове и его соавторы (Tovee et al, 2002) также утверждают, что ОТБ м ожет быть принято во внимание не всегда, ограничено, что позволяет объяснить, почему этот показатель является таким плохим фактором прогнозирования оценок привлекательности женщин. Они приводят пример с анорексичными женщинами, которые страдают аменореей (и, соответственно, обладают низким репродуктивным потенциалом), но которые, тем не менее, могут иметь такое же ОТБ, как здоровые женщины. Иначе говоря, женщина с прогнозной плодовитостью, равной нулю, может иметь точно такое же ОТБ, как женщина с нормальной плодовитостью. Кроме того, существуют данные, позволяющие предположить, что половой диморфизм в случае ОТБ может меняться в зависимости от множества этиологических факторов, таких как культура, окружающая среда и генетическая наследственность (Abitbol, 1996). Если эти предположения обоснованны, то это означает, что ОТБ является ненадежным признаком для формирования суждений о привлекательности.

Более того, результаты некоторых исследований, в отличие от данных, представленных Сингхом, указывают на то, что ОТБ является сомнительным фактором прогнозирования здоровья и репродуктивного потенциала. Например, ряд экспериментов показал, что при определении рисков для общего здоровья (National Heart, Lung and Blood Institute, 1998) и риска сердечно-сосудистых заболеваний (Lean et al., 1995) объем талии служит более надежным критерием оценки, чем ОТБ. Данные двух других исследований показывают, что объем талии и объем бедер независимо друг от друга связаны с факторами риска, такими как высокий уровень инсулина (Bigaard et al, 2004; Seidell et al, 2001). Аряд исследований, проведенных в последнее время, свидетельствует о том, что татия и бедра могут оказывать различное влияние на оценки привлекательности (Rozmus-Wrzesinska and Pawlowski, 2005). Когда участниками исследований показывали фотографии женщин с различными ОТБ, которые меняли с помощью изменений параметров бедер или талии, то влияние, оказываемое на оценки привлекательности, при изменении объема талии было больше, чем при изменении объема бедер.

Вывод

Иногда создается впечатление, что при обсуждении того, что является лучшим фактором прогнозирования привлекательности женщины — ИМТ или ОТБ, — исследователи спорят по поводу малозначительных вопросов. Тем не менее очень

важно, чтобы ученые продолжали свои дискуссии, так как это помогает нам достичь лучшего понимания поведения людей. Несмотря на свидетельства, указывающие на высокую корреляцию между ОТБ и ИМТ (Jasienka et al., 2004), доступные нам данные подчеркивают тот факт, что эти параметры воздействуют на суждения о привлекательности женщин независимо друг от друга (Pawlowski and Dunbar, 2005; Smith et al., 2007a), причем влияние ИМТ сильнее. Какие выводы мы можем сделать на основе этих данных?

В целом значимость ОТБ как главного критерия привлекательности падает по мере повышения экологической валидности стимулов (Voracek and Fisher, 2006). Это означает, что когда для проверки теории ОТБ исследователи используют более качественный набор стимулов, растет число данных, подтверждающих вывод о том, что это отношение не является первоначальным фильтром женской привлекательности, как это утверждал Сингх. Более того, очень сложно оценивать ОТБ у человека, который стоит к вам боком или находится в движении, что делает этот параметр плохим зрительным показателем. Тове и Корнелиссен (Tovee and Cornelissen, 2001: 400) говорят об этом следующее:

> Если физическая особенность сравнительно слабо выражена, то не имеет значения, насколько хорошим фактором прогнозирования здоровья и плодовитости она является, так как она будет играть второстепенную роль в половом отборе. Это утверждение распространяется на ОТБ и позволяет объяснить, почему этот параметр играет второстепенную роль по отношению к ИМТ, который служит более надежным визуальным показателем.

В этом смысле представляется более вероятным, что истинным первоначальным фильтром женской (а возможно, и мужской) привлекательности служит вес тела, хотя, конечно, основной особенностью человека, которая заметна на расстоянии, является размер тела (Voracek and Fisher, 2006). С другой стороны, ОТБ может иметь косвенную связь с суждениями о привлекательности. Данные целого ряда исследований указывают на то, что это отношение используется, главным образом, как средство дифференцирования различных категорий, например, чтобы отличать женщин от мужчин (Johnson and Tassinary, 2005, 2007) или небеременных женщин от беременных (Furnham and Reeves, 2006; Tovee et al., 2002). Так, Джонсон и Тассинари (Johnson and Tassinary, 2005) использовали в своем эксперименте движущиеся трехмерные стимулы и получили данные, свидетельствующие о том, что ОТБ (в особенности при движении в области бедер и талии) было связано, главным образом, с суждениями о поле, а не о привлекательности.

Таким образом, данные исследований, рассмотренные нами в этой главе, позволяют предположить, что роль ОТБ в оценках женской привлекательности преувеличена. Возможно, более важным критерием оценки физической привлекательности женщины является вес ее тела, что согласуется как с широко распространенным убеждением, так и с анализом временных рядов (Freese and Meland, 2002; Garner et al, 1980; Sypeck et al., 2004, 2006; Voracek and Fisher, 2002; Wiseman et al., 1992). Тем не менее рассмотренные в этой главе теории женской привлекательности, связанные с ОТБ и ИМТ, объединяет то, что, согласно обеим, физическая привлекательность действует в качестве признака какого-либо важного качества (здоро-

вья или репродуктивного потенциала). Это отражено как в идее Сингха о том, что ОТБ служит признаком репродуктивного потенциала, так и в контраргументе Тове, утверждающего, что более полезным признаком общего здоровья и плодовитости является ИМТ. В следующей главе мы проанализируем исследования, посвященные вопросам физической привлекательности, которые характеризует более критичный подход к объяснениям привлекательности, предлагаемым эволюционными психологами.

ГЛАВА 6

Виллендорфская Венера, Рубенс и молочные фермы

> Спросите самца жабы, что такое красота... он ответит, что это самка жабы с двумя огромными круглыми глазами, торчащими из большой плоской головы, желтым животом и коричневой спиной. Для негра из Гвинеи красота — это маслянистая черная кожа, ввалившиеся глаза и широкий нос.
>
> *Вольтер, французский писатель. Философский словарь*

> Красота носит одежду всех размеров — не только пятого.
>
> *Р. Барр, актриса*

> В мире горбунов прекрасная фигура превращается в уродство.
>
> *О. де Бальзак, французский писатель*

Как мы выяснили в главе 3, одно из важных положений теории эволюционной психологии заключается в том, что все человеческие существа являются продуктами одного и того же процесса эволюции и, следовательно, обладают похожей «архитектурой адаптаций». Это означает, что у всех людей одинаковая генетическая основа и, соответственно, одни и те же психологические модули, управляющие их поведением. Различия в поведении людей, культур или обществ объясняются влиянием факторов окружающей среды, которые «запускают» различные реакции одной и той же ментальной структуры.

Однако некоторые эволюционные психологи пытаются доказать, что ряд моделей поведения всех людей носит универсальный характер, не зависящий от времени и культуры (см. Gangestad et al., 2006). Антропологи, социологи и специалисты, занимающиеся кросс-культурной психологией, напротив, подчеркивают факт различия многих социальных моделей поведения и практик в разных культурах. Это в первую очередь касается антропологии, которая главное внимание уделяет культурной относительности и всестороннему изучению контекста, в котором действуют модели поведения (Boas, 1911). В этом случае любой

анализ поведения человека обязательно учитывает *возможность* кросс-культурных или временных различий. В этой главе мы рассмотрим вопрос культурной относительности в свете изучения предпочтений, связанных с весом и формой тела.

Фотографии из журнала «Плейбой» и «Мисс Америка»

Давайте прежде всего вернемся к теории женской привлекательности Сингха, ориентированной на ОТБ. Основное положение этой теории состоит в том, что низкое ОТБ всегда считается привлекательным вне зависимости от исторического периода или культуры (Singh, 1995b; Singh et al., 2007), и с точки зрения эволюционной психологии это кажется очевидным. На протяжении эволюционной истории все мужчины сталкивались с одной и той же проблемой выбора полового партнера, а так как все современные мужчины являются потомками предшествующих, популяций, они также должны считать низкое ОТБ у женщин привлекательным. Если же говорить об изображении «идеальной» женщины в искусстве, литературе и индустрии моды, то и она, исходя из сказанного выше, тоже должна обладать низким ОТБ (Singh, 2006).

Это подтверждается сообщением Сингха (Singh, 1995b) об удивительном постоянстве во времени этого отношения у моделей, фотографии которых представлены на разворотах журнала «Плейбой», и победительниц конкурса «Мисс Америка». Исходя из предположения, что эти женщины являются типичным идеалом красоты и желательных стандартов, подобное постоянство рассматривается свидетельство эволюционного происхождения предпочтения низкого ОТБ (Buss, 1999; Etcoff, 1999). Другими словами, для моделей с разворотов журнала «Плейбой» и победительниц конкурса «Мисс Америка» характерно ОТБ в «привлекательном диапазоне», потому что именно его в процессе эволюции мужчины начали считать привлекательным.

На самом деле свидетельства в пользу этой гипотезы не выдерживают критической проверки (Voracek and Fisher, 2002). Так, Фриз и Меланд (Freese and Meland, 2002) доказали ложность утверждения Сингха о том, что у всех моделей с разворотов журнала «Плейбой» и победительниц конкурса «Мисс Америка» ОТБ попадает в узкий диапазон низких показателей. На практике реальный диапазон соотношений у этих женщин гораздо шире, чем утверждалось; по крайней мере, параметры большинства представительниц обеих выборок не укладываются в тот диапазон, о котором сообщал Сингх (Singh, 1995b). Фриз и Меланд (Freese and Meland, 2002) подсчитали, что у победительниц конкурса «Мисс Америка» ОТБ колеблется в пределах от 0,61 до 0,78, а у фотомоделей журнала «Плейбой» общий диапазон показателей еще шире (от 0,53 до 0,79). Более того, они продемонстрировали, что корреляции между ОТБ и линейной оценкой времени победы в конкурсе или публикации фотографий постепенно меняются (Freese and Meland, 2002).

Подобные временные различия характерны не только для моделей с разворотов журнала «Плейбой» и победительниц конкурса «Мисс Америка»; существует множество данных о том, что по крайней мере на Западе идеализирован-

ные представления о красоте женского тела не оставались статичными (Sarwer et al., 2002). Так, в первой половине XIX в. в викторианской Англии самым распространенным идеалом была сильная, статная женщина. Более стройные, «обморочные» красавицы которые ближе к представлению Сингха об идеале красоты, — получили известность к концу XIX в., когда в эпоху нарастания борьбы за свободу женщин красоту начали связывать с бессилием (Swami, 2007) (рис. 6.1).

После Первой мировой войны появился совершенно иной идеал женской красоты, особенностью которого была андрогинный, почти мальчишеский тип фигуры без изгибов. В 1920-х гг. у победительниц конкурса красоты на звание «Мисс

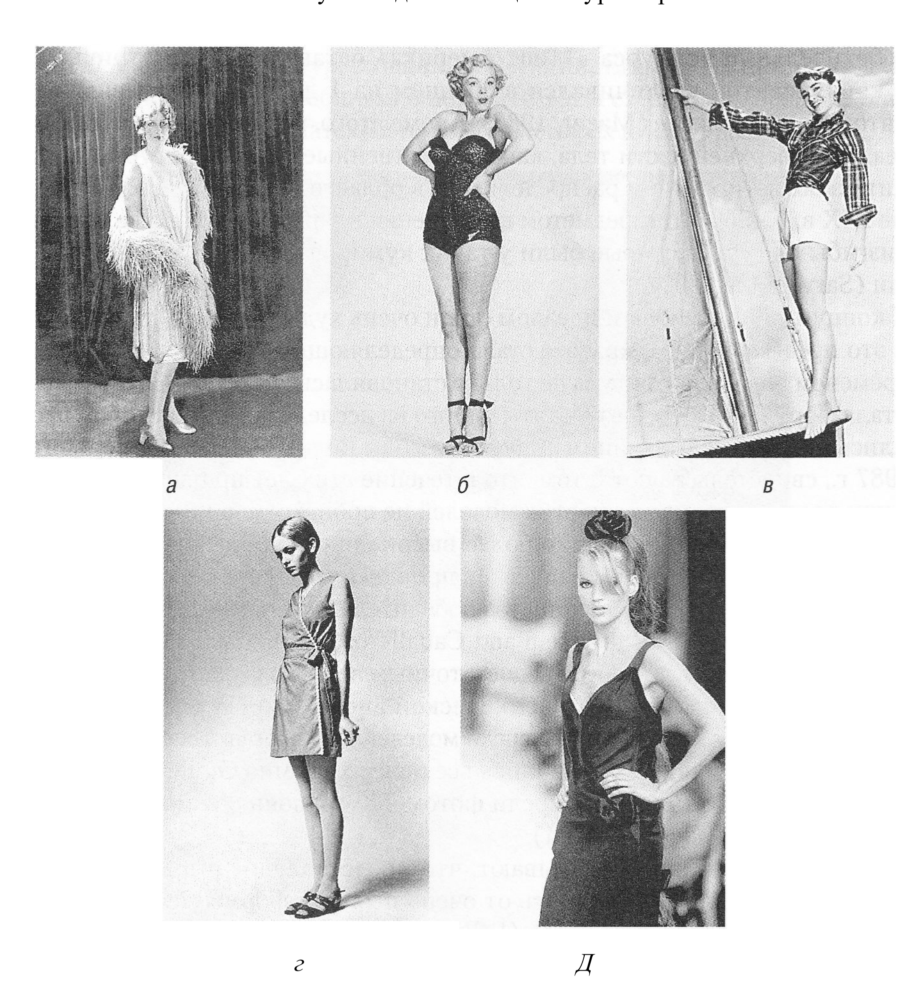

Рис. 6.1. Несмотря на заявления некоторых эволюционных психологов, совершенно очевидно, что на протяжении веков «идеал» женского тела не оставался статичным, меняясь от «величественного» идеала Викторианской эпохи до пышных форм, популярных в 1950-е гг., от «стройных изгибов» 1960-х до отсутствия изгибов тела в 1970-х гг. Рис. 6.1, а copyright © Underwood and Underwood/CORBIS, рис. 6.1, *б~г*copyright © Bettmann/CORBIS, рис. 6.1, *д* copyright © Photo b. d. V./CORBIS

Америка» средний размер груди и бедер составлял примерно 35-25-35 (Mazur, 1986). Даже когда в 1930-х гг. на смену этим «идеальным» красавицам пришли модели с более пышным телом (когда средний охват груди у победительниц конкурса «Мисс Америка» увеличился на 2 дюйма), для последних было характерно отсутствие лишнего жира, худая нижняя часть тела и плоский живот (Mazur, 1986). В начале 1950-х гг. этот идеал, в свою очередь, сменили более аппетитные женские тела, идеалом для которых стала чувственная фигура Мэрилин Монро в форме песочных часов (Fallon, 1990).

К середине 1960-х гг. произошло постепенное снижение веса победительниц конкурсов красоты «Мисс Америка» и фотомоделей журнала «Плейбой» при одновременном увеличении их роста (Garner et al., 1980). В это время грудь и бедра победительниц конкурса «Мисс Америка» оставались симметричными, но рост конкурсанток увеличивался в среднем на 1 дюйм, а вес уменьшался на 5 фунтов за десятилетие (Mazur, 1986). Кроме этого, появилось такое требование к идеальной верхней части тела, как неестественные изгибы фигуры, когда жир уходит из области талии и распределяется в области груди и бедер. Так же как в конце XIX в., в 1960-х гг. предметом восхищения в западном обществе стали изящные изгибы фигуры, которые были у таких кумиров, как Одри Хепберн и Грейс Келли (Sarver et al., 2002).

К концу 1960-х гг. новым идеалом стали очень худые кумиры, такие как Твигги, и это представление о красоте стало определяющим на Западе (Fallon, 1990). Со временем идеальная фигура не только становилась худее, но и все больше приобретала форму «трубы»: результаты одного из исследований, в котором рассматривались модели, работающие в индустрии моды Великобритании в период с 1967 по 1987 г., свидетельствуют о том, что в течение этих лет при значительном увеличении роста и объема талии этих моделей не происходило никакого изменения объема их бедер, что определяло более высокие показатели ОТБ (Morris et al, 1989). В это время ключом к физической привлекательности стала худоба (Spitzer et al., 1999): к 1980-м гг. у большинства победительниц конкурса «Мисс Америка» ИМТ был меньше 18,5 (Rubinstein and Caballero, 2000), что с точки зрения клинических показателей считается недостаточным весом, а у некоторых из участниц наблюдались признаки нервно-психической анорексии (Wiseman et al., 1992). Такая же тенденция наблюдалась и среди моделей, изображаемых в женских журналах, которые со временем становились все более худыми (Guillen and Barr, 1994; Silverstein et al., 1986), а также среди фотомоделей, появлявшихся на обложках журналов мод (Sypeck et al., 2004).

Все эти исследования показывают, что представление о предпочтительной женской фигуре заметно менялось от очень пышной формы песочных часов до формы с меньшим числом изгибов (Fallon, 1990; Garner et al., 1980). Таким образом, ОТБ у «образцов» женской красоты носило более переменный характер, чем предполагал Сингх, и с течением времени средний показатель этого отношения претерпевал серьезные изменения. Если требуются другие доказательства изменения этих идеалов, достаточно взглянуть на пропорции куклы Барби, которые заметно изменились с конца 1950-х гг., сохранив при этом соответствие параметрам представительниц населения в целом (Norton et al., 1996).

Отношение «талия—бедра» в искусстве

Идея эволюционного происхождения предпочтения мужчинами низкого ОТБ у женщин находит свое отражение и в предположении о том, что в разных культурах и в разные времена, несмотря на существование местных эстетических норм, художники всегда изображали женщин, у которых показатели ОТБ находятся в диапазоне, соответствующем здоровью и плодовитости (Singh, 2006; Singh et al, 2000). Это означает, что вне зависимости от различий местных вкусов, культурных условий и экономических факторов представители практически всех культур и поколений разделяют представление о низком ОТБ как о признаке здоровья и, следовательно, считают его привлекательным (рис. 6.2). Сингх и его коллеги (Singh et al., 2000) определили ОТБ у 300 древних скульптур, созданных в Индии, Египте, Греции и нескольких африканских племенах, и сообщили о поразительном сходстве в изображении низкого отношения как привлекательного во всех четырех культурных группах.

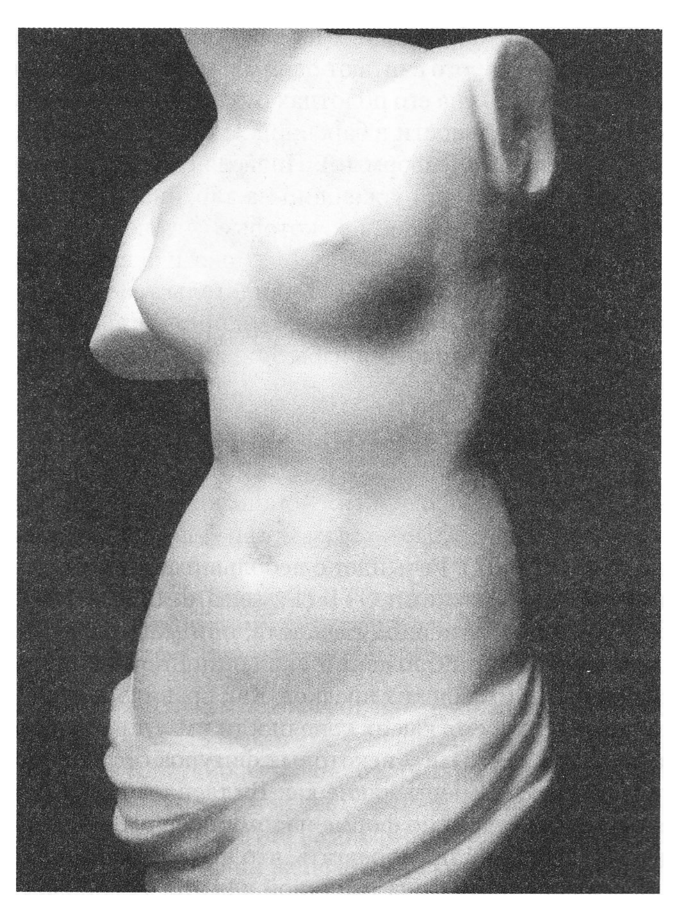

Рис. 6.2. По утверждению некоторых эволюционных психологов, низкое ОТБ можно найти у скульптур, изображающих красивых женщин, в самых разных культурах вне зависимости от различий местных вкусов, культурных условий или экономических факторов

Однако Суэми (Swami, 2007) указывает на то, что у этой идеи есть один слабый момент: в разных культурных группах и в различные исторические эпохи статуэтки и скульптуры создавались по совершенно разным причинам, некоторые из них не имели ничего общего с эстетическими вкусами и нормами. В качестве примера Суэми использует статую Венеры Милосской, которая является одной из самых известных в истории искусства и имеет с точки зрения эволюционной психологии «привлекательное» ОТБ. С ее помощью он доказывает, что в разные времена этой статуе придавался самый разный исторический, религиозный и социально-культурный смысл, что не позволяет говорить о том, что в древности она служила образцом идеальной красоты. Одним словом, древние статуи и скульптуры могли выполнять совсем не те функции, которые приписывают им современные эволюционные психологи.

Более того, история искусства свидетельствует о том, что не все художники изображали женщин с низким ОТБ как максимально привлекательных. Например, Суэми и его коллеги (Swami et al., 2007d) провели измерение около 30 обнаженных женских фигур, изображенных на картинах фламандского живописца Питера Паула Рубенса, которого считают одним из наиболее талантливых художников XVII в. Изображенные на его полотнах пухлые женские фигуры стали символом неудержимой сексуальности в барочной живописи (положив начало такому понятию, как «рубенсовские формы»). Проведя соответствующие измерения, Суэми с коллегами показали, что у женщин на картинах Рубенса самые разные ОТБ, которые в целом гораздо выше тех, которые считаются привлекательными с точки зрения эволюционной психологии (см. цветную вклейку, рис. 6). И дело не в уникальном вкусе Рубенса: имеются свидетельства того, что в сравнении с сегодняшними стандартами «идеальная» женщина в Европе XVII и XVIII вв. были полной и даже могла отличаться избыточным весом (Swami, 2007).

Первобытные Венеры

Удивление вызывает и то, что психологи, отстаивающие теорию определения привлекательности по ОТБ, не учитывают размеры и формы так называемых «первобытных Венер» (Swami, 2007). Речь идет о небольших статуэтках, изображающих тучных женщин с крайне высокими ОТБ (Passemard, 1938). В связи с тем что их появление обычно относят к периоду неолита, они могут служить идеальными экземплярами для проверки положений эволюционной психологии, позволяя заглянуть в сознание наших далеких предков. Как правило, у этих статуэток мощные бедра и ягодицы, в то время как их конечности имеют непропорционально маленький размер (Jelinek, 1975), а у некоторых фигурок большие отвислые груди.

В целом, первобытные Венеры, такие как Виллендорфская Венера (рис. 6.3), обладают очень полным телом, по форме напоминающим сферический эллипсоид. Однако было бы ошибкой предполагать, что эти изображения свидетельствуют о том, что женская полнота была типичной для этого периода (Graziosi, 1960). Условия жизни в эпоху неолита были очень сложными, и вряд ли у женщин, живших в то время, было достаточное количество еды для того, чтобы обрести ту тучность, которая отображена в первобытных статуэтках (Wood, 2006). Таким обра-

зом, эти тяжеловесные фигурки скорее являются изображениями, наделенными сексуальным и социальным смыслом (Jelinek, 1975; Leroi-Gourhan, 1968; Ucko, 1962).

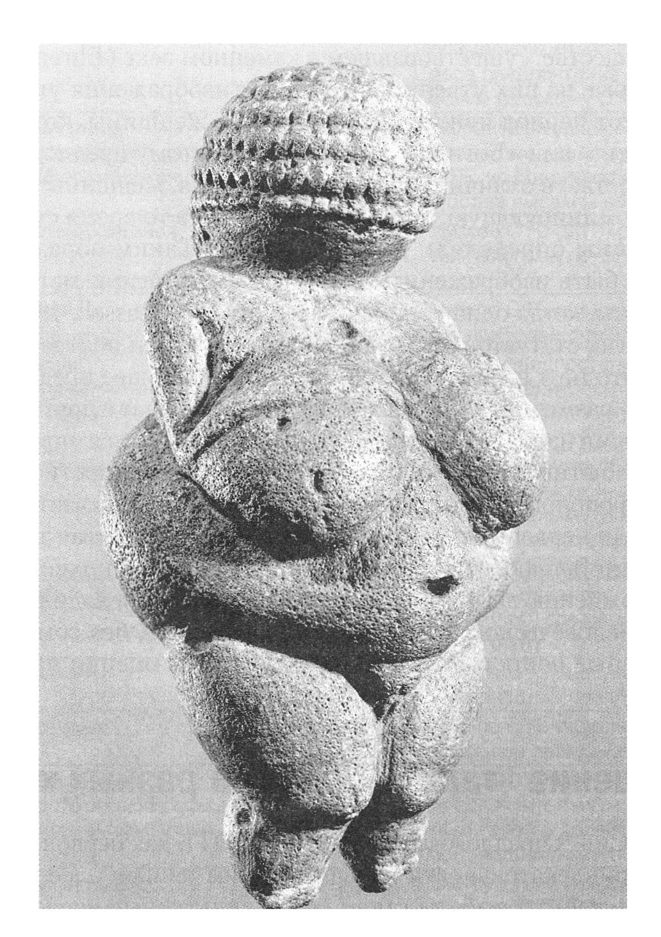

Рис. 6.3. Статуэтки, такие как Виллендорфская Венера, имеют мощные бедра и ягодицы, но при этом непропорционально маленькие конечности. Как правило, они обладают полным телом, по форме напоминающим сферический эллипсоид

Некоторые исследователи высказывают предположение о том, что первобытные Венеры могут изображать не богинь плодородия, а реальных женщин, которым поклонялись из-за их тучности (Sandars, 1968). Об этом свидетельствует тот факт, что они похожи только верхней частью тела: у первобытных Венер нет лиц, неестественно тонкие руки и нет стоп (Rice, 1982). Кроме того, тот факт, что многочисленные образцы такого типа женской фигуры — с большими животами и грудью, отсутствием черт лица, очень маленькими или отсутствующими стопами — находят в пределах очень широкого географического региона от Франции до Сибири, позволяет предположить, что в этот период эволюционной истории существовала некая система общего восприятия определенного типа женщины.

Немного другое объяснение может быть дано исходя из того, что древние изображения женщин, главным образом статуэтки такого же типа, как первобытные Венеры эпохи неолита, значительно превосходят по своему количеству изображения мужчин. Этот факт лежит в основе предположений ряда ученых о месте женщины в обществе, существовавшем в каменном веке (Ehrenberg, 1989; Nelson, 1997). Некоторые из них утверждают, что эти изображения указывают на существование в этот период явного обожествления женщины, которую определяли как «Мать-земля» или «Богиня-мать». Согласно этому предположению, в неолитическом обществе, в отличие от сегодняшнего дня, женщины играли более важную, если не доминирующую, роль: возможно, что в то время существовал матриархат и женщины определяли порядок жизни. Таким образом, первобытные Венеры могут быть изображением одновременно Богини-матери и конкретной живой женщины, когда одна воплощается в другой (Russell, 1998).

Значение этих статуэток заключается в том, что они подтверждают предположение о том, что не у всех поколений людей было общее представление о «привлекательном» размере тела. Естественно, как и в случае с другими статуэтками и художественными изображениями, мы не должны пытаться «прочитать» слишком многое в первобытных Венерах (Swami, 2007), в особенности принимая во внимание, что антропологи не могут с полной уверенностью сказать, для каких целей их использовали первобытные люди. Тем не менее, учитывая то, что эти статуэтки вряд ли представляют собой отклонения от нормы и появились в тот период, когда, по утверждению эволюционных психологов, происходило «строительство» архитектуры человеческого мозга, их существование, без сомнения, порождает очень интересные вопросы к сторонникам теории оценки привлекательности по ОТБ.

Отношение «талия-бедра» в разных культурах

С тех пор, как Сингх предложил теорию о роли ОТБ как первоначального фильтра физической привлекательности женщин, одним из наиболее плодотворных направлений дальнейшей работы стали кросс-культурные исследования. Предпочтение низкого ОТБ было повторено в ходе экспериментов, проведенных в самых разных странах (табл. 6.1), и это обычно рассматривается как свидетельство универсального и культурно-инвариантного характера этого отношения в качестве сигнала для выбора партнера. Кроме того, некоторые исследователи сообщают о том, что у победительниц конкурсов красоты, проводимых в незападных странах, также наблюдается низкое ОТБ в пределах «оптимального» диапазона (Leung et al, 2001). Результаты этих исследований согласуются с утверждением Сингха (Singh, 1993a) о том, что «психологический механизм», управляющий предпочтением низкого ОТБ у мужчин, носит универсальный характер, потому что в эволюционной истории человечества это отношение было адаптивной оценкой ценности партнера женского пола.

Впрочем, для всех этих исследований характерен один общий фактор, заключающийся в том, что все они проводились в достаточно развитых, индустриальных обществах, что делает заявления Сингха необоснованными. Для подкрепле-

Таблица 6.1. Обзор некоторых исследований, посвященных изучению предпочтений относительно ОТБ в разных культурах

Источник	Место проведения	Стимулы	Результат
Forrestell et al. (2004)	США	Рисунки	Предпочтение ОТБ, равного примерно 0,70, но при увеличении веса предпочтение отдавалось более высокому ОТБ
Freedman et al. (2004)	США (лица европеоидной расы и афроамериканцы)	Рисунки	Афроамериканцы выбирали в качестве идеального очень низкое ОТБ, но предпочитали фигуры с более высоким весом
Furnham et al. (1997, 1998, 2001, 2005)	Великобритания	Рисунки	Низкое ОТБ (0,70) оценивалось как наиболее привлекательное
Furnham et al. (2003)	Кения и Великобритания	Рисунки	Низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное
Furnham et al. (2002)	Греция, Великобритания и Уганда	Рисунки	Общее предпочтение низкого ОТБ (0,70) в Великобритании и Греции, но предпочтение очень низкого ОТБ (0,50) в Уганде
Furnham et al. (2006)	Великобритания	Модифицированные рисунки	Участники мужского пола давали наиболее высокие оценки фигурам с ОТБ, равным 0,60, а участницы женского пола предпочитали фигуры с ОТБ 0,80
Gray et al. (2005)	Новая Зеландия	Рисунки	Предпочтение очень низкого ОТБ (0,50; 0,60) среднему соотношению (0,70; 0,80)
Henss (1995)	Германия	Рисунки	Низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное
Henss (2000)	Германия	Фотографии	Низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное
Markey et al. (2002)	США (лица европеоидной расы и афроамериканцы)	Рисунки	Низкое ОТБ было наиболее предпочтительным среди родителей и детей предподросткового возраста
Marlowe and Westman (2001)	Племя хадза (Танзания)	Модифицированные рисунки	В отсутствии изменения веса высокое ОТБ было наиболее предпочтительным
Puhl and Boland (2001)	США	Фотографии	Высокое ОТБ было наиболее предпочтительным во всех весовых категориях, но вес тела был более важен, чем ОТБ
Rozmus-Wrzesinska and Pawlowski (2005)	Польша	Фотографии	Большее влияние на привлекательность оказывало изменение объема талии, а не бедер
Singh (1993a, 1993b, 1994a), Singh and Young (1995)	США	Рисунки	В условиях контролирования веса низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное
Singh (2000, 2002)	Индия	Фотографии	Предпочтение ОТБ с показателями меньше среднего местного
Singh (2004)	Азорские острова и Гвинея-Биссау	Рисунки	Низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное

Окончание табл. 6.1

Источник	Место проведения	Стимулы	Результат
Singh and Luis (1995)	Индонезия	Рисунки	Низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное
Streeter and McBurney (2003)	США	Фотографии	Низкое ОТБ оценивалось как наиболее привлекательное при статистическом контролировании веса
Swami and Tovee (2005a)	Малайзия и Великобритания	Фотографии	Участники с низким социально-экономическим статусом отдавали предпочтение более высокому ОТБ, чем участники с высоким СЭС, однако ИМТ являлся лучшим фактором прогнозирования оценок, чем ОТБ
Tassinary and Hansen (1998)	США	Модифицированные рисунки	Вес тела являлся более важным фактором, чем ОТБ
Thornhill and Grammer (1999)	Австрия и США	Фотографии	Привлекательность лица преобладает над предпочтением низкого ОТБ
Sugiyama (2004)	Племя шивиар (Эквадор)	Рисунки	Предпочтение ОТБ с показателями меньше среднего местного
Swami et al. (2007a)	Малайзия и Великобритания	Фотографии	Более высокое ОТБ оценивалось как более привлекательное малазийцами, живущими в сельской местности, в сравнении с малазийцами, живущими в городах
Tovee et al. (1997, 1998, 1999)	Великобритания	Фотографии	Предпочтение низкого ОТБ высокому, но вес тела является гораздо более важным фактором, чем ОТБ
Westman and Marlowe (1999)	Племя хадза (Танзания)	Рисунки	ОТБ не влияло на суждения о привлекательности; предпочтение отдавалось фигурам с более высоким весом в сравнении с фигурами со средним и низким весом
Yu and Shepard (1998)	Племя матсигенка (Перу)	Рисунки	Наименее вестернизированная группа оценивала фигуры прежде всего по весу (предпочтение более высокого веса низкому), а затем по высокому ОТБ, которое было более предпочтительным, чем низкое ОТБ; группа, характеризующаяся средней степенью вестернизации, оценивала женщин с низким ОТБ как более привлекательных и более желательных в качестве жен, но не как более здоровых; члены наиболее вестернизированной группы не отличались от участников исследований мужского пола в США

ния этих заявлений соответствующими доказательствами необходимо исследовать предпочтения, связанные с ОТБ, в группах охотников и собирателей, которые существуют и в наши дни. Эволюционные психологи проявляют большой интерес к изучению таких групп, предполагая, что сохранившиеся до наших дней собиратели имеют уклад жизни, существовавший в обстановке эволюционной адаптации. Однако подобное утверждение вызывает сомнения и отражает излишне статичный взгляд на развитие и историю человечества (Caro and Borgerhoff Mulder, 1987; Shennan, 2000). Кроме того, существующие на сегодняшний день группы охотников и собирателей в период новейшей истории могли подвергнуться значительному влиянию в результате связей с более развитыми сельскохозяйственными обществами (Foley, 1988). Тем не менее изучение жизни групп охотников-собирателей и просто собирателей является очень полезным способом проверки предположений эволюционных психологов, потому что, во-первых, это дает ученым возможность непосредственного наблюдения за поведением людей в условиях отсутствия сельского хозяйства, и, во-вторых, эти группы, как правило, имеют ограниченные связи с западными средствами массовой информации и имеют иные жизненные ценности (Marlowe, 2005).

Ветсман и Марлоу (Westman and Marlowe, 1999) провели важную проверку теории ОТБ, изучив предпочтения проживающего в Танзании племени охотников и собирателей под названием тандза, которое кормится практически полностью за счет сбора даров дикой природы. Авторы исследования использовали рисунки с изображением женских фигур и выяснили, что размер ОТБ не влияет на суждения о привлекательности, выносимые мужчинами из племени тандза. Напротив, делая выбор в таких категориях, как привлекательность, здоровье и желательность в качестве жены, эти мужчины вне зависимости от ОТБ предпочитали рисунки женщин с более высоким весом рисункам женщин со средним весом и женщин со средним весом женщинам с небольшим весом. Когда Марлоу и Вестман (Marlowe and Westman, 2001) вернулись в Танзанию с новым набором рисунков, на которых фигуры отличались только ОТБ, они получили данные, согласно которым мужчины племени хадза по-прежнему предпочитали высокое отношение низкому. Исследователи предположили, что это может быть результатом предпочтения мужчинами племени женщин с более высоким весом. На основании этого Вестман и Марлоу (Westman and Marlowe, 1999: 226) сделали вывод, что ОТБ, по всей вероятности, действует как «фильтр второго порядка»:

> Первичный фильтр могут образовывать предпочтения в отношении партнера, основанные на весе тела... Влияние ОТБ может быть актуальным только в тех случаях, когда ресурсы пищи настолько изобильны, что риск голодания во время беременности и кормления минимален...

Результаты, описанные Вестманом и Марлоу, удивительно похожи на те, которые были получены в ходе исследования, проведенного в другом достаточно изолированном племени матсигенка, живущем на юге Перу и практикующем подсечно-огневое земледелие (Yu and Shepard, 1998,1999). С помощью первоначального набора рисунков Сингха ученые исследовали три группы членов племени матсигенка, отличающихся по уровню контактов с внешним миром (и, по оценкам ав-

торов, по трем степеням «вестернизации»). Наименее вестернизированная группа, так же как хадза, оценивала фигуры прежде всего по весу (высокий предпочитался низкому) и только затем по ОТБ (высокое предпочиталось низкому), что опять же диаметрально противоположно результатам исследований с участием людей из индустриальных обществ. Вторая, умеренно вестернизированная группа отличалась от первой тем, что ее члены оценивали женщин с низким ОТБ как более привлекательных и более желательных в качестве жен, но не как более здоровых. Предпочтения в отношении привлекательности членов третьей и наиболее вестернизированной группы (которые вступили в контакт с внешним миром от 20 до 30 лет назад) не отличались от предпочтений мужчин, проживающих в США.

В условиях постоянно развивающейся цивилизации становится все сложнее получить доступ к относительно изолированным группам охотников и собирателей. В связи с этим многие специалисты, занимающиеся кросс-культурными исследованиями, стали изучать различие уровней благосостояния в развивающихся и развитых странах. Так, Фернхем и его коллеги (Furnham et al., 2002) исследовали как влияет вес тела и ОТБ на оценку привлекательности мужчин из Уганды, Греции и Великобритании. Они также выявили влияние культуры на предпочтения в отношении веса и формы тела: хотя данные, полученные в европейских странах, свидетельствовали об общем предпочтении ОТБ, равного 0,70, респонденты из Уганды давали наивысшие оценки соотношению 0,50.

На первый взгляд, эти данные подтверждают теорию ОТБ и предполагают постоянное противоречие между этим отношением и воспринимаемой привлекательностью (Singh, 1993a). При экстраполяции этой связи наиболее привлекательным следует считать ОТБ, равное 0,50, но необходимо помнить о том, что, согласно эволюционно-психологической теории, это отношение также должно ассоциироваться с наибольшей плодовитостью и лучшим здоровьем, что не подтверждается результатами исследований (Gray et al., 2003). Более того, Фернхем и его коллеги (Furnham et al., 2002) утверждают, что участники исследования в Уганде могли демонстрировать предпочтение отношения 0,50, потому что в реальной жизни такое отношение может быть только при наличии узкой талии и широких бедер. В связи с тем, что большие бедра внешне делают фигуру более тяжеловесной, предпочтение отношения 0,50, наблюдаемые в Уганде, можно объяснить как предпочтение фигур с более высоким весом. Фернхем и его коллеги (Furnham et al., 2002) выявили среди угандийцев предпочтение фигур с большим весом, в то время как участники исследования в Великобритании и Греции отдавали предпочтение фигурам с небольшим весом, что позволило ученым предположить, что вес тела имеет большее значение, чем ОТБ.

Результаты, полученные Фернхемом и его коллегами, совпадают с теми, о которых сообщили Фридман и его соавторы (Freedman et al., 2004), изучавшие этнические различия мужских предпочтений в отношении идеального веса и формы тела у женщин. Эта группа исследователей выяснила, что в отличие от мужчин европеоидной расы афроамериканские мужчины выбирают в качестве идеальных фигуры с более высоким весом. В частности, афроамериканским мужчинам низкий вес тела у женщин не нравился чаще, чем участникам эксперимента, принад-

лежащим к европеоидной расе. Кроме того, члены обеих групп выбирали фигуры с низким ОТБ, однако афроамериканцы чаще выбирали в качестве идеального отношение, имеющее очень низкие показатели. По мнению Фридмана и его коллег (Freedman et al., 2004), полученные ими данные подчеркивают значимость ОТБ в мужских предпочтениях при оценке женских фигур, но также указывают на то, что в процессе отбора вес тела служит для мужчин более важным признаком, чем ОТБ. Эти результаты свидетельствуют о том, что афроамериканские мужчины склонны идеализировать женщин с более высоким весом и более пышными формами в большей степени, чем представители европеоидной расы.

Объяснение кросс-культурных различий

Таким образом, когда исследования предпочтений относительно отношения «талия—бедра» не ограничиваются развитыми индустриальными странами, среди их участников не наблюдается универсального предпочтения одних и тех же отношений «талия—бедра». Более того, в некоторых группах — как правило, в группах охотников и собирателей — существует предпочтение более высокого отношения низкому, в то время как в других предпочтение отдается очень низкому отношению. Все эти результаты позволяют сделать один общий вывод об их несовместимости с идеей о том, что ОТБ является надежным признаком плодовитости и здоровья. Так как же можно объяснить эти кросс-культурные различия?

Одно из первых объяснений, которое на сегодняшний день представляется устарелым, основывается на идее о том, что ОТБ служит фактором прогнозирования пола ребенка. Высокое ОТБ прогнозирует мужской пол ребенка, поэтому в культурах, где «ценят» мальчиков, андрогинная форма тела должна считаться наиболее привлекательной. Эта гипотеза основывается на результатах исследований, в ходе которых проводился обмер женщин, уже имеющих детей, и установлении связи выявленного у них отношения с количеством детей мужского пола. Так, данные двух исследований указывают на то, что женщины с высоким отношением «талия—бедра», как правило, имеют большее количество сыновей и что, следовательно, предпочтение отдается таким женщинам, у которых могут родиться дети с повышеннм уровнем тестостерона у детей (Manning et al., 1996; Singh and Zambarano, 1997). А Джон Мэннинг и его коллеги (Manning et al., 1999) представили данные, полученные при изучении жителей сельских областей Ямайки, которые указывают на существование позитивной связи между объемом талии женщин и количеством рожденных ею сыновей.

Однако у всех этих исследований есть один важный недостаток — они основываются на предположении, что вынашивание ребенка мужского пола меняет ОТБ иначе, чем вынашивание ребенка женского пола. Если это действительно так, то высокие показатели этого отношения могут быть следствием, а не причиной пола ребенка. С целью проверки прогностической силы предварительного отношения «талия—бедра» в плане пола ребенка Тове и его коллеги (Tovee et al., 2001) измерили это отношение у 458 женщин, планирующих забеременеть, и связали полученные данные с полом детей, которые впоследствии у них родились.

Они не выявили никакой значительной корреляции, вследствие чего предположили, что ОТБ не является фактором прогнозирования пола ребенка. В последние годы количество сторонников этой теории постоянно сокращается.

Стеатопигия

Иное объяснение кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с отношением «талия—бедра», предлагает Фрэнк Марлоу и его коллеги (Marlowe et al., 2005). Они утверждают, что фронтальные изображения женщин, используемые в большинстве кросс-культурных исследований, не отражают того вклада, который вносят в реальное ОТБ сами бедра и особенно ягодицы. При использовании рисунков с профильными изображениями женщин исследователи выяснили, что в этом случае охотники и собиратели племени хадза отдают предпочтение более низкому отношению «талия—бедра» (более выступающие ягодицы), чем американские мужчины, и оно отличается от их предпочтения более высокого отношения при просмотре фронтальных изображений (Marlowe and Westman, 2001). На основании этого они сделали вывод о том, что на самом деле в теоретических предпочтениях относительно реального отношения «талия—бедра» у мужчин племени хадза наблюдается меньше несовпадений. В целом, Марлоу и его коллеги утверждают, что если принять во внимание профильное ОТБ, то во всех обществах существует общее предпочтение низкого отношения высокому.

Однако у этого объяснения есть ряд недостатков. Во-первых, на рисунках, использованных Марлоу и его коллегами (Marlowe et al., 2005), ОТБ и вес тела изменялись одновременно (Swami et al., 2007d, 2007f), что является недостатком рисунков в целом (см. главу 5). Изображения женщин с более крупными бедрами и ягодицами имели также более высокий вес, поэтому вполне возможно, что при выборе профильных фигур с выступающими ягодицами мужчины племени хадза на самом деле выбирали женщин с более высоким весом. Во-вторых, результаты других исследований указывают на то, что профильное ОТБ или размер ягодиц служат малосущественными факторами прогнозирования оценок женской привлекательности (Swami et al., 2007d, 2007f; Tovee and Cornelissen, 2002), что согласуется с данными исследований, в которых использовались фронтальные изображения женщин (см. главу 5). Например, Фернхем и Суэми (Furnham and Swami, 2007) использовали изображения женских фигур в виде силуэта и выяснили, что при вынесении суждений о женской привлекательности участники исследования из Великобритании не придают особого значения размеру ягодиц.

Несомненно, существует вероятность того, что разным культурам присущи отличные друг от друга предпочтения в отношении таких особенностей человеческого тела, как размер ягодиц и бедер. Множество отдельных примеров свидетельствует о том, что в идеалах привлекательности некоторых культур или субкультур особое внимание уделяется ягодицам или бедрам большего размера (Swami et al., в прессе, b). Кроме того, высказывается предположение о том, что некоторые племена охотников и собирателей могут считать привлекательным отложение жира на женских ягодицах, которое известно как «стеатопигия» (Morris, 1978), и это может объяснить результаты, полученные Марлоу и его

коллегами (Marlowe et al., 2005). Подобные жировые отложения могут встречаться у представителей обоего пола, однако у женщин они, как правило, больше, чем у мужчин. Эти отложения полностью формируются в пубертатном возрасте, и считается, что они могут быть сексуально привлекательными для мужчин в тех группах населения, где они широко распространены (Tobias, 1957), например в племени хойхор из Южной Африки или племени онге с Андаманских островов.

Некоторые специалисты утверждают, что по крайней мере в некоторых племенных или сельских группах стеатопигия является атрибутом женской привлекательности вне зависимости от отношения «талия—бедра». Вряд ли это явление можно объяснить с помощью теории хороших генов: жир, накапливающийся в ягодицах, в значительной степени влияет на равновесие и подвижность, и физической точки зрения отложение жира в области талии было бы более эффективным (Pond, 1981). Более того, жир, откладывающийся в ягодицах, используется организмом в очень незначительной степени (Pond and Mattaches, 1987), в результате чего исключается возможность предположения о том, что он может служить в качестве резерва для метаболических потребностей или защиты от голода (Symons, 1979). Следовательно, жир может накапливаться в более заметном месте — ягодицах — для четкой и ясной демонстрации репродуктивных достоинств (Barber, 1995).

С другой стороны, стеатопигия могла возникнуть в процессе эволюции по причинам, не связанным со способностью привлекать партнеров противоположного пола, и только впоследствии превратилась в признак женственности. Так, некоторые исследователи предполагают, что некоторые части тела человека могут развиваться для увеличения его поверхности в целях терморегуляции (Einon, 2007), как это происходит с такими животными пустыни, как верблюды. Это предположение подтверждается тем фактом, что стеатопигия встречается только в местах с очень жарким климатом и что люди, у которых она наблюдается, имеют маленький рост (маленький рост способствует сохранению тепла, поэтому целью развития стеатопигии могло стать содействие охлаждению тела).

В любом случае, объяснение кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с отношением «талия—бедра», на основании несоответствия фронтальных и профильных изображений представляется недостаточным. Вполне возможно, что представители некоторых групп населения отдают предпочтение более крупным, выступающим ягодицам, что объясняет их предпочтение более высокого фронтального отношения «талия—бедра» (Marlowe et al., 2005). Однако маловероятно, что это явление носит универсальный характер (Furnham and Swami, 2007), что не позволяет использовать его для объяснения кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с отношением «талия—бедра».

Случайные адаптации

Еще одно эволюционно-психолгическое объяснение кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с отношением «талия—бедра», основывается на идее о том, что людям свойственны психологические адаптации, которые случайным образом приспосабливают определенные детерминанты сексуальной привлека-

тельности к местным условиям (Symons, 1995). Другими словами, ментальные модули могут менять предпочтения людей в соответствии с местными условиями, и это позволяет объяснить, почему некоторые группы отдают предпочтение более высоким отношениям «талия—бедра», чем другие. Именно это утверждает Сугияма (Sugiyama, 2004, 2005), который считает, что в кросс-культурных проверках теории низкого отношения «талия—бедра» используются стимулы, не соответствующие местным условиям.

Для женщин, занимающихся собирательством, характерна высокая плодовитость, отягощенность паразитами и энергетическая зависимость от волокнистых пищевых продуктов, что приводит к повышению отношения «талия—бедра». Исходя из того, что выбор полового или брачного партнера определяется местными условиями, Сугияма (Sugiyama, 2004) предполагает, что механизмы предпочтений, связанных с отношением «талия—бедра», должны оценивать местное распределение этих отношений у женщин и заново выявлять эти предпочтения по мере изменения условий. Вместо того чтобы искать универсальное кросс-культурное предпочтение определенного отношения «талия—бедра», исследователям следует только предполагать, что привлекательными будут более низкие показатели этого отношения, чем средние местные, и что влияние этого фактора будет иметь кросс-культурные различия. Другими словами, психологические адаптации могут внести изменения в правило, согласно которому существует предпочтение отношения «талия—бедра», которое несколько ниже среднего местного отношения у женщин, а не какого-то абсолютного размера этого отношения.

Таким образом, приняв во внимание местное распределение отношений «талия—бедра» у женщин в эквадорском племени шивиар, Сугияма (Sugiyama, 2004) выяснил, что на предпочтения мужчин этого племени влияют местные параметры. Среднее ОТБ у женщин племени шивиар не такое низкое, как то, которое обычно наблюдается в западных обществах, хотя среднее отношение у женщин все равно ниже, чем в среднем у мужчин. Сугияма (Sugiyama, 2004) попросил мужчин племени оценить набор фотографий женщин и выяснил, что они считают физически привлекательными фигуры с большим весом и низким отношением «талия—бедра». При минимальном различии веса тела мужчины племени шивиар отдавали предпочтение отношению, которое было ниже среднего местного отношения.

Сегодня концепция случайных адаптаций является очень популярным объяснением кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с отношением «талия—бедра» (Sugiyama, 2005), однако отнюдь не все с этим соглашаются. Одним из предметов спора является то, что вышеназванные выводы сделаны на основании достаточно ограниченных данных: в конечном счете, исследования, которые свидетельствуют о предпочтении отношений «талия—бедра» ниже средних местных отношений, не дают никаких подтверждений того, что эти предпочтения являются адаптациями или что существуют ментальные модули, управляющие таким поведением. Однако в рамках теории эволюционной психологии существование таких модулей допускается *a priori*, а для демонстрации существования этих адаптированных модулей используются свидетельства в пользу данной гипотезы.

Когда адаптация не является адаптацией?

В данном случае следует более подробно рассмотреть — как важное дополнение к нашему обсуждению — адаптационный подход, существующий в эволюционной психологии. Очевидно, что эволюционные психологи предполагают, что предпочтения, связанные с ОТБ, являются адаптациями. Это означает, что в обстановке эволюционной адаптации мужчины решали проблему определения репродуктивного потенциала женщин за счет формирования «модулей», или психологических механизмов, которые определяли предпочтения отношений «талия—бедра», свидетельствующих о здоровье и плодовитости. Грей и его соавторы (Gray et al, 2003) пишут, что такая стратегия объяснения может быть полезной, если будет удовлетворять трем критериям: а) все характерные черты являются адаптациями; б) адаптации можно достаточно легко и просто охарактеризовать; в) существует мало убедительных альтернативных объяснений адаптаций или их вообще нет.

Во-первых, все ли характерные особенности являются адаптациями? В этом случае беспокойство вызывает то, что парадигма эволюционной психологии способна принимать любые (и нередко противоречивые) утверждения, объяснив всё как приспособления к обстановке эволюционной адаптации (Stainton Rogers and Stainton Rogers, 2001). Рамачандран (Ramachandran, 1997) однажды написал сатирическое эссе под названием «Почему джентльмены предпочитают блондинок?», в котором он утверждал, что мужчины отдают предпочтение блондинкам, потому что в этом случае они могут определить ранние признаки заражения паразитами и старения, которые косвенным образом снижают плодовитость и жизнеспособность потомства. Конечно же, не все эволюционные психологи попались на розыгрыш Рамачандрана (Ramachandran, 1997), но были и те, кто в него поверил. Это свидетельствует о том, что парадигма эволюционной психологии способна объяснить практически любые характеристики как приспособления; однако теория, которая может объяснить всё, в реальности объясняет очень мало.

В своей работе, опубликованной в 1979 г., Гулд и Левонтин (Gould and Lewontin, 1979) раскритиковали то, что они называли «адаптационизмом», построенным на идее о том, что любой произвольно выбранный признак организма должен обладать функцией, которая объясняет его отбор в процессе эволюции. Используя в качестве примера мозаики в соборе Св. Марка в Венеции, расположенные в пазухах сводов, которые представляют собой всего лишь побочное следствие конструкции здания, Гулд и Левонтин (Gould and Lewontin, 1979) указывали на то, что в любом объекте, который функционально интегрирован как организм, конкретные особенности ограничиваются общей структурой и функционированием всего организма. И при объяснении окончательной структуры организма эти ограничения могут быть более важны, чем оптимизирующие тенденции естественного отбора (Kitcher, 1985, 2004). Конечно же, с тех пор как Гулд и Левонтин выступили с критикой адаптационистской программы, эволюционная теория претерпела значительные изменения, но их точка зрения по-прежнему сохраняет свою актуальность: нет никаких оснований предполагать, что любой произвольно выбранный признак человека (или любого организма) является адаптацией.

Во-вторых, мы должны ответить на вопрос: насколько характеристика признака или черты позволяет назвать их адаптацией? Правильная характеристика признака ни в коем случае не делает очевидным его адаптивное объяснение, что доказывает Левонтин (Lewontin, 1978) на примере подбородка человека. Подбородок есть у людей, но отсутствует у наших родственников-обезьян, что позволяет считать его очевидным признаком. Однако в действительности подбородок вовсе не является дискретным признаком; более того, он представляет собой последствие различных степеней неотении дентальной и альвеолярной областей роста нижней челюсти. То же самое можно сказать о характеристиках других подразумеваемых признаков как адаптаций: предоставления данных о предпочтении отношения «талия—бедра» более низкого, чем среднее местное отношение, недостаточно для того, чтобы приписывать ему адаптивное объяснение.

Наконец, мы должны выяснить, существуют ли какие-либо альтернативные адаптивные объяснения конкретной гипотезы? Нет никаких оснований считать, что только эволюционная психология дает объяснения физической привлекательности, к тому же внутри самой эволюционной теории нередко встречаются различные адаптивные объяснения одного и того же признака. Например, если вернуться к предпочтениям, связанным с ОТБ, то Грей и его коллеги (Gray et al., 2003) высказывают предположение о том, что предпочтение низкого отношения можно объяснить с этологической точки зрения как сенсорные предпочтения, возникшие в другой области (см. главу 3). Это утверждение предполагает, что ОТБ является не признаком какого-либо качества, как считают некоторые эволюционные психологи, а результатом действия родового психологического механизма повышенного реагирования на преувеличенные признаки, или то, что называют «сверхстимулами» (Eibl-Eibesfeldt, 1970).

Сверхстимул — это преувеличенная версия стимула, который постоянно вызывает реакцию, или любой стимул, который вызывает более сильную реакцию, чем стимул, вызывающий ее в обычных обстоятельствах. Николас Тинберген (Tinbergen, 1957) провел подробный анализ стимульных признаков, которые вызывают выпрашивание пищи у птенцов серебристых чаек, и создал искусственный сверхстимул, состоящий из красной вязальной спицы, вокруг которой намотаны три белые ленты. Этот сверхстимул вызывал у птенцов более сильную реакцию, чем точная трехмерная модель головы одного из родителей (белого цвета) и клюва (желтого с красным пятном). Грей с соавторами (Gray et al., 2003) предполагают, что предпочтение низкого отношения «талия—бедра», выявленное в ряде исследований, может быть похоже на реакцию на сверхстимул.

Среди древних популяций различия в форме тела, типичные для определенного пола, могли возникнуть по причинам, не связанным со способностью привлекать половых партнеров, к числу которых можно отнести потребность в терморегуляции (Einon, 2007) или различные биомеханические ограничения для каждого пола (Burr et al., 1977; Pawlowski, 2001; Pawlowski and Grabarczyk, 2003; Walrath and Glantz, 1996). В первом случае половой диморфизм человеческого тела мог быть полезен с точки зрения повышения теплоотдачи у женщин. Это было особенно важно, учитывая, что во время беременности неспособность потери избыточного тепла тела может причинить вред женщине и плоду (Chang et al., 1963; Kosambi and Raghavachari, 1962; Zelnik, 1969). Если говорить о втором случае,

то Павловски и Грабарчик (Pawlowski and Grabarczyk, 2003) предполагают, что в процессе эволюции прямоходящие женщины из-за беременности сталкивались с различными ограничениями в биомеханике хождения, которые были не известны мужчинам. В связи с тем что хождение считается важным признаком отбора на первых людей, вполне вероятно, что у женщин развилась иная скелетная морфология и распределение жировых тканей, которые обеспечивали им большую устойчивость тела. Достоинство подобного объяснения происхождения различных форм человеческого тела заключается в том, что оно позволяет объяснить уникальность этих различий людей среди всех видов приматов (Schultz, 1969).

Некоторые ученые предполагают, что первоначально могла возникнуть связь между половыми различиями человеческих фигур и сексуальной привлекательностью, а затем эти различия были усилены половым отбором (Leong, 2006). Таким образом, предпочтение низкого отношения «талия—бедра» у женщин могло быть сенсорным предпочтением, а усиление различия привело к формированию более сильного предпочтения; именно это обнаружила в ходе своего исследования Меган Хини (Heaney, 2000). Она использовала рисунки, основанные на первоначальном наборе стимулов Сингха, но меняла в них объем талии, чтобы включить в эксперимент фигуры с таким низким ОТБ, как 0,50 (в первоначальном наборе рисунков Сингха были только отношения в диапазоне от 0,7 до 1,0). Подавляющее число участников исследования мужского пола отдали предпочтение фигурам в «нормальном» диапазоне веса с отношением «талия—бедра», равным 0,50, затем следовали фигуры с отношением 0,60. По мнению Грея и его соавторов (Gray et al., 2003), для объяснения этих результатов не нужен никакой специальный развитый психологический механизм для адаптивного выбора партнера. Более того, предпочтение низких ОТБ поддается лучшему истолкованию как сенсорное предпочтение, а не как признак хороших генов. Без сомнения, необходима дальнейшая работа для того, чтобы понять, как эти механизмы могут формироваться и действовать у людей, но работа Грея и его коллег (Gray et al., 2003) как минимум подчеркивает тот факт, что эволюционные психологи не предоставляют объяснений предпочтения низкого отношения «талия—бедра», не вызывающих возражений.

На данном этапе следует уточнить, что мы вовсе не выступаем в защиту антиадаптационистских или даже антиэволюционных объяснений предпочтений, связанных с ОТБ. Наша цель — поднять вопрос о возможности того, что правдоподобное адаптивное объяснение не обязательно должно быть правильным. Мы считаем, что если эволюционные психологи откажутся от некоторых своих наиболее догматичных теорий универсальности суждений о привлекательности, то появится возможность более активного изучения выбора партнеров, которое не будет ограничено наследственными факторами (см. главу 7) и лучше продемонстрирует кросс-культурные, временные и межличностные различия.

Кросс-культурные предпочтения в отношении веса тела

В упомянутой ранее работе Сугиямы (Sugiyama, 2004) также поднимается вопрос веса тела: когда мужчинам племени шивиар демонстрировали стимулы, на которых ОТБ и вес тела оценивались совместно, они отдавали предпочтение фигурам

с высоким отношением. Возможно, это связано с тем фактом, что фигуры с высоким отношением «талия—бедра» выглядят как обладающие наибольшим весом. Это означает, что в исследовании Сугиямы (Sugiyama, 2004) ОТБ и вес тела не были полностью разделены. А учитывая данные о том, что вес тела является более существенным фактором прогнозирования привлекательности женщин (см. главу 5), возникает вопрос о существовании кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с весом тела.

Ответом на этот вопрос будет твердое «да»: результаты множества антропологических и психологических исследований свидетельствуют о существовании широких различий в установках относительно таких вещей, как ожирение и телесный жир (Brown and Konner, 1987; Cassidy, 1991; Sobal and Stunkard, 1989). В своей новаторской работе по этнографии Форд и Бич (Ford and Beach, 1951) указывают на то, что хотя в разных культурах в вопросе поцелуев и сексуальной ориентации наблюдается значительное сходство, предпочтения в отношении веса тела заметно различаются. Если в ряде культур — как правило, социально и экономически развитых, — предпочтение отдается худым фигурам (Swami and Tovee, 2005b; Swami et al., 2006a; 2006b; Smith et al., 2007; Tovee et al., 1998, 1999, 2002, 2006), представители многих «традиционных» культур предпочитают полных, а иногда и излишне полных женщин и мужчин.

В традиционных культурах полнота нередко имеет (или имела) символическую связь с такими психологическими параметрами, как самоуважение, сексуальность и плодовитость (Brown, 1991; Rguibi and Belahsen, 2006; Treloar et al., 1999), а для женщин она также служит символом материнства и заботы о детях. В обществах, где женщины часто обретают статус благодаря материнству, эта символическая связь повышает приемлемость полноты (Holmberg, 1946; Powdermaker, 1960). О полных женщинах хорошо заботились (в символическом смысле), а они, в свою очередь, проявляли большую заботу о детях. Так, крестьяне-арабы в Египте считали, что настоящая женщина должна быть «полной», потому что у нее больше места, чтобы выносить ребенка, у нее будет больше молока, следовательно она сможет дать больше еды и тепла своему ребенку (Amnar, 1954).

Тети (Teti, 1995) также пишет о том, что для жителей юга Италии полнота служила символическим знаком достатка и власти, в то время как худоба означала бедность, невзгоды и зло. Результаты других исследований указывают на то, что набор веса на протяжении жизненного цикла, даже если он приобретает крайние формы, может быть приемлемым с культурной точки зрения (Bohannon and Bohannon, 1969). Наиболее ярким свидетельством этому может служить тот факт, что в некоторых странах Африки и южного полушария девушек подросткового возраста из семей элиты отправляют на уединенные молочные фермы (Brink, 1995; Malcom, 1925; Popenoe, 2003; Randall, 1995) для подготовки их к «выходу в свет» и замужеству. Де Гарин (De Garine, 1995) также описывает «процедуры по откармливанию» мальчиков-подростков у скотоводов Камеруна для увеличения силы, красоты, добродетели, здоровья и благополучия с помощью употребления в большом количестве молока и сорговой каши. Более того, во многих традиционных культурах полнота или ожирение могут являться значительным преимуществом (Pollock, 1995a; Scrimshaw and

Dietz, 1995), а люди очень больших размеров, такие как борцы сумо в Японии, могут становиться знаковыми фигурами (рис. 6.4; Hattori, 1995).

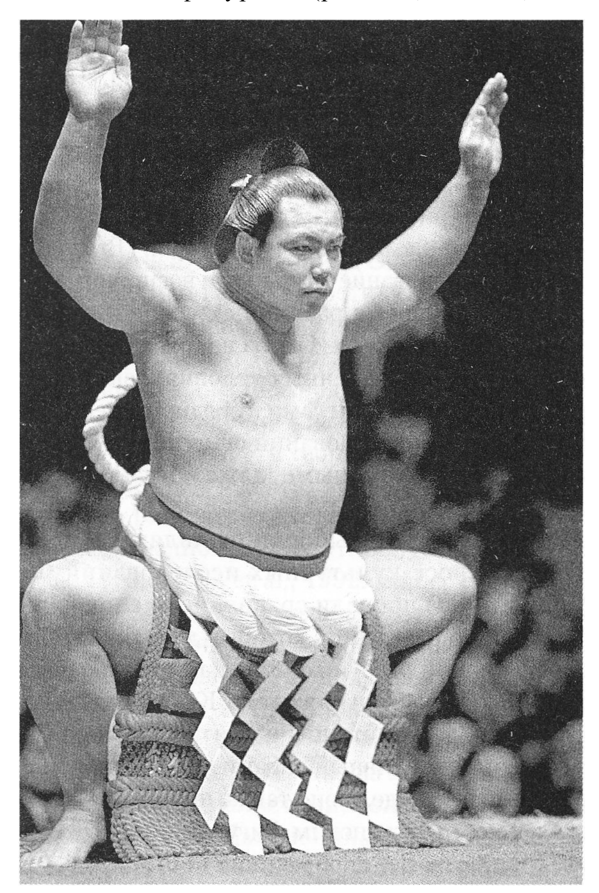

Рис. 6.4. В некоторых культурах полнота или ожирение могут являться значительным преимуществом, а люди очень больших размеров, такие как борцы сумо в Японии, могут становиться знаковыми фигурами. Copyright © Barry Lewis/CORBIS

В работах по этнографии и антропологии, посвященных изучению культурной среды, очень широко представлены страны южного полушария. Традиционно в полинезийском обществе большие тела пользовались особым уважением, и их воспринимали как воплощение высокого статуса, силы, власти и богатства (Pollock, 1995b). Данные этнографических исследований полинезийского общества указывают на то, что ожирение было наиболее распространено среди вождей и людей, занимающих высокое положение в социальной иерархии (Buck, 1932), а в сообщениях о восприятии полинезийцами красоты главным требованием часто называют полноту или очень большие размеры тела (van Dijk, 1991). Например, на острове Таити, входящем в состав Французской Полинезии, существует ритуал *ha'apori* (буквально «делать толстым»), который включает в себя целенаправленный процесс вызывания ожирения у мужчин и женщин, как

правило, принадлежащих к высокопоставленным семьям (Oliver, 1974; Pollock, 1995b).

Таким образом, этнографы подтверждают положительную связь между весом тела и престижем в странах южного полушария, где, по их мнению, полнота означает наличие доступа к пищевым ресурсам (Craig et al., 1996; Knight et al., 2004; McGarvey, 1991; Swami et al., 2007g; Wilkinson et al., 1994). Так, Беккер (Becker, 1995) в своей работе по всестороннему этнографическому исследованию островов Фиджи сообщает, что фиджийские мужчины и женщины относятся более толерантно, чем британцы, к рисункам, на которых были изображены фигуры с избыточным весом или ожирением. Бревис и Макгарви (Brewis and McGarvey, 2000) провели сравнительное исследование реальных и воспринимаемых оценок размеров тела среди самоанцев, живущих в различных условиях, зависящих от степени модернизации (Самоа, Американское Самоа и Новая Зеландия). Выяснилось, что женщины, живущее в более современных условиях, выбирают в качестве идеала очень худые фигуры, при том что они сами в среднем имеют наиболее высокий вес тела. Кроме того, результаты исследований свидетельствуют о том, что самоанцы не считают себя полными или тучными, даже когда весят очень много (Brewis et al., 1998).

В этом плане полинезийские выборки не являются исключением: в одном из ранее проведенных кросс-культурных исследований Фернхем и Алибхай (Furnham and Alibhai, 1983) провели сравнение оценок нарисованных фигур в диапазоне от анорексии до ожирения, которые давали жители Кении, британцы, относящиеся к европеоидной расе, и кенийцы, проживающие в Великобритании. Авторы исследования сообщают, что жители Кении оценивали полные женские фигуры более позитивно, чем британцы и британские кенийцы, оценки которых носили преимущественно негативный характер. Несколько лет спустя это исследование было повторено в Уганде, и оно также показало, что местная африканская выборка относилась к полным женским фигурам более одобрительно, чем участники контрольной группы из Великобритании (Furnham and Baguma, 1994). Другое исследование выявило, что, несмотря на широкое распространение полноты и ожирения среди женщин Марокко, они описывают свои размеры как адекватные и социально приемлемые (Rguibi and Belahsen, 2006).

Эти данные подтверждаются результатами множества исследований (Akan and Greilo, 1995; Perez and Joiner, 2003; Poran, 2002; Rucker and Cash, 1992) и обзорами научных работ (Crago et al, 1996; Fitzgibbon et al, 1998), которые свидетельствуют о том, что у афроамериканцев существуют (или существовали) установки в отношении веса, фигуры и физической привлекательности, отличающиеся от установок представителей европеоидной расы и характеризующиеся более низким общим стремлением к худобе и более высоким общим принятием больших пропорций тела. Похожие результаты были получены в ходе проведения исследований среди других этнических меньшинств в Соединенных Штатах, таких как американцы мексиканского происхождения и американцы пуэрториканского происхождения, которые дают более позитивные оценки полноте, чем представители европеоидной расы (Massara, 1980,1989; Rittenbaugh, 1982,1991; Ross and Mirowsky, 1983). Тем не менее следует отметить, что такие этнические группы отличаются

разнородностью, и установки в отношении полноты и идеальной формы тела преуспевающих индивидуумов могут иметь больше сходства с господствующей американской культурой (Stunkard, 2000).

Объяснение кросс-культурных различий

Таким образом, становится очевидным, что в восприятии привлекательного веса тела женщин существуют кросс-культурные различия. Ранее в научной литературе преобладала тенденция связывать предпочтение полных фигур с «традиционными» или «развивающимися» обществами (Ghannam, 1997), что, однако, определить достаточно сложно. Некоторые теоретики рассматривали предпочтение полных фигур как отклоняющееся поведение в «отсталых» популяциях или группах, которые еще предстоит «просветить» с помощью вестернизации. Несомненно, подобные представления формировались под влиянием преобладающего колониального настроения, царящего в то время (Swami, 2007). Когда же культурные предубеждения отодвигались в сторону, эти теории не могли объяснить причины существования этих различий.

На протяжении целого ряда десятилетий выдвигалось множество теорий, объясняющих различия в предпочтениях относительно веса тела, существующих в разных культурах (Anderson et al., 1992: Ember et al., 2005). Одни ученые утверждали, что данные предпочтения связаны с относительным социальным доминированием женщин; другие считали, что они зависят от того, какие неблагоприятные последствия для девушек имеет подростковая сексуальность в случае наступления беременности. А кто-то предполагал, что мужские предпочтения в отношении веса женского тела носят чисто случайный характер и определяются местными обычаями (табл. 6.2). Хотя каждое из этих объяснений подробно рассматривается и обсуждается специалистами, большинство современных исследований сфокусировано на двух объяснениях: первое заключается в том, что предпочтения в отношении веса тела связаны с этнической или расовой принадлежностью, а второе — в том, что они связаны с различиями в социально-экономическом статусе (СЭС).

В первую очередь некоторые психологи пытаются объяснить кросс-культурные приморы различий предпочтений, связанных с весом тела, с помощью теории адаптационизма. Сингх утверждает, что эволюционная история наделила мужчин адаптациями к определенным ОТБ, а другие исследователи предполагают, что эволюционными адаптациями можно считать различия в предпочтениях относительно веса тела. Так, по мнению Тове и Корнелиссена (Tovee and Cornelissen, 2001), не следует ожидать, что у всех расовых групп будут точно такие же представления об ИМТ, как среди представителей европеоидной расы на Западе. Более того, в разных этнических популяциях могут существовать различные уровни риска негативных последствий для здоровья при изменении ИМТ (Kopelman, 2000; McKeigue et al., 1991; Shetty and James, 1994), и, соответственно, в разных этнических группах могут быть различные оптимальные ИМТ для здоровья и долголетия. Таким образом, исследователи могут ожидать, что в таких группах будут различия в идеалах веса тела.

Таблица 6.2. Теории, объясняющие кросс-культурные различия в мужских предпочтениях размеров женского тела (адаптировано из Anderson et al., 1992; Barrett et al., 2002)

Теория	Обоснование	Прогноз	Источник
Гарантированность пищи	Биологическая функция полноты заключается в аккумулировании калорий, и, следовательно, установки в отношении полноты являются реакцией на запасы пищи	Больший вес тела будет предпочтительным в тех местах и в те времена, которые характеризуются непредсказуемостью пищевых запасов	Brown and Konner (1987), Sobal and Stunkard (1989)
Маленькое тело, зато здоровое	Более стройное тело ценится в культурах, которые испытывают хронический недостаток продуктов питания, потому что большое тело требует больше еды	Стройность и маленький рост будут предпочтительными в тех местах и в те времена, которые характеризуются ненадежностью пищевых запасов	Seckler (1980, 1982)
Климат	Полнота имеет две биологические функции: аккумулирование калорий и тепла	Более высокий вес тела будет предпочтительным в более холодных климатических условиях	Anderson et al. (1992)
Мужское предпочтение	Функцией полноты является влияние на вероятность наступления овуляции или успех беременности и лактации	Полные женщины будут считаться более привлекательными, чем худые женщины	Symons (1987)
Адаптивное репродуктивное регулирование	Функция полноты у женщин заключается в регулировании инициации и поддержания овуляции	Женщины предпочитают иметь более стройные фигуры, чтобы снизить плодовитость для минимизации риска нежелательной беременности	Voland and Voland (1989)
Война полов	Женская полнота имела различные последствия для физической подготовленности наших предков мужского и женского пола	Полнота тела как признак плодовитости и желание женщин иметь более стройную фигуру противоречат друг другу, и что из них выйдет на первый план, зависит от того, какой пол социально доминирует	Messer (1989)
Группы интересов	Менструальные табу — это тактика, благодаря которой мужчины укрепляют свое политическое положение с помощью групп интересов	Когда политический статус мужчин зависит от групп интересов, они будут приписывать меньшее значение плодовитости женщин и, соответственно, отдавать предпочтение более худым женщинам	Paige and Paige (1981)
Кухня, церковь, ребенок	Биологическая функция женской полноты заключается в регулировании овуляции или вероятности ее возникновения	Когда беременность мешает женщинам работать, предпочтение будет отдаваться более худым женщинам, потому что они менее плодовиты	Anderson et al. (1992)
Капризы моды	Женская полнота не выполняет никакой биологической функции	Предпочтения мужчин носят чисто случайный характер и диктуются модой	Mazur (1986)

Однако этот вывод ставит под сомнение результаты исследований, в ходе которых эта идея проверялась, например, среди жителей Малайзии (Swami and Tovee, 2005b) и зулусов Южной Африки (Tovee et al, 2006). Так, в своем исследовании предпочтений в отношении веса женского тела в Малайзии и Великобритании Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2005b) определяли предпочтения участников, имевших разное этническое происхождение (малайцы, китайцы и индийцы) и проживающих в одном и том же окружении. Эпидемиологические исследования показали, что у этнических малайцев, китайцев и индийцев в Юго-Восточной Азии существуют разные представления об идеальном ИМТ с точки зрения факторов риска, связанных с заболеваемостью и смертностью (Deurenberg et al., 2002), что позволяло говорить о различиях предпочтений в отношении веса тела в этих этнических группах. Однако эти предположения не оправдались: малайцы, китайцы и индийцы, проживающие в Куала-Лумпуре, демонстрировали одинаковое предпочтение стройных фигур с ИМТ в пределах 19-20.

Тем не менее следует отметить, что значение может иметь не реальная связь между оптимальным здоровьем и весом тела, а то, что воспринимается как здоровое. Если это действительно так, то мы можем предположить существование сильной связи между оценками здоровья и привлекательности, которые достаточно легко приспосабливаются к меняющимся обстоятельствам. Ряд свидетельств в пользу этой гипотезы был представлен Тове и его коллегами (Tovee et al., 2007), которые продемонстрировали, что оценки здоровья женщин и их привлекательности взаимосвязаны, но одновременно легко приспосабливаются к изменению социально-экономических условий. Однако имеющиеся на сегодня данные не позволяют определить направление связи между здоровьем и привлекательностью. Эволюционно-психологическая модель предполагает, что здоровое (или воспринимаемое таким образом) является привлекательным, однако, учитывая «эффект гало» физической привлекательности (см. главу 2), вполне вероятно, что и привлекательное может считаться здоровым.

Еще одно объяснение кросс-культурных различий в предпочтениях, связанных с весом телом, основывается на идее, что эти различия определяются изменениями в социально-экономическом статусе. Согласно этой точке зрения, при рассмотрении идеального веса тела значение имеет не этническая или расовая принадлежность, а СЭС исследуемой группы (Swami and Tovee, 2005b, 2007b; Tovee et al., 2006, 2007). В целом участники эксперимента с низким СЭС склонны отдавать предпочтение (как в случае мужчин, так и в случае женщин) более высокому весу тела, чем участники с высоким СЭС. В ходе своего исследования, проводимого среди малазийцев и британцев, Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2005b) выявили устойчивый показатель роста склонности к телам с более высоким весом по мере снижения социально-экономического статуса: как в Великобритании, так и в Малайзии респонденты с высоким СЭС считали привлекательными женщин с ИМТ в районе 19-21, в то время как участники исследования с низким СЭС отдавали предпочтение женщинам с ИМТ, равным 23-24 (табл. 6.3).

Похожие результаты были получены при сравнении саамов Финляндии, последней коренной популяции в Европе, с городскими финнами, живущими в Хельсинки (Swami and Tovee, 2007b); зулусов Южной Африки с выходцами из Юж-

Таблица 6.3. Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2005b) выявили в Великобритании и Малайзии предпочтение женских тел с более высоким весом у участников с низким социально-экономическим статусом (столбец 5). Кроме того, они определили, что по мере снижения социально-экономического статуса идеальная женская фигура становится более «аппетитной» (имеет более высокое ОТБ) (столбец 6). Наконец, они выяснили, что во всех местах проведения исследования ИМТ определял более высокое различие в суждениях о привлекательности женщин, чем ОТБ (столбцы 3 и 4; адаптировано из Swami and Tovee, 2005b)

Место проведения исследования		**Различия, определяемые ИМТ (%)**	**Различия, определяемые ОТБ (%)**	**Наиболее предпочтительный, или «пиковый», ИМТ с точки зрения привлекательности**	**Градиент ОТБ**
Описание	**Место проведения**				
Высокий СЭС	Великобритания	84,1	7,4	20,85	-6,54
	Великобритания (малазийцы)	82,3	8,9	21,25	-7,07
	Куала-Лумпур (малазийцы)	80,8	8,2	20,93	-7,29
	Куала-Лумпур (китайцы)	81,2	7,1	21,09	-7,23
	Куала-Лумпур (индийцы)	77,0	6,9	20,79	-8,18
Средний СЭС	Кота Кинабалу	81,1	4,5	21,57	-6,75
Низкий СЭС	Сельские районы штата Сабах	76,9	1,6	22,78	-3,95

ной Африки, живущими в Великобритании (Tovee, et al., 2006, 2007); самоанцев из сельской местности с самоанцами, живущими в городах (Swami et al., 2007g); и тайцев, населяющих сельскую местность, с городскими тайцами (Swami and Tovee, в прессе, a). Результаты этих исследований подтверждают предположение о том, что привлекательность веса тела может быть связана с этнической принадлежностью в меньшей степени, чем с современыми эталонами или СЭС (Lee and Lee, 2000; Sobal and Stunkard, 1989). Пока остается неясным процесс изменения предпочтений в зависимости от СЭС, но многие исследователи подчеркивают ту роль, которую играют в этом процессе образы, предлагаемые средствами информации, и широкую распространенность «западного» представления о здоровье (Nasser, 1988; Swami et al., 2007g, в прессе, b).

Существует родственное утверждение, согласно которому может происходить одновременное изменение СЭС и пищевых ресурсов (Marlowe and Westman, 2001), а полнота тела может служить надежным фактором прогнозирования наличия пищи, так как основная функция жировой ткани заключается в накапливании калорий. В связи с тем что полнота олицетворяет накопленные калории, древние люди должны были отдавать предпочтение избыточному весу, особенно при условии, что пищевые ресурсы могли быть ненадежными или меняться со време-

нем (Brown and Konner, 1987; Sobal and Stunkard, 1989). Более того, в древних популяциях, так же как среди современных собирателей, для женщин, которые были слишком худыми и испытывали энергетическую нагрузку, было характерно более позднее начало менструаций, менее регулярные овуляции и меньшая способность к беременности и лактации (Ellisson, 1990; Frisch, 1987; Wood, 2006). Таким образом, в эволюционном прошлом мужчины должны были считать привлекательными женщин с более высоким весом (а не со средним весом, как утверждал Сингх), что они и делают во многих современных обществах (Marlowe and Westman, 2001; Tovee et al., 2007).

Однако эта гипотеза не обязательно предсказывает, что при наличии постоянных и надежных пищевых ресурсов стандартом женской красоты должна стать тонкая фигура. Попытка подтверждения предположения о стройном идеале женской красоты в культурах с изобилием пищи была сделана Джеффри Собалом и Альбертом Стункардом (Sobal and Stunkard, 1989), которые утверждают, что богатые люди с помощью стройности демонстрируют свои возможности приобретать низкокалорийные продукты и вести здоровый образ жизни (например, заниматься физическими упражнениями). Люди, имеющие низкий СЭС, в свою очередь, стремятся им подражать (Furnham and Baguma, 1994; Polivy et al, 1986), потому что в большинстве ситуаций важно обладание высоким статусом. Другими словами, предпочтение более низкого веса тела может возникать в верхних слоях общества и распространяться на людей, относящихся к его нижним слоям. Браун и Коннер (Braun and Konner, 1987) высказали похожую мысль, когда написали, что своей стройностью богатые люди сигнализируют, что им не нужно беспокоиться о том, где взять еду в следующий раз. Хотя эти предположения кажутся вполне состоятельными, они не могут объяснить всего, к тому же весьма вероятно, что на изменения СЭС могут влиять и другие культурные факторы, такие как распространение средств информации и культурный конформизм. Мы вернемся к некоторым из этих вопросов в следующей главе, а сначала рассмотрим кросс-культурные различия в оценках мужской привлекательности.

Мужская привлекательность в разных культурах

В главе 5 мы говорили о том, что мужчины и женщины, как правило, считают мужские тела с V-образной формой и ИМТ в пределах нормального диапазона очень привлекательными, по крайней мере, в большинстве социально и экономически развитых стран (Maisey et al., 1999; Swami and Tovee, в прессе b). Однако если в случае объяснения женской привлекательности преобладают эволюционно-психологические теории, то доминирующей парадигмой для объяснения идеалов мужской красоты служит социально-конструктивистская. Это предполагает, что в обществе существуют определенные ожидания в отношении идеальной формы мужского тела (Hesse-Biber, 1996; Leit et al, 2001; Murray et al, 1996; Peixoto Labre, 2002) и что мужчины все больше и больше сравнивают свои тела с идеализированными медийными и культурными образами (Davis and Katzman, 1999; Heinberg et al., 1995; McCreary and Sasse, 2000). Женщины также могут ориентироваться на эти идеалы при определении критериев привлекательности мужского тела.

В наиболее развитых обществах наблюдается рост социально-культурного давления, связанного с имиджем мужского тела (Andersen and DiDomenico, 1992; Pope et al, 1999). Так, одно из исследований выявило постоянство стандарта привлекательности V-образных мужских фигур, представленных в американских журналах для мужчин в период с 1960 по 1992 г. (Petrie et al., 1996). Изучение популярных журналов для мужчин показало, что идеальное мужское тело, рекламируемое для мужчин, обладает большей мускулистостью, чем идеальное мужское тело, «продаваемое» женщинам (Frederick et al., 2005). Ричард Лейт и его коллеги (Leit et el., 2001) изучили мужчин-моделей, представленных на разворотах журнала *Playgirl* с 1973 по 1997 г., и выяснили, что культурная норма для идеального мужского тела приобретала все большую маскулинность, особенно в 1990-е гг. По мнению Поупа и его соавторов (Pope et al., 2000: 36), современный мускулистый идеал мужчины, изображаемый в средствах информации, представляет гипермужской или «супермужской» внешний вид, характеризующийся непропорционально большим количеством мускулатуры в районе плеч и предплечий.

В окружении, связанном с высоким экономическим статусом, предпочтение больших, мускулистых и мезоморфных тел формируется в очень раннем возрасте (Staffieri, 1967) и у мужчин достигает своего пика в раннем подростковом и раннем взрослом периодах (Collins and Plahn, 1988; Lerner, 1969; McCreary and Sasse, 2000). Важно то, что развитие таких предпочтений и идеалов связано с использованием средств информации и их воздействием (Botta, 2003; Morry and Staska, 2001): например, Томпсон и его коллеги (Thompson et al., 1999) сообщают о том, что после просмотра изображений идеализированного мужского телосложения удовлетворенность своим телом у мужчин снижается. Соответственно возникает вопрос о том, наблюдается ли предпочтение мускулистого тела V-образной формы во всех культурах. Другими словами, характерно ли одно и то же представление о мужской привлекательности для всех культур и исторических эпох?

Суэми (Swami, 2007), проанализировав доступные данные, дает на этот вопрос отрицательный ответ. Прежде всего он отмечает, что существует значительное временное различие в доминирующих представлениях о привлекательности мужского тела. Так, в Европе в эпоху Ренессанса самыми привлекательными считались не только полные женщины, но и мужчины с большим и избыточным весом. Тем не менее идеал мускулистого мужчины довольно устойчиво существовал на протяжении многих веков; но дело в том, что в иных эпохах существовали и мужские идеалы, которые расходились с мускулистым образцом (Swami, 2007).

Далее, имеющиеся в нашем распоряжении психологические и этнографические данные свидетельствуют о том, что в современном мире кросс-культурные различия в представлениях о привлекательном мужском теле действительно существуют. Например, идеал мускулистого мужчины менее распространен в Тайване, где в журнальной рекламе придается меньше значения телам мужчин азиатского происхождения, чем моделям-мужчинам европеоидной расы в американских журналах (Pope et al., 2001). Такие образы также согласуются с тра-

диционными китайскими идеалами мужественности, которые особо выделяют ум или мудрость, а не размер тела или мускулистость (Louie, 2002; Yang et al., 2005).

Хотя все эти исследования подчеркивают значение этнокультурных факторов в понимании мужской привлекательности, в последнее время появились данные, свидетельствующие о том, что восприятия привлекательного размера тела могут быть связаны с социально-экономическим статусом. Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2005a) пишут о том, что в сообществах с высоким СЭС в Великобритании и Малайзии главным компонентом оценок привлекательности является форма верхней части тела (отношение «талия—грудь»), в то время как женщины из Малайзии, обладающие низким СЭС, при вынесении суждений о мужской привлекательности придают большее значение общему весу тела (ИМТ). Одним словом, в то время как люди с высоким СЭС считают привлекательными мускулистость верхней части тела и стройную фигуру, женщины с низким СЭС отдают предпочтение телу с более высоким весом (табл. 6.4).

Таблица 6.4. Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2005a) выяснили, что если ОТГ является основным фактором прогнозирования мужской привлекательности в среде, связаной с высоким СЭС, то в среде с низким СЭС лучшим прогностическим фактором служит ИМТ (столбцы 3-5). Кроме того, в Великобритании и Малайзии в среде с более низким СЭС наблюдается высокое идеальное ОТГ (столбец 7). Наконец, «пиковый», или оптимальный ИМТ, в случае низкого СЭС значительно выше, чем в случае высокого СЭС (столбец 6) (адаптировано из Swami and Tovee, 2005a)

Место проведения исследования		**Различия**			**Пиковая привлекательность**	**Градиент отношения «талия—грудь»**
Описание	**Место проведения**	**Отношение «талия—грудь»**	**Индекс массы тела**	**Отношение «талия—бедра»**		
Высокий СЭС	Великобритания	67,4	37,8	12,3	20,86	-27,30
	Куала-Лумпур	67,2	31,8	9,7	20,62	-26,68
Низкий СЭС	Сельские районы штата Сабах	30,5	73,7	4,8	24,09	+15,73

Кроме того, некоторые современные культуры идеализируют образ мускулистого мужчины в большей степени, чем другие. Суэми и его коллеги (Swami et al., 2007) выяснили, что греческие женщины отдают предпочтение более низкому отношению «талия—грудь» (указывающему на более мускулистую форму тела), чем жительницы Великобритании, что может быть связано с особым культурным и историческим развитием южной части Европы. Так, одним из возможных объяснений таких результатов может стать традиция изображения мускулистых мужчин в греческой живописи и скульптуре. Все это позволяет утверждать, что кросс-культурные различия в представлениях об идеале мужчины действительно существуют, и лучше всего для их объяснений подходят социально-культурные концепции.

Вывод

Между теми, кто настаивает на культурном сходстве моделей поведения людей, и теми, кто подчеркивает их культурную относительность, разворачиваются яростные споры. На одной стороне выступают некоторые эволюционные психологи, стремящиеся, несмотря на признание существования определенного поведенческого расхождения, доказать, что значительная часть моделей поведения человека обладает реальным сходством, потому что они сформировались в результате одного и того же процесса эволюции. Другую сторону представляют антропологи, культурные релятивисты и некоторые психологи, которые считают, что человеческое поведение, по крайней мере в том, что касается выбора партнера, отличается большим разнообразием, восприимчивостью и гибкостью, чем допускают эволюционные психологи.

Эти споры выходят далеко за рамки дисциплинарных или научных расхождений во мнениях. Для некоторых они затрагивают одну из наиболее обсуждаемых тем в истории человечества: можно ли в конечном счете объяснить поведение человека с помощью биологии или культуры, генов или научения. По нашему собственному мнению, которое мы раскроем более подробно в следующей главе, все эти споры излишни. Все модели поведения являются результатом взаимодействия между биологией и культурой, и именно это позволяет нам предполагать существование различий и сходств в поведении людей в разных культурах. Тем более что интерес к культурным различиям позволяет добиться лучшего понимания тех процессов, которые в данном случае определяют предпочтения в отношении размера тела у мужчин и женщин. Дальнейшие исследования, проводимые по всему миру, помогут нам лучше понять как работу человеческого мозга, так и возможности воздействия ситуационных факторов на определенные модели поведения.

ГЛАВА 7

Добро пожаловать на брачный рынок

Мне надоел этот бред, что красота существует не далее глубины кожи. Этого вполне достаточно. Чего вы хотите — очаровательную поджелудочную железу?

Д. Керр, писатель и драматург. Змея оставляет свой след

Красота важна только при первом взгляде; стоит пробыть три дня с ней рядом, и ее перестаешь замечать.

Дж. Б. Шоу, драматург. Человек и суперчеловек

Красота хуже вина; она отравляет и обладателя, и обожателя.

О. Хаксли, писатель

В предыдущих главах мы рассматривали вопросы, которые в своей основе связаны с применением эволюционных принципов к поведению человека и его функционированию. Важным аспектом этого подхода является концентрация на концепциях обстановки эволюционной адаптации и теории мономорфной структуры мозга (см. главу 3). По мнению эволюционистов, психологические модули, или механизмы, управляющие поведением современных людей, были отобраны в обстановке эволюционной адаптации прошлого, и с тех пор прошло недостаточно времени для того, чтобы мозг человека адаптировался к сегодняшним культурным изменениям. Соответственно некоторые эволюционные психологи выдвигают предположение о том, что современные люди могут иногда вести себя так, словно они реагируют на ситуации в обстановке эволюционной адаптации, что становится причиной поведения, не дающего успешных репродуктивных результатов.

Однако в этой главе мы поговорим о более вероятном сценарии, согласно которому поведение человека вовсе не сковано наследием прошлого, а прекрасно адаптировано к современному окружению. Это предположение не противоречит идеям эволюционных психологов, особенно тех, кто утверждает, что развившиеся ментальные модули зависят от контекстуальных пусковых механизмов

(Buss, 2001; Buss and Greiling, 1999; Gangestad et al, 2006), но плохо уживается с мнением авторов, считающих, что некоторые признаки в высшей степени «катетеризированы» (т. е. модели поведения не имеют различий в разных культурах). Рассматриваемая нами точка зрения находит поддержку у тех критиков эволюционной психологии, которые не согласны с тем, что человеческий мозг состоит из «сотен или тысяч» ментальных модулей, характерных для определенных областей деятельности (Barrett et al., 2002; Buller, 2005; Fodor, 200; Gray et al., 2003; Griffiths, 2001; Stolz and Griffiths, 2002; Swami, в прессе).

В нашем случае споры на эту тему представляют интерес по той причине, что некоторые эволюционные психологи утверждают, что критерии оценок физической привлекательности имеют позитивную корреляцию с приспособленностью организмов в былые времена. А так как с окончанием времени эволюционной адаптации не происходило никакой значительной эволюции, живущие в наши дни люди используют те же самые критерии привлекательности, которые существовали в этих условиях далекого прошлого (Singh, 1993a). Однако современным ученым доступны данные, которые идут вразрез с теориями физической привлекательности, ориентированными на древние предпочтения. Поскольку универсальность поведения рассматривается как свидетельство существования в условиях эволюционной адаптации, можно говорить о недостаточности данных о древней ограниченности предпочтений, особенно если принять во внимание результаты исследований, свидетельствующие о кросс-культурных различиях суждений о привлекательности (см. главу 6).

Согласно еще одной альтернативной точке зрения, существующей в рамках эволюционной психологии, люди используют критерии привлекательности, не ограниченные наследственностью, и выбором партнера управляют общие механизмы, а не определенные адаптационистские модули (Sterelny and Griffiths, 1999). Например, в процессе эволюции люди могли пытаться узнать, какие признаки в окружении связаны со здоровьем, социальным статусом, репродуктивным успехом и другими значимыми факторами, а затем начали считать их привлекательными (Buss and Greiling, 1999; Buss and Reeve, 2003; Gangestad et al., Haselton and Gangestad, 2006; Sugiyama, 2005). Исходя из этой точки зрения должен происходить очень активный процесс научения, характерный для каждой конкретной культуры, а на любой возникший в процессе эволюции критерий должны влиять социальные и эволюционные факторы (Bjorklund and Pellegrini, 2002). Наша основная позиция состоит в отстаивании возможности существования критериев активного выбора партнера, «адаптированного» к современным условиям, а не тем, которые существовали в прошлой эволюционной истории. Таким образом, возникает вопрос: могут ли превалирующие условия изменить наши представления о физической привлекательности?

Брачный рынок

В предыдущих главах мы рассматривали предпочтения в отношении физической привлекательности как нечто абсолютное, руководствуясь точкой зрения, основанной на понятии «объективной» красоты. Несмотря на допустимость существо-

вания таких идеалов, в реальности есть множество факторов, которые в определенных обстоятельствах оказывают влияние на наши идеалы и даже меняют их. При выборе потенциального партнера люди не обязательно ищут наиболее привлекательных индивидуумов, но при этом привлекательные люди не хотят знакомиться с нами, ничем не примечательными людьми, а мы, в свою очередь, не хотим иметь отношения с теми, кто «ниже» нас. Помимо того, что у наших идеальных партнеров есть свои собственные предпочтения, нам еще приходится конкурировать на «брачном рынке» с другими потенциальными «поклонниками».

Брачный рынок — это двусторонний процесс переговоров между нами и объектом наших желаний, и выбор партнера предполагает активную конкуренцию, соответственно индивидуумы должны корректировать свои требования и предпочтения на основании реалистических оценок того, что они сами могут предложить. В результате этого выбор партнера и идеалы привлекательности могут быть связаны с условной стратегией, зависящей от того, что мы ищем в потенциальном партнере, что предлагаем на брачном рынке (или, если быть более точным, какое «положение» мы на нем занимаем) и каковы наши текущие обстоятельства, связанные с окружающей средой, или биологические параметры (рис. 7.1). В этом разделе мы рассмотрим первый из трех критериев, уделив главное внимание влиянию брачных стратегий на предпочтения в отношении формы тела.

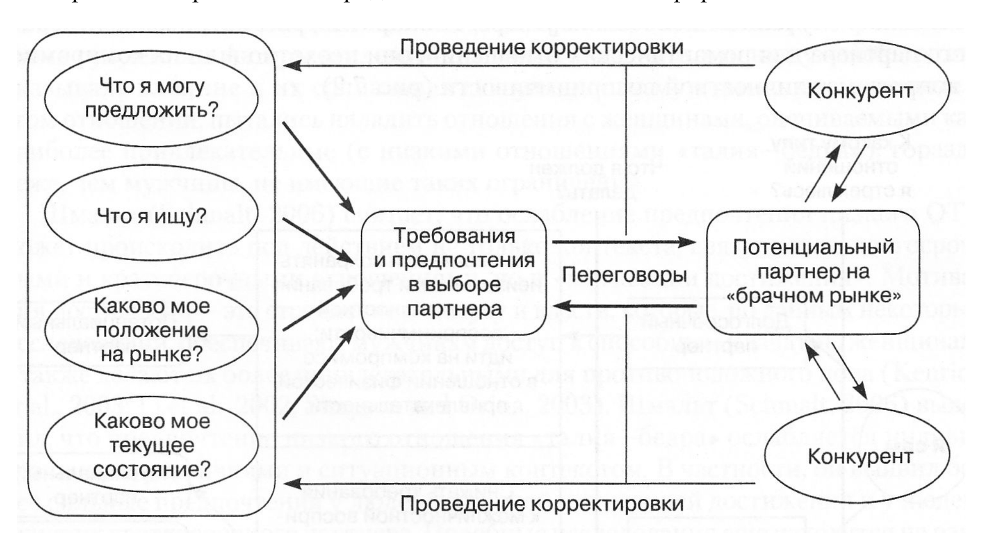

Рис. 7.1. Индивидуумы корректируют свои требования и предпочтения в выборе партнера на основании реалистических оценок того, что сами могут предложить на брачном рынке

В большинстве исследований предпочтения в отношении физической привлекательности рассматриваются, как правило, при отсутствии более широкой системы мотиваций и ситуационного контекста, формирующего эти мотивации и предпочтения. Тем не менее известно, что побуждения, или склонность стремиться к достижению конкретных целей (McClelland, 1985), оказывают значительное влияние на сексуальные отношения и идеалы привлекательности (Buss and Schmitt, 1993). Важным фактором в оценке привлекательности потенциального партнера является брачная

стратегия наблюдателя, которую обычно описывают как краткосрочную или долгосрочную. Индивидуумы, придерживающиеся краткосрочной брачной стратегии, как правило, стремятся к временным сексуальным отношениям с многочисленными партнерами, которые отличаются низкой требовательностью. Напротив, те, кто придерживается долгосрочной брачной стратегии, ищут отношений только с одним партнером, требующих большого вклада ресурсов (Buss and Schmitt, 1993).

Эти стратегии не являются взаимоисключающими (Gangestad and Simpson, 2000), хотя постоянное использование одной стратегии, как правило, снижает вероятность применения другой. Более того, люди способны оценить особенности потенциального партнера с точки зрения либо краткосрочной, либо долгосрочной стратегии, и в зависимости от их выбора происходит заметное и предсказуемое изменение их реакций (Buss and Schmitt, 1993). В научной литературе представлены надежные данные, свидетельствующие о том, что в отношении ряда признаков требования мужчин к краткосрочному партнеру обычно гораздо ниже, чем те, которые они предъявляют к долгосрочному партнеру (Kenrick et al., 1990). Так, Реган (Regan, 1998) сообщает, что люди проявляли большую готовность пойти на компромисс в отношении некоторых аспектов потенциального партнера, исходя из типа рассматриваемых отношений. Как женщины, так и мужчины были не готовы пойти на компромисс в отношении физической привлекательности, когда речь шла о случайном половом партнере. И напротив, рассматривая долгосрочного партнера для романтических отношений, они неохотно шли на компромисс в вопросе межличностной восприимчивости (рис. 7.2).

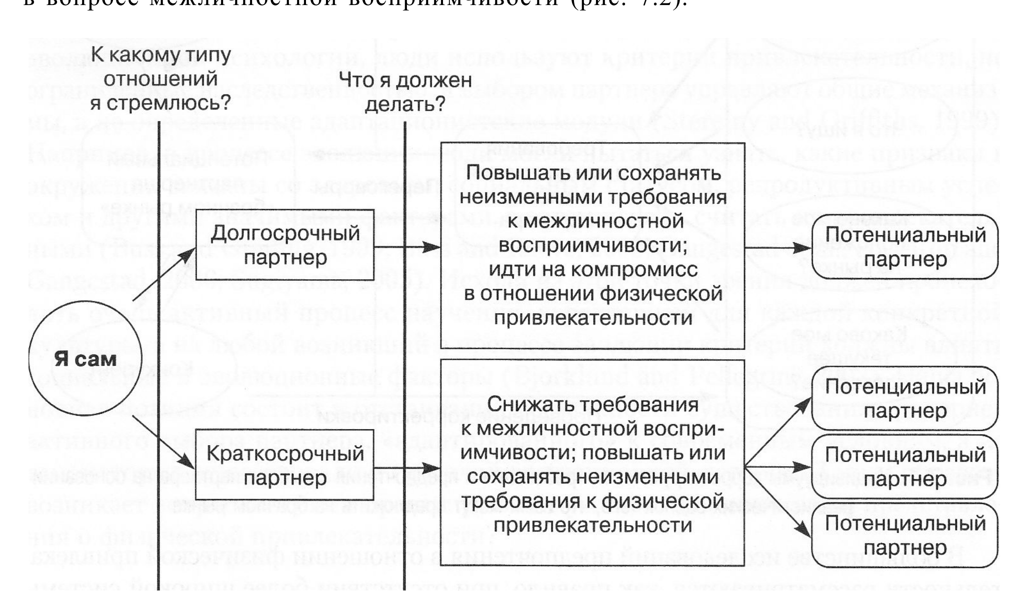

Рис. 7.2. Результаты использования краткосрочных и долгосрочных брачных стратегий

Если говорить об идеалах формы тела, то в ходе ряда ранних исследований не было выявлено различий в предпочтениях относительно отношения «талия-бедра», зависящих от брачной стратегии наблюдателя. Так, Сингх и Янг (Singh and

Young, 1995) сообщают, что низкое ОТБ оценивается как наиболее привлекательное в случае как долгосрочных, так и краткосрочных отношений. Также в обоих случаях наблюдается высокая корреляция между оценками привлекательности для фигур с разными отношениями «талия—бедра». Фернхем и его коллеги (Furnham et al., 2002) выявили значительно более низкую корреляцию, но также не нашли различий между предпочтениями при долгосрочных и краткосрочных отношениях. В одном из последних своих исследований Брейс и Уолкер (Brase and Walker, 2004) использовали Опросник по социально-сексуальной ориентации (Sociosexual Orientation Inventory, Simpson and Gangestad, 1991), представляющий собой средство оценки степени ограничений, которые накладывают на себя люди в плане сексуальной активности, однако им тоже не удалось выявить значительных различий в предпочтениях, связанных с отношением «талия—бедра», между долгосрочными и краткосрочными отношениями.

Тем не менее Брейс и Уолкер (Brase and Walker, 2004) обнаружили устойчивый пример незначительного различия. Так, при рассмотрении потенциального партнера для долгосрочных отношений оценки были более сдержанными. Кроме того, собственная желанность мужчин оказывала влияние на их суждения о женщинах-моделях. Мужчины, у которых показатели отношения «талия—бедра» были ниже средних, а показатели ИМТ превышали средние, или которые давали более низкие оценки своей желанности, как правило, были менее разборчивыми в своих суждениях. Авторы исследования также выяснили, что на мужской подход оказывала влияние и их социальная сексуальность: мужчины, ограниченные в этом отношении, пытались наладить отношения с женщинами, оцениваемыми как наиболее привлекательные (с низкими отношениями «талия—бедра»), гораздо реже, чем мужчины, не имеющие таких ограничений.

Шмальт (Schmalt, 2006) считает, что ослабление предпочтения низкого ОТБ может происходить под действием не только контекста, связанного с долгосрочными и краткосрочными отношениями, но и «мотивации достижения». Мотивация достижения — это стремление к статусу и власти, которые, по данным некоторых исследований, обеспечивают мужчинам доступ к способным к зачатию женщинам, а также делают их более привлекательными для противоположного пола (Kenrick et al, 2003; Li et al, 2002; Simpson and Orina, 2003). Шмальт (Schmalt, 2006) выяснил, что предпочтение низкого отношения «талия—бедра» ослабляется индивидуальными различиями и ситуационным контекстом. В частности, он выявил более сильные предпочтения у людей с высокой мотивацией достижения и у людей, ищущих краткосрочного партнера. Подобные исследования еще находятся на ранней стадии развития, однако их результаты служат предварительным доказательством того, что тип отношений, к которым мы стремимся, может влиять на имеющиеся у нас идеалы привлекательности.

Ассортативное спаривание

На наши представления о физической привлекательности может оказывать глубокое влияние то, что мы способны предъявить на брачном рынке и что может быть связано с нашей физической внешностью, личностными качествами или ре-

сурсами. Как правило, индивидуумов привлекают люди, которые обладают похожими физическими, социальными и психологическими особенностями. Этот эффект в наибольшей степени проявляется в случае социальных и демографических признаков, таких как возраст, политическая ориентация и религиозные убеждения, умеренно — в случае психологических признаков, таких как общий интеллект и физические показатели, и меньше всего в том, что касается личностных характеристик (Epstein and Gurrman, 1984; Ho, 1986; Jaffe and Chaconpuignau, 1995; Klohnen and Mendelsohn, 1998; Luo and Klohnen, 2005; Watson et al., 2004).

Ассортативное спаривание является нормой для людей и сопровождается сходством супругов по целому ряду особенностей, в числе которых такие физические признаки, как общая привлекательность (Berscheid et al., 1973), рост (Ahmad et al, 1985; Susanne and Lepage, 1988; Pawlowski, 2003) и привлекательность лица (Penton-Voak et al., 1999a, 1999b). Более того, внутри пар, как правило, наблюдается позитивная корреляция физических черт (Spuhler, 1968), а партнеры, состоящие в браке, могут походить друг на друга в такой степени, что незнакомые люди могут безошибочно подбирать их лица для составления пары (Bereczkei et al., 2002; Griffiths and Kunz, 1973; Hinsz, 1989).

Результаты ряда практических исследований указывают на то, что ассортативное спаривание приносит выгоды в виде хорошего физического состояния, а теоретические исследования говорят о том, что оно отличается высокой адаптивностью (Davis, 1995; Thiessen and Greg, 1980). Ассортативное спаривание может максимально повышать аутбридинг (или скрещивание особей одного вида, не состоящих в непосредственном родстве), одновременно оптимизируя инбридинг, или близкородственное скрещивание (Jaffe, 2002), что оказывает стабилизирующее влияние на генетическую изменчивость (Jaffe, 1999, 2000). Это означает, что ассортативное спаривание, при котором «подобное притягивается к подобному», содействует размножению с участием генетически похожих партнеров, что благоприятно влияет на стабилизацию генов, управляющих социальным поведением, при отсутствии между ними родственных отношений 2201). Данные исследований указывают на то, что ассортативное спаривание воздействует на генетическую структуру популяций, влияя на эволюционную динамику половых органов (Dieckmann and Doebeli, 1999; Kondrashov and Kondrashov, 1999), что позволяет говорить о его важном влиянии на модели психологического поведения.

Ученые также высказывают предположение, что у людей ассортативным спариванием может управлять импринтинг — запечатление на ранних этапах развития визуальных образов родителей и их последующее использование при выборе партнера (Bereczkei et al., 2002; Littke et al., 2003; Penton-Voak and Perrett, 2000; Todd and Miller, 1993). Дети, как правило, похожи на родителей (McLain et al., 2000; Nesse et al., 1990; Oda et al., 2002), к тому же нам известны свидетельства существования механизмов, которые позволяют людям в раннем возрасте «запечатлевать» лица родителей в памяти (Le Grand et al., 2001). Визуальные воспоминания, сформированные в процессе импринтинга, в будущем могут быть использованы для определения критериев красоты, которые, в свою очередь, используются для выбора партнера, приводя к ассортативному спариванию (Todd and Miller, 1993).

Если некоторые ученые интерпретируют ассортативное спаривание как свидетельство активного выбора партнера, то Барретт с соавторами (Barrett et al., 2002) утверждает, что его также можно рассматривать как стратегию использования всех возможностей (best-of-a-bad-job strategy) (рис. 7.3). Это означает, что когда нам не удается соблазнить лучших партнеров, мы ищем альтернативные стратегии их выбора, которые в конечном счете приводят к отношениям с людьми, которые похожи на нас. Одна из таких стратегий заключается в снижении наших требований, что расширяет круг потенциальных партнеров (Barrett et al, 2002; Pawlowski and Dunbar, 1999). Так, при изучении личных объявлений, размещенных в американской прессе, Уэйнфорт и Дунбар (Waynforth and Dunbar, 1995) выяснили, что мужчины, не обладающие достаточными ресурсами, проявляют большую готовность принять детей от предыдущего брака, чем мужчины, способные предложить такие ресурсы. Эти авторы считают, что мы имеем дело со своего рода компромиссом: мужчины, которые понимают, что могут мало что предложить в плане ресурсов, пытаются компенсировать это за счет альтернативных вариантов, которые, как им кажется, позволят им выглядеть более привлекательными для противоположного пола.

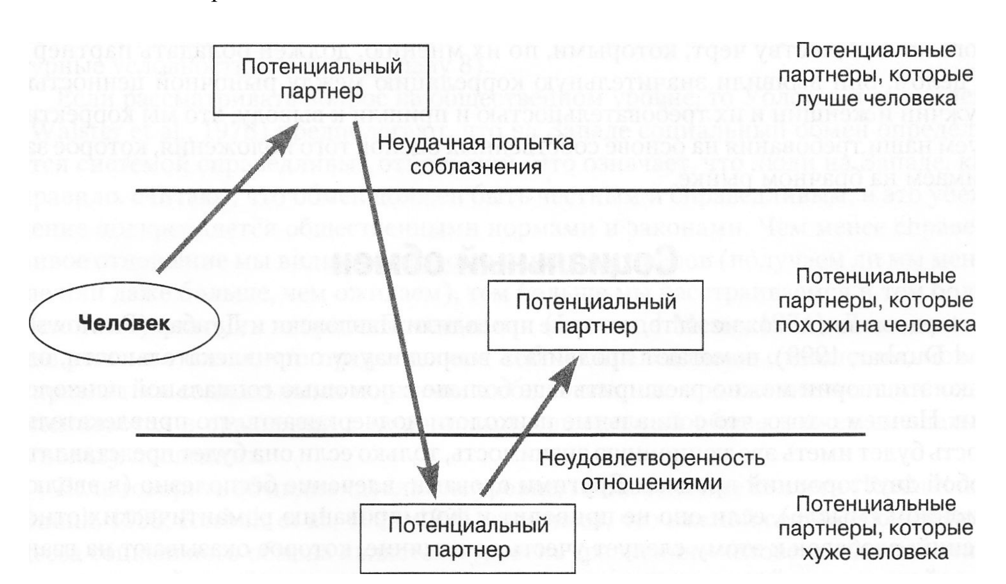

Рис. 7.3. Является ли ассортативное спаривание отражением стратегии использования всех возможностей?

Похожее исследование было проведено Элизабет Кэшдан (Cashdan, 1993), которая просила участников оценить степень их согласия с серией утверждений о тактиках привлечения партнера. Полученные результаты показали, что женщины, которые не ожидают особого родительского вклада от потенциального партнера, склонны демонстрировать свою сексуальность, с тем чтобы получить от мужчин репродуктивные ресурсы. По мнению Драпер и Харпендинга (Draper and Harpending, 1982), такие женщины размножаются «быстро и рано», так как могут «максимизировать репродуктивный успех за счет мини-

мизации потерь времени», и, таким образом, они нацелены на увеличение числа своих потомков как таковых. Женщины, которые ожидают от потенциальных партнеров родительской заботы в отношении будущих детей, напротив, чаще соглашаются с утверждениями, восхваляющими скромность и верность. Аналогичные тенденции наблюдались и у мужчин: те, кто не собирался вносить родительский вклад в отношения, демонстрировали женщинам свою сексуальность, а те, кто был готов к такому вкладу, акцентрировали скромность и верность (Cashdan, 1993).

Павловски и Дунбар (Pawlowski and Dunbar, 1999) также рассматривали влияние ценности человека на брачном рынке на его готовность выдвигать предпочтительные требования к партнеру. Использовав для исследования информацию по жителям Великобритании, они подсчитали, что лучшим показателем ценности женщины на брачном рынке является ее плодовитость, в то время как для мужчины эта ценность определяется сочетанием его дохода и вероятности того, что через 20 лет он все еще будет женат на одной и той же женщине. Затем на основе этих расчетов Павловски и Дунбар (Pawlowski and Dunbar, 1999) изучили чувствительность людей к собственному положению на брачном рынке, исходя из уровня требований, предъявляемых ими к потенциальным партнерам (измеряемого по количеству черт, которыми, по их мнению, должен обладать партнер). В целом, они выявили значительную корреляцию между рыночной ценностью мужчин и женщин и их требовательностью и пришли к выводу, что мы корректируем наши требования на основе собственных оценок того положения, которое занимаем на брачном рынке.

Социальный обмен

Исследования, похожие на те, которые проводили Павловски и Дунбар (Pawlowski and Dunbar, 1999), помогают продвигать вперед науку о привлекательности, однако эти теории можно расширить еще больше с помощью социальной психологии. Начнем с того, что социальные психологи подчеркивают, что привлекательность будет иметь эволюционную значимость, только если она будет представлять собой двусторонний процесс. Другими словами, влечение бесполезно (в эволюционном смысле), если оно не приводит к формированию романтических отношений; вдобавок к этому следует учесть то влияние, которое оказывают на взаимодействия людей и социальные результаты этих взаимодействий социальные ситуации (Kelley et al., 2003).

В данном случае важную роль играет теория «социального обмена» — общая социально-психологическая теория о межличностных отношениях, которая выводит на первый план взаимодействие между двумя людьми. Главный вопрос теории социального обмена состоит в том, какую цену предстоит заплатить за то, чтобы получить позитивное вознаграждение (такое, как хорошее времяпрепровождение, формирование отношений) от потенциального партнера. Очевидно, что ответ на этот вопрос зависит от обоих участников социальных взаимодействий между ними. Сила этой теории заключается в ее способности объяснять не только привлекательность между двумя потенциальными участ-

никами романтической пары, но и наши повседневные взаимодействия с людьми, с которыми мы просто встречаемся, нашими коллегами, друзьями и близкими партнерами. Во всех этих взаимодействиях мы стремимся обрести, сохранить или обменять то, что ценим. Некоторые из этих обменов носят короткий и бессмысленный характер, однако другие могут быть короткими, но крайне важными — примером может служить вера некоторых людей в любовь с первого взгляда (Averill and Boothroyd, 1977), — или долгосрочными, даже постоянными.

Когда такие взаимодействия происходят в течение определенного времени, мы вступаем в социальные отношения, в рамках которых пытаемся получить и отдать нечто носящее взаимовыгодный характер. Хогг и Воган (Hogg and Vaughan, 2005) сравнивают это с деловой сделкой: процесс влечения представляет собой отношения взаимообмена между людьми, в которых каждая сторона предлагает то, что нужно другой. Эти потребности могут включать в себя множество всего — от товаров до привязанности, от денег до статуса, от дружеского общения до физической близости (Foa and Foa, 1975). Любой из этих ресурсов может быть обменен в рамках отношений, и то, как будет происходить этот обмен, зависит не только от участвующих в нем индивидуумов и их расположения по отношению друг к другу, но и от структурных ограничений, таких как стереотипы тендерных ролей, культурные условности и т. д. (см. главу 8).

Если рассматривать вопрос на общественном уровне, то Уолстер и ее коллеги (Walster et al, 1978) предполагают, что на Западе социальный обмен определяется системой справедливых отношений. Это означает, что люди на Западе, как правило, считают, что обмен должен быть честным и справедливым, и это убеждение подкрепляется общественными нормами и законами. Чем менее справедливое отношение мы видим со стороны наших партнеров (получаем ли мы меньше или даже больше, чем ожидаем), тем больше мы расстраиваемся и тем более склонны считать их непривлекательными (Lane and Messe, 1971). Даже принятие решения о том, что представляют собой справедливые отношения, может управляться социальными нормами: в обществах, где положение женщин недооценивается в сравнении с мужчинами, социальный обмен может смещаться в пользу последних.

Если говорить об индивидуальном уровне, то Расбалт и ее коллеги (Rusbult and Buunk, 1993; Rusbult et al, 1991, 1994) отмечают, что важной составляющей процесса социального обмена является «уровень сравнения» человека, или тот стандарт, относительно которого мы оцениваем наши отношения. Уровень сравнения — это продукт опыта, полученного на протяжении всей жизни и включающего в себя всё — от опыта прошлых отношений до сегодняшних социальных обменов, нашу самооценку и наши ожидания в отношении будущих связей (Thibaut and Kelley, 1959). Значимость уровня сравнения человека определяется тем, что в случае получения позитивного результата (например, удовлетворения, благодарности или удовольствия) он будет воспринимать данные отношения как удовлетворительные и другой человек, участвующий в обмене, будет казаться ему привлекательным. Но если результат будет негативным (например, то, что мы получаем в результате обмена, находится ниже нашего уровня сравнения), то мы начнем считать нашего партнера по обмену непривлекательным.

Совершенно очевидно, что наши уровни сравнения не бывают статичными — они могут меняться в зависимости от пола, опыта, личностных качеств, культуры, статуса и множества других факторов (рис. 7.4). Например, некоторые исследователи считают, что хотя как мужчины, так и женщины предпочитают назначать свидания и встречаться с физически привлекательными людьми, женщины демонстрируют готовность «поступиться» привлекательностью ради признаков обладания ресурсами (Li et al., 2002). В одном из своих исследований Уэйнфорт (Waynforth, 2001) просил участников присвоить «очки» различным качествам своих потенциальных партнеров, причем большее количество очков должно было указывать на то, что это качество более важно, чем другие. Во втором задании участникам предлагали представить, что все потенциальные партнеры обладают одинаково высоким статусом, после чего они должны были распределить очки повторно. Уэйнфорт (Waynforth, 2001) сообщает, что когда все потенциальные партнеры имели высокий статус, количество очков, присваиваемых женщинами физической привлекательности, увеличивалось по сравнению с другими качествами, из чего был сделан вывод, что первоначально они «меняли» привлекательность на ресурсы.

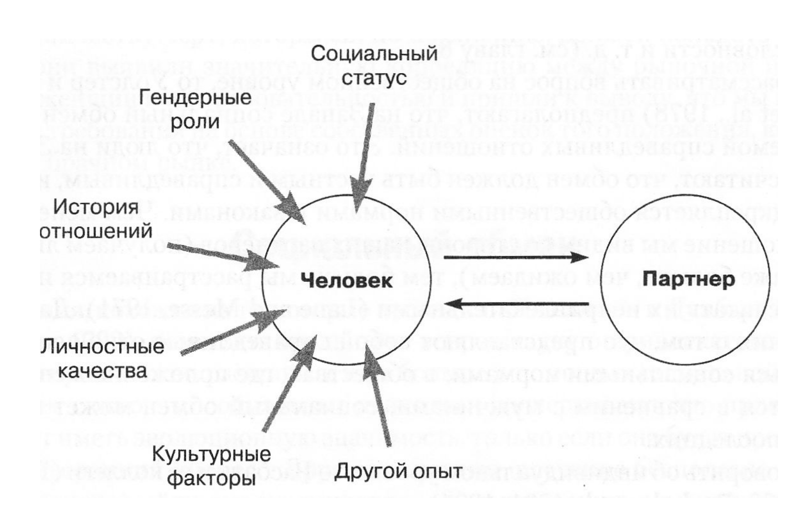

Рис. 7.4. Многочисленные факторы, влияющие на социальный обмен

Хогг и Воган (Hogg and Vaughan, 2005) предполагают, что уровень сравнения может существовать даже для альтернативных вариантов: встречаясь с каким-либо человеком, мы можем иметь ожидания в отношении будущих партнеров. Сторонники теории социального обмена утверждают, что для понимания природы влеченияи необходимо прежде всего понять структуру отношений между двумя людьми, так как именно она определяет те ресурсы, которые люди приносят с собой на брачный рынок. Несмотря на то что необходимость учета множества факторов значительно усложняет научное изучение влечения, нельзя не отметить тот факт, что данный подход позволяет более точно оценить происходящее в реальной повседневной жизни.

Предпочтения в отношении веса тела и голод

Теория социального обмена ясно дает понять, что, несмотря на предположения некоторых эволюционных психологов, идеалы физической привлекательности не остаются неизменными. Еще одно важное положение данной теории связано с местными социально-экономическими и демографическими условиями, которые оказывают явное влияние на такие суждения, как предпочтения в отношении веса тела, о чем мы уже говорили в главе 6. Ранее мы рассматривали вопрос об изменении идеалов веса тела в зависимости от социально-экономического статуса (СЭС), когда участники исследований с низким СЭС отдают предпочтение более высокому веса тела, чем испытуемые с низким СЭС (Ford and Beach, 1952; Swami and Tovee, 2005b, 2007b; Tovee et al., 2006). Однако до недавнего времени в этом примере, связывающем доступность ресурсов (определяемую СЭС) и вес тела у женщин, отсутствовал очевидный психологический механизм.

Чтобы исправить это упущение, Нельсон и Моррисон (Nelson and Morrison, 2005) предложили использовать неосознанный психологический механизм, основанный на ситуационном влиянии условий окружающей среды, которое не требует активизации никакого конкретного механизма, сформировавшегося в процессе эволюции. Эти ученые утверждают, что нехватка коллективных ресурсов имеет последствия для индивидуальных ресурсов, так как отдельные члены общества, в котором ресурсы ограниченны, могут сами испытывать в них недостаток. Далее они говорят о том, что эмоциональные (аффективные) и психологические состояния, связанные с наличием ресурсов на индивидуальном уровне, предоставляют имплицитную информацию о доступности коллективных ресурсов и что в дальнейшем эта информация играет роль в формировании предпочтений относительно веса тела. Исходя из этой точки зрения, аффективные состояния могут оказывать сильное влияние на мысли и убеждения, связанные с психологическим поведением.

С помощью серии авторских исследований Нельсон и Моррисон (Nelson and Morrison, 2005) проверили эту гипотезу, манипулируя такими факторами, как финансовая удовлетворенность или испытываемое человеком чувство голода (которые служат показателями наличия личных ресурсов в индустриальных обществах), и оценивая предпочтения испытуемых в отношении потенциального романтического партнера. В первом исследовании участников спрашивали о том, есть ли у них с собой деньги или нет и какой вес тела они считают идеальным у потенциального партнера. Как и предполагалось, мужчины, у которых вообще не было с собой денег, отдавали предпочтение женщинам с гораздо более высоким весом, чем мужчины, у которых деньги были. Целью второго исследования было устранение возможной путаницы, связанной с наличием денег, за счет использования произвольно назначенного манипулирования финансовой обеспеченностью. В этом случае результаты повторились: мужчины, которые были в большей степени удовлетворены своими личными ресурсами, предпочитали партнерш с меньшим весом тела, чем мужчины, чувствовавшие себя финансово обделенными.

В третьем исследовании участники сообщали идеальный вес тела партнера либо до обеда, либо после него. Результаты этого эксперимента были похожи на результаты, полученные при манипулировании финансовой удовлетворенностью: голодные мужчины отдавали предпочтение женщинам с более высоким весом, чем насытившиеся мужчины. Нельсон и Моррисон (Nelson and Morrison, 2005) предположили, что конструкт голода носит более универсальный характер, чем финансовая удовлетворенность, и сделали вывод, что полученные ими результаты подтверждают идею о том, что при формировании предпочтений в отношении потенциальных партнеров используются несознаваемые признаки. Более того, когда Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2006a) повторили это исследования, использовав фотографические стимулы и голод в качестве показателя личных ресурсов, то они получили точно такой же результат: голодные мужчины считали женские тела со слегка повышенным весом более привлекательными, чем сытые мужчины.

Существует еще одно альтернативное объяснение этих данных, согласно которому чувство голода или финансовая обеспеченностьь связаны с другими психологическими переменными, такими как самооценка. Однако отдельный набор результатов повторил основные выводы Нельсона и Моррисона (Nelson and Morrison, 2005), но не показал никаких изменений в самооценке (Nelson et al., 2007). Другой вопрос связан со специфичностью данного эффекта: например, предпочитают ли голодные мужчины объекты с более высоким весом вообще или это влияние ограничено предпочтениями в отношении людей? Результаты исследований показывают, что речь идет об очень специфическом эффекте, так как голодные мужчины не отдают предпочтение более крупным спортивным тренажерам (Nelson et al., 2007), молочным бутылкам или наковальням (Swami et al., 2006d).

Данные этих исследований свидетельствуют о том, что временные аффективные состояния могут стать причиной индивидуальных различий в предпочтениях, связанных с физической привлекательностью, которые отражают примеры культурных различий. В этом смысле оценки привлекательности меняются во времени: настроение или состояние воспринимающего может незаметно, но при этом серьезно, влиять на его оценки физической привлекательности потенциального партнера. Это помогает объяснить, почему предпочтения относительно веса тела меняются в соответствии с СЭС, и связать эти изменения с зависимостью индивидуальных предпочтений от ситуационного ощущения недостатка ресурсов. В контексте сельской местности, где недостаток ресурсов может носить превалирующий характер, аффективные и психологические состояния, связанные с доступностью индивидуальных ресурсов, предоставляют имплицитную информацию о доступности коллективных ресурсов, и эта информация играет важную роль в формировании предпочтений более высокого веса тела. Эта гипотеза находит подтверждение в психологической литературе: нередко чувства, состояния и психологический опыт не только выступают в качестве «информации» об окружающей обстановке, но и оказывают влияние на поведение без участия сложных когнитивных процессов (Nelson and Morrison, 2005; Swami and Tovee, 2006a).

Изменение предпочтений под влиянием окружающей среды

Чтобы понять, насколько описанные нами данные применимы в реальности, давайте рассмотрим результаты, полученные Тове и его коллегами (Tovee et al, 2006, 2007). Эти ученые просили оценить серию фотографий женских тел участников четырех групп, в которые входили зулусы Южной Африки с низким СЭС; мигранты из племени зулусов, проживающие в Великобритании; британцы африканского происхождения и британцы, принадлежащие к европеоидной расе. Результаты исследований не показали никакого различия между предпочтениями в отношении веса тела, продемонстрированными представителями европеоидной расы и британцами африканского происхождения. Однако между этими двумя группами и группой зулусов с низким СЭС были большие отличия, так как последние отдали предпочтение женщинам с гораздо более высоким весом (с избыточным весом и ожирением). Наконец, предпочтения зулусов, которые переехали в Великобританию, занимали промежуточное положение между двумя предыдущими позициями. По мнению Тове и его коллег (Tovee et al, 2006, 2007), наличие подобных различий между группами можно объяснить с точки зрения активных адаптаций к различным давлениям окружающей среды.

Большинство людей из сельских районов Южной Африки живут в обществе, для которого характерно недостаточное количество ресурсов и обнищание: более половины сельского населения сообщают о том, что им приходится голодать, а в большинстве домашних хозяйств нет электричества, водопровода или большого количества товаров длительного пользования (что является показателями СЭС). В связи с этим среди людей, живущих в сельской местности, более высокий вес женского тела может восприниматься как признак достатка, высокого статуса и хорошего здоровья (Clark et al, 1999; Mvo et al, 1999), а худоба может ассоциироваться с голодом (Brown, 1991; Treloar et al, 1999). Эти предпочтения могут усиливаться под влиянием проблем со здоровьем, широко распространенным сегодня в Южной Африке: это связано с инфекционными заболеваниями, такими как диарея, туберкулез, ВИЧ и СПИД, которые значительно повышают возможность заражения. В число последствий для здоровья, связанных с этими серьезными заболеваниями, входит значительная потеря веса, что может находить свое отражение в представлении о том, что более низкая масса тела сигнализирует о возможном паразитарном заражении и заболевании (Clark et al, 1999; Mvo et al, 1999).

В подобной ситуации более низкий вес тела может служить признаком заражения инфекционным заболеванием и подкреплять стратегию выбора партнера, предполагающую благосклонное отношение к телам с более высоким весом. Кроме того, более высокий предварительный ИМТ у беременной женщины связан с высоким весом ребенка при рождении (Mohanty et al, 2006), и это может служить важным преимуществом для южноафриканских женщин, живущих в сельской местности. Хотя более высокий ИМТ также связан с целым рядом проблем со

здоровьем (Manson et al., 1995), в сельских районах Южной Африки позитивные особенности более высокого женского ИМТ могут перевешивать потенциальные опасности, что помогает объяснить пример оценок привлекательности среди зулусов Южной Африки.

В Великобритании ситуация совсем иная: распространенность таких инфекционных заболеваний, как диарея, ВИЧ или СПИД, достаточно низкая, в то время как высокий ИМТ прочно ассоциируется с различными рисками для здоровья (Calle et al, 2003). Одновременно низкий ИМТ ассоциируется с общим долгосрочным здоровьем и плодовитостью как среди представителей европеоидной расы, так и среди британских африканцев. Более того, ИМТ может служить показателем СЭС: для исследуемой возрастной группы ИМТ обратно пропорционален питанию и СЭС, и это означает, что более высокий ИМТ связан с плохим питанием и низким СЭС. Все эти данные позволяют предположить, что существует ряд экологических, связанных с окружающей средой и демографических факторов, которые влияют на оценки женской привлекательности, даваемые британцами (или мигрантами, живущими в Великобритании), смещая их в сторону более низкого веса тела.

Теория безопасности окружающей среды

Все примеры активных предпочтений в отношении привлекательности, которые мы рассмотрели в этой главе, объединяет одно — когда люди сталкиваются с небезопасностью окружающей среды, они выносят суждения о привлекательности, которые, теоретически, должны помочь компенсировать возникшую опасность. Для объяснения этого примера и влияния культурных давлений на предпочтения, возникшие в процессе эволюции, Петтиджон и Тессер (Pettijohn and Tesser, 1999) предложили всеобъемлющую теоретическую концепцию, известную как «теория безопасности окружающей среды». Согласно этой теории аттракции и суждений о привлекательности, ориентированной на контекст и основывающейся одновременно на эволюционной теории и поведенческой экологии, наши восприятия безопасности окружающей среды влияют на то, что мы в разное время считаем наиболее привлекательным и желательным.

Данная теория предполагает, что когда социально-экономические условия носят угрожающий или неопределенный характер, люди отдают предпочтение тем, кто обладает более зрелыми характеристиками. Это связано, главным образом, с тем, что зрелость ассоциируется со способностью справляться с угрожающими ситуациями (Pettijohn and Tesser, 1999). Зрелые черты могут также сообщать о таких показателях, как сила, самообладание и независимость, в период, когда такие качества наиболее желательны. В менее угрожающие и более безопасные с точки зрения окружающей среды периоды потребность в зрелых признаках и атрибутах становится менее значительной и, соответственно, таким признакам отдается меньшее предпочтение.

В соответствии с теорией безопасности окружающей среды можно предположить, что когда мужчины голодны (т. е. находятся в угрожающем положении), они должны демонстрировать повышенное предпочтение более зрелых партнеров

женского пола в сравнении с сытыми мужчинами. Это связано с тем, что голод служит хорошим показателем психологической угрозы и напоминанием о доступности ресурсов (Swami and Tovee, 2006a). Более того, в связи с тем что вес тела обычно повышается с возрастом, теория безопасности окружающей среды позволяет предположить, что голодные мужчины должны предпочитать потенциальных партнерш с более высоким весом, чем сытые мужчины, что и было подтверждено в ходе ряда исследований (Nelson and Morrison, 2005; Swami and Tovee, 2006a).

Однако данная теория не только прогнозирует предпочтения в отношении веса тела; она также говорит о том, что любая воспринимаемая характеристика, которая имеет различия в диапазоне «зрелость—детскость», может меняться при изменении уровня безопасности окружающей среды. Так, результаты архивных исследований, посвященных изучению черт лица американских актрис, подтверждают теорию безопасности окружающей среды, свидетельствуя о более высоком предпочтении зрелых черт лица (небольшой размер глаз, худые щеки и большой подбородок) в периоды социально-экономических трудностей (Pettijohn and Tesser, 1999). При хороших социальных и экономических условиях, напротив, большей популярностью пользовались актрисы с детскими чертами лица (большие глаза, круглые щеки и маленький подбородок). Петтиджон и Иеркс (Pettijohn and Yerks, 20046, 2005) также провели исследование характеристик тел победительниц конкурсов красоты «Мисс Америка» и «Мисс Гонконг» и сообщили о получении кросс-культурных результатов, согласующихся с теорией безопасности окружающей среды.

Чтобы выйти за рамки архивных результатов, Петтиджон и Тессер (Pettijohn and Tesser, 2004) разработали набор экспериментальных действий для более широкого использования теории безопасности окружающей среды. Участникам угрожали возможностью получения слабого или сильного удара током в контексте обучающего упражнения и предлагали выбрать партнера для работы из набора фотографий с изображениями женских лиц. Петтиджон и Тессер (Pettijohn and Tesser, 2004) выяснили, что когда люди чувствовали большую угрозу, они демонстрировали достаточно сильное предпочтение женщинам с более маленькими глазами. Эти и другие результаты исследований поднимают интересные вопросы о влиянии социальных и экономических условий на предпочтения, связанные с привлекательностью, и указывают на необходимость проведения дальнейшего, более детального изучения этих вопросов.

Вывод

В качестве последнего примера активных предпочтений относительно привлекательности предлагаем вам рассмотреть то, что получило название «эффекта времени закрытия». Пеннебейкер (Pennebaker, 1979) просил людей в трех разных барах оценить в три определенных момента времени посетителей одного с ними и противоположного пола, присутствующих в этих барах в течение вечера. Если оценки привлекательности посетителей своего пола не менялись на протяжении вечера, то посетители противоположного пола с течением времени казались участникам эксперимента все более привлекательными. Пеннебейкер (Pennebaker,

1979) утверждает, что люди «понижали» свои критерии привлекательности по мере того, как шло время и увеличивался риск отправиться домой в одиночестве. Это исследование дает еще один пример обстоятельств, влияющих на суждения о привлекательности, однако следует отметить, что результаты других исследований «эффекта времени закрытия» были менее однозначными (Galdue and Delaney, 1990; Jones et al., 2003; Krusse and Fromme, 2005).

В заключение можно сказать, что рассмотренные в этой главе исследования указывают на то, что суждения о физической привлекательности вовсе не статичны и неизменны, а, наоборот, отличаются значительным непостоянством. Учитывая эту изменчивость, не стоит удивляться тому, что у многих критиков эволюционной психологии вызывает беспокойство ограниченный изучением древнего времени, адаптационый подход, который наглядно проявляется в этих исследованиях. Маловероятно, что подобная точка зрения позволяет дать исчерпывающее объяснение предпочтений, связанных с физической привлекательностью, так как она не обеспечивает достаточного понимания контекста, в котором эти предпочтения формируются и проявляются. В отличие от эволюционных психологов специалисты, занимающиеся кросс-культурной и социальной психологией, указывают на то, что идеалы привлекательности подвержены предсказуемому влиянию индивидуальной физиологии и макроэкономических факторов.

ГЛАВА 8

Человек не может быть островом

Красота есть во всем, но не все ее видят.

Конфуций, китайский философ и реформатор

Красота не в лице;
красота — это свет в сердце.

Х. Гибран, писатель

Что такое красота? Не демонстрация
Стройных ног и приятных черт. Нет.
Она похожа на цветы,
Которым отмерены часы,
Чтобы отдать свой мгновенный аромат, а затем уйти.
Это незапятнанная душа, которая
Затмевает самую белую кожу.

О. *Т. де Вер, ирландский поэт и критик*

Какие бы выводы мы ни делали по поводу использования эволюционно-психологических теорий физической привлекательности, необходимо понимать, что биологические причины красоты находятся не в вакууме. Они существуют в рамках социального и культурного контекстов, которые оказывают огромное влияние на наши представления о том, что физически привлекательно, а что нет (Hogg and Vaughan, 2005; Sarwer et al., 2002). Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно социальные психологи могут многое рассказать о красоте человека, тем более что начиная с конца 1960-х гг. ими было проведено множество исследований в этой области (Hogg and Vaughan, 2005; Taylor, 1998). В целом социальные психологи сделали два важных вклада в науку о красоте и привлекательности. Во-первых, они указали на то, что суждения о привлекательности формируются в социальном, культурном и эволюционном контекстах, которые определяют наше повседневное существование (Taylor et al., 1997). В этом смысле наши идеалы привлекательности в значительной степени зависят от того, какое место мы занимаем в нашем социокультурном окружении, а также от информации, которую мы в нем получаем. Во-вторых, данные исследований, проведенных социальными психологами, подчеркивают значение влечения, включающего в себя такие аспекты,

как близость, язык тела и другие нефизические характеристики (Hogg and Vaughan, 2005; Huston, 1974; Myers, 1996). В этой главе мы рассмотрим первый из этих вкладов, а о втором поговорим в главе 9.

Человек не может быть островом

Фраза «Человек не может быть островом» — это обобщенное воплощение основного положения социальной психологии, а именно: люди по своей природе являются общественными существами, для которых изоляция губительна (Perlman and Peplau, 1998). В своем логическом завершении эта точка зрения предполагает, что наши установки и поведение как минимум отчасти формируются в ходе наших взаимодействий с теми, кто нас окружает (Moscovici, 19616, 1981). Подобное научение является неотъемлемой частью социализации, которую приобретают люди через непосредственный опыт или компенсаторно, взаимодействуя друг с другом. Но эти взаимодействия, в свою очередь, определяются богатством культуры и общественными конструктами, которые позволяют объяснить окружающий нас мир. Другими словами, определенные установки и идеалы формируются у людей в результате их повседневного опыта общения, они представляют устройство общества и объясняют его (Farr and Moscovici, 1984; Lorenzi-Cioldi and Clemence, 2001; Moscovici, 1981, 1988).

Социальный контекст не только влияет на взаимодействия в обществе, но и сам является продуктом социальных психологических процессов. Таким образом, между индивидуумом и коллективным социальным контекстом существует глубокое взаимодействие, и это предположение занимает центральное место в «теории взаимного созидания» (Fiske et al, 1998; Kim and Markus, 1999; Kitayama et al., 1997). Согласно этой теории, психологические и социокультурные структуры создают друг друга в рамках петли обратной связи между индивидуумом и коллективным социальным контекстом. Таким образом, всестороннее понимание определенного психологического направления или модели поведения, такой как соответствие идеалу привлекательности, требует проведения определенного анализа коллективной реальности, лежащей в основе этих идеалов (рис. 8.1).

Коллективная реальность, которая формирует и приводит в действие установки и модели поведения, включает в себя идеи и ценности, имеющие социокультурные и исторические корни, общественные институты и социальные практики. Ким и Маркус (Kim and Marcus, 1999) считают, что в любом обществе или культуре можно выявить ключевые ценности, проявляющиеся во многих аспектах общественной жизни. Эти ценности передаются индивидууму через специфические для каждой культуры социальные институты: общественные организации, система образования, религиозные течения и воздействие средств массовой информации (Kim and Marcus, 1999). Участвуя в определенных культурных процессах, люди обретают понимание культурных норм, регулирующих их чувства и поведение. Московичи (Moscovici, 1983: 5) говорит об этом следующее: «Наши реакции на события и стимулы связаны с заданными требованиями, которые известны всем членам сообщества, к которому мы принадлежим».

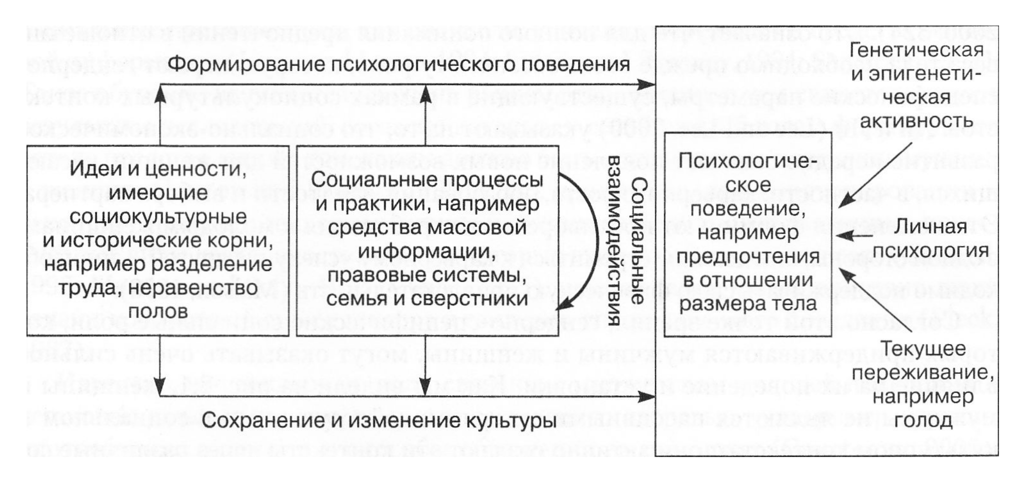

Рис. 8.1. Динамический процесс взаимного создания культуры и индивидуума (адаптировано из Kim and Markus, 1999)

Важную роль в формировании и развитии этой точки зрения сыграла социологическая работа Эмиля Дюркгейма (Durkheim, 1912/1995) о «коллективном представлении». Московичи и Дюркгейм считают, что индивидуумы, обладающие одинаковыми убеждениями, взаимодействуют в социальных эпизодах в рамках локальных миров и что эти взаимодействия (наряду с культурными институтами) формируют психологический опыт индивидуума (Farr and Moscovici, 1984; Purkhardt, 1995). В результате этого происходит принятие и предствление основных культурных ценностей в поведении, предпочтениях и действиях людей (Kim and Marcus, 1999). Исходя из этой точки зрения, определенные установки и поведенческие предпочтения заключены в более широкие рамки представлений, встроены и проявляются в них, а эти структуры, в свою очередь, формируются социальными группами (Moscovici, 19816, 1988).

Все это объясняет, почему так важно рассматривать социокультурные факторы при изучении физической привлекательности. Сложность заключается в том, что число таких факторов велико, причем многие из них не могут быть переведены в простые количественные конструкты. Возьмем, к примеру, рассмотренные нами ранее предпочтения в отношении веса тела, которые характеризуются идеализацией тела с более высоким весом в группах низкого социально-экономического статуса (СЭС). В большинстве исследований, о которых мы говорили, как правило, предполагается связь СЭС с доступностью пищи (Swami and Tovee, 2006a), что позволяет объяснить подобную идеализацию исходя из того, что только определенный класс людей может позволить себе накопление телесного жира.

Однако СЭС связан со многими другими факторами, способными влиять на предпочтения в отношении веса тела, так что не только он может служить объяснением причин возникновения представлений о привлекательности стройного тела. Более того, по мнению некоторых авторов, подобные предпочтения следует включать непосредственно в «гендерно-специфический комплекс основных параметров, сопровождающих глобальные экономические изменения» (Lee and Lee,

2000: 324). Это означает, что для полного понимания предпочтений в отношении веса тела необходимо прежде всего осознать ту роль, которую играют гендерно-специфические параметры, существующие в рамках социокультурных контекстов. Ли и Ли (Lee and Lee, 2000) указывают на то, что социально-экономическое развитие нередко означает появление новых возможностей для женщин, касающихся, в частности, карьерного роста, образования, занятости и выбора партнера. Эти изменения формируют противоречивые требования к молодым женщинам: с одной стороны, они должны стремиться к карьерному успеху, а с другой — им необходимо поддерживать свою физическую привлекательность (Malson, 1998).

Согласно этой точке зрения, гендерно-специфические социальные роли, которых придерживаются мужчины и женщины, могут оказывать очень сильное влияние на их поведение и установки. Как мы видели на рис. 8.1, женщины и мужчины не являются пассивными актерами, действующими в социальном и культурном контекстах; они активно создают эти контексты через различные социальные взаимодействия, которые тем не менее определяются их индивидуальным пониманием гендерно-специфических социальных ролей. Эти взаимодействия могут привести к различному восприятию своих тел у мужчин и женщин, а также помочь объяснить, почему идеалы веса тела могут различаться в зависимости о того, где человек родился и проживает. Для городских женщин, у которых есть возможности получения образования, построения карьеры и выбора партнера, стройность является синонимом идеализированной красоты (Lee, 1996, 1998). Женщины, живущие в сельской местности, напротив, все еще испытывают значительное патриархальное влияние, поэтому в сельском окружении полнота тела по-прежнему символизирует продуктивность и здоровье (Swami, 2006c; Swami and Tovee, 2005b).

Гендер и привлекательность

До сих пор мы рассматривали воздействие пола на поведение только в общих чертах, так как говорили об эволюционной психологии, а это воздействие относится к основным социокультурным влияниям. В этой главе мы обсудим некоторые пути возможного влияния гендерно-специфических взаимодействий и социальных ролей на суждения о физической привлекательности. Но прежде всего нам необходимо понять различие между такими понятиями, как «пол» и «гендер». Когда эволюционные психологи основывают свои выводы о человеческой природе на половых различиях, то речь идет о биологическом поле, который приписывается человеку при рождении в соответствии с тем, какими внешними гениталиями он обладает. Однако социальные психологи и социологи рассматривают гендер как то, что изучается и «формируетется» в социальном контексте, т. е. психологический пол (Pleck et al., 1994; West and Zimmerman, 1987).

Одним из ключевых положений социальной психологии является то, что обучение гендеру, или, если быть более точными, гендерно-ролевым нормам или стереотипам, происходит в определенных «коллективных реальностях» через процесс социализации (Cialdini and Trost, 1998). Например, «правилам» и стандартам фемининности и маскулинности женщин и мужчин соответственно обучают такие

социальные представители, как родители, учителя, сверстники и средства массовой информации (Lauerand Lauer, 1994; Lyttonand Romney, 1991; Santrock, 1994). Такое обучение начинается на очень раннем этапе жизни, о чем свидетельствуют результаты исследований, согласно которым у детей уже к 5 годам формируются четкие представления о том, каким должно быть «правильное» поведение мужчин и женщин (Lytton and Romney, 1991). Но, кроме того, при конструировании и реконструировании тендера мужчины и женщины используют различные повседневные виды деятельности, в число которых входят работа, язык и секс (Connell, 1995; Messner and Sabo, 1994; Vance, 1995), и через такие взаимодействия люди узнают конкретный смысл тендера и гендерно-специфического поведения (Pleck, 1987).

Известно, что тендерные роли связаны с множеством моделей поведения и установок, включая те, которые имеют отношение к здоровью, — например, курение, употребление алкоголя и способы обращения за помощью (Courtenay, 2000). Если говорить о физической привлекательности, то считается, что тендерные роли также связаны с изменениями пищевого поведения и удовлетворенностью формой тела (Parsons, 1980; Weitz, 1977; Williams, 1979). Кроме того, существуют свидетельства того, что тендерные роли коррелируют с восприятием тел людей противоположного пола (Maier and Lavrakas, 1984; Pleck, 1979), хотя большая часть этих данных была получена несколько десятилетий назад и требует срочного пересмотра с учетом реалий современности (McCreary and Sasse, 2002).

Так, в одном из ранних исследований Виггинс с коллегами (Wiggins et al., 1968) выяснил, что мужчины, которые в соответствии с традиционными понятиями были очень «мужественными» (а значит, имели высокую потребность в независимости и частых встречах с женщинами), отдавали женщинам с большой грудью большее предпочтение, чем менее мужественные мужчины. А Бек и его соавторы (Beck et al., 1976) сообщали о том, что у женщин, предпочитавших большой бюст, наблюдались интересы, которые можно считать традиционно женскими. К сожалению, авторы этих исследований использовали определения тендерных ролей, которые сегодня считаются недостаточно точными.

В еще одном отчете об исследовании Лавракас (Lavrakas, 1975) сообщает о том, что женщины, выполняющие традиционную женскую гендерную роль, отдают большее предпочтение маскулинному мужскому телосложению (V-образной форме тела), чем менее «традиционные» женщины. Данные этого исследования, а также результаты более поздней работы (Swami et al., 2007) указывают на то, что людям, принимающим традиционные (т. е. более ярко выраженную маскулинную или фемининную) тендерные роли, свойственно отдавать предпочтение формам тела, которые определяются как привлекательные в «традиционном» смысле, а именно женским фигурам в форме песочных часов и мускулистым V-образным мужским фигурам. У индивидуумов, выбирающих более «свободные» тендерные роли, напротив, наблюдаются менее стереотипные предпочтения (Furnham and Greaves, 1994; Maier and Lavrakas, 1984).

В ходе других исследований проводилось изучение различий предпочтений между культурами, в которых существует более или менее стереотипное представление о тендерных ролях (по Hofstede, 1983). Так, Фернхем и Нордлинг (Furnham

and Nordling, 1998) сравнивали восприятие форм тела в двух выборках из разных культур, включающих представителей Дании (страны с менее стереотипным представлением о тендерных ролях) и Португалии (европейской страны с более стереотипным представлением), и выяснили, что португальские участники в большей мере предпочитают традиционных «аппетитных» женщин и мужчин с V-образной формой тела, чем датские участники. Последние, напротив, как у женщин, так и у мужчин отдают большее предпочтение «угловатым» фигурам (с узкими бедрами).

В одном из последних исследований Суэми и его коллеги (Swami et, al., 2006a) определили, что греческие мужчины, живущие в стране, культуре которой более свойственны стереотипы тендерных ролей, чем Великобритании, отдают предпочтение женщинам с более пышными фигурами (более сильное предпочтение низкого отношения «талия—бедра»). Греческие женщины также больше предпочитают более развитую верхнюю часть тела у мужчин, чем жительницы Великобритании (предпочитающие низкое отношение «талия—бедра» (Swami et al, в прессе b). Данные этих исследований позволяют предположить, что тендерные роли оказывают серьезное влияние на то, как мы воспринимаем тела возможных партнеров. На данный момент остается неясным, в какой степени предпочтения, связанные с индивидуальными тендерными стереотипами, отражают предпочтения, имеющие отношение к культурным тендерным стереотипам, хотя можно предполагать, что между ними существует определенная связь. В настоящее время проводятся исследования, целью которых является изучение того, как происходит взаимодействие индивидуальных и культурных тендерных стереотипов в процессе влияния на общие предпочтения (McCreary et al, 2005).

Влияние субкультур

Теория взаимного созидания Хейзел Маркус и Шинобу Китаямы (Markus and Kitayama, 1991) также помогает объяснить возникновение и сохранение идеалов привлекательности в определенных культурах или субкультурах; идеалов, которые в других культурах могут считать непривлекательными или даже отталкивающими. В предыдущих главах мы уже сталкивались с некоторыми из таких предпочтений, ограниченных рамками определенного общества. Среди других примеров можно упомянуть древнюю традицию *ohaguro* в Японии (которая предполагает окрашивание зубов чернилами), популярность мужского гульфика и особое внимание к мужским бедрам в Европе эпохи Ренессанса и нанесение на лицо шрамов, которое до сих пор практикуется в некоторых африканских общинах (рис. 8.2). В книге Дарвина «Происхождение человека» (Descent of Man, 1871) есть множество примеров кросс-культурных различий характерных черт, считающихся привлекательными, многие из которых были собраны и переданы автору миссионерами, работавшими в «экзотических местах» (Swami, 2007).

Наибольшее число исследований, затрагивающих вопросы субкультурных различий в современных условиях, посвящено изучению суждений о привлекательности, выносимых женщинами и мужчинами, которых привлекают представители одного с ними пола. Например, ряд исследований показал, что предпочтения лесбиянок отличаются от предпочтений гетеросексуальных мужчин и женщин. Так, одно

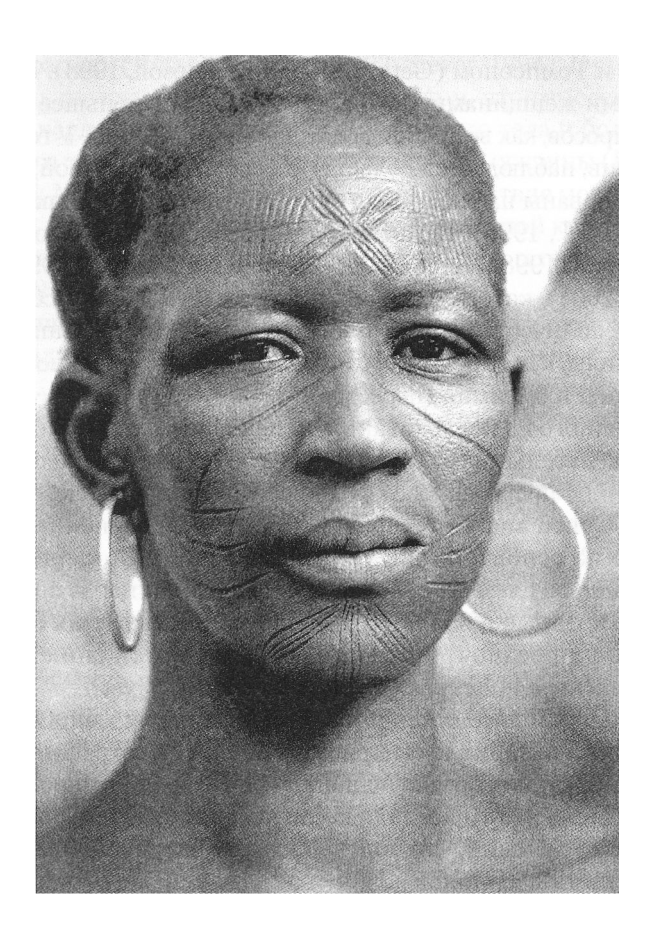

Рис. 8.2. В некоторых африканских общинах остается популярным нанесение шрамов на лицо. Copyright © Charles and Josette Lenars/CORBIS

из исследований возрастных предпочтений показало, что лесбиянки отличаются как от гетеросексуальных мужчин, так и от женщин тем, что с возрастом они начинают проявлять интерес к более молодым женщинам, одновременно сохраняя интерес к женщинам одинакового с ними возраста и старше (Kenrick et al, 1995). По результатам других исследований, лесбиянок меньше, чем гетеросексуальных женщин, заботит финансовый статус партнера, и больше, чем гетеросексуальных женщин, интересуют зрительные сексуальные стимулы (Bailey et al, 1994).

Возможное влияние лесбиянства на представления о привлекательности тела занимает внимание исследователей в меньшей степени, поэтому было проведено мало исследований, рассматривающих установки лесбиянок в отношении привлекательности и внешности (Brand et al., 1992; Siever, 1994). Тем не менее сегодня многие теоретики признают, что в лесбийском сообществе существуют более «гибкие» стандарты женского тела (Ojerholm and Rothblum, 1999; Share and Mintz, 2002), которые могут служить буфером против давления, оказываемого на женщин обществом с его представлениями о необходимости быть стройной.

Это предположение подтверждается результатами исследования, проведенного Джеттельманом и Томпсоном (Gettelman and Thompson, 1993). В сравнении с гетеросексуальными женщинами лесбиянки проявляют меньшее беспокойство по поводу таких вопросов, как вес, соблюдение диет и имидж тела. У гетеросексуальных женщин, напротив, наблюдается большая обеспокоенность едой, и они в большей степени ориентированы на внешность (Epel et al, 1996; Gettelman and Thompson, 1993; Schneider et al, 1995). Похожие данные приводятся в последних работах (Bergeron and Senn, 1998; Herzog et al, 1991; Lakkis et al, 1999) и метаанализе (Morrison et al, 2004), которые свидетельствуют о том, что лесбиянки набирают гораздо меньшее количество очков, чем гетеросексуальные женщины, при оценке по таким критериям, как нарушение питания, неудовлетворенность телом, стремление к похудению и булимия (переедание).

Результаты одного из исследований, посвященных изучению предпочтений в области привлекательности, свидетельствуют о том, что лесбиянки и бисексуальные женщины предпочитают более полные фигуры, чем гетеросексуальные женщины (Cohen and Tannenbaum, 2001), что, по мнению авторов, может быть объяснено на основании двух предположений. Во-первых, лесбиянки в среднем весят больше, чем гетеросексуальные женщины, и поэтому могут выбирать фигуры, которые в большей степени напоминают их собственный тип тела; во-вторых, их предпочтения могут отражать отрицание того, что можно считать неадекватным пристрастием к стройности. Суэми и Тове (Swami and Tovee, 2006b) просили лесбиянок и гетеросексуальных женщин оценить с точки зрения физической привлекательности серию фотографий и выявили, что лесбиянки предпочитают гораздо больший вес тела, чем гетеросексуалки. Средний вес участвующих в этом исследовании лесбиянок не превышал средний вес гетеросексуальных женщин, что подтверждает точку зрения, согласно которой иные предпочтения у лесбиянок возникают в результате отрицания общественных норм (Swami and Tovee, 2006b).

Браун (Brown, 1987) предполагает, что эти данные можно объяснить тем, что хотя все женщины подвержены воздействию культурных предписаний в отношении «идеала», на лесбиянок они оказывают меньшее влияние. Она считает, что нападки на женщин с избыточным весом отражают нападки на лесбиянок, так как и те и другие нарушают определенные «правила» и раздвигают границы патриархального контроля. Более того, «лесбиянки очень широко представлены среди активных защитниц полноты... [которые рассматривают] стигматизацию[1] полных людей как политическое притеснение» (Brown, 1987; 295). Это, по мнению Браун, может преобразоваться в социальное давление, предполагающее, что человек становится жертвой социокультурных норм, а именно нормальные изменения в размере или форме тела могут рассматриваться в данном обществе как отклоняющиеся или патологические.

Если лесбиянки, по данным исследований, могут отрицательно относиться к тому, что они рассматривают как социальное давление в отношении худобы,

[1] Стигматизация (от греч. стуца — клеймо) — клеймение. В настоящее время все чаще под стигматизацией понимается навешивание социальных ярлыков. — *Примеч. науч. ред.*

гомосексуалисты, напротив, стремятся к достижению обязательных идеалов мускулистости и размера тела (Russell and Keel, 2002; Siever, 1994). В существующих на сегодняшний день научных работах говорится о том, что гомосексуалисты сообщают о большей неудовлетворенности образом своего тела и большем числе нарушений пищевого поведения, чем гетеросексуальные мужчины (Beren et al, 1996; French et al, 1996; Morrison et al, 20040. Это несоответствие может быть объяснено рядом причин, включая тот факт, что в гомосексуальной культуре физической внешности уделяется больше внимания, чем в культуре гетеросексуальных мужчин (Epel et al, 1996; Siever, 1994).

Ученые провели ряд исследований для изучения вопроса различий в предпочтениях у гомосексуалистов и гетеросексуальных мужчин и женщин. Херцог и его коллеги (Herzog et al, 1991) считают, что гомосексуалисты идеализируют тело с недостаточным весом и более склонны к одобрению худого идеала, чем гетеросексуальные мужчины. Однако последние исследования показывают, что в сравнении с гетеросексуалами гомосексуалисты могут придавать большее значение мускулистости верхней части тела, а не его общему весу (Levesque and Vichesky, 2006). Например, Суэми и Тове (Swami and Tovee, в прессе b) сравнивали предпочтения в отношении привлекательности у гомосексуалистов и гетеросексуальных мужчин и выяснили, что обе группы демонстрируют одинаковые предпочтение относительно веса тела, однако гомосексуалисты предпочитают более низкое отношение «талия—грудь», которое связано с большей развитостью мускулатуры верхней части тела.

Для объяснения этих результатов был выдвинут ряд предположений. Во-первых, по мнению Левеск и Вически (Levesque and Vichesky, 2006), доминирующим идеалом среди гомосексуалистов является представленный в средствах информации идеализированный образ мускулистого мужчины. Это доминирование подкрепляется тем особым вниманием, которое уделяется в гомосексуальной культуре физической внешности (Epel et al, 1994; Silberstein et al, 1989). На самом деле, Левеск и Вически (Levesque and Vichesky, 2006) выяснили, что причастность к сообществу гомосексуалистов связана со стремлением к идеалу тела, характеризующемуся большей мускулистостью, хотя принятие в гомосексуальное сообщество может служить буфером против социального давления, выражающегося в необходимости выглядеть определенным образом.

Во-вторых, ценность мускулистости может отражать стремление объединения мускулистости и маскулинности (Halkitis et al, 2004; Mishkind et al, 1986). Возможно, что в гомосексуальном сообществе тело остается единственным отличительным источником маскулинности, и, таким образом, мускулистые и подтянутые тела представляют мужчин, стремящихся продемонстрировать физическую силу и твердость характера, ассоциирующиеся с мускулистым идеалом, одновременно сигнализируя об удаленности от фемининности (Feingold, 1990; Leit et al, 2001). Повышенная ценность мускулистого идеала также находит отражение в желании гомосексуалистов включать такие идеалы в представления о самих себе (Silberstein et al, 1989). В рамках гомосексуального сообщества мускулистость также может служить важным признаком здоровья, что может иметь особое значение, учитывая тот факт, что данное сообщество постоянно сталкивается с проблемами заражения ВИЧ и СПИДом (Levesque and Vichesky, 2006).

Источники научения

На сегодняшний день одним из главных направлений, рассматриваемых в рамках социально-психологических теорий, является то, что идеалы физической привлекательности во многом связаны с научением, представляющим собой часть процесса социализации (рис. 8.3; Fishbein and Azjen, 1975; Oskamp, 1977). Один из наиболее важных источников наших установок и предпочтений — действия и поведение окружающих нас людей, особенно родителей в период нашего детства. Например, результаты некоторых исследований указывают на существование положительной связи между предпочтениями определенных политических партий у детей школьного возраста и выбором их родителей (Jennings and Niemi, 1968), которую можно также распространить на другие типы предпочтений. Известно, что родители влияют на установки детей в отношении их сверстников, имеющих избыточный вес (Field et al., 2001; Irving et al, 2002), и что родительское влияние присутствует в формировании у детей представлений о том, что определяет «идеальный» женский образ (Gordon, 2000; Stice, 1998).

Рис. 8.3. Источники научения идеалам привлекательности

Удивительно то, что родительские предпочтения учитываются в очень небольшом количестве экспериментальных исследований, посвященных выбору партнера, хотя во многих культурах родители исторически оказывали и продолжают оказывать влияние на выбор долгосрочных партнеров, осуществляемый их детьми (Beckerman, 2000). В одном из последних исследований Ю с коллегами (Yu et al., 2007) выяснили, что в племени матсигенка, где родители влияют на выбор своих дочерей в отношении долгосрочного партнера, женщины считают женственные мужские лица более привлекательными, однако предпочитают зятьев с мужественными лицами. Авторы исследования предполагают, что когда дело касается брака, это дает мужественным мужчинам преимущество, что, в свою очередь, подчеркивает роль родительских суждений в выборе партнера. Другие исследования

выделяют решающую роль матерей в формировании предпочтений в отношении размера тела за счет поощрения детей к набору или потере веса (Rguibi and Belahsen, 2006). Результаты исследований указывают на то, что при дальнейшем изучении данной темы необходимо учитывать системы родства и брака, правила наследования, социальный класс и другие социокультурные факторы, каждый из которых влияет на выбор партнера (McGraw, 2002).

Исследователи, занимающиеся изучением идеалов привлекательности, также считают, что значительную роль в формировании суждений о красоте и привлекательности играют средства массовой информации, которые отражают культурные убеждения и идеалы и способствуют их распространению (Becker and Hamburg, 1996; Bryant and Zhilman, 2002; Fallon, 1990; Harrison, 1997; Heinberg and Thompson, 1995; Polivy and Herman, 1985; Wolf, 1990). Многие из работ этих исследователей сфокусированы на культивировании идеала худобы в современных западных культурах. Например, Гиллен и Барр (Guillen and Barr, 1994) считают, что тексты журналов, ориентированных на девушек подросткового возраста, поддерживают представление о том, что женское счастье и успех связаны со внешностью, причем предпочтительным состоянием здоровья и красоты является максимальная стройность. Подобные журналы пропагандируют худобу и связывают привлекательность с низким весом тела, представляя моделей, имеющих вес ниже среднего, и рекламируя товары и статьи, которые рассказывают о том, как похудеть (Bordo, 1993; Boyd and Fouts, 1999; Franzoi, 1995; Malkin et al, 1999; Snow and Harris, 1986).

Практически нет никаких сомнений в том, что средства массовой информации играют доминирующую роль в сообщении общественных идеалов привлекательности (Levine and Smolak, 1996; Owen and Laurel-Seller, 2000). По мнению ученых, это приводит к массовой неудовлетворенности весом тела, особенно среди женщин (Tiggemann and Rothblum, 1988). В многочисленных исследованиях и обзорах научной литературы (Abramson and Valene, 1991; Baker et al, 1998; Cash et al, 1983; Posavac et al, 2002) неудовлетворенность телом и симптоматика расстройств пищевого поведения связываются с воздействием средств массовой информации, и практически везде отмечается их скрытая роль. У мужчин беспокойство по поводу образа тела и расстройства пищевого поведения встречаются реже (Pingitore et al, 1997; Walsh, 1997), что обусловлено более низким уровнем общественного внимания к весу и форме мужского тела (Rolls et al, 1991), хотя существуют свидетельства того, что ситуация меняется (Morry and Staska, 2001; Petrie et al, 1996).

Сегодня СМИ являются основным источником сведений о том, что представляет собой идеальный размер тела. Это означает, что, по мере того как ранее изолированные страны испытывают влияние глобализации и западных средств информации, представление о худощавости как о символе женской привлекательности все больше проникает в массовую культуру (Becker, 2004; Swami et al, 2007g) и разрушает любое почитание больших размеров тела, которые могли существовать ранее. Например, Беккер с коллегами (Becker et al, 2005) обсуждает вопрос о том, как появление на Фиджи западного телевидения связано с ростом желания местных девушек быть стройными.

Как происходит научение?

Несомненно, существуют и другие источники научения, которые могут иметь значение, когда речь идет об идеалах физической привлекательности, в том числе сверстники и социальные сети (Gordon, 2000). Исследования предоставляют информацию о разнообразных источниках научения, однако оставляют открытым вопрос о том, как оно происходит. Бандура (Bandura, 1973) считает, что научение происходит, когда в нашем поведении мы подражаем другому человеку, как правило, тому, кто для нас важен. Согласно этой точке зрения, индивидуумы изучают новые реакции, наблюдая других значимых для них людей и результаты их поведения. Например, изображения женщин или предвзятые установки в отношении людей с избыточным весом могут прививаться наивным детям, если моделями для них служат люди, которые играют важную роль в их жизни (такие, как родители).

Научение также может происходить посредством опыта: мы можем встретиться с кем-то и получить положительный результат от общения с ним, что отчасти будет формировать наше влечение к этому человеку (и другим похожим людям). Естественно, этот принцип может работать в обратном направлении: отрицательный опыт общения с человеком может заставить нас считать его (и других похожих людей) непривлекательным. Фишбейн и Азджен (Fishbein and Azjen, 1975) утверждают, что непосредственный опыт влияет на наше мнение о человеке, предоставляя информацию о нем, и эта информация впоследствии становится основой формирования убеждений, влияющих на наши симпатии и антипатии.

Расширенным вариантом идеи повторных ассоциаций является формирование классических условных рефлексов, самыми известными примерами которых служат эксперименты академика Павлова. При формировании классических условных рефлексов ранее нейтральный стимул (например, колокольчик, использованный Павловым) начинает вызывать реакцию, которая раньше возникала только под действием другого, безусловного, стимула (пища). Некоторые авторы предполагают, что классическое обусловливание лежит в основе формирования всех видов установок и моделей поведения (Staats and Staats, 1957; Zanna et al., 1970). Так, некоторые концептуальные идеи формирования условных рефлексов лежат в основе многих современных теорий сексуальных фетишей.

Фетиши

В нашем мире существует невероятное количество самых разных фетишей, поэтому дать простое объяснение их происхождения невозможно (табл. 8.1). Представьте, к примеру, что существуют люди, которые являются «фэт-фетишистами», т. е. они получают сексуальное удовольствие от того, что они сами или их партнер имеют избыточный вес или страдают ожирением (Love, 1994; Monaghan, 2005; Swami and Furnham, в прессе a). Объяснить этот фетиш с помощью строгой теории приспособления очень сложно, особенно если учесть отрицательные риски для здоровья, связанные с избыточным весом или ожирением. Тем не менее

у некоторых людей вид «фартука» — свисающих лоскутов жировой ткани у полного или страдающего ожирением человека — может вызывать сексуальное возбуждение и казаться физически привлекательным. Фэт-фетишизму посвящено большое количество интернет-сайтов, на которых показаны женщины, начиная с тех, кто имеет всего лишь избыточный вес, и заканчивая теми, кто страдает патологическим ожирением (Swami and Furnham, в прессе а).

Кроме того, существует субкультура «поклонников полноты», в рамках которой толстую женщину называют «большой красивой женщиной» (БКЖ), а толстого мужчину «большим красивым мужчиной» (БКМ). Поклонники полноты могут быть фетишистами, если они испытывают возбуждение только при условии наличия полноты, или просто отдавать предпочтение полным партнерам (как другие предпочитают худых людей). Члены сообщества поклонников полноты считают, что в массовой культуре доминирует предубеждение в пользу стройности, а многие из них являются участниками движения за приемлемость полноты, цель которого состоит в изменении общественного мнения о людях, страдающих избыточным весом и ожирением (Swami and Furnham, в прессе а).

В мире существует множество других фетишей (Love, 1994; Steele, 1995). Например, фетишизм груди предполагает ярко выраженный сексуальный интерес к женской груди, ее форме, движениям и размеру. Во многих западных странах женская грудь воспринимается как символ сексуальности и привлекательности, а размер груди может иметь особое значение при сексуальном возбуждении. Популярные средства информации показывают женщин с достаточно большой грудью (Harrison, 2003), и, по мнению некоторых ученых, именно это «подпитывает» рынок пластических операций по увеличению груди. Многие взрослые актрисы используют мужскую одержимость большой грудью, увеличивая свой бюст до невероятных (а точнее, невозможных с биологической точки зрения) размеров. Некоторые люди отдают фетишистское предпочтение большой натуральной груди (без имплантатов), в то время как другие являются фетишистами маленьких грудей. Более того, не всякая форма фетишизма груди связана с ее размером: встречаются фетишисты, которых волнует процесс лактации или упругость груди (причем некоторые предпочитают упругие груди, а другие — отвисшие).

Еще одним распространенным видом фетишизма, наряду с фетишизмом полноты и груди, является трихофилия, или фетишизм волос, который предполагает фетишистское предпочтение определенного цвета волос (например, рыжего), различных причесок или физического контакта с волосами, растущими на голове или в области лобка (Love, 1994). Существует и такой фетиш, как ноги, а также обувь, кожанные изделия, нижнее белье, боди-арт или пирсинг, одежда и письменные столы (на удивление распространенный фетиш!). Суть заключается в том, что, учитывая широкий диапазон фетишей, доставляющих людям удовольствие, маловероятно, что можно найти единое объяснение для всех этих моделей поведения и предпочтений. Тем не менее, как мы уже говорили ранее, отчасти появление фетишей можно объяснить какой-либо формой обусловленного научения. Например, Фрейд описывал сексуальные фетиши как результат полученной в детстве травмы, связанной со страхом кастрации. Согласно Фрейду, мальчик, которому очень любопытно увидеть пенис своей матери, отводит глаза, когда обнару-

живает, что у матери его нет. Неодушевленный объект, на котором он фокусируется в этом момент, становится фетишем. В рамках этой теории сексуальные фетиши могут иметь мужчины, но не женщины, что превращает ее в ложную теорию (особенно если учесть, что фетиши могут быть как у мужчин, так и у женщин).

Теория Фрейда основывалась на неподтвержденных, а не эмпирических данных, однако некоторые современные теории фетишей по-прежнему подчеркивают связь между оргазмами человека и условно-рефлекторным научением. В подобных теориях сексуальный стимул и фетишистский объект присутствуют одновременно, что приводит к их объединению в процессе формирования условных рефлексов (на самом деле психолог Альфред Бине, который ввел термин «фетишизм», высказывал похожее предположение еще в конце XIX в., хотя он же сам рассуждал о его патологичности). Некоторые ученые предлагают теории, согласно которым фетиши могут быть результатом обобщения: например, сначала возбуждение человека вызывает только маленькая нога, но со временем стимулы, которые ассоциируются с такой ногой или подчеркивают ее (например, туфли с высокими каблуками), могут начать вызывать такой же результат.

Недостаток этих теорий заключается в том, что формирование классических условных рефлексов по Павлову требует многочисленных повторений, а в данном случае для получения прогнозируемого результата достаточно всего лишь одного. Некоторые бихевиористы утверждают, что фетишизм является результатом импринтинга, который происходит в определенный период детства, когда в мозге ребенка запечатлеваются сексуальные ассоциации. Согласно еще одной теории, основанной на принципах поведенческого импринтинга, молодые люди часто мастурбируют, и по мере того как у них это становится привычным, предметы, часто находящиеся рядом в момент мастурбации, могут стать объектами возбуждения в будущем. Во время мастурбации и оргазма мозг записывает все входящие сенсорные сигналы, включая зрительные образы, запахи, звуки и даже вкусы, в результате чего может возникнуть нейронная связь между всей этой информацией и удовольствием, получаемым от этого действия. Если мастурбации происходят в одинаковых условиях, мозг может научиться связывать любой объект, одежду или даже окружающую обстановку с приближающимся удовольствием и последующим оргазмом.

Некоторые авторы расширили эту идею, предположив, что простое подкрепление может объяснять не только природу фетишей, но и причины нашего влечения к определенным людям. Например, Лотт и Лотт (Lott and Lott, 1972b, 1974) считают, что нам нравятся люди, которые присутствуют рядом с нами, когда мы получаем награду, даже если их присутствие простая случайность. Гриффите и Гуэй (Griffiths and Guay, 1969) проверили эту идею, проведя эксперимент, в ходе которого при награждении или наказании участников присутствовал в качестве наблюдателя посторонний человек. Они выяснили, что наблюдатель, который не принимал реального участия в процессе, нравился участникам, получавшим награды, больше, чем тем, кто подвергался наказанию. Одним словом, подобные исследования подчеркивают важную роль, которую условно-рефлекторное обусловливание может играть в процессе возникновения влечения.

Таблица 8.1. Избранный список известных фетишей

Фетиш	Описание
Фетишизм груди	Ярко выраженный интерес к женской груди, ее форме, движениям и размеру
Подофилия, или фетишизм ног	Ярко выраженный интерес к ногам; возможно, один из наиболее распространенных мужских фетишей
Трихофилия, или фетишизм волос	Сексуальное возбуждение от человеческих волос, например определенной прически или цвета. Возбуждение может возникать при образном представлении или контакте с волосами, включая волосы на голове и лобке
Фетишизм пупка	Фетиш, при котором человек испытывает сильное влечение к человеческому пупку; часто связан с фетишизмом живота (альвинолагния)
Фетишизм полноты	Сексуальное удовольствие, получаемое от того, что сам человек или партнер имеет избыточный вес или страдает ожирением
Назофилия, или фетишизм носа	Сексуальное возбуждение от созерцания, касания, а иногда эротического сосания носа человека
Фетишизм мускулатуры	Крайняя симпатия к мускулам и/или силе
Абасиофилия	Влечение к людям-инвалидам, которые используют ортопедические изделия, такие как протезы ног или инвалидные коляски
Ретифизм, или фетишизм обуви	Сексуальная фиксация на туфлях или другой обуви
Дорафилия, или фетишизм меха	Влечение к людям, носящим меха, или в конкретных случаях к самим меховым изделиям
Фетишизм латекса или ПВХ	Иногда известен как фетишизм резины; влечение к людям, носящим одежду из латекса, или в конкретных случаях к самой одежде
Фетишизм скубы	Сексуальное возбуждение от подводного плавания со скубой, ныряния с маской и трубкой или ношения оборудования для подводного плавания. Этот фетиш попадает в более широкую категорию аквафилии, представляющей собой возбуждение от воды в любом виде
Фетишизм очков	Влечение к людям, носящим медицинские или солнцезащитные очки, или в конкретных случаях ношение очков или сами очки
Фетишизм перчаток	Фетиш, связанный с тем, что человек одержим или фиксирован на том, что кто-то или он сам носит перчатки; иногда усиливается в зависимости от материала, из которого сделаны перчатки
Фетишизм курения	Фетиш, связанный с процессом курения табака, включая сигареты, сигары, трубки и даже пепельницы
Фетишизм воздушных шаров	Фиксация внимания на воздушных шарах, которые вызывают сексуальное возбуждение или стимуляцию
Некрофилия	Сексуальное влечение к трупам
Садизм и мазохизм	Сексуальное удовольствие или наслаждение, получаемое от причинения боли другому человеку или страданий, причиняемых партнером

Вывод

Данные исследований, которые мы рассмотрели в этой главе, позволяют сделать однозначный вывод о том, что идеи и конструкты, предлагаемые обществом, оказывают значительное влияние на влечение. Давайте внесем ясность: мы не защищаем точку зрения, согласно которой мозг представляет собой tabula rusa {*лат.* чистая доска), которая просто «впитывает» опыт, существующий в социальном окружении (на самом деле мы не знаем ни одного социального психолога, который поддерживал бы эту точку зрения). Более того, в этой главе мы ставили перед собой цель компенсировать то, что, по нашему мнению, упущено в научной литературе, посвященной вопросам физической привлекательности.

Некоторые эволюционные психологи говорят о том, что прекрасно осознают, какое влияние оказывает на идеалы привлекательности социальный контекст. Однако в большинстве случаев подобные теоретизирования носят поверхностный характер и (как нам кажется) не учитывают всего многообразия и сложности социальных процессов. Представители эволюционной психологии по-прежнему склонны рассматривать социальные влияния всего лишь как «механизмы», приводящие в движение генетический материал. Мы же абсолютно уверены в том, что более ясное понимание «культуры» не требует, чтобы эволюционные психологи отказались от других своих утверждений. Им просто необходимо проявлять большую осторожность в своих оценках, и именно это мы обсудим в следующей главе.

ГЛАВА 9

Давайте познакомимся

Красавица — это женщина, на которую вы обращаете внимание; очаровательная женщина — это та, которая обращает внимание на вас.

А. Стивенсон,
американский государственный деятель

Красивая женщина — это та, которая меня любит.

С. Уилсон, американский писатель

В предыдущей главе мы говорили о том, что социальные психологи сделали два важных вклада в науку о физической привлекательности, и второй из них представлен работами, в которых главное внимание уделяется процессу влечения. Социально-психологические исследования физического влечения открывают новые аспекты понимания процессов, происходящих при выборе партнера. По мнению социальных психологов, наши суждения о привлекательности человека в значительной степени являются следствием того, где и как мы знакомимся с потенциальными партнерами, и, соответственно, могут определяться целым рядом нефизических переменных, таких как демографические факторы и образ жизни (Spuhler, 1968). Это явно указывает на возможность существования огромного числа индивидуальных различий в наших оценках физической привлекательности других людей, о чем неустанно говорят социальные психологи. В этой главе мы рассмотрим некоторые из этих теорий, описанных в научной литературе.

Близость

Одним из наиболее важных факторов, способствующих аттракции, является близость одного человека другому (Sprecher, 1998). Одно из наиболее известных исследований влияния переменной близости было проведено Фестингером и его коллегами (Festinger et al, 1950) еще в 1950 г. Они изучали влияние физической близости на формирование дружеских отношений и взаимодействия в жилом комплексе. Ученые выяснили, что люди находят друзей среди своих соседей с большей вероятностью, чем среди других людей, проживающих с ними на одном этаже. Также люди скорее начинали дружить с теми, кто жил с ними на одном этаже,

чем с соседями с других этажей или с теми, кто жил в других домах. На процесс знакомства влияли даже незначительные архитектурные особенности зданий, такие как расположение лестницы.

В других исследованиях похожие результаты были получены в гораздо большем масштабе (см. обзор в Katz and Hill, 1958). Броссард (Brossard, 1932) использовал адреса, указанные на 5000 свидетельств о браке, выданных в Северной Америке, чтобы показать, что одна шестая супружеских пар жила на расстоянии одного квартала друг от друга, одна треть — на расстоянии пяти кварталов, а больше половины супругов разделяли 20 кварталов. Результаты другого исследования указывают на то, что на момент своего первого свидания супруги жили на расстоянии одной мили друг от друга (Clarke, 1952). Наконец, Спухлер (Spuhler, 1968) сообщает о высокой вероятности того, что люди женятся или выходят замуж за человека, который родился в радиусе 177 км от их собственного места рождения.

Близость проживания может являться важным фактором влечения по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, она определяет более высокий уровень воздействия и осведомленности, что, в свою очередь, усиливает симпатию. Зайонц (Zajonz, 1968) называет это «эффектом простого воздействия»: по его мнению, повторное предъявление стимула, как правило, повышает расположение к нему. Этот феномен может значительно усилиться, когда дело касается незнакомых людей: Йоргенсен и Сервон (Jorgensen and Cervone, 1978) выяснили, что лица незнакомцев нравились больше, когда их чаще видели. А Морленд и Бич (Moreland and Beach, 1992) сообщают о том, что студенты оценивали как наиболее приятных тех преподавателей, которых видели чаще всего. Однако важно то, что результаты многократного воздействия существуют не бесконечно: Борнстейн (Bornstein, 1989) указывает на то, что повышение симпатии к людям, изображенным на фотографиях, прекращалось примерно после десяти показов.

Во-вторых, близость может способствовать симпатии благодаря «различным ассоциациям»: нам свойственно жить рядом не только с нашими потенциальными партнерами, но и с людьми, которые похожи на нас самих (Urdy, 1971). Например, районы нередко бывают разделены социально-экономическими, расовыми, религиозными или образовательными границами. Таким образом, учитывая тот факт, что мы ищем партнеров, которые обладают похожими интересами и происхождением, мы скорее всего будем считать привлекательными тех людей, которые живут рядом с нами. Дейви и Ривз, которые провели исследование в американском городе Нью-Хейвен, констатируют (Davie and Reeves, 1939: 517):

> Почти три четверти (73,6%) жителей города, состоящих в браке, выбрали себе партнеров, проживающих в районе такого же типа, как их собственный. Практически нет смешанных браков (3,9%), в которых супруги проживали в районах, имеющих большие различия в социальных, экономических и культурных особенностях.

Безусловно, данные этих исследований влияния близости в чем-то устарели: в наше время люди, ищущие партнера, имеют в своем распоряжении средства, позволяющие им выйти далеко за пределы своего района и, соответственно, встретиться с разнотипными потенциальными партнерами. При таком сцена-

рии близость может уже не играть той роли, которую она выполняла в прошлом (Urdy, 1971).

Взаимность

Другим важным фактором межличностных взаимодействий является взаимность: нам, как правило, нравятся те люди, которым нравимся мы, и не нравятся те, которые нас не любят (Sprecher, 1998). Если посмотреть еще глубже, то мы находим привлекательными тех людей, которые обращают на нас внимание, — и этот факт признавали многие художники и поэты, включая Хартли Кольриджа (Hartley Coleridge, 1875: 175):

Она красой не затмевает дев,
Бывают и стройнее и прекрасней.
Но улыбнулась, сердце мне согрев,
Улыбкой ослепительной и ясной.
Меня пронзили светлые глаза —
Любви колодец и источник света.[1]

В классическом исследовании этого эффекта Диттс и Келли (Dittes and Kelley, 1956) формировали дискуссионные группы, членов которых заставляли поверить в то, что они нравятся или не нравятся членам другой группы. Полученные ими результаты показали, что члены группы, которые считали, что нравятся, больше интересовались членами другой группы, чем те, кто считал, что не нравятся другим. Однако результаты взаимности не могут быть одинаковым для всех: положительная межличностная обратная связь может быть более важна для тех людей, которые испытывают более высокую потребность в межличностной безопасности (Sperling and Borgaro, 1995). Так, Диттс (Dittes, 1959) выяснил, что люди с низкой самооценкой показывают более сильные положительные и отрицательные реакции на обратную связь; и наоборот, на людей с высокой самооценкой приятие или неприятие не оказывают влияния.

Взаимность может оказывать влияние на любые социальные взаимодействия также в сочетании с ситуационными факторами. Например, то, насколько положительно мы принимаем похвалу от другого человека, может зависеть от наших отношений с этим человеком и тех мотивов, которыми он руководствуется. А именно, мы скорее оценим похвалу из уст человека, который известен нам своей честностью, чем от того, у которого явно есть скрытые мотивы. Мы также ценим похвалу друзей в меньшей степени, чем похвалу незнакомого человека, возможно, из-за того, что привыкаем слышать добрые слова от друзей (Hogg and Vaughan, 2005). Не менее важное значение имеют условия, в которых мы выслушиваем похвалу: Аронсон и Линдер (Aronson and binder, 1965) выяснили, что нам обычно больше всего нравятся те люди, которые первоначально нас не любили, а затем прониклись к нам симпатией, а больше всего нам не нравятся те, кто сначала нас любил, а затем стал относиться к нам холодно.

[1] Перевод И. А. Грина.

Сходство

Если близость и взаимность важны на начальных этапах межличностного влечения, то по мере развития отношений значение приобретает сходство установок и ценностей (Newcomb, 1961). Ранее, в главе 7, мы говорили о том, что решения, связанные с выбором партнера, могут быть ассортативными; это означает, что, как правило, нас привлекают люди, которые похожи на нас с точки зрения физической привлекательности. Социальные психологи подчеркивают, что сходство ценностей может быть одной из наиболее важных переменных, влияющих на межличностное влечение (Sprecher, 1998). В ходе проведенного ими исследования Клор и Бирн (Clore and Byrne, 1974) выяснили, что влияние сходства на влечение носит очень сильный и устойчивый характер, что позволило им сформулировать «закон влечения» — влечение к человеку имеет прямо пропорциональную связь с количеством общих с ним установок (Byrne, 1971). И наоборот, различия в установках могут привести к неприязни и избеганию (Singh and Ho, 2000; Tan and Singh, 1995), особенно если эти различия доставляют нам неудобство.

В одном из ранних исследований Ньюкомб (Newcomb, 1961) предложил студентам бесплатное проживание в общежитии в обмен на заполнение анкет о своих установках и ценностях. Полученные им результаты показали, что если в течение первой недели после переезда влечение определялось близостью, то в дальнейшем лучшим фактором поддержания влечения было сходство установок. Значимость сходства также подтверждается кросс-культурным исследованием, проведенным Бруер (Brewer, 1968): изучив около 30 племенных групп в Восточной Африке, она выявила, что воспринимаемое сходство установок было первостепенным фактором, позволяющим предсказать межплеменную неприязнь (в число других факторов входили физическое расстояние между племенами, а также их образовательное и экономическое развитие). Близкие отношения между племенами, как правило, возникали в том случае, когда у групп были одинаковые установки и убеждения.

Результаты других исследований показывают, что влечение сильнее между людьми, которые похожи или подходят друг другу с точки зрения социального происхождения и личностных качеств (Sprecher, 1998; Stevens et al., 1990), общительности (Joiner, 1994), а также деятельности в свободное от работы время или хобби (Sprecher, 1998). Как показало лонгитюдное исследование супружеских пар (Gruber-Baldini et al, 1995), важную роль также может играть сходство возраста, образования, вероисповедания и политической ориентации. Результаты этого исследования показывают, что со временем сходство супругов по таким критериям оценки, как ментальные способности и установки, растет, и это позволяет предположить, что по мере развития отношений люди «перенимают» характерные особенности своих партнеров.

Во многих социологических работах обсуждается религиозная и этническая «эндогамия» (т. е. групповое предпочтение, выражающееся в том, что члены группы выбирают партнеров внутри этой группы). Так, Гордон (Gordon, 1964) пишет о том, что многие крупные мировые религии подчеркивают уникальные, если не исключительные, качества своих верований. Люди, принадлежащие к одной религии, разделяют убеждение в ее уникальности, и это предопределяет влечение

к другим сторонникам этой религии. В применении к расовым или этническим группам эта идея известна как этноцентризм (Boas, 1928). По мнению некоторых людей, расово-смешанные браки могут привести к уничтожению уникальных или отличных расовых групп и, следовательно, к потере идентичности и безопасности.

Значимость сходства для влечения подтверждают исследования межэтнических и кросс-культурных отношений. Например, Лиу с коллегами (Liu et al., 1995) выяснили, что участники из четырех этнических групп, проживающих в Соединенных Штатах, предпочитают назначать свидания людям, принадлежащим к их собственной этнической группе. Одобрение социального окружения было наиболее сильным фактором прогнозирования предпочтений в отношении партнера. Это означает, что мы с большей готовностью назначаем свидания тем людям, кого наши сверстники и семья считают «приемлемыми», особенно с точки зрения этнической принадлежности. Уоррен (Warren, 1970) также сообщает о том, что семь из десяти мужчин, сменивших свою религиозную принадлежность после вступления в брак, перешли в веру жены. На восприятие других этнических групп также оказывают глубокое влияние общественные правила и законы: например, в Соединенных Штатах законы против метисации — запрещающие союзы между людьми из разных этнических групп — существовали вплоть до конца 1960-х гг.

Глубже уровня кожи?

Старый афоризм, который все еще пользуется популярностью, гласит, что красота «существует не только на уровне кожи», и отражает точку зрения о том, что на физическую привлекательность могут влиять нефизические факторы, такие как личностные качества, чувства и мысли. Эта точка зрения находит широкое отражение в искусстве и литературе. Эдмунд Спенсер (Spenser, 1715/1936) однажды так восславил достоинства здравого ума:

Усталые торговцы, что за страсть
Из-за наживы — своего кумира,
Сокровища обеих Индий красть,
Напрасно вдаль плывя под шум Зефира?
В моей любимой все богатства мира,
Что каждый в отдалении искал:
Её глаза — блистание сапфира,
Рубин бесценный — губ её овал.
Вот зубы — жемчуг, просто идеал,
Слоновой кости лоб, где брови-луки,
Отливы прядей — золота накал,
И серебро — прекраснейшие руки.
Но всё же в ней дороже красоты
Безгрешный ум и чистые мечты.[1]

[1] Перевод А. Лукьянова.

В связи с этим не стоит удивляться тому, что некоторые социальные психологи предлагают рассматривать физическую привлекательность как многоаспектный признак и расширить ее определение, включив в него переменные динамической привлекательности (Riggio et al., 1991). В число динамических компонентов физической привлекательности можно включить речевые навыки человека, особенности его характера, чувство юмора, восприимчивость и отзывчивость по отношению к другим людям (или просоциальное поведение), а также способность участвовать во взаимном самораскрытии (Jensen-Campbell et al, 1995; Lundyetal., 1998; Miller etal, 1983; Purvis et al., 1984; Townsend and Levy, 1990).

Традиционно экспериментальные психологи не исследуют нефизические параметры в связи со сложностью их оценки. Например, динамическая привлекательность обычно предполагает количественные и качественные характеристики движения как в форме общего экспрессивного поведения, так и в виде моделей поведения, связанных с социальной коммуникацией. Вследствие этого динамическую привлекательность сложнее выделить и оценить, чем статичную привлекательность, которую можно менять с помощью стимулов в виде фотографий и рисунков. Более того, практически невозможно дать оценку динамической привлекательности, не знакомя оценивающих ее людей со статичными качествами привлекательности. Эту проблему попытался решить в одном из своих исследований Фрейбл (Frable, 1987), воспользовавшись для оценки экспрессивного движения «демонстрациями с точечными источниками света», в ходе которых источники света прикрепляются к суставам человека, двигающегося в темной комнате. Однако эта процедура исключает не только практически все признаки статичной привлекательности, но и ряд признаков динамической привлекательности (например, речь, тон голоса).

Еще один способ оценки динамической привлекательности предполагает оценку некоторых параметров индивидуально-типологических различий, которые связаны с изменением экспрессии. Исследования показывают, что определенные характеристики личности, главным образом экстраверсия и желание быть замеченным, имеют положительную связь с повышенной эмоциональностью в поведении и оценками привлекательности при первоначальном знакомстве (Friedman et al., 1988; Riggio et al., 1981; Riggio and Friedman, 1986). Например, Паунонен (Paunonen, 2006) пишет о том, что у объекта исследования, которого представляли как честного человека, по оценкам участников, лицо более доброе, женственное и привлекательное. Таким образом, честный значит красивый.

В ходе недавнего исследования нефизической привлекательности участникам показывали рисунки, которые имели различия в отношении «талия—бедра» и весе тела, а также представляли два уровня личностных качеств (Swami et al, 2007). Участникам описывали вымышленные типы личности (экстраверсия и интроверсия) у придуманного женского персонажа по имени Рози. Результаты исследования показали, что при условии независимого влияния каждой из трех переменных (было отмечено предпочтение низких ОТБ и веса тела, а также экстраверсии) все они взаимодействовали между собой при определении общей физической привлекательности Рози.

Еще одной важной нефизической особенностью, способной влиять на внешнюю привлекательность, является репутация. Во многих обществах репутация

может открывать доступ к ресурсам (Gurven et al, 2000a), соответствующим партнерам (Brown and Moore, 2002; Gurven et al, 2000b) и даже предоставлять полезную информацию о здоровье (Henderson and Anglin, 2003) и неразборчивости в связях (Hess and Hagen, 2002). Более того, репутация человека может влиять на его физическую привлекательность: при исследовании женщин племени чимане в Боливии Рукас с коллегами (Rucas et al, 2006) обнаружили, что положительная или отрицательная информация о членах группы позволяет прогнозировать оценки привлекательности, даваемые членам этой группы. В частности, наибольшее влияние на эти оценки оказывала информация о материнстве, добросовестности, способностях к ведению хозяйства, социальных навыках и достатке.

Другие исследования показали, что умение участников спонтанно выражать эмоции в несловесной форме связано с благоприятными оценками наблюдателями в ходе первоначальных встреч (Friedman et al, 1988; Sabtelli and Rubin, 1986). Другие исследования также выявили связь между обладанием социальными и эмоциональными навыками ролевого поведения и благосклонностью оценок произведенного человеком впечатления (Riggio et al, 1986; Riggio and Friedman, 1986; Riggio and Throckmorton, 1988). Более того, влияние нефизических параметров на физическую привлекательность сохраняет свою силу даже по прошествии большого количества времени (Kniffin and Wilson, 2004). По данным одного из последних исследований, женщины испытывают влияние нефизических факторов в большей степени, чем мужчины, однако в рамках каждого пола существуют значительные индивидуальные различия. Таким образом, можно предположить, что при формировании общего суждения о привлекательности человека происходит объединение таких переменных, как личностные качества, эмоциональность, социальные навыки, и статичных качеств физической привлекательности.

Риггио и его коллеги (Riggio et al, 1991) предлагают гипотетическую модель различных компонентов физической привлекательности, которые могут привести к разным результатам (отношениям, дружбе и т. д.). Эта модель состоит из различных компонентов, определяющих общую привлекательность, включая «динамический выразительный стиль», привлекательность лица и тела, умение одеваться, использование косметики, прическу и т. д. (Cash et al, 1985). Конструкт «динамического выразительного стиля» представляет собой набор переменных индивидуально-типологических особенностей, в число которых входят навыки эмоциональной экспрессии, коммуникативные способности и навыки самопрезентации. В рамках данной модели каждый из компонентов представлен как вносящий уникальный вклад в общее восприятие привлекательности (рис. 9.1).

Одежда как способ произвести впечатление

В этой книге мы еще ни разу не говорили об одном из важных факторов, представленных на рис. 9.1, а именно о влиянии, которое оказывают на оценку привлекательности человека его «украшения» (в небиологическом смысле слова). Какой бы ни была наша внешность, существует масса способов повысить свою физическую привлекательность. Практически в каждой существующей сегодня культуре люди стремятся найти искусственные способы совершенствования своей физической

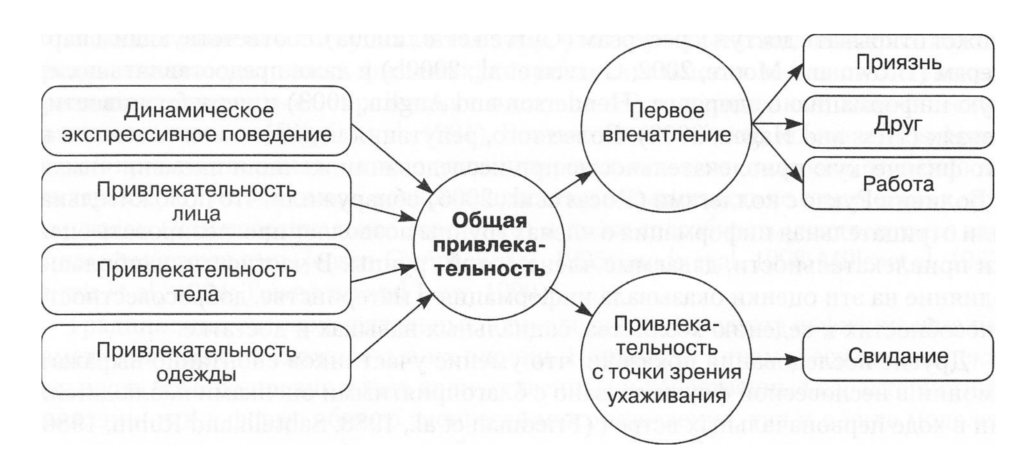

Рис. 9.1. Гипотетическая модель отношений между различными компонентами привлекательности (адаптировано из Riggio et al., 1991)

красоты — от умения человека одеваться до использования духов, от применения косметики до ношения драгоценностей. Татуировки, например, появились более 5 тысяч лет назад (Caplan, 2000; Dorfer and Moser, 1998) и использовались в культурах практически всех регионов мира (Rubin, 1988).

В известном смысле сила украшений очевидна: никто, за очень редким исключением, не «ходит в чем попало»; более того, большинство людей «одевается, чтобы произвести впечатление», особенно при попытке соблазнить возможного партнера. Однако, учитывая огромный спектр способов, с помощью которых человек может себя украсить, имеет смысл подумать об украшениях — косметике, модных вещах, прическах и цвете волос, изменениях тела, запахах — как о средствах, предназначенных не только для привлечения партнера, но и для выражения собственного «Я» (Wohlrab et al., 2007). Например, одеваясь определенным образом, человек может продемонстрировать солидарность с определенной группой людей: так, Питтс (Pitts, 2003) пишет о том, как в 1980-х гг. панки и участники движения гомосексуалистов использовали татуировки и пирсинг как средство выражения протеста против буржуазных норм общества (рис. 9.2). То, как человек предпочитает выглядеть, может отражать особенности его индивидуальности, социальное положение и даже его восприятие самого себя. На Западе одежда человека служит главным средством выделения из толпы или заигрывания с ней.

Однако в разных обществах, и даже внутри одного сообщества, модные направления могут иметь значительные различия. Мода может меняться в зависимости от возраста, социального положения, рода занятий, даже географии и времени (рис. 9.3). В этом смысле следовать моде нужно с большой осторожностью, чтобы быть понятым правильно: представьте, к примеру, пожилого человека, который носит одежду, соответствующую моде более молодых возрастных групп, — его могут неправильно понять и в конце концов посчитают, что он выглядит нелепо. Опять же, если одни люди находят искусство украшения тела (пирсинг, татуировки и т. д.) эстетически приятным и модным (Atkinson and Young, 2001; Millner and Eichold, 2001; Stirn, 2004), то у других может быть совсем другое мнение.

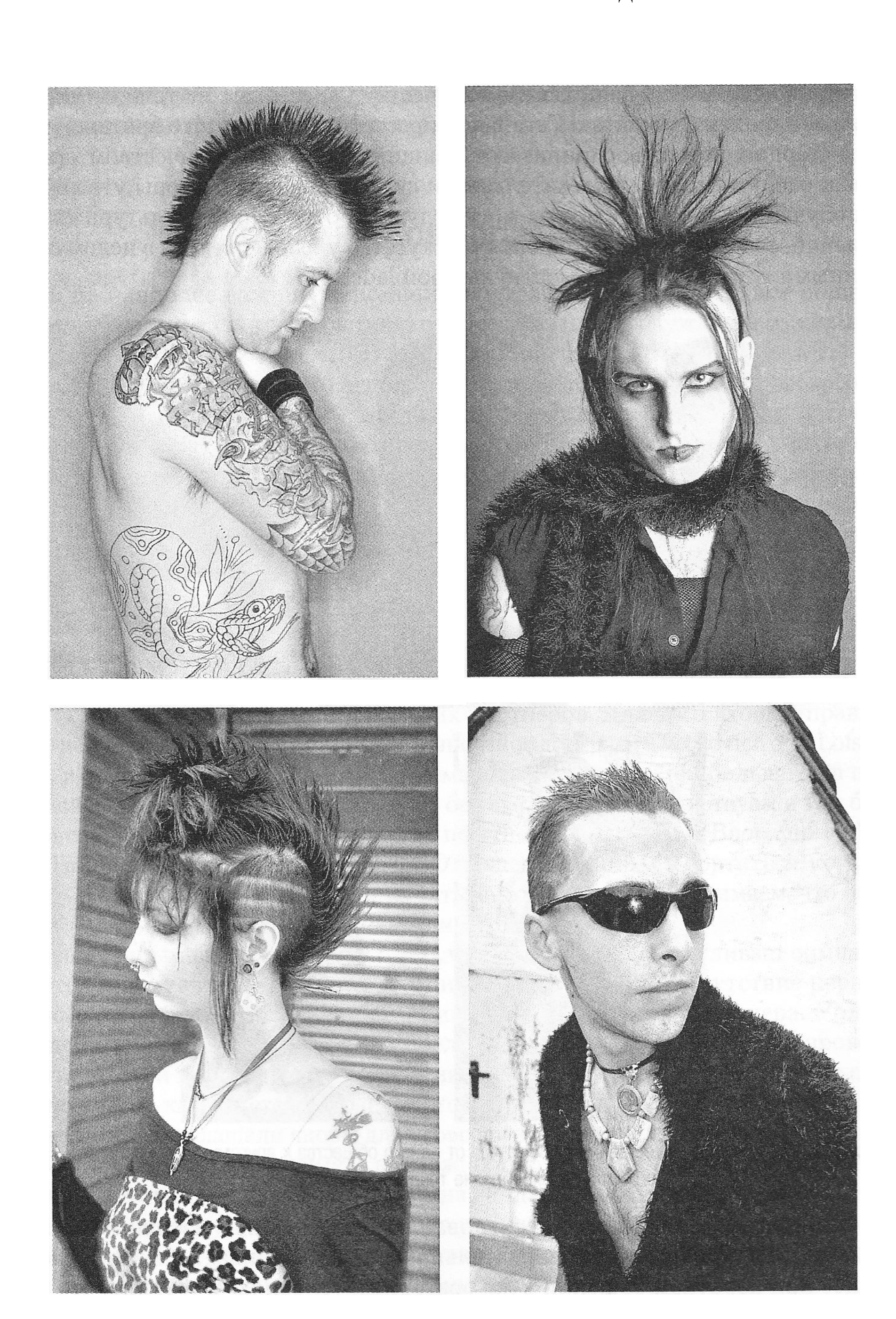

Рис. 9.2. Одеваясь определенным образом, человек может выражать солидарность с другими людьми, разделяющими его интересы

При проведении исследования с использованием рисунков с изображением женских фигур, различавшихся по количеству нанесенных на тело татуировок, Суэми и Фернхем (Swami and Furnham, в прессе b) выяснили, что британские студенты старших курсов воспринимают женщин с большим количеством татуировок как распутных, непривлекательных и сильно пьющих. Авторы утверждают, что полученные ими результаты могут служить отражением культурных представлений, связывающих татуировки и искусство украшения тела в целом с определенными группами (например, культурой ladette).

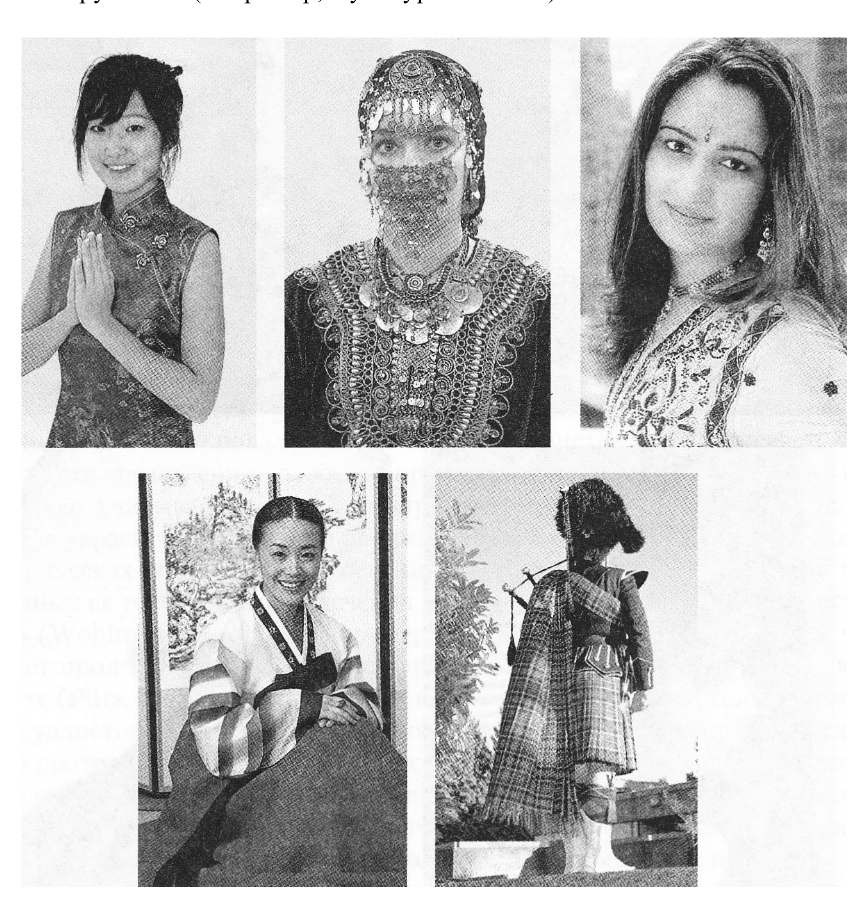

Рис. 9.3. Мода может существенно различаться от одного общества к другому, о чем свидетельствует огромное разнообразие традиционных костюмов

Тем не менее большинство исследований, посвященных изучению влияния нефизических признаков привлекательности, рассматривает влечение, возникающее при коротком общении в лабораторных условиях. Очевидно, что когда взаимодействие выходит за рамки первоначальных «скоропалительных суждений», выносимых о людях при первой встрече (Schneider et al., 1979), влияние статичных физических характеристик может снизиться. В процессе новых или продолжающихся отношений более важную роль начинают играть другие

переменные — динамические компоненты физической привлекательности. Таким образом, нефизические характеристики являются важными факторами, определяющими формирование симпатии и последующих отношений (Byrne, 1971).

Взаимное самораскрытие

Одной из наиболее важных переменных, влияющих на социальное общение, является взаимное самораскрытие, которое связано с обсуждением интимных вопросов (Altman and Taylor, 1973; Vittengl and Holt, 2000). Результаты ряда исследований показывают, что людям свойственно не только больше раскрываться перед теми, кто им нравится, но также испытывать симпатию к людям, которые больше говорят с ними о своих чувствах (Collins and Miller, 1994). Возможно, это происходит по той причине, что раскрытие личной информации и восприимчивость к откровениям партнера играют важную роль в развитии отношений (Laurenceau et al, 19998) и, следовательно, способствуют укреплению связи между людьми (Collins and Miller, 1994).

Еще одна причина значимости самораскрытия в отношениях заключается в том, что обсуждение личных вопросов требует доверия, а именно доверие укрепляет отношения. Любые отношения связаны с риском, и не в самую последнюю очередь из-за того, что мы рискуем оказаться на эмоциональных «американских горках» или стать уязвимыми для своих партнеров. Для того чтобы управлять этим риском, мы должны создать межличностное доверие (Cvetkovich and Lofstedt, 1999), и самораскрытие играет в этом немаловажную роль. Чем больше наш партнер раскрывается перед нами, тем более безопасно мы себя чувствуем и тем больше доверия, в свою очередь, проявляем по отношению к нему (Boon and Holmes, 1999; Holmes, 2002; Rempel et al, 2001). Отношения начинают портиться, когда мы чувствуем, что больше не можем доверять партнеру, и когда понимаем, что он перестал делиться с нами своими сокровенными мыслями.

Расширенным вариантом идеи о том, что самораскрытие усиливает симпатию, является представление, что «набивание себе цены» (т. е. отсутствие первоначального самораскрытия) поможет привлечь желательного партнера. Уолстер с коллегами (Walster et al, 1973) провели ряд экспериментов с целью проверки этой гипотезы и пришли к выводу, что набивание себе цены может быть не столь продуктивным, как кажется. В ходе одного исследования людей с университетским образованием приглашали якобы для усовершенствования компьютерной системы знакомств. Для того чтобы иметь возможность оценки их первых впечатлений о девушке, которая могла прийти к ним на свидание, их просили позвонить ей из офиса. На звонки тех, кто был помещен в условие «легкой доступности», девушка (подставное лицо) отвечала с удовольствием и соглашалась прийти на свидание, а в условии «трудной доступности» помощница отвечала с неохотой и пыталась создать впечатление, что у нее много других свиданий. В разных условиях оценки участников исследования, которые они давали девушке, были очень похожи, что свидетельствует о необоснованности гипотезы о продуктивности набивания себе цены.

На основании полученных данных Уолстер с коллегами (Walster et al, 1973) сделали предположение о том, что максимальным вознаграждением для нас является партнерша, которая доступна нам, но недоступна другим. Для проверки своей гипотезы они использовали ту же самую компьютерную систему знакомств: участникам говорили, что компьютер подобрал для них пять возможных кандидатур для знакомства, и давали им возможность прочитать краткие биографии этих женщин до того, как они сделают свой выбор. К биографиям прилагалась оценка, которую якобы давали эти женщины тем партнерам, которых выбрал для них компьютер (составленная на самом деле самими экспериментаторами). В одном случае эти оценки создавали впечатление доступности женщины, так как она давала высокую оценку всем кандидатам; в другом женщина казалась труднодоступной, потому что плохо оценивала всех кандидатов; а в третьем случае она производила впечатление избирательно доступной, так как давала высокую оценку только участнику исследования. Результаты показали, что женщины во всех условиях привлекали мужчин в равной степени, за исключением женщины с избирательной доступностью, которая пользовалась наибольшим успехом у всех участников исследования.

Невербальная коммуникация

Общение между людьми во время разговора не ограничивается одними только словами; социальные взаимодействия включают в себя множество невербальных сигналов, которые могут усилить или ослабить симпатию к собеседнику (Bugental et al., 1971; Patterson, 1983). В рамках социальной психологии невербальная коммуникация является, возможно, наиболее хорошо изученной областью исследований (Argyle, 1988; Burgeon et al., 1989; DePaulo and Friedman, 1998; Rime, 1983), хотя в действительности проведению многих из этих исследований мешает сложность приведения невербальной коммуникации к нескольким выражениям, поддающимся систематическому изучению. Люди могут демонстрировать не одну тысячу мимических выражений (Birdwhistell, 1970) и используют около тысячи параязыков (Hewes, 1957), не говоря уже о жестах, языке тела, движениях рук, зрительном контакте и прикосновениях (Pel, 1965). И все они оказывают влияние на наше влечение к другому человеку (и, естественно, на его влечение к нам).

Большинство людей, как правило, не осознают, что используют невербальные средства общения и испытывают на себе влияние таких средств, используемых другими людьми. Данные исследований, приводимые в работах по влиянию тендерных ролей, последовательно указывают на то, что женщины замечают и используют невербальные коммуникации лучше, чем мужчины (Brown, 1986; Eagly, 1987; Hall, 1984). С другой стороны, мужчины лучше распознают «скрытые сообщения», такие как вводящие в заблуждение коммуникации, и чаще используют невербальные сообщения, противоречащие вербальному сообщению (например, саркастическое высказывание, сопровождающееся улыбкой; Noller, 1984). Игли (Eagly, 1987) объясняет эти различия, связывая их со стратегиями воспитания детей, в рамках которых девочек побуждают быть более эмоционально выразительными, внимательными и общительными, чем мальчики.

Возможно, наиболее важными и информационно насыщенными из всех невербальных средств общения являются взгляд и зрительный контакт, который обычно называют взаимным взглядом (Argyle and Ingham, 1972; Kleinke, 1986). Распространенная фраза «глаза все скажут» резюмирует значение этой формы невербальной коммуникации.

Многие авторы отмечают, что длительность и частота фиксации глаз человека могут многое сообщить о том, какие эмоции он испытывает в данный момент (Kleinke, 1986), его относительном статусе (Dovidio and Ellyson, 1985; Dovidio et al, 1988), надежности, честности и компетентности (Kleinke, 1986) и, естественно, привлекательности (Kleinke et al, 1973). В целом людям свойственно дольше смотреть на тех, кто им нравится, и более долгий взгляд сообщает о потребности в общении. Этот эффект настолько сильный, что даже ложная информация о взгляде может повлиять на наше расположение к человеку: в одном исследовании парам, которые общались в течение десяти минут, сообщали ложную информацию о взглядах (Kleinke et al, 1973). Участники, которым говорили, что на них смотрели меньше среднестатистического времени, проявляли меньший интерес к своим партнерам; длительность взгляда, превышающая среднестатистическую, напротив, повышала влечение мужчин, но не женщин, к партнерам.

Взгляд может помогать в становлении общения, а именно в том, что касается начала разговора, регулирования его направления, окончания беседы или избегания вступления в нее (Argyle, 1971; Argyle and Ingham, 1972; Cary, 1978). Однако в этих особенностях разговора могут быть кросс-культурные или кросс-этнические различия. Например, взрослые люди, принадлежащие к европеоидной расе, обычно больше смотрят в глаза собеседника, когда слушают, а не когда говорят (Argyle and Ingham, 1972), в то время как афроамериканцы больше смотрят, когда говорят, а не когда слушают (LeFrance and Mayo, 1976). Очевидно, что такие моменты, так же как отсутствие зрительного контакта во время разговора, могут осложнить межнациональное общение (Hogg and Vaughan, 2005).

Еще одной важной формой невербальной коммуникации, способной усилить или ослабить наши симпатии, является прикосновение. В данном случае речь идет о множестве различных типов прикосновений к самым разным частям тела, совершаемых разными людьми и в разных условиях (Jones and Yarbrough, 1985). Если говорить о положительном влиянии, то ряд исследований свидетельствует о том, что даже самые мимолетные прикосновения могут усилить симпатию. В одном из своих исследований Круско и Ветцель (Crusco and Wetzel, 1984) выяснили, что как мужчины, так и женщины оставляют в ресторане более крупные чаевые, если официантка случайно прикоснулась к их руке. Женщины, сдающие книги в библиотеку, после мимолетного прикосновения библиотекаря к их руке демонстрируют большую симпатию к этому человеку и даже самой библиотеке, чем женщины, до которых никто не дотрагивался (Fisher et al, 1976). Уитчер и Фишер (Whitcher and Fisher, 1979) также сообщают о том, что в случае с женщинами прикосновение медицинской сестры перед операцией оказывает положительное влияние на послеоперационное выздоровление (меньше страха и беспокойства).

Однако этому эффекту присущи тендерные различия: на женщин прикосновения оказывают более положительное влияние, чем на мужчин (так, в исследова-

нии Уитчер и Фишера мужчины, до которых дотрагивались в предоперационных условиях, сообщали о том, что чувствовали большее беспокойство после операции). Хеслин (Heslin, 1978) пишет о том, что женщины не любят, когда их «берут за талию и похлопывают» незнакомые мужчины, однако мужчины получают удовольствие от прикосновений незнакомых женщин; мужчины также более склонны видеть в прикосновениях сексуальный подтекст (Heslin and Alper, 1983). Кроме того, прикосновение имеет кросс-культурные различия: люди в Северной Европе, Северной Америке, Австралии и Азии, как правило, не прикасаются друг к другу, в то время как люди, живущие в Латинской Америке, средиземноморском регионе и арабских странах, часто притрагиваются к другим людям (Argyle, 1975).

Прикосновение также имеет отношение к такому понятию, как личное пространство, или проксемика, которое может быть использовано для выражения близости и симпатии (Hayduk, 1983). Эдвард Холл (Hall, 1966) выделяет четыре зоны личного пространства (табл. 9.1). Вторая зона является переходной областью между близким контактом и формальным поведением, а также той формой общения, в которой симпатия проявляется больше всего. В исследовании Розенфельда (Rosenfeld, 1965) участников просили поговорить с помощником экспериментатора, который должен был выглядеть дружелюбно или недружелюбно. В условии «дружественности» участники ставили свои стулья в среднем на расстоянии 1,5 м от помощника, а участники в условии «недружественности» размещали свои стулья на расстоянии 2,25 м. В особенностях личного пространства также могут быть половые и культурные различия (Aiello and Jones, 1971).

Таблица 9.1. Четыре зоны пространства в социальных взаимодействиях (адаптировано из Hall, 1966)

Зона	Расстояние	Описание	Воспринимаемые сигналы
Интимная зона	До 0,5 м от человека	Близкое общение с человеком, которое может включать физический контакт	Взгляд, голос, запах, температура тела, частота дыхания
Личная зона	0,5-1,25 м	Переходная область между близким контактом и формальным поведением	Некоторые прикосновения, голос, запах
Социальная зона	1,25-4 м	Типичное расстояние для случайных взаимодействий с незнакомыми людьми	Словесный контакт
Публичная зона	4-8 м	Предназначена для лекций и публичных выступлений	Надежные сигналы отсутствуют

Основная мысль этого раздела заключается в том, что физическое влечение происходит не в вакууме; более того, люди прекрасно умеют соблазнять, завлекать и очаровывать возможных партнеров, а также влиять на их восприятия (DePaulo, 1992). С этой целью они используют не только множество способов невербального общения, таких как язык тела и взгляд, но и косметику, одежду и т. д. Мы способны обманывать других людей, заставляя их думать, что мы лучше, чем есть на самом деле, — речь идет о тактике, которая легла в основу не одной романтической комедии. А когда мы начинаем разговор с человеком, то для привлечения его внимания к себе можем воспользоваться множеством словесных уловок, будь

то избитая фраза «для разгона» или потчевание собеседника рассказами о наших «хороших сторонах». Помимо всего прочего, словами мы можем сообщать что-то не только с помощью того, что мы говорим, но и того, как это делаем. В последнем случае речь идет о таких факторах, как громкость речи, скорость, тон, паузы, ударения, акценты и т. д. (Кпарр, 1978), каждый из которых оказывает влияние на межличностное влечение.

Любовь слепа

Цель использования различных «инструментов», применяемых людьми для привлечения партнера, заключается в том, чтобы заставить этих потенциальных партнеров «потерять от нас голову» и, в случае удачи, вступить с нами в длительные отношения (Dion and Dion, 1996). Но что потом? Сохраняет ли физическая привлекательность свое значение после того, как мы «заарканили» своего идеального партнера, и можем ли мы успокоиться (т. е. больше не волноваться о своем внешнем виде), зная, что наш партнер никогда нас не покинет? И наоборот, по-прежнему ли мы находим наших партнеров привлекательными после того, как узнаем их лучше? К сожалению, проводится очень мало исследований для изучения этих вопросов, хотя в последнее время эта тема стала достаточно популярной.

На базовом уровне можно предположить, что люди, вступающие в отношения, не представляют собой tabula rasa; более того, они привносят в эти отношения различные идеалы или образы, которые могут влиять на их развитие как индивидуумов и развитие отношений. Состояние влюбленности связано с фантазиями и «положительными иллюзиями»: это означает, что когда мы кого-то любим, то храним в сознании «идеальный образ» своего партнера, который формируется в процессе развития отношений. Как правило, для этого идеала характерно позитивное предубеждение в пользу нашего партнера, что может способствовать созданию более хороших отношений (Martz et al., 1998; Murray and Holmes, 1997).

Одну из таких иллюзий Суэми и его коллеги (Swami et al., 2007b) назвали «предубеждением слепой любви». Исследователи просили участников дать оценки общей физической привлекательности и привлекательности разных частей тела, таких как глаза, шея, руки и т. д. На основании кривой нормального распределения «оценок привлекательности» участники эксперимента давали оценки самим себе и романтическим партнерам противоположного пола. Результаты этого исследования показали, что как мужчины, так и женщины считали, что их партнеры значительно привлекательнее их самих, и это делает эти оценки в некоторой степени робастными[1] (Murstein, 1972). Объясняя полученные результаты, Суэми и его соавторы (Swami et al, 2007b) утверждают, что положительная иллюзия в отношении физической привлекательности партнера может содействовать повышению самооценки. То есть вера в то, что наш партнер более привлекателен физически, чем мы сами, повышает субъективные самооценки, что, в свою очередь, приводит к улучшению самочувствия (Taylor and Brown, 1994).

[1] Робастный — информационно-устойчивый к помехам. — *Примеч. науч. ред.*

Это предположение совпадает с представлением о том, что отношения приносят нам пользу как в физическом, так и в ментальном плане (Argyle, 1992; Myers, 1996). Участие в позитивных отношениях, включая брак, связано с более низкой частотой возникновения сердечно-сосудистых заболеваний, более хорошим умственным здоровьем и более высокой продолжительностью жизни (Myers, 1996). По данным некоторых исследований, люди, которые состоят в романтических отношениях или браке, сообщают об ощущении общего благополучия более высокого уровня, чем люди, не имеющие романтических отношений и не состоящие в браке (Campbell et al., 1994; Diener et al., 1999). Одним словом, состояние влюбленности оказывает положительное влияние на наше здоровье и благополучие, даже если в краткосрочной перспективе нам приходится хорошо потрудиться ради нашей любви.

Вывод

Исследования, о которых мы говорили в этой главе, наглядно свидетельствуют о том, что социальные психологи могут много что рассказать о межличностном влечении. Тем не менее только в последнее время эволюционные психологи начали демонстрировать готовность обратиться к некоторым ключевым концепциям, предложенным целым поколением специалистов по социальной психологии. Написанные ими работы могут помочь нам лучше понять взаимодействие между биологическими, культурными и индивидуальными факторами для определения того, кого и почему мы считаем физически привлекательными. Задача объединения этих разных точек зрения относится к разряду непростых: одно только существование мириадов социальных сил, стимулов и факторов говорит о сложности создания единой теории привлекательности. Тем не менее любой эволюционный подход к физическому влечению должен учитывать как влияние индивидуальных факторов, так и тот факт, что мы, как человеческие существа, «пойманы в ловушку» социального, политического и культурного миров. Нет никакого смысла в преуменьшении значения, высмеивании или игнорировании влияния социального мира, как делают многие эволюционные психологи. Более того, истинный эволюционный подход к психологии должен предполагать разнообразие как на индивидуальном, так и на культурном уровне (Swami and Furnham, 2007).

ГЛАВА 10

Будущее исследований в области красоты и привлекательности

У каждого свое представление о красоте.

М. В. Хангерфорд, писательница

Красота в сердце того, кто на нее смотрит.

Г. Дж. Уэллс, английский писатель

Красота в воображении того, кто на нее смотрит.

Д. Ньюэлл, телевизионный актер

Красота похожа на быстро исчезающий цветок, как может мудрость полагаться на его мгновенное очарование?

Сенека, римский философ

В недавнем прошлом человеческая красота не считалась темой, достойной серьезного изучения; более того, ее воспринимали как тему, предназначенную для ограниченного круга людей — таких как художники, писатели, философы и любовники, — которые были способны восхищаться красотой на расстоянии и, таким образом, сохраняли ее тайну. Картины, украшающие стены таких музеев, как Лувр, и обложки глянцевых журналов и сонеты Шекспира — все это объединяет тема красоты, проходящая красной нитью через века. Последуйте за этой нитью назад в далекое прошлое, и вы встретите на своем пути такого гения, как Леонардо да Винчи (чьи две мгновенно узнаваемые работы, «Мона Лиза» и «Витрувианский человек», служат образцом женской и мужской красоты), а затем доберетесь до древних греков.

Именно древние греки, в частности Пифагор и его последователи, впервые попытались дать всеобъемлющее объяснение красоты, которое включало бы в себя все: архитектуру зданий, музыка и красоту человеческого тела и души (Armstrong, 2004; Swami, 2007). Особое место в представлении греков о прекрасном занимает идеальная форма, которая воплощает красоту и добродетель; все существующие на Земле тела являются всего лишь копиями этого «совершенного» тела. В логи-

чески завершенном виде это представление предполагает существование объективной красоты, которую все человеческие существа могут увидеть и оценить.

В некотором смысле идеи Платона об абсолютной или объективной красоте достигают своего апогея в эволюционно-психологической теории о физической привлекательности человека. Некоторые эволюционные психологи не стесняются во всеуслышание заявлять об идеальном отношении «талия—бедра», или идеальной конфигурации лица, или оттенке кожи, который «лучше всего подходит» для идеальной женщины или мужчины. Однако, определяя ОТБ, равное 0,70, как идеальное для женщин, а все отклонения от этого «золотого стандарта» губительными для ее привлекательности, эволюционные психологи на самом деле выносят суждения, очень похожие на утверждения Пифагора и других древних греков. Это не случайно: представление о существовании объективной красоты долгие годы было доминирующим направлением западной эстетической мысли и продолжает влиять на дискуссии по поводу красоты человека, разворачивающиеся в наши дни (Swami, 2007).

Однако важно то, что суждение об объективной красоте не оставалось неоспоримой истиной: начиная с конца XVIII в. в философских спорах о красоте стали отвергаться любые ссылки на ее объективную природу. Для таких философов, как Эдмунд Бёрк и Дэвид Хум, объективное понятие красоты было невозможным и бессмысленным, благодаря чему на свет появилась субъективная концепция красоты, основным отличием которой было убеждение в том, что красоту можно понять только как реакцию наших уникальных чувств, эмоций или ума. Вместо того чтобы искать некое абсолютное качество объектов или индивидуумов, мы должны думать о реакции наблюдателя, — так утверждает Хум (Hum, 1757), высказывая предположение о том, что:

> Красота — это не качество вещей как таковых; она существует только в уме того, кто ее созерцает; и каждый ум воспринимает красоту по-разному. Какой-нибудь человек может воспринимать даже уродство там, где другой чувствителен к красоте... Искать реальную красоту или уродство — бесполезное занятие; это все равно что притворяться, что нашел реальную сладость или реальную горечь. В зависимости от расположения органов один и тот же объект может быть как сладким, так и горьким; и совершенно права пословица о том, что о вкусах не спорят.

С тех пор эта точка зрения, кратким выражением которой стало изречение о том, что «у каждого свое представление о красоте», играет важную роль в философии и искусстве. Тем не менее из-за того, что эти утверждения отличаются определенной обобщенностью, многие ученые склонны рассматривать их с иронией: если каждый из нас имеет собственные представления о том, что красиво, а следовательно, не существует единого мнения о том, кто привлекателен, а кто нет, то что же остается оценивать? Однако в этом случае совершено не учитывается точка зрения социальных психологов, которые десятилетиями говорят о том, что для полного понимания восприятия красоты человеком необходим тщательный анализ и описание его эстетических чувств и того, как возникает это восприятие. Данная точка зрения вовсе не предполагает, что за пределами нашего ума не су-

ществует ничего того, что связано с возникающим эффектом: более того, полное и всестороннее понимание красоты должно сочетать в себе ее объективные и субъективные оценки.

Объединение теорий

Ни эволюционно-психологический, ни социально-психологический подход, взятые в отдельности, не способны обеспечить достаточного понимания феномена человеческой красоты. Эволюционно-психологические модели привлекательности, как правило, основываются на теории приспособления, которая рассматривает суждения о привлекательности как результат адаптации к нашему далекому прошлому. Преуменьшая значение современных социальных условий, в которых возникает влечение, эволюционно-психологические теории объективизируют красоту и из-за этого начинают заниматься тем, что Хум могбы назвать «бесплодным поиском». При отсутствии оценки современных экологических факторов (среди множества других вещей) эволюционно-психологическая теория может упустить из виду важные аспекты процессов принятия решения и формирования установки.

С другой стороны, социально-психологические теории уделяют главное внимание самому влечению, как правило, проявляя невнимание к возможности его эволюционного происхождения, по крайней мере, некоторых аспектов физического влечения. Большинство известных социально-психологических теорий о влечении, таких как теории о влиянии близости и взаимности, подчеркивают значение различных факторов в процессе влечения, а не обращают внимание на смысл того, что значит быть привлекательным. Безусловно, различие путей, по которым идут социальные и эволюционные психологи, определяется различием тех точек зрения, которых они придерживаются. Однако смысл заключается в том, что самостоятельно ни одна из этих теорий не может дать оценку того великого множества факторов, которые влияют на наше влечение друг к другу.

Объединение этих двух направлений психологической мысли дает возможность более полно объяснить наши предпочтения, связанные с привлекательностью, и благодаря этому раскрыть многие «тайны» красоты человека (которые, честно говоря, не столько тайны, сколько инфантильное стремление к неясности и загадкам). В данном случае главный вопрос заключается в том, каким образом можно объединить эти разные направления. В этой книге мы попытались представить несколько примеров того, как это может быть сделано. Если говорить о практической работе, то совершенно очевидно, что при проведении будущих исследований необходимо создавать и расширять междисциплинарный подход, который должен стать краеугольным камнем науки о влечении.

Одна теоретйческую модель, которая, по нашему мнению, может служить полезным средством объединения биологической и культурной моделей физической привлекательности, была предложена Осборном (Osborn, 20046, 2006). Эта модель состоит из двух частей и описывает разные этапы процесса влечения. Первая часть модели состоит из трех фильтров, получивших название «биологическая привлекательность», «оцененная привлекательность» и «тип приязни». Как видно из самих названий, первый фильтр предполагает оценку (подсознательную

или иную) потенциальных партнеров на основании эволюционно-психологических прогнозов, о которых мы говорили в первых главах этой книги (рис. 10.1). Осборн (Osborn, 2004) считает, что пока объект оценивается как «не непривлекательный», наблюдатель проявляет к нему интерес и прилагает усилия для сближения с ним. В данном случае наши эволюционные предрасположенности действуют в качестве первоначального фильтра, определяя наш интерес к другому человеку и наше мнение о его привлекательности.

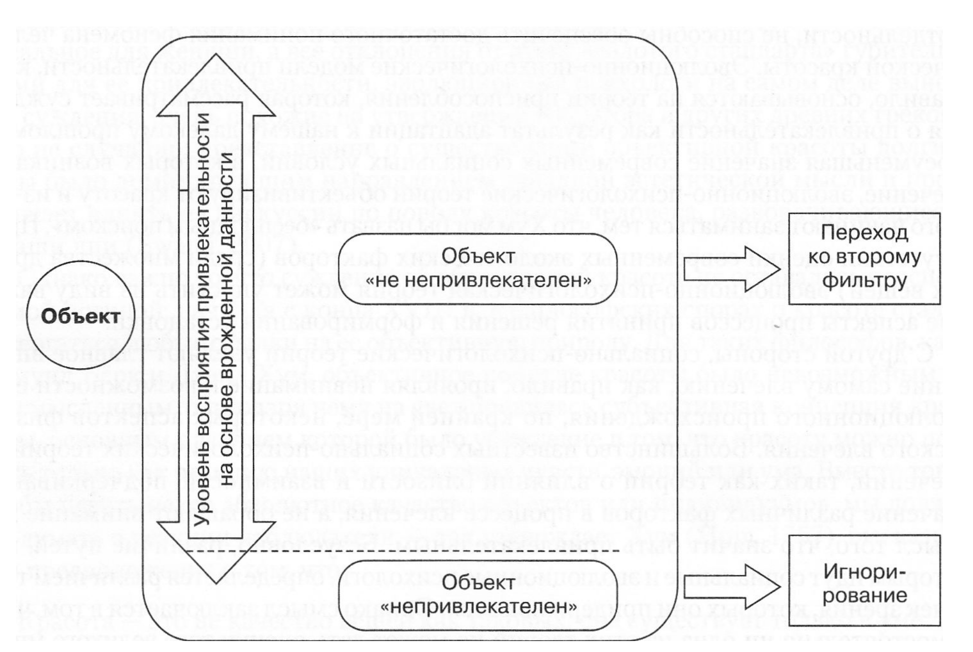

Рис. 10.1. Первый фильтр модели Осборна (Osborn, 2004): фильтрация объектов происходит на природных, биологических уровнях восприятия привлекательности (адаптировано из Osborn, 2004)

При переходе ко второму фильтру привлекательность потенциального партнера оценивается на основании тех идей и ценностей, которые мы усваиваем в своем культурном сообществе, а также наших личных предпочтений (рис. 10.2). Происходит объединение культурных и индивидуальных факторов, позволяющее дать более точную оценку привлекательности определенного человека. Кроме того, мы можем искать разную «красоту» (Ashmore et al., 1996); модная, сексуальная, оригинальная, интеллектуальная — это разные типы красоты, за которыми может «охотиться» человек в определенный момент времени. Особенности этого фильтра могут меняться, так как он связан с нашими собственными личностными свойствами и ценностями значимых для нас людей.

При прохождении третьего фильтра объективные суждения первого фильтра и субъективные суждения второго отходят на задний план, а в центре внимания оказывается совместимость объекта и того, кто его оценивает (рис. 10.2). Из этого следует, что третий фильтр начинает работать только тогда, когда два человека хотя бы немного знакомы друг с другом. В зависимости от того, к каким отноше-

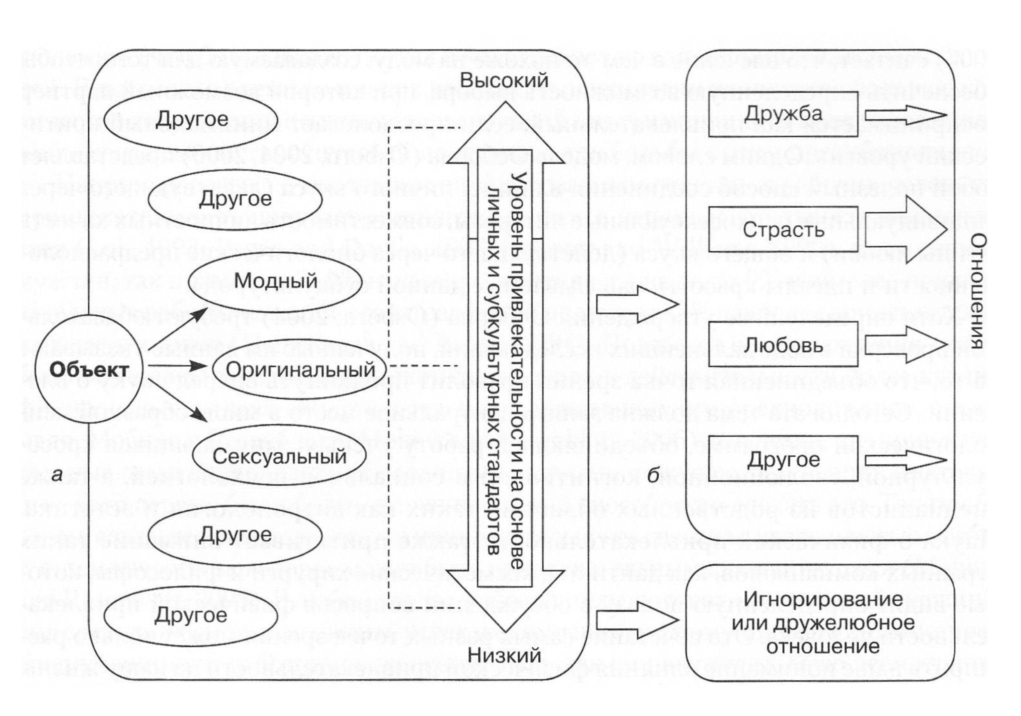

Рис. 10.2. Второй и третий фильтры модели Осборна (Osborn, 2004): фильтрация объектов происходит на основе: а - личных и субкультурных стандартов (в этом случае человек ищет стильного партнера); б - совместимости типов любви (человек ищет страстные отношения)

ниям мы стремимся (дружба, страсть, собственническая любовь, любовь-игра и т. д.), потенциальный партнер «подвергается критике» на основании наших личных склонностей. Развитие отношений возможно только в том случае, если желания двух людей совместимы. В этом смысле третий фильтр отличается еще большим личным субъективизмом, чем предыдущий, потому что в его основе лежат предпочтения человека в отношении типа любви (Osborn, 2004).

Вторая часть модели имеет отношение в большей степени к жизненному опыту людей в области романтических отношений, хотя и здесь могут происходить значительные колебания оценок физической привлекательности. Например, положительный опыт отношений может заставить нас воспринимать наших партнеров как более привлекательных, в то время как отрицательный опыт может привести к неприязни по отношению к ним, в результате которой мы можем начать считать их непривлекательными. Восприятие привлекательности партнера постоянно изменяется, однако это происходит совсем по другим причинам, чем в первой части модели. На этом этапе влечения значение биологической и физической привлекательности в восприятии партнера может уменьшиться, а основой нашей приязни к нему может стать пережитый опыт (Osborn, 2004).

Осборн (Osborn, 2006) утверждает, что влечение следует рассматривать не как результат биологического распознавания, в ходе которого партнеры выбираются на основании здоровья или плодовитости, а как достаточно непостоянный, поддающийся культурным и историческим изменениям процесс. Осборн (Osborn,

2006) считает, что влечение в чем-то похоже на моду, создаваемую для того, чтобы обеспечить определенную возможность выбора, при которой возможный партнер воспринимается как привлекательный, если преодолевает минимальный критический уровень. Одним словом, модель Осборна (Osborn, 2004, 2006) представляет собой полезный способ соединения влияния личного вкуса (действующего через индивидуальные психосексуальные интересы, совместимость личностных качеств и типы любви) и общего вкуса (действующего через биологические предрасположенности и идеалы красоты, навязываемые данной субкультурой).

Хотя определенные утверждения Осборна (Osborn, 2004) требуют обязательной проверки в ходе дальнейших исследований, полученные им данные указывают на то, что объединенная точка зрения позволит продвинуть вперед науку о влечении. Сегодня эта тема должна занять центральное место в многообразной психологической программе, объединяющей работу ученых, занимающихся кросскультурной, эволюционной, когнитивной и социальной психологией, а также специалистов из родственных областей, таких как антропология и эстетика. Наука о физической привлекательности также притягивает внимание таких странных компаньонов, как дантисты, косметические хирурги и философы, которые видят определенную пользу в обсуждении вопросов физической привлекательности человека. Это сочетание самых разных точек зрения может только расширить наше понимание влияния физической привлекательности на нашу жизнь.

Лукизм

Главное, что мы хотим сказать, — это то, что нет никаких причин, мешающих ученым проявлять активный интерес к науке о человеческой красоте. Если оставить этот вопрос на откуп действующим из лучших побуждений, но лишенным методологических средств энтузиастам (писателям, художникам, философам и т. д.), то красота может трансформироваться в загадочное явление, влияние которого мало понятно. Так, в представлении ревностных поклонников красоты она страдает из-за того, что не может быть определена и остается бесформенным конструктом, который не поддается разумному осмыслению. Однако, как мы продемонстрировали в этой книге, красота человека не выходит за пределы сферы научного понимания, более того, понимание красоты с научной точки зрения позволяет нам рассмотреть некоторые эффекты красоты, особенно те, при которых избыточное стремление к красоте становится пагубным, приносящим вред и даже патологическим.

Обобщенным определением одного из таких эффектов может служить старая поговорка о том, что не следует «судить о книге по ее обложке», потому что подобные суждения чаще всего содержат ложную информацию, а иногда даже могут причинять вред. Сегодня представители академических кругов проявляют все больше интереса к предубеждениям, дискриминации или просто неодинаковому обращению с людьми на основе внешности (Puhl and Brownell, 2001b, 2003), которые иногда называют «лукизмом», «предубеждением против красоты» или «дискриминацией по внешности» (Tretje and Cresap, 2005). Все эти термины называют одно и то же явление, а именно предпочтительное обращение с привлекательными

людьми и (что более важно) отказ в возможностях для непривлекательных людей. В последнее время во многих работах по психологии появляется большое количество документальных свидетельств такой дискриминации, а также предложений о создании систематической программы для борьбы с этим предубеждением.

Например, согласно последним опубликованным отчетам, в рабочих условиях привлекательность получает «вознаграждение», а непривлекательность наказывается (Loh, 1993; Pagan and Davila, 1997; Register and Williams, 1990): как в случае мужчин, так и женщин 7-9% наказаний приходится на долю 9% наименее привлекательных работников, а 5% вознаграждений получают 33% наиболее привлекательных сотрудников (Hamermesh and Biddle, 1994). Подобные вознаграждения могут быть оправданы тем, что привлекательные люди в действительности более квалифицированые, однако свидетельств, подтверждающих это предположение, очень мало. Мобиус и Розенблатт (Mobius and Rosenblatt, 2006) выяснили, что привлекательные люди справлялись со сложными задачами не лучше, чем непривлекательные, хотя первые были более уверенны в своей способности сделать это. Таким образом, создается впечатление, что привлекательность связана с уверенностью в себе, т. е. тем качеством, которое может быть привлекательным для нанимателя (Mobius and Rosenblatt, 2006). В любом случае, работодатели считают, что хороший внешний вид сотрудника может повысить успех их компании, поэтому многие из них по-прежнему нанимают работников на основе того, как они выглядят, даже несмотря на риск обвинения в незаконной дискриминации (Greenhouse, 2003).

Результаты других исследований свидетельствуют о том, что медицинские работники и профессионалы, работающие в сфере ментального здоровья, которые, по мнению большинства людей, должны быть невосприимчивы к таким предубеждениям, обращаются с привлекательными и непривлекательными пациентами по-разному. Например, психотерапевты склонны приписывать большую патологию своим непривлекательным пациентам и предпочитают работать с «молодыми, привлекательными, разговорчивыми, интересными и успешными» больными (Schofield, 1964). Подобное отношение свойственно также и пациентам, которые предпочитают общаться с привлекательными психотерапевтами (Cash and Kehr, 1978). Физическая внешность может влиять на повседневные взаимодействия за пределами рабочей обстановки, в том числе на принятие решений о том, кому помогать и у кого просить помощи. Так, некоторые исследования показывают, что при выполнении разных задач — от почтовой отправки писем до объяснения дороги — мужчины помогают привлекательным женщинам с большей готовностью, чем непривлекательным (Benson et al., 1976).

Один из аспектов лукизма связан с предубеждениями и дискриминацией людей с определенным весом тела, как правило, тех, кто страдает избыточным весом или ожирением (Puhl and Brownell, 2001b, 2003). Эта тема вызывает особое беспокойство, тем более что некоторые исследователи утверждают, что дискриминация по весу тела является наиболее «приемлемой» формой дискриминации (Falkner et al., 1999; Kilbourne, 1994; O'Hara, 1996; Stunkard and Sorensen, 1993). Это означает, что в европейской и американской культурах (и все чаще в других культурах), где широко распространено мнение о том, что хорошо быть худым и плохо быть полным, выражение отрицательных установок в отношении полных людей становится приемлемой формой предубеждения (Falkner et al, 1999).

Клеймо полноты оказывает очень сильное действие: в работе Гарнера (Garner, 1997) сообщается о том, что почти четверть женщин и пятая часть мужчин говорят о том, что готовы отдать три и более года своей жизни за то, чтобы обрести желательный вес. В классическом исследовании, проведенном в начале 1960-х гг., школьников просили расположить шесть фотографий детей, различающихся по физическим характеристикам и типам инвалидности, в определенном порядке в зависимости от того, кого из них они больше всего хотели бы видеть в качестве друга (Richardson et al., 1961). Большинство детей поместили изображения полного ребенка в самый конец после ребенка на костылях, ребенка в инвалидном кресле, ребенка с ампутированной рукой и ребенка с дефектами лица. Недавно Латнер и Стункард (Latner and Stunkard, 2003) повторили это исследование и выяснили, что это предубеждение у детей стало еще сильнее, чем сообщалось в первоначальном исследовании, что также подтверждают другие недавние работы с участием детей (Brylinsky and Moore, 1994; Cramer and Steinwert, 1998; Kraig and Keel, 2001).

Однако клеймо полноты не ограничивается взаимодействиями детей. В своем исчерпывающем обзоре научной литературы Пухл и Браунелл (Puhl and Brownell, 2001) назвали многочисленные аспекты повседневной жизни, в которых люди с избыточным весом и ожирением подвергаются клеймению и дискриминации, в диапазоне от занятости и найма на работу до поступления на учебу, от обеспечения местами в общественном транспорте до обращения со стороны профессионалов. Эффект, оказываемый такими предубеждениями, может колебаться в пределах от достаточно незначительного неудобства до огромных страданий, но в целом носит пагубный характер, потому что «клеймит» группы и людей, которые к ним принадлежат (Crocker et al., 1998; Swim and Stangor, 1998).

Например, Пухл и Браунелл (Puhl and Brownell, 2003) предполагают, что люди, на которых навешивается клеймо, связанное с весом, могут быть уязвимы к появлению таких психологических последствий, как депрессия и низкая самооценка, которые, в свою очередь, могут повысить раздражение, вызываемое собственной полнотой, приводя к перееданию и малоподвижному образу жизни. Более того, клеймо полноты может быть связано с социальными последствиями, такими как экономические трудности и изоляция. Как отдельные случаи, так и экспериментальные данные свидетельствуют о том, что неприятие людей своего круга, особенно среди подростков, является важным следствием неприятия полноты. В медицинских учреждениях установки против полноты среди специалистов здравоохранения (Maroney and Golub, 1992; McArthur and Ross, 1997; Price et al., 1987) могут удерживать полных людей от обращения за помощью (Adams et al, 1993; Wadden et al., 2000).

Следствие природы человека?

Мы включили в эту книгу обсуждение проблемы лукизма и дискриминации по весу тела, потому что оно поднимает важные вопросы об этических аспектах физической привлекательности. Очевидно, что во многих обстоятельствах обладание физической привлекательностью является преимуществом, однако есть ли

какое-либо оправдание, пусть даже этическое, неодинаковому обращению с людьми, основанному на их внешнем виде? Это сложный вопрос, и найти на него ответ непросто. По мнению некоторых людей, лукизм — это следствие природы человека, и никакие законодательные акты или образование не способны это изменить. Мы считаем, что это крайне пессимистичная точка зрения, которая не учитывает гибкость человеческого поведения, которую мы неоднократно подчеркивали в этой книге.

Лукизм, или предубеждения, связанные с внешностью, можно рассматривать как последний пункт, появившийся в длинном списке дискриминационных актов, который включает в себя сексизм и расизм. Если дискриминация на основании пола или расовой принадлежности сегодня приобретает менее заметные формы, дискриминация по внешности человека во многих странах становится проблемой, вызывающей все большее беспокойство. Лукизм — так же как расизм, классизм, сексизм и другие подобные «измы» — может создавать несправедливые преграды в доступе к равным возможностям, и уже только по этой причине следует говорить об этой проблеме. По нашему мнению, в «природе человека» нет ничего, что может заставить нас испытывать предубеждение против других людей. Более того, предубеждение против людей — это общественная проблема, которую необходимо решать с помощью эффективного образования, законодательной деятельности и других положительных шагов, направленных на преодоление предубеждений там, где они существуют.

Беглого взгляда на историю человечества достаточно, чтобы понять, что преодоление лукизма и его губительного влияния не является невыполнимой задачей. Не так давно широкой популярностью пользовалась физиогномика — убеждение, что внешность человека отражает его характер или личностные качества, которая даже приобрела «научный» оттенок, когда профессиональные институты начали использовать ее в качестве главного инструмента оценки кандидатов на работу. Физиогномика упоминалась в произведениях многих известных писателей XIX в., включая Чарлза Дарвина, Бальзака и Шарлотту Бронте. Были и примеры ее более неоднозначного использования: например, в «криминальной антропологии» Цезаря Ломброзо (Lombroso, 1895) утверждалось, что у убийц выдающиеся вперед челюсти, а у карманных воров длинные руки и редкие бороды. В более широком масштабе суждение о внутреннем мире людей на основании их внешности стало важным инструментом законности империализма и колониализма (Gould, 1981) — инструментом, который неизвестен сегодняшним политикам и потенциальным властителями.

Однако история — и, что более важно, социально-политические движения, которые стремились приостановить поток недобросовестной «науки», — доказали, что физиогномика является не имеющей оснований псевдонаукой (Cohen, 1973; Gould, 1981). Идея о том, что мы можем оценивать нравственность человека по его внешности, ошибочна и не принимает в расчет тот факт, что внешность формируется под влиянием социальных факторов. Можно считать, что человек «выглядит умным» или «выглядит хорошим», однако это суждение сводится всего лишь к социально сформированной связи знака с его обозначением (Finkelstein, 1991). С точки зрения социологии физиогномика, а также лукизм носят сомнительный характер, потому что место внешности в массе изменчивых

значений непредсказуемо и потому, что наше представление о «хорошем» или «плохом» характере меняется во времени и в пространстве (Twine, 2002).

Все это не означает, что в нашей повседневной жизни мы не выносим суждений, основанных на внешности человека. Как мы продемонстрировали на страницах этой книги, люди нередко делают умозаключения о других на основании внешности (Hassin and Trope, 2000), умозаключения, которые в ряде случаев оказываются правильными (Berry, 1990; Zebrowitz et al., 1996). Однако суть вопроса в том, что подобные умозаключения являются продуктом социально изучаемых схем и позволяют сделать вывод, что эти схемы можно и нужно менять. Рассматриваемая нами тема в большей степени затрагивает использование таких схем: например, умозаключение о том, что человек, который обладает физической привлекательностью, также является экстравертом, может быть безобидным, однако то же самое нельзя сказать об умозаключении, что полный человек ленив. Одним словом, лукизм может определять социальные отношения, однако умозаключения, сделанные на основе внешности, в большинстве случаев отличаются низким качеством. Если говорить более серьезно, то подобные умозаключения создают фильтр восприятия при описании других людей нередко носящем ошибочный и дискриминационный характер.

Что будет с исследованиями красоты и привлекательности в будущем?

В 1970-х гг. некоторые феминистки утверждали, что макияж и другие способы улучшения внешности возникли из-за социального давления, с которым сталкивались женщины в обществе доминирования мужчин, заставлявшего их придерживаться диет, удалять волосы или пользоваться косметикой. Феминистские авторы, такие как Дворкин (Dworkin, 1974) и в последние годы Вулф (Wolf, 1990), отвергали «маскулинную эстетику», вынуждающую женщин чувствовать, что их тела в чем-то неполноценны, и прибегать к методам, которые оставляют у них ощущение своей неоригинальности или неприемлемости в случае несоответствия идеализированным образам «совершенной» женщины. «Красота» определялась как явление подавляющее женщин и как средство, используемое обществом мужчин для дискриминации и сдерживания движения за освобождение женщин (Wolf, 19990).

В своей книге «Ненависть к женщине» (Woman Hating) Андреа Дворкин (Dworkin, 1974) рассматривает идею «красоты» как один из аспектов проявления ненависти к женщинам в культурах, где доминируют мужчины. Она считает способы наведения красоты вредными для тел женщин и их жизни, а также бесполезной тратой времени, которая к тому же дорого обходится и причиняет боль:

> Стандарты красоты в точных понятиях описывают отношения, которые индивидуум должен иметь со своим собственным телом. Они предписывают то, насколько подвижной и непосредственной должна быть женщина, какими должны быть ее осанка и походка и как она должна использовать свое тело.

По мнению Дворкин (Dworkin, 1974: 112), стандарты красоты отражают «суть различения мужских и женских ролей: непосредственную физическую и психологическую реальность существования женщины»: «Они определяют точные параметры ее физической свободы». Культуры, в которых доминируют мужчины, используют методы улучшения внешности для того, чтобы обеспечить преобладание особей одного пола над другими, а краеугольным камнем этого преобладания является обращение с женщиной как с сексуальным объектом.

Мы не ставим перед собой цель оспорить правомерность феминистско-патриархального взгляда на мир, но считаем нужным отметить, что сегодня мужчины все чаще подвергаются тому же самому социальному давлению, с которым женщины сталкивались на протяжении не одного десятилетия (Faludi, 1999; Swami, 2007). Хотя, согласно доступным нам данным, женщины чаще говорят о неудовлетворенности своим телом, чем мужчины (Aruguete et al., 2006), подобная неудовлетворенность среди мужчин постоянно растет (Pope et al, 1999, 2000). Безусловно, культурные нормы для мужчин отличаются большей гибкостью и свободой, и существуют разные «типы» мужской привлекательности, представляемые в средствах информации (Humphreys and Paxton, 2004). Тем не менее сегодня мужчин буквально бомбардируют множеством изображений, убеждающих их в необходимости соответствия предписываемым стандартам привлекательности, которые практически недостижимы для большинства из них (Pope et al., 2000). Одним словом, требование «быть красивым» больше нельзя считать уделом исключительно женщин (если такое вообще когда-либо было).

За последние два десятилетия неудовлетворенность собственным телом стала практически «нормальной» (Rodin et al., Smolak, 2006), а мужчины и женщины готовы ради красоты пойти на еще большие жертвы. В число методов сегодняшнего дня входят использование экстремальных диет и лечебное голодание (даже реклама анорексии как образа жизни; Norris et al., 2006), косметические процедуры, предполагающие кровопускание, намеренное уродование частей тела или введение в него инородных объектов (таких, как грудные имплантаты), использование стероидов и множество разных других процедур, — и все это опасно для здоровья женщин и мужчин (Jeffreys, 2005).

За фасадом бесконечных разговоров о том, что красота «естественна» или внутренне присуща человеческой натуре, несложно увидеть интересы, преследуемые разными группами. Для радикальных феминисток, таких как Дворкин (Dworkin, 1974) и Вулф (Wolf, 1990), речь шла, главным образом, об обществе, в котором доминируют мужчины и которое стремится остановить любое движение в сторону тендерного равенства. Мы можем расширить объект их критики, включив в него большой «комплекс моды и красоты» (Bartky, 1990), представляющий корпоративные интересы представителей индустрии моды и косметической промышленности. Исходя из этой точки зрения, методы наведения красоты следует рассматривать как свидетельство культурного подчинения одной группы другой, когда последняя ориентирована на получение прибыли за счет уязвимости первой.

Постоянно «обесценивая» тела женщин и мужчин с помощью демонстрации образов так называемых «идеалов», диктат моды и красоты добивается того, чтобы женщины и мужчины считали свои тела несовершенными и требующими

«героических мер» для устранения изъянов (Bartky, 1990: 39). Естественно, лучший способ устранений «недостатков» — это поиск убежища в товарах, предлагаемых тандемом моды и красоты, который обеспечивает транснациональным корпорациям огромные состояния. Прибыльность методов, связанных с улучшением внешности и повышением привлекательности, для таких индустрий, как косметическая, модная, рекламная и медицинская, очевидна — только в Соединенных Штатах косметическая отрасль оценивается во много миллиардов долларов (Reischer and Koo, 2004).

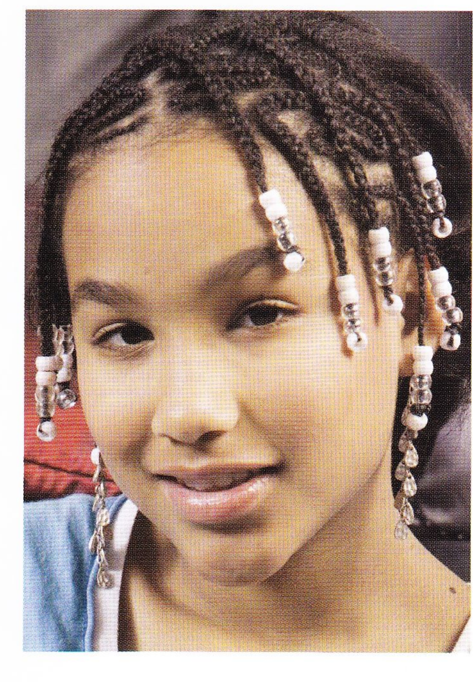
Картина будущего, в котором роль физической привлекательности сведена до минимума или вообще исключена из социальных взаимодействий, может возникнуть только в воображении сторонников социально-политических движений, подвергающих сомнению широко распространенные предположения о красоте. В 1970-х гг. многие тысячи женщин (и мужчин) отказывались от применения косметических средств и методов в рамках движения за освобождение женщин. Возможно, это движение ослабло, однако происходящее в новом тысячелетии зарождение сильных антикапиталистических и антивоенных движений означает возвращение некоторых ключевых идей, выдвигаемых радикальными феминистками в конце 1960-х и в 1970-х гг. Сторонники этих движений оспаривают идею о том, что потребительский «выбор» дает нам какую-либо реальную силу, и создают оппозицию против идеологии и методов транснациональных компаний, которые делают прибыли на поощрении и поддержании лукизма. Участники таких движений могут положить начало будущему, в котором женщины и мужчины откажутся от искуственного украшательства и найдут в себе силы искать красоту там, где она действительно важна.

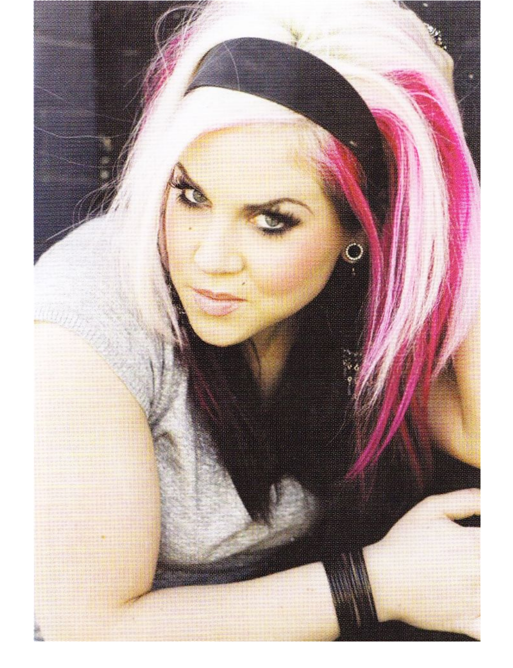
Рис. 1. У многих видов животных самцы имеют яркие «украшения» для привлечения особей противоположного пола. По мнению Дарвина, самцам свойственно привлекать, а самкам - выбирать

Рис. 2. В связи с тем что сигналы для привлечения партнера, такие как большой красивый хвост у павлина, рога у оленя или жука-оленя, яркая окраска некоторых видов рыб, ярко выражены, они часто усложняют жизнь их обладателям.
Почему же тогда формируются такие украшения?

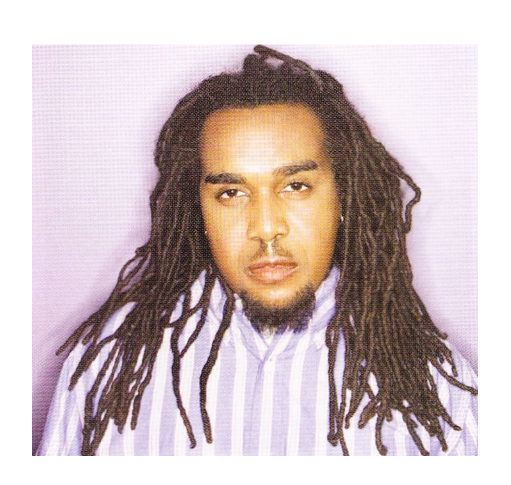
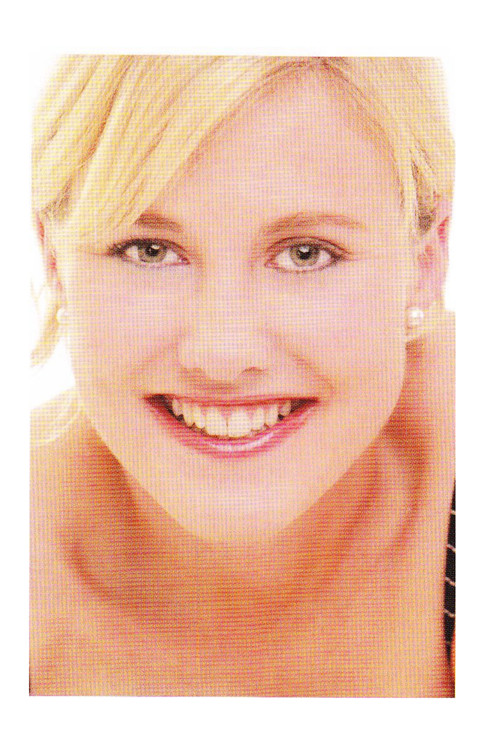
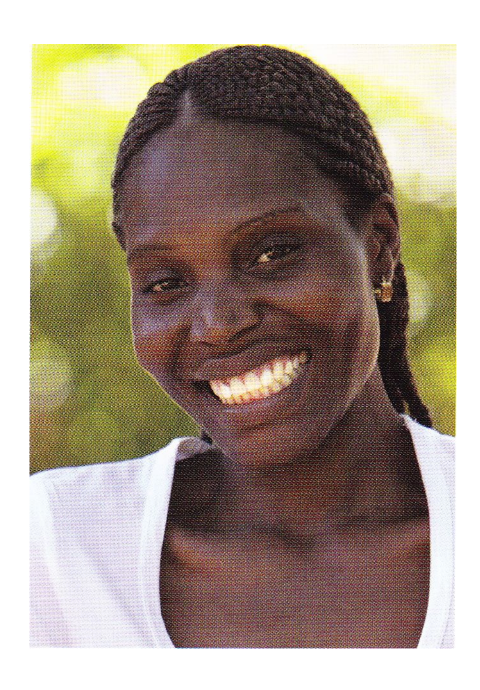
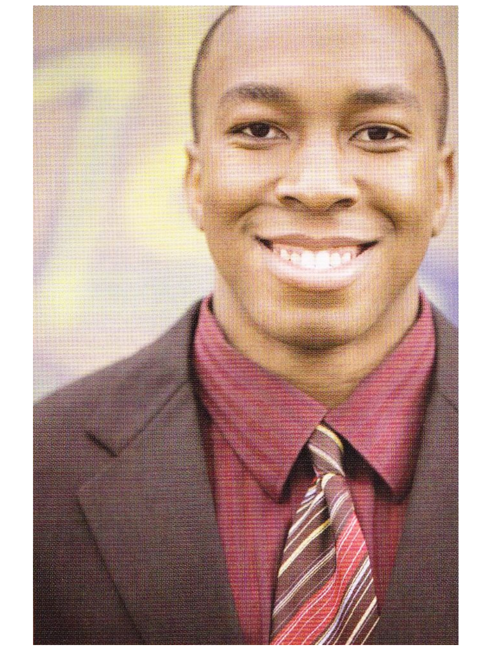

Рис. 3. Цвет волос и прическа являются важным индивидуальным маркером и во многих культурах рассматриваются как фетиш

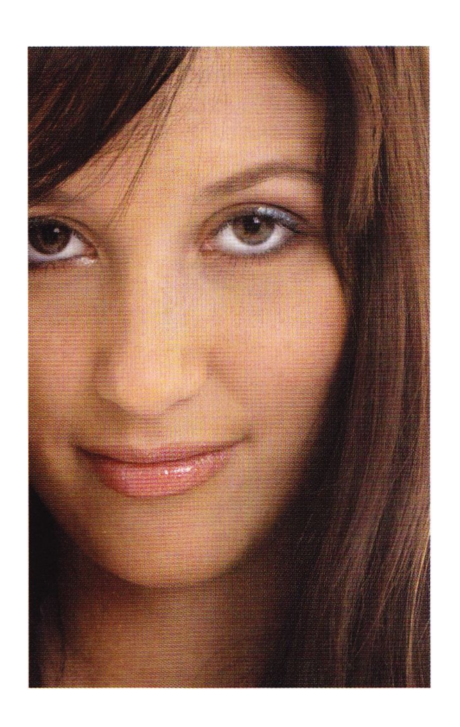

Рис. 4. Практически во всех культурах мужчины и женщины имеют разный тон кожи: у женщин он светлее, а у мужчин, как правило, темнее

Рис. 5. На многих картинах европейских художников XVII и XIX вв., включая «Олимпию» Эдуарда Мане, изображены белые женщины в окружении одного или более чернокожих слуг, которые нередко протягивают своей хозяйке жемчуг, кораллы или другие ценности. Слуги, делающие подношения, служат знаками в социальной конструкции, в которой женщина выделяется как светлая и красивая

Рис. 6. Женщины, изображенные на картинах Питера Паула Рубенса, часто имеют нарочито полные фигуры, которые в эпоху Ренессанса символизировали безудержную сексуальность. И дело не в уникальном вкусе Рубенса: в сравнении с сегодняшними стандартами «идеальная» женщина в Европе XVII и XVIII вв. была полной и даже могла отличаться избыточным весом

Приложение

Список рисунков

Список таблиц

Список литературы

Abitbol, J., Abitbol, P. and Abitbol, B. (1999). Sex hormones and the female *voice. Journal of Voice, 13,* 424-446.

Abitbol, M. M. (1996). The shapes of the female pelvis: Contributing factors. *Journal of Reproductive Medicine, 41,* 242-250.

Abramson, E. E. and Valene, P. (1991). Media use, dietary restraint, bulimia and attitudes toward obesity: A preliminary study. *British Review of Bulimia and Anorexia Nervosa, 5,* 73-76.

Adams, C.H., Smith, N.J., Wilbur, D. C. and Grady, K. E. (1993). The relationship of obesity to the frequency of pelvic examinations: Do physicians and patient attitudes make a difference? *Women and Health, 20,* 45-57.

Adams, G. R. (1978). Racial membership and physical attractiveness effects on preschool teachers' expectations. *Child Study Journal, 8,* 29-41.

(1982). Physical attractiveness. In A. G. Miller (Ed.), *In the eye of the beholder: Contemporary issues in stereotyping* (pp. 253-304). New York: Praeger.

Adams, G. R. and Crane, P. (1980). An assessment of parents' and teachers' expectations of preschool children's social preference for attractive or unattractive children and adults. *Child Development, 51,* 224-231.

Addison, W. W. (1989). Beardedness as a factor in perceived masculinity. *Perceptual and Motor Skills, 68,* 921-922.

Ahmad, M., Gilbert, R. and Naqui, A. (1985). Assortative mating for height in Pakistani arranged marriages. *Journal of Biosocial Science, 17,* 211-214.

Aiello, J. R. and Jones, S. E. (1971). Field study of the proxemic behaviour of young children in three subcultural groups. *Journal of Personality and Social Psychology, 19,* 351-356.

Akan, G. and Greilo, C. (1995). Socio-cuitural influences on eating attitudes and behaviours, body image and psychological functioning: A comparison of African-American, Asian-American and Caucasian college women. *International Journal of Eating Disorders, 18,* 181-187.

Albanes, D„ Jones, D. Y, Schatzkinm A„ Micozzi, M. S. and Taylor, P. R. (1988). Adult stature and risk of cancer. *Cancer Research, 48,* 1658-1662.

Alley, T. R. and Hildebrandt, K. A. (1988). Determinants and consequences of facial aesthetics. In T. R. Alley (Ed.), *Social and applied aspects of perceiving faces* (pp. 101-140). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Altman, I. and Taylor, D. A. (1973). *Social penetration: The development of interpersonal relationships.* New York: Holt, Rinehart and Winston.

American Association of Plastic Surgeons (2005). Top five surgical cosmetic procedures in 2005. Онлайновая публикация на: http://plasticsurgery.org/media/statistics.

Amnar, H. (1954). *Growing up in an Egyptian village.* London: Routledge.

Andersen, A. E. and DiDomenico, L. (1992). Diet versus shape content of popular male and female magazines: A dose-response relationship to the incidence of eating disorders? *International Journal of Eating Disorders, 11,* 283-287.

Anderson, J. L„ Crawford, C. E„ Nadeau, J. and Lindberg, T. (1992), Was the Duchess of Windsor right? A cross-cultural view of the socio-biology of ideals of female body shape. *Ethology and Sociobiology, 13,* 197-227.

Andersson, M. (1982). Female choice selects for extreme tail length in a widowbird. *Nature, 299,* 818-820.

(1986). Evolution of condition-dependent sex ornaments and mating preferences: Sexual selection based on viability differences. *Evolution, 40,* 804-820.

Aoki, K. (2002). Sexual selection as a cause of human skin colour variation: Darwin's hypothesis revisited. *Annals of Human Biology, 29,* 589-608.

Arechiga, J., Prado, C„ Canto, M. and Carmenati, H. (2001). Women in transition — menopause and body composition in different populations. *Collective Anthropology,25,*443-448.

Argyle, M. (1971). *The psychology of interpersonal behavior.* Harmondsworth: Penguin.

(1975). *Body communication.* London: Methuen.

(1988). *Bodily communication* (2nd edn). London: Methuen.

(1992). Benefits produced by supportive social relationships. In H. Veiel and U. Baumann (Eds.), *The meaning and measurement of social support.* New York: Hemisphere.

Argyle, M. and Ingham, R. (1972). Gaze, mutual gaze and proximity. *Semiotica, 6,* 32-49.

Argyle, M. and McHenry, R. (1971). Do spectacles really affect judgements of intelligence? *British Journal of Social and Clinical Psychology, 10,* 27-29.

Arking, R. (1998). *The biology of aging: Observations and principles.* Sunderland: Sinauer.

Armstrong, B. K. M. and Kricker, A. (2001). The epidemiology of UV induced skin cancer. *Journal of Photochemistry and Photobiology B: Biology, 63,* 8-18.

Armstrong, J. (2004). *The secret power of beauty.* London: Penguin.

Aronson, E. and Linder, D. (1965). Gain and loss of esteem as determinants of interpersonal attractiveness. *Journal of Experimental Social Psychology,* 7,156-171.

Aruguete, M. S„ Yates, A. and Edman, J. L. (2006). Further validation of the self-loathing subscale as a screening tool for eating disorders. *Eating Disorders, 15,* 55-62.

Asch, S. E. (1946). Forming impressions of personality. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 41,* 258-290.

Ashmore, R. D. (1981). Sex stereotypes and implicit personality theory. In D. L. Hamilton (Ed.), *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior* (pp. 37-81). Hillsdale, NJ: Lawrence Eribaum Associates, Inc.

Ashmore, R. D„ Del Boca, F. K. and Wohlers, A.J. (1986). Gender stereotypes. In R. D. Ashmore and F. K-. Del Boca (Eds.), *The social psychology of female-male relations: A critical analysis of central concepts* (pp. 69-119). Orlando, FL: Academic Press.

Ashmore, R., Solomon, M. and Longo, L. (1996). Thinking about fashion models' looks: A multidimensional approach to the structure of perceived physical attractiveness. *Personality and Social Psychology Bulletin, 22.* 1083-1104.

Atkinson, M. and Young, K. (2001). Flesh journey: Neo primitives and the contemporary rediscovery of radical body modification. *Deviant Behavior, 22,* 117-146.

Averill, J. R, and Boothroyd, P. (1977). On falling in love in conformance with the romantic ideal. *Motivation and Emotion, 1,* 235-247.

Bailey, J. M, Gaulin, S., Agyei, Y. and Gladue, B. A. (1994). Effects of gender and sexual orientation on evolutionary aspects of human mating psychology. *Journal of Personality and Social Psychology, 66,* 1081-1093.

Baker, D., Sivyer, R. and Towell, T. (1998). Body image dissatisfaction and eating attitudes in visually impaired women. *International Journal of Eating Disorders, 24,* 319-322.

Baker, P. (1997). The soft underbelly of the Abdominis: Why men are obsessed with stomach muscles. In *Pictures of Lily: About men by men* (pp. 18-23). Exhibition catalogue. Underwood Gallery, London, September.

Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning analysis.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Barber, N. (1995). The evolutionary psychology of physical attractiveness: Sexual selection and human morphology. *Ethology and Sociobiology, 16,* 395-424.

Barkow, J. H, Cosmides, L. and Tooby, J. (Eds.) (1992). *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture.* New York: Oxford University Press.

Baron, R., Byrne, D. and Branscombe, N. (2006). *Social psychology.* Boston, MA: Pearson.

Barrett, L., Dunbar, R. and Lycett, J. (2002). *Human evolutionary psychology.* Basingstoke: Palgrave.

Bartky, S. L. (1990). *Femininity and domination: Studies in the phenomenology of oppression.* New York: Routledge.

Bassili, J. N. (1981). The attractiveness stereotype: Goodness or glamour? *Basic and Applied Social Psychology, 2,* 235-252.

Bateman, A.J. (1948). Intra-sexual selection in Drosophila. *Heredity, 2,* 349-368.

Bateson, P. (Ed.) (1983). *Mate choice.* Cambridge: Cambridge University Press.

Beck, S. P., Ward-Hull, C. I. and McLear, P. M. (1976). Variables related to women's somatic preference of the male and female body. *Journal of Personality and Social Psychology, 34,* 1200—1210.

Becker, A. E. (1995). *Body, self and society: The view from Fiji.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

(2004). Television, disordered eating and young women in Fiji: Negotiating body image and identity during rapid social change. *Culture, Medicine and Psychiatry, 28,* 533-559.

Becker, A. E. and Hamburg, P. (1996). Culture, the media, and eating disorders. *Harvard Review of Psychiatry, 4,* 163-167.

Becker, A. E., Gilman, S. E. and Burwell, R. A. (2005). Changes in prevalence of overweight and in body image among Fijian women between 1989 and 1998. *Obesity Research, 73,* 110-117.

Beckerman, S. (2000). Mating and marriage, husbands and lovers: Commentary on Gangestad and Simpson (2000). *Behavioral and Brain Sciences, 23,* 590-591.

Benson, P. L., Karabenick, S. A. and Lerner, R. M. (1976). Pretty pleases: The effects of physical attractiveness, race, and sex on receiving help. *Journal of Experimental Psychology, 12,* 409-415.

Bereczkei, T. (2000). Evolutionary psychology: A new perspective in the behavioral sciences. *European Journal of Psychology, 5,* 175-190.

Bereczkei, T., Gyuris, P., Koves, P. and Bernath, L. (2002). Homogramy, genetic similarity and imprinting: Parental influence on mate choice preferences. *Personality and Individual Differences, 33,* 677-690.

Beren, S. E,, Hayden, H. A., Wilfley, D. E. and Grilo, C. M. (1996). The influence of sexual orientation on body dissatisfaction in adult men and women. *International Journal of Eating Disorders, 20,* 135-141.

Berger, J. (1977). *Ways of seeing.* London: Penguin.

Bergeron, S. M. and Senn, C. Y. (1998). Body image and sociocultural norms: A comparison of heterosexual and lesbian women. *Psychology of Women Quarterly,* 22, 385-401.

Berry, D. S. (1990). Taking people at face value: Evidence for the kernel of truth hypothesis. *Social Cognition, 8,* 343-361.

Berscheid, E. and Walster, E. (1974). Physical attractiveness. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 7, pp. 157-215). New York: Academic Press.

Berscheid, E., Dion, K., Walster, E. and Walster, G. W. (1973). Physical attractiveness and dating choice: A test of the matching hypothesis. *Journal of Experimental Social Psychology, 7,* 173-189.

Berscheid, E., Walster, E. and Bohrnstedt, G. (1973). The happy American body: A survey report. *Psychology Today, 7,* 119-131.

Bigaard, J., Frederiksen, K., Tjonneland, A., Thomsen, B. L., Overvad, K., Heitmann, B. L. *et al.* (2004). Waist and hip circumferences and all-cause mortality: Usefulness of the waist-to-hip ratio? *International Journal of Obesity, 28,* 741-747.

Birdwhistell, R. (1970). *Kinesics and context: Essays on body movement communication.* Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

Bjorklund, D. F. and Pellegrini, A. D. (2002). *The origins of human nature: Evolutionary developmental psychology.* Washington, DC: American Psychological Association.

Bjorntorp, P. (1987). Fat cell distribution and metabolism. In R. J. Wurtman and J. J. Wurtman (Eds.), *Human Obesity* (pp. 66-72). New York: New York Academy of Sciences.

(1991). Adipose tissue distribution and function. *International Journal of Obesity, 15,* 67-81.

(1997). Body fat distribution, insulin resistance and metabolic disease. *Nutrition, 13,* 795-803.

Blum, M. S. and Blum, N. A. (Eds.) (1979). *Sexual selection and reproductive competition in insects.* New York: Academic Press.

Boas, F. (1911). *The mind of primitive man.* New York: Macmillan.

(1928). *Anthropology and modem life.* New York: Norton.

(1955). *Primitive art.* New York: Dover.

Bohannon, P. and Bohannon, L. (1969). *A source notebook on Tiv religion.* New Haven, CT: Human Relations Area File.

Bond, S. and Cash, T. F. (1992). Black beauty: Skin color and body images among African-American college women. *Journal of Applied Social Psychology, 22,* 874-888.

Boon, S. D. and Holmes, J. G. (1999). Interpersonal risk and the evaluations of transgressions in close relationships. *Personal Relationships, 6,* 151-168.

Bordo, S. (1993). *Unbearable weight: Feminism, western culture and the body.* Berkeley, CA: University of California Press.

Borgerhoff Mulder, M. (1988). Early maturing Kipsigis women have higher reproductive success than later maturing women and cost more to marry. *Behavioral Ecology and Sociobiology, 24,* 145-153.

(1989). Reproductive consequences of sex-biased inheritance in Kipsigis. In V. Standen and R. A. Foley (Eds.), *Comparative socioecology* (pp. 405-427). Oxford: Blackwell.

Bornstein, R. F. (1989). Exposure and affect: Overview and meta-analysis of research, 1968-1987. *Psychological Bulletin, 106,* 265-289.

Boroughs, M, Cafri, G. and Thompson, J. K. (2005). Male body depilation: Prevalence and associated features of body hair removal. *Sex Roles, 52,* 637-644.

Botta, R. A. (2003). For your health? The relationship between magazine reading and adolescents' body image and eating disturbances. *Sex Roles, 48,* 389-399.

Boyd, K. and Fouts, G. (1999). Young women's magazines: A content analysis. Доклад, представленный на собрании Канадской коммуникационной ассоциации, Шербрук, Квебек, июнь.

Bradberry, T. and Greaves, J. (2005). *The emotional intelligence quickbook.* New York: Simon and Schuster.

Brain, R. (1979). *The decorated body.* New York: Harper and Row.

Brand, P. A., Rothblum, E. D. and Solomon, L.J. (1992). Comparison of lesbians, gay men, and heterosexuals on weight and restrained eating. *International Journal of Eating Disorders, 11,* 253-259.

Brase, G. L. and Walker, G. (2004). Male sexual strategies modify ratings of female models with specific waist-to-hip ratios. *Human Nature, 15,* 209-224.

Bray, G. A. (1998). What is the ideal body weight? *Journal of Nutritional Biochemistry, 9,* 489-492.

Brewer, M. B. (1968). Determinants of social distance among East African tribal groups. *Journal of Personality and Social Psychology, 10,* 279-289.

Brewis, A. A. and McGarvey, S. T. (2000). Body image, body size, and Samoan ecological and individual modernisation. *Ecology of Food and Nutrition, 39,* 105-120.

Brewis, A. A., McGarvey, S. T.Jones, J. and Swinburn, B. (1998). Perceptions of body size in Pacific Islanders. *International Journal of Obesity, 22,* 185-189.

Brink, P. (1995). Fertility and fat: The Annang fattening room. In I. De Gerine and N.J. Pollock (Eds.), *Social aspects of obesity* (pp. 71-87). Amsterdam: Gordon and Breach.

Broadstock, M., Borland, R. and Gason, R. (1992). Effects of suntan on judgements of healthiness and attractiveness by *adolescents. Journal of Applied Social Psychology, 22,*157-172.

Brassard, J. (1932). Residential propinquity as a factor in marriage selection. *American Journal of Sociology, 4,* 792-798.

Brown, L. S. (1987). Lesbians, weight and eating: New analyses and perspectives. In Boston Lesbian Psychologies Collective (Eds.), *Lesbian psychologies: Explorations and challenges* (pp. 294-309). Chicago: University of Illinois Press.

Brown, P. (1991). Culture and the evolution of obesity. *Human Nature, 2,* 31-57.

Brown, P. and Konner, M. J. (1987). An anthropological perspective of obesity. *Annals of the New York Academy of Science, 499,* 29.

Brown, R. (1986). *Social psychology* (2nd edn). New York: Fress Press.

Brown, W. M. and Moore, C. (2002). Smile asymmetries and reputation as reliable indicators of likelihood to cooperate: An evolutionary analysis. In S. P. Shohov (Ed.), *Advances in psychology research* (Vol. 11, pp. 19-36). Hauppage: Nova Science.

Bryant, J. and Zhilman, D. (2002). *Media effects: Advances in theory and research.* Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Brylinsky, J. A. and Moore, J. C. (1994). The identification of body build stereotypes in young children. *Journal of Research in Personality, 28,* 170-181.

Buck, P. H. (1932). *Ethnology of Manihiki-Rakahanga.* Honolulu: Bemice P. Bishop Museum.

Bugental, D. E., Love, L. R. and Gianetto, R. M. (1971). Perfidious feminine *faces. Journal of Personality and Social Psychology, 17,* 314-318.

Bulik, C. M,, Sullivan, P. F,, Pickering, A., Dawn, A. and McCullian, M. (1999). Fertility and reproduction in women with anorexia nervosa: A controlled study. *Journal of Clinical Psychiatry, 60,* 130-135.

Bull, R. and Hawkes, C. (1982). Judging politicians by their faces. *Political Studies, 30,* 95-101.

Buller, D. J. (2005). *Adapting minds: Evolutionary psychology and the persistent quest for human nature.* New York: Bradford Books.

Bunkin, H. and Williams, R. (2000). *Beards, beards, beards.* London: Hunter and Cyr.

Burgoon, J. K., Buller, D. B. and Woodall, W. G. (1989). *Nonverbal communication: The unspoken dialogue.* New York: Harper and Row.

Burnham, T. and Phelan, J. (2000). *Mean genes.* Cambridge, MA: Perseus.

Burr, D. B., van Gerven, D. P. and Gustav, B. L. (1977). Sexual dimorphism and mechanics of the human hip: A multivariate assessment. *American Journal of Physical Anthropology, 100,* 89-100.

Buss, D. (1987). Sex differences in human mate selection criteria: An evolutionary perspective. In C. Crawford, D. Krebs and M. Smith (Eds.), *Sociobiology and psychology: Ideas, issues and applications* (pp. 335-352). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

(1989). Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures. *Behavioural and Brain Sciences, 12,* 1-49.

(1994). *The evolution of desire.* New York: Basic Books.

— —(1995). Evolutionary psychology: A new paradigm for psychological science. *Psychological Inquiry, 6,* 1-30.

(1999). *Evolutionary psychology: The new science of the mind.* Boston: Allyn and Bacon.

(2001). Human nature and culture: An evolutionary psychological perspective./owrrca/ *of Personality, 69,* 955-978.

(Ed.). (2005). *The handbook of evolutionary psychology.* New York: Wiley.

Buss, D. and Barnes, M. F. (1986). Preferences in human mate selection. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 559-570.

Buss, D. and Greiling, H. (1999). Adaptive individual differences.*Journal of Personality, 67,* 245-258.

Buss, D. and Reeve, H. K. (2003). Evolutionary psychology and developmental dynamics. *Psychological Bulletin. 129,* 848-853.

Buss, D. and Schmitt, P. (1993). Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating. *Psychological Review, 100,* 204-232.

Buss, D. M, Abbott, M, Angleitner, A., Asherian, A., Biaggio, A, Bianco-Villa Senor, A. *et al.* (1990). International preferences in selecting mates: A study of 37 cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 21,* 5-47.

Byrne, D. (1971). *The attraction paradigm.* New York: Academic Press.

Cafri, G., Thompson, J. K„ Roehrig, M„ van den Berg, P., Jacobsen, P. B. and Stark, S. (2006). An investigation of appearance motives for tanning: The development and evaluation of the Physical Appearance Reasons for Tanning Scale (PARTS) and its relation to sunbathing and indoor tanning intentions. *Body Image: An International Journal of Research, 3,* 199-209.

Calle, E. D, Rodriguez, C„ Walker-Thurmond, K. and Thun, M. J. (2003). Overweight, obesity and mortality from cancer in a prospectively-studied cohort of US adults. *New England Journal of Obesity, 348,* 1625-1638.

Cameron, C., Oskamp, S. and Sparks, W. (1977). Courtship American style: Newspaper ads. *Family Coordinator, 26,* 27-30.

Campbell, W. K.„ Sedikides, C. and Bosson, J. (1994). Romantic involvement, self-discrepancy and psychological well-being: A preliminary investigation. *Personal Relationships, 1,* 399-404.

Cant, J. G. H. (1981). Hypothesis for the evolution of human breasts and buttocks. *American Naturalist, 117,* 119-204.

Caplan, J. (2000). *Written on the body: The tattoo in European and American history.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Cardenas, R. A. and Harris, L.J. (2006). Symmetrical decorations enhance the attractiveness of faces and abstract designs. *Evolution and Human Behavior, 27,* 1-18.

Caro, T. and Borgerhoff Mulder, M. (1987). Problem of adaptation in the study of human behaviour. *Ethology and Sociobiology, 8,* 61-72.

Cary, M. S. (1978). The role of the gaze in the initiation of conversation. *Social Psychology, 41,* 269-271.

Cash, T. F. (1990). Losing hair, losing points? The effect of male pattern baldness on social impression formation? *Journal of Applied Social Psychology, 20,* 154-167.

Cash, T. F. and Hicks, K. L. (1990). Being fat versus thinking fat: Relationships with body image, eating behaviours and well-being. *Cognitive Therapy and Research, 14,* 327-341.

Cash, T. F. and Janda, L. H. (1984, December). The eye of the beholder. *Psychology Today,* 46-52.

Cash, T. F. and Kehr, J. (1978). The influence of nonprofessional counselors' physical attractiveness and sex on perceptions of counselor behavior. *Journal of Counseling Psychology, 25,* 336-342.

Cash, T. F. and Soloway, D. (1975). Self-disclosure and correlates of physical attractiveness: An exploratory study. *Psychological Reports, 36,* 579-586.

Cash, T. F, Cash, D. W. and Butters, J. W (1983). "Mirror, mirror on the wall...?": Contrast effects and self-evaluations of physical attractiveness. *Personality and Social Psychology Bulletin, 9,* 351-358.

Cash, T. F, Kerr, J. A, Polyson, J. and Freeman, V. (1977). Role of physical attractiveness in peer attribution of psychological disturbance. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 45,* 987-993.

Cash, T. F,, Rissi, J. and Chapman, R. (1985). Not just another pretty face: Sex roles, locus of control and cosmetic use. *Personality and Social Psychology Bulletin, 11,* 246-257.

Cashdan, E. (1993). Attracting mates. *Ethology and Sociobiology, 14,* 1-24.

Cassidy, C. M. (1991). The good body: When big is better. *Medical Anthropology, 13,* 181-213.

Castellow, K. S., Wuensch, K. L. and Moore, C. H. (1990). Effects of physical attractiveness of plaintiff and defendant in sexual harassment judgements. *Journal of Social Behaviour and Personality, 16,* 39-50.

Chang, K., Chan, S. and Low, W. (1963). Climate and conception rates in Hong Kong. *Human Biology, 35,* 367.

Chen, N. Y, Shaffer, D. R. and Wu, C. (1997). On physical attractiveness stereotyping in Taiwan: A sociocultural *perspective. Joutnal of Social Psychology, 137,* 117-124.

Cialdini, R. B. and Trost, M. R. (1998). Social influence: Social norms, conformity and compliance. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske and G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th edn. Vol. 2, pp. 151-192). New York: McGraw-Hill.

Clark, R. A., Niccolai, L., Kissinger, E J. and Bouvier, V. (1999), Ethnic differences in body image attitudes and perceptions among women infected with human immunodeficiency virus. *Journal of the American Dietetics Association, 99,* 735-737.

Clarke, A. C. (1952). An examination of the operation of residential propinquity as a factor in mate selection. *American Sociological Review, 17,* 17-22.

Clifford, M. M. and Hatfield, E, (1973). Research note: The effects of physical attractiveness on teacher expectations. *Social Education, 46,* 248-258.

Clore, G. L. and Byrne, D. (1974). A reinforcement-affect model of attraction. In T. L. Huston (Ed.), *Foundations of interpersonal attraction* (pp. 143-165). New York: Academic Press.

Cohen, A. B. and Tannenbaum, I.J. (2001). Lesbian and bisexual women's judgements of the attractiveness of different body types. *Journal of Sex Research, 38,* 1-15.

Cohen, R. (1973). *Patterns of personality judgements.* New York: Academic Press.

Coleridge, H. (1875). She is not fair to outward view. In F. T. Palgrave (Ed.), *The golden treasury* (p. 175). London: Macmillan.

Collins, J. K. and Plahn, M. R. (1988). Recognition accuracy, stereotypic preference, aversion and subjective judgement of body appearance in adolescents and young adults./оипга/ *of Youth and Adolescence, 17,* 317-332.

Collins, N. L. and Miller, L. C. (1994). Do positive illusions foster mental health? An examination of the Taylor and Brown formulation. *Psychological Bulletin, 116,* 2-30.

Collins, S. A. (2000). Men's voices and women's choices. *Animal Behaviour, 60,* 773-780.

Connell, R. W. (1995). *Masculinities.* Berkeley, CA: University of California Press.

Cook, M. (1971). *Interpersonal perception.* Harmondsworth: Penguin.

Corter, C,, Trehub, S,, Boukydis, C., Ford, L,, Celhoffer, L. and Minde, K. (1978). Nurses' judgements of the attractiveness of premature infants. *Infant Behavior and Development, 1,*373-380.

Courtenay, R. W. (2000). Constructions of masculinity and their influence on men's well-being: A theory of gender and health. *Social Science and Medicine, 50,* 1385-1401.

Crago, M., Shisslak, C. M. and Estes, L. S. (1996). Eating disturbances among American minority groups: A review. *International Journal of Eating Disorders, 19,* 239-248.

Craig, P. L,, Swinburn, B. A., Matenga-Smith, T, Matangi, H, and Vaughan, G. (1996). Do Polynesians still believe that big is beautiful? Comparison of body size and preferences of Cook Island Maori and Australians. *New Zealand Medical Journal, 109,* 200-203.

Cramer, P. and Steinwert, T. (1998). Thin is good, fat is bad: How early does it begin? *Journal of Applied Developmental Psychology, 19,* 429-451.

Crawford, C. (1998). The theory of evolution in the study of human behaviour: An introduction and overview. In C. Crawford and D. L. Krebs (Eds.), *Handbook of evolutionary psychology: Ideas, issues and applications* (pp. 3-41). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Crocker, J., Major, B. and Steele, C. (1998). Social stigma. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske and G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th edn, Vol. 2, pp. 504-553). New York: McGraw-Hill.

Crusco, A. H. and Wetzel, C. G. (1984). The Midas touch: The effects of interpersonal touch on restaurant tipping. *Personality and Social Psychology Bulletin,* 70, 512-517.

Cunningham, M. R. (1986). Measuring the physical in physical attractiveness: Quasi-experiments on the sociobiology of female facial beauty. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 925-935.

Cunningham, M. R, Barbee, A. P. and Pike, C. L. (1990). What do women want? Facialmetric assessment of multiple motives in the perception of male facial physical attractiveness. *Journal of Personality and Social Psychology, 59,* 61-72.

Cunningham, M. R„ Roberts, A. R„ Wu, C. H„ Barbee, A. P. and Druen, P. B. (1995). "Their ideas of beauty are on the whole the same as ours." Consistency and variability in the cross-cultural perception of female physical attractiveness. *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 261-279.

Cvetkovich, G. and Lofstedt, R. E. (Eds.) (1999). *Social trust and the management of risk.* London: Earthscan.

Dabbs, J. M. and Mallinger, A. (1999). High testosterone levels predict low voice pitch among men. *Personality and Individual Differences, 27,* 801-804.

Darby, B. W. and Jeffers, D. (1988). The effects of defendant and juror attractiveness on simulated courtroom trials and decisions. *Social Behavior and Personality, 5,* 547-562.

Darwin, C. (1871). *The descent of man, and selection in relation to sex.* London: Murray.

(1887/1959). *The autobiography of Charles Darwin: With original omissions restored* (Ed. N. Barlow). London: Norton.

Davey Smith, G, Greenwood, R, Gunnell, D., Sweetnam, P, Yarnell, J. and Elwood, P. (2001). Leg length, insulin resistance, and coronary heart disease risk: The Caerphilly Study. *Jownal of Epidemiology and Community Health, 55,* 867-872.

Davie, M. R. and Reeves, R. J. (1939). Propinquity of residence before marriage. *American Journal of Sociology, 4,* 219-224.

Davis, C. and Katzman, M. A. (1999). Perfection as acculturation: Psychological correlates of eating problems in Chinese male and female students living in the United States. *International Journal of Eating Disorders, 25,* 65-70.

Davis, C. H. (1995). The effect of assortative mating and environmental variation on selection for sexual reproduction. *Evolutionary Theory, 11,* 51-53.

De Garine, I. (1995). Sociocultural aspects of male fattening sessions among the Massa of northern Cameroon. In I. De Gerine and N.J. Pollock (Eds.), *Social aspects of obesity* (pp. 45-70). Amsterdam: Gordon and Breach.

Dennett, D. C. (1995). *Darwin's dangerous idea: Evolution and the meaning of life.* Harmondsworth: Penguin.

DePaulo, B. M. (1992). Nonverbal behavior and self-presentation. *Psychological Bulletin, 111,* 203-243.

DePaulo, B. M. and Friedman, H. S. (1998). Nonverbal communication. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske and G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th edn. Vol. 2, pp. 3-40). New York: McGraw-Hill.

Dermer, M. and Thiel, D. L. (1975). When beauty may fail. *Journal of Personality and Social Psychology, 31,* 1168-1176.

De Souza, M.J. and Metzger, D. A. (1991). Reproductive dysfunction in amenorrheic athletes and anorexic patients: A review. *Medicine and Science in Spoits and Exercise, 56,* 20-27.

Deurenberg, P., Deurenberg-Yap, M. and Guricci, S. (2002). Asians are different from Caucasians and from each other in their body mass index/body fat percentage relationship. *Obesity Reviews,* 3,141-146.

Deutsch, F. M, Zalenski, C. M. and Clark, M. E. (1986). Is there a double standard of aging? *Journal of Applied Social Psychology, 16,* 771-785.

De Waal, F. (1982). *Chimpanzee politics.* New York: Harper and Row.

Dieckmann, U. and Doebeli, M. (1999). On the origin of species by sympatric speciation. *Nature, 400,* 354-357.

Diener, E, Suh, E. M, Lucas, R. E. and Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin, 125,* 276-302.

Diepgen, T. L. and Mahler, V. (2002). The epidemiology of skin cancer. *British Journal of Dermatology, 146,* 1-6.

Dion, K. K. (1972). Physical attractiveness and evaluation of children's transgressions. *Journal of Personality and Social Psychology, 24,* 285-290.

(1974). Children's physical attractiveness and sex as determinants of adult punitiveness. *Developmental Psychology, 10,* 772-778.

(1981). Physical attractiveness, sex roles and heterosexual attraction. In M. Cook (Ed.). *The bases of human sexual attraction* (pp. 3-22). London: Academic Press.

— — (1986). Stereotyping based on physical attractiveness: Issues and conceptual perspectives. In C. P. Herman, M. P. Zannaand E. T. Higgins (Eds*.), Physical appearance, stigma and social behavior: The Ontario Symposium* (Vol. 3, pp. 7-21). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Dion, K. K. and Dion, K. L. (1996). Toward understanding love. *Personal Relationships, 3,*1-3.

Dion, K. K., Berscheid, E. and Walster, E. (1972). What is beautiful is good. *Journal of Personality and Social Psychology, 24,* 285-290.

Dion, K. K., Pak, A. W. and Dion, K. L. (1990). Stereotyping physical attractiveness: A sociocultural perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 21,* 378-398.

Dipboye, R. L, Arvey, R. D. and Terpstra, D. E. (1977). Sex and physical attractiveness of raters and applicants as determinants of resume evaluations*.Journal of Applied Psychology, 62,*288-294.

Dipboye, R. L, Fromkin, H. L. and Wiback, K. (1975). Relative importance of applicant sex, attractiveness and scholastic standing in evaluation of job applicant resumes*.Journal of Applied Psychology, 60,* 39-43.

Dittes, J. E. (1959). Attractiveness of group as function of self-esteem and acceptance by group. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 59,* 77-82.

Dittes, J. E. and Kelley, H. H, (1956). Effects of different conditions of acceptance upon conformity to group norms. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 53,* 100-107.

Dixson, A. F, Halliwell, G, East, R., Wignarajah, P. and Anderson, M.J. (2003). Masculine somatype and hirsuteness as determinants of sexual attractiveness to women. *Archives of Sexual Behavior, 32,* 29-39.

Dorfer, L. and Moser, M. (1998). 5200-year-old acupuncture in central Europe? *Science, 282,* 239.

Dovidio, J. F. and Ellyson, S. L. (1985). Patterns of visual dominance behavior in humans. In S. Ellyson and J. Dovidio (Eds.), *Power, dominance and non-verbal behavior* (pp. 129-149). New York: Springer.

Dovidio, J. E, Ellyson, S. L, Keating, C.J, Heltman, K. and Brown, C. E. (1988). The relationship of social power to visual displays of dominance between men and women*.Journal of Personality and Social Psychology, 54,* 233-242.

Downs, A. C. and Harrison, S. K. (1985). Embarassing age spots or just plain ugly? Physical attractiveness stereotyping as an instrument of sexism on American television commercials. *Sex Roles, 13,* 9-19.

Draper, P. and Harpending, H. (1982). Father absence and reproductive strategy: An evolutionary perspective. *Journal of Anthropological Research, 38,* 255-273.

Drewnowski, A. and Yee, D. K. (1987). Men and body image: Are males satisfied with their body weight? *Psychosomatic Medicine, 49,* 626-634.

Drury, N. E. (2000). Beauty is only skin *deep. Journal of the Royal Society of Medicine, 93,* 89-92.

Ducille, A. (1996). *Skin trade.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dunbar, M. (1988). *Primate social systems.* London: Croom Helm.

Durkheim, E. (1912/1995). *The elementary forms of the religious life.* New York: Free Press.

Dworkin, A. (1974). *Woman hating.* New York: E. P. Dutton.

Eagly, A. H. (1987). *Sex differences in social behavior: A social-role analysis.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Eagly, A. H. and Wood, W. (1999). The origins of sex differences in human behaviour: Evolved dispositions versus social roles. *American Psychologist, 54,* 408-423.

Eagly, E. H., Ashmore, R. D,, Makhijani, M. G. and Longo, L. C. (1991). What is beautiful is good, but... A meta-analytic review of research on the physical attractiveness stereotype. *Psychological Bulletin, 110,* 109-128.

Ebin, V. (1979). *The body decorated.* London: Thames and Hudson.

Eco, U. (2004). *On beauty: A history of a Western idea* (trans. A. McEwen). London: Seeker and Warburg.

Ehrenberg, M. (1989). *Women in prehistory.* Norman, OK: University of Oklahoma Press.

Eibl-Eibesfeldt, I. (1970). *Ethology: The biology of behaviour.* New York: Holt, Rinehart and Winston.

Einon, D. (2007). The shaping of women's bodies: Men's choice of fertility or heat stress avoidance? In. V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionary and socio-cultural perspectives.* London: Macmillan,

Ekman, P., Friesen, W. V. and Scherer, K. (1976). Body movements and voice pitch in deceptive interaction. *Semiotica, 16,* 23-27.

Ellis, D. S. (1967). Speech and social status in America. *Social Forces, 45,* 431-437.

Ellisson, P. (1990). Human ovarian function and reproductive ecology: New hypotheses. *American Anthropologist, 92,* 933-952.

Ember, C. R., Ember, M., Korotayev, A. and de Munck, V. (2005). Valuing thinness or fatness in women: Reevaluating the effect of resource scarcity. *Evolution and Human Behavior, 26,* 257-270.

Epel, E. S,, Spanakos, A., Kasl-Godley, J. and Brownell, K. D. (1996). Body shape ideals across gender, sexual orientation, socioeconomic status, race and age in personal advertisements. *International Journal of Eating Disorders, 19,* 265-273.

Epstein, E. and Guttman, R. (1984). Mate selection in man: Evidence, theory and outcome. *Social Biology, 31,* 243-278.

Etcoff, N. (1999). *Survival of the prettiest: The science of beauty.* New York: Doubleday.

Falkner, N. H., French, S.A., Jeffery, R. W,, Neumark-Sztainer, D., Sherwood and Morton, N. (1999). Mistreatment due to weight: Prevalence and sources of perceived mistreatment in women and men. *Obesity Research, 7,* 572-576.

Fallen, A. (1990). Culture in the mirror: Socio-cultural determinants of body image. In T. Cash and T. Przwzinky (Eds.), *Body images: Development, deviance and change* (pp. 80-109). New York: Guilford Press.

Fallon, A. E. and Rozin, P. (1985). Sex differences in perceptions of desirable body shape. *Journal of Abnormal Psychology, 94,* 102-115.

Faludi, S. (1999). *Stiffed: The betrayal of the American male.* New York: HarperCollins.

Fan, J. T. (2007). The volume-height index as a body attractiveness index. In. V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionary and socio-cultural perspectives.* London: Macmillan.

Fan, J. T, Dai, W, Liu, F. and Wu, J. (2005). Visual perception of male body attractiveness. *Proceedings of the Royal Society of London B, 272,* 219-226.

Fan, J, Liu, R, Wu, J. and Dai, W. (2004). Visual perception of female physical attractiveness. *Proceedings of the Royal Society of London B, 271,* 347-352.

Farr, R. M. and Moscovici, S. (Eds.) (1984). *Social representations.* Cambridge: Cambridge University Press.

Feingold, A. (1990). Gender differences in effects of physical attractiveness on romantic attraction: A comparison across five research paradigms. *Journal of Personality and Social Psychology, 59,* 981-993.

(1992). Good-looking people are not what we think. *Psychological Bulletin, 111,* 304-341.

Feinman, S. and Gill, G. W. (1977). Females' response to male beardedness. *Perceptual and Motor Skills, 94,* 533-534.

Ferrario, V. F, Sforza, C, Poggio, C. E. and Tartaglia, G. (1995). Facial morphology of television actresses compared with normal women.*Journal of Oral and Maxillofacial Surgery, 53,* 1008-1014.

Fessler, D. M. T, Haley, K. J. and Lai, R. (2005a). Sexual dimorphism in foot length proportionate to stature. *Annals of Human Biology, 32,* 44-59.

Fessler, D. M. T, Nettle, D, Afshar, Y, de Andrade Pinheiro, I, Bolyanatz, A, Borgerhoff Mulder, M. *et al.* (2005b). A cross-cultural investigation of the role of foot size in physical attractiveness. *Archives of Sexual Behavior, 34,* 267-276.

Festinger, L, Schachter, S. and Back, K. (1950). *Social pressures in informal groups: A study of human factors in housing.* New York: Harper.

Field, A. E,, Carmago, C. A., Taylor, C. B., Berkey, C. S,, Roberts, S. B. and Coldizt, G. A. (2001). Peer, parent and media influences on the development of weight concerns and frequent dieting among preadolesccnt and adolescent girls and boys. *Paediatrics, 107,* 54-60.

Fink, B. and Penton-Voak, I. S. (2002). Evolutionary psychology of facial attractiveness. *Current Directions in Psychological Science, 11,* 154-158.

Finkelstein, J. (1991). *The fashioned self.* Cambridge: Polity Press.

Fishbein, M. and Azjen, I. (1975). *Belief, attitude, intention and behavior: An introduction to theory and research.* Reading, MA: Addison-Wesley.

Fisher, E, Dunn, M. and Thompson, J. K. (2002). Social comparison and body image: An investigation of body comparison processes using multidimensional scaling. *Journal of Social and Clinical Psychology, 21,* 566-579.

Fisher, J. D,, Rytting, M. and Heslin, R. (1976). Hands touching hands: Affective and evaluative effects of an interpersonal touch. *Sociometry, 39,* 416-421.

Fisher, R. A. (1915). The evolution of sexual preference. *Eugenics Review, 7,* 184-192.

Fisher, R. A. (1930). *The genetical theory of natural selection* (2nd edn). New York: Dover.

Fiske, A. P., Kitayama, S, Markus, H. R. and Nisbett, R. E. (1998). The cultural matrix of social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske and G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th edn. Vol. 2, pp. 915-981). New York: McGraw-Hill.

Fitzgibbon, M.L, Spring, B, Avellone, M. E,, Blackman, L. R., Pingitore, R. and Stolley, M. R. (1998). Correlates of binge eating in Hispanic, black and white women. *InternationalJournal of Eating Disorders, 24,* 43-52.

Foa, E. B. and Foa, U. G. (1975). *Resource theory of social exchange.* Morristown, NJ: General Learning Press.

Fodor, J. (2000). *The mind doesn't work that way.* Cambridge, MA: MIT Press.

Foley, R. (1988). Hominids, humans and hunter-gatherers: An evolutionary perspective. In T. Ingold, D. Riches and J. Woodburn (Eds.), *Hunters and gatherers: History, evolution and social change* (pp. 207-221). New York: St. Martin's Press.

(1996). The adaptive legacy of human evolution: A search for the environment of evolutionary adaptedness. *Evolutionary Anthropology, 4,* 194-203.

Folsom, A. R., Kaye, S. A., Sellers, T. A., Hong, Q, Cerhan, J. R„ Potter, J. D. *et al.* (1993). Body fat distribution and 5-year risk of death in older women. *Journal of the American Medical Association, 269,* 483-487.

Folstad, I. and Karter, A. (1992). Parasites, bright males, and the immunocompetence handicap. *American Naturalist, 139,* 603-622.

Ford, C. S. and Beach, F. A. (1952). *Patterns of sexual behavior.* New York: Harper.

Forestell, C. A., Humphrey, T. M. and Stewart, S. H. (2004). Involvement of body weight and shape factors in ratings of attractiveness by women: A replication and extension of Tassinary and Hansen (1998). *Personality and Individual Differences, 36,* 295-305.

Forgas, D. P. (1987). The role of physical attractiveness in the interpretation of facial expression cues. *Personality and Social Psychology Bulletin, 13,* 478-479.

Frable, D. E. (1987). Sex-typed execution and perception of expressive *movement. Journal of Personality and Social Psychology, 53,* 391-396.

Franzoi, S. L. (1995). The body-as-object versus the body-as-process: Gender differences and gender considerations. *Sex Roles, 33,* 417-437.

Franzoi, S. L. and Herzog, M. E. (1987). Judging physical attractiveness: What body aspects do we use? *Personality and Social Psychology Bulletin, 13,* 19-33.

Franzoi, S. L., Anderson, J. and Frommelt, S. (1990). Individual differences in men's perceptions and reactions to thinning hair. *Journal of Social Psychology, 130,* 209-218.

Frederick, D. A., Fessler, D. M. T. and Haselton, M. G. (2005). Do representations of male muscularity differ in men's and women's magazines? *Body Image: An International Journal of Research, 2,* 81-86.

Frederick, D. A. and Haselton, M. G. (2003). Muscularity as a communicative signal. Paper presentation at the International Communications Association, San Diego, California.

Freedman, D. G. (1969a, October). The survival value of the beard. *Psychology Today,* 36-39.

(1969b). *Human sociobiology.* New York: Free Press.

Freedman, R. E. K., Carter, M. M., Sbrocco, T. and Gray, J. J. (2004). Ethnic differences in preferences for female weight and waist-to-hip ratio: A comparison of African-American and White American college and community samples. *Eating Behaviors, 5,* 191-198.

Freese, J. and Meland, S. (2002). Seven tenths incorrect: Heterogeneity and change in the waist-to-hip ratios of *«Плэйбой»* centrefolds models and Miss America pageant winners. *Journal of Sex Research, 39,* 133-138.

French, S. A., Story, M„ Remafedi, G., Resnick, M. D. and Blum, R. W. (1996). Sexual orientation and prevalence of body dissatisfaction and eating disordered behaviours: A population-based study of adolescents. *InternationalJournal of Eating Disorders, 2,* 119-126.

Friedman, H. S., Riggio, R. E. and Casella, D. F. (1988). Nonverbal skill, personal charisma, and initial attraction. *Journal of Personality and Social Psychology, 14,* 203-211.

Frisby, C. M. (2006). "Shades of beauty": Examining the relationship of skin color to perceptions of physical attractiveness. *Facial Plastic Surgery, 22,* 175-179.

Frisch, R. E. (1987). Body fat, menarche, fitness and fertility. *Human Reproduction, 2,* 521-533.

(1988). Fatness and fertility *Scientific American, 258,* 88-95.

Frost, P. (1988). Human skin color: A possible relationship between its sexual dimorphism and its social perception. *Perspectives in Biology and Medicine, 32,* 38-58.

(1994a). Geographic distribution of human skin colour: A selective compromise between natural selection and sexual selection? *Human Evolution, 9,* 141-153.

(1994b). Preference for darker faces in photographs at different phases of the menstrual cycle: Preliminary assessment of evidence for a hormonal relationship. *Perceptual and Motor Skills, 79,* 507-514.

(2005). *Fair women, dark men: The forgotten roots of color prejudice.* Christchurch, New Zealand: Cybereditions.

(2006). European hair and eye color: A case of frequency-dependent sexual selection? *Evolution and Human Behavior, 27,* 85-103.

Furnham, A. (2001). Self-estimates of intelligence: Culture and gender difference in self and other estimates of both general *(g)* and multiple intelligences. *Personality and Individual Differences, 31,* 1381-1405.

Furnham, A. and Alibhai, N. (1983). Cross-cultural differences in the perception of female body-shapes. *Psychological Medicine, 13,* 829-837.

Furnham, A. and Baguma, P. (1994). Cross-cultural differences in the evaluation of male and female body shapes. *International Journal of Eating Disorders, 15,* 81-89.

Furnham, A. and Greaves, N. (1994). Gender and locus of control correlates of body image dissatisfaction. *European Journal of Personality, 8,* 183-200.

Furnham, A. and Nordling, R. (1998). Cross-cultural differences in preferences for specific male and female body shapes. *Personality and Individual Differences, 25,* 635-648.

Furnham, A. and Radley, S. (1989). Sex differences in the perceptions of male and female body shapes. *Personality and Individual Differences, 10,* 653-662.

Furnham, A. and Reeves, E. (2006). The relative influence of facial neoteny and waist-to-hip ratio on judgements of female attractiveness and fecundity. *Psychology, Health and Medicine, 11,* 129-141.

Furnham, A. and Swami, V. (2007). Perceptions of female buttocks and breast size in profile. *Social Behavior and Personality, 35,* 1-8.

Furnham, A., Dias, M. and McClelland, A. (1998). The role of body weight, waist-to-hip ratio, and breast size in judgments of female attractiveness. Sex *Roles,* 34, 311-326.

Furnham, A, Lavancy, M. and McClelland, A. (2001). Waist-to-hip ratio and facial attractiveness. *Personality and Individual Differences, 30,* 491-502.

Furnham, A, Moutafi, J. and Baguma, P. (2002). A cross-cultural study on the role of weight and waist-to-hip ratio on judgements of women's attractiveness. *Personality and Individual Differences, 32,* 729-745.

Furnham, A, Petrides, K. V. and Constantinides, A. (2005). The effects of body mass index and waist-to-hip ratio on ratings of female attractiveness, fecundity and health. *Personality and Individual Differences, 38,* 1823-1834.

Furnham, A, Swami, V. and Shah, K. (2006). Female body correlates of attractiveness and other ratings. *Personality and Individual Differences, 41,* 443-454.

Furnham, A, Tan, T, McManus, C. (1997). Waist-to-hip ratio and preferences for body shape: A replication and extension. *Personality and Individual Differences, 22,* 539-549.

Gangestad, S. and Kaplan, H. (2005). Life history theory and evolutionary psychology. In D. Buss (Ed.), *The handbook of evolutionary psychology* (pp. 68-95). New York: Wiley.

Gangestad, S. and Scheyd, G. J. (2005). The evolution of human physical attractiveness. *Annual Review of Anthropology, 34,* 523-548.

Gangestad, S. and Simpson, J. A. (2000). The evolution of human mating: Trade-offs and strategic pluralism. *Behavioral and Brain Sciences, 2,* 573-587.

Gangestad, S. and Thornhill, R. (1998). Menstrual cycle variation in women's preferences for the scent of symmetrical men. *Proceedings of the Royal Society of London B, 265,* 727-733.

Gangestad, S. and Thornhill, R. (2003). Facial masculinity and fluctuating asymmetry. *Evolution and Human Behavior, 24,* 231-241.

Gangestad, S. W, Simpson,J. A, Cousins, A.J, Garver-Apgar, C. E. and Christensen, P. N. (2004). Women's preferences for male behavioural displays change across the menstrual cycle. *Psychological Science, 15,* 203-207.

Gangestad, S. G, Haselton, M. G. and Buss, D. M. (2006). Toward an integrative understanding of evoked and transmitted culture: The importance of specialized psychological design. *Psychological Inquiry, 17,* 75-95.

Garner, D. M. (1997). The body image survey results. *Psychology Today, 30,* 30-47.

Garner, D. M„ Garfinkel, P. E„ Schwartz, D. and Thompson, M, (1980). Cultural expectations of thinness in women. *Psychological Reports, 47,* 483-491.

Gaut, B. and Lopes, D. M. (2001). *The Routledge companion to aesthetics.* London: Routledge.

Gettelman, T. E. and Thompson, J. *K. (1993).* Actual differences and stereotypical perceptions in body image and eating disturbance: A comparison of male and female heterosexual and homosexual samples. *Sex Roles, 29,* 545-562.

Ghannam, F. (1997). Fertile, plump and strong: The social construction of female body in low income Cairo. *Monographs in Reproductive Health Number 3.* Cairo: Population Council Regional Office for West Asia and North Africa.

Gillis, J. S. and Avis, W. E. (1980). The male-taller norm in mate selection. *Personality and Social Psychology Bulletin, 6,* 396-401.

Gilman, E. B. (1980). Word and image in Quarles' "Emblemes." *Critical Inquiry, 6,* 385-410.

Gitter, A. G, Lomranz, J. and Saxe, L. (1982). Factors affecting perceived attractiveness of male physiques by American and Israeli students.*Journal of Social Psychology, 118,* 167-175.

Gitter, A., Lomranz, J. Saxe, L. and Bar-Tal, D. (1983). Perception of female physique characteristics by American and Israeli students.*Journal of Social Psychology, 121,* 7-13.

Gladue, B. A. and Delaney, H. J. (1990). Gender differences in perception of attractiveness of men and women in bars. *Personality and Social Psychology Bulletin, 16,* 378-391.

Gordon, A. I. (1964). *Intermarriage.* Boston, MA: Beacon Press.

Gordon, R. A. (2000). *Eating disorders: Anatomy of a social epidemic* (2nd edn). Oxford: Blackwell.

Gosselin, C. (1984). Hair loss, personality and attitude. *Personality and Individual Differences, 5,* 365-369.

Gould, J. and Gould, C. G. (1989). *Sexual selection.* New York: Scientific American Library.

Gould, S. (1980). Is a new and general theory of evolution emerging? *Paleobiology, 6,* 119-130.

Gould, S.J. (1981). *The mismeasures of man.* Harmondsworth: Penguin.

Gould, S. J. and Lewontin, R. C. (1979). The spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: A critique of the adaptationist programme. *Proceedings of the Royal Society of London, 205,* 581-598.

Graham, J. A. and Jouhar, A. J. (1981). The effects of cosmetics on person perception. *International Journal of Cosmetic Science, 3,*199-210.

Grammer, K. (1989). Human courtship behaviour: Biological basis and cognitive processing. In A. E. Rasa, C. Vogel and E. Voland (Eds.), *The sociobiology of sexual and reproductive strategies* (pp. 147-169). London: Chapman and Hall.

Grammer, K. and Atzwanger, K. (1994). Der Lolita-Komplex: Sexuelle Attraktivat und Kindchenschema. In K. F. Wessel and F. Naumann (Eds.) *Kommunikation undHumanontogenese* (pp. 77-99). Bielefeld: Kleine Verlag.

Grammer, K. and Thornhill, R. (1994). Human *(Homo sapiens)* facial attractiveness and sexual selection: The role of symmetry and averageness. *Journal of Computational Psychology, 108,* 233-242.

Grammer, K., Fink, B„ Moller, A. P. and Thornhill, R. (2003). Darwinian aesthetics: Sexual selection and the biology of beauty. *Biological Review, 78,* 385-407.

Gray, R. D., Heaney, M. and Fairhall, S. (2003). Evolutionary psychology and the challenge of adaptive explanation. In K. Sterelny and J. Fitness (Eds.), *From matingto mentality: Evaluating evolutionary psychology* (pp. 247-268). Hove, UK: Psychology Press.

Graziano, W, Brothen, T. and Berscheid, E. (1978). Height and attraction: Do men and women see eye-to-eye? *Journal of Personality, 46,* 128-145.

Graziosi, P. (1960). *Palaeolithic art.* New York: McGraw Hill.

Green, R. (1592/2005). *Philomela: The Lady Fitzwater's nightingale.* http://www.oxford-shakespeare.com

Greenberg, B. S„ Eastin, M„ Hofshire, L„ Lachlan, KL. and Brownell, K. D. (2003). The portrayal of overweight and obese persons in commercial television. *American Journal of Public Health, 93,* 1342-1348.

Greenhouse, S. (13 июля 2003г.). Going for the look, but risking discrimination. *New York Times.*

Greenlees, I. A. and McGrew, W. C. (1994). Sex and age differences in preferences and tactics of mate attraction: Analysis of published advertisements. *Ethology and Sociobiology, 15,* 59-72.

Griffiths, P. E. (2001). From adaptive heuristics to phylogenetic perspective: Some lessons from the evolutionary psychology of emotion. In H. R. Holcomb III (Ed.), *Conceptual challenges in evolutionary psychology* (pp. 309-325). Dordrecht: Kluwer.

Griffiths, R. W. and Kunz, P. R. (1973). Assortative mating: A study of physiognomic homogamy. *Social Biology, 20,* 448-453.

Griffiths, W. B. and Guay, P. (1969). "Object" evaluation and conditioned affect. *Journal of Experimental Research in Psychology, 4,* 1-8.

Gruber-Baldini, A. L, Schaie, K. W. and Willis, S. L. (1995). Similarity in married couples: A longitudinal study of mental abilities and rigidity-flexibility. *Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 191-203.

Guillen, E. O. and Barr, S. I. (1994). Nutrition, dieting and fitness messages in a magazine for adolescent women, 1970-1990. *Journal of Adolescent Health, 15,* 464-472.

Gunnell, D, May, M„ Ben-Sholomo, Y, Yarnell, J. and Smith, G. D. (2003a). Height, leg length and cancer: The Caerphilly Study. *Nutrition and Cancer, 47,* 34-39.

Gunnell, D„ Whitley, E„ Upton, M. N„ McConnachie, A., Davey Smith, G. and Watt, G. C. M. (2003b). Associations of height, leg length and lung function with cardiovascular risk factors in the Midspan Family Study. *Journal of Epidemiology and Community Health, 57,* 141-146.

Guo, S, Salisbury, S, Roche, A. F, Chumela, W. C. and Siervogel, R. M. (1994). Cardiovascular disease risk factor and body composition: A review. *Nutrition Research, 14,* 1721-1777.

Gurven, M, Allen-Arave, W, Hill, KL. and Hurtado, A. M. (2000a). "It"s a wonderful life': Signalling generosity among the Ache of Paraguay. *Evolution and Human Behavior, 21,* 263-282.

Gurven, M, Hill, K, Kaplan, H, Hurtado, A. M. and Lyies, R. (2000b). Food transfer among Hiwi foragers of Venezuela: Tests of reciprocity. *Human Ecology, 28,* 171-218.

Guthrie, R. D. (1976). *Body hot spots.* New York: Van Nostrand Reinhold.

Habermas, J. (1961/1992). *The structural transformation of the public sphere: Inquiry into a category of bourgeois society.* Cambridge: Polity Press.

Halkitis, P. N„ Green, K. A. and Wilton, L. (2004). Masculinity, body image, and sexual behavior in HIV-seropositive gay men: A two-phase formative behavioral investigation using the internet. *International Journal of Men's Health, 3,* 27-42.

Hall, E. T. (1966). *The hidden dimension.* New York: Doubleday.

Hall, J. A. (1984). *Nonverbal sex differences: Communication accuracy and expressive style.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Hall, K. (1995). *Things of darkness: Economies of race and gender in early modem England.* London: Cornell University Press.

Hamermesh, D. S. and Biddle, J. E. (1994). Beauty and the labor market. *American Economic Review, 84,* 1174-1194.

Hamilton, W. D. and Zuk, M. (1982). Heritable true fitness and bright birds: A role for parasites? *Science, 218,* 384-387.

Hankins, N. E., McKinnie, B. and Bailey, R. C. (1979). Effects of height, physique and cranial hair on job-related attributes. *Psychological Reports, 45,* 853-854.

Harms, L. S. (1963). Listener comprehension of speakers of three status groups. *Language Speech, 4,* 109-112.

Harrison, K. (1997). Does interpersonal attraction to thin media personalities promote eating disorders? *Journal of Broadcasting and Electronic Media, 41,* 478-500.

(2003). Television viewers' ideal body proportions: The case of the curvaceously thin woman. *Sex Roles, 48,* 255-264.

Harwood, J. and Anderson, K. (2002). The presence and portrayal of social groups on prime-time television. *Communication Reports, 15,* 81-97.

Haselton, M. G. and Gangestad, S. W (2006). Conditional expression of women's desires and men's mate guarding across the ovulatory cycle. *Hormones and Behavior, 49,* 509-518.

Hassin, R. and Trope, Y. (2000). Facing faces: Studies on the cognitive aspects of physiognomy. *Journal of Personality and Social Psychology, 78,* 837-852.

Hatfield, E. and Sprecher, S. (1986). *Mirror, mirror... The importance of looks in everyday life.* Albany, NY: University of New York Press.

Hattori, K. (1995). Physique of Sumo wrestlers in relation to some cultural characteristics of Japan. In I. De Garine and N.J. Pollock (Eds.), *Social aspects of obesity* (pp. 32-39). Amsterdam: Gordon and Breach.

Hayduk, L. A. (1983). Personal space: Where we now stand. *Psychological Bulletin, 94,* 293-335.

Heaney, M. (2000). Male preference for female waist-to-hip ratio: Evolutionary adaptation, cultural confound, or methodological artefact? Honours dissertation, Department of Psychology, University of Auckland.

Heilman, M. E. and Saruwatari, L. R. (1979). When beauty is beastly: The effects of appearance and sex on evaluations of job applicants for managerial and nonmanagerial jobs. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 23,* 360-372.

Heinberg, L. J. and Thompson, J. K. (1995). Body image and televised images of thinness and attractiveness: A controlled laboratory *investigation. Journal of Social and Clinical Psychology, 14,* 325-338.

Heinberg, L. J., Thompson, J. K. and Stormer, S. (1995). Development and validation of the Sociocultural Attitudes Towards Appearance Questionnaire. *International Journal of Eating Disorders, 17,* 81-89.

Henderson, J. J. A. and Anglin, J. M. (2003). Facial attractiveness predicts longevity. *Evolution and Human Behavior, 24,* 351-356.

Henrich, I and Gil-White, F.J. (2001). The evolution of prestige: Freely conferred deference as a mechanism for enhancing the benefits of cultural transmission. *Evolution and Human Behavior, 22,* 165-196.

Hensley, W. E. (1994). Height as a basis for interpersonal attraction. *Adolescence, 29,* 469-474.

Henss, R. (1995). Waist-to-hip ratio and attractiveness. Replication and extension. *Personality and Individual Differences, 19,* 479-488.

(2000). Waist-to-hip ratio and female attractiveness. Evidence from photographic stimuli and methodological considerations. *Personality and Individual Differences, 28,* 501-513.

— (2001). Social perceptions of male pattern baldness. *Dermatology and Psychosomatics, 2,* 63-71.

Herbozo, S., Tantleff-Dunn, S., Gokee-Larose, J. and Thompson, J. K. (2004). Beauty and thinness messages in children's media: A content analysis. *Eating Disorders, 12,* 21-34.

Herzog, D. B., Newman, K. L. and Warshaw, M. (1991). Body image dissatisfaction in homosexual and heterosexual males. *Journal of Nervous and Mental Disease, 179,* 356-359.

Heslin, R. (1978). Responses to touching as an index of sex-role norms and attitudes. Доклад, представленный на ежегодном собрании Американской психологической ассоциации, Торонто, август.

Heslin, R. and Alper, T. (1983). Touch: A bonding gesture. In J. M. Wiemannand R. P. Harrison (Eds.), *Nonverbal interaction* (pp. 47-75). Beverly Hills, CA: Sage.

Hess, N. C. and Hagen, E. H. (2002). *Informational warfare.* Онлайновая публикация на Cogprints (http://cogprints.org/2112).

Hesse-Biber, S. (1996). *Am I thin enough yet? The cult of thinness and the commercialisation of identity.* New York: Oxford University Press.

Hewes, G. W. (1957). The anthropology of posture. *Scientific American, 196,* 123-132.

Heywood, J. S. (1989). Sexual selection by the handicap mechanism. *Evolution, 43,* 1387-1397.

Higham, P. A. and Garment, W. D. (1992). The rise and fall of politicians: The judged heights of Broadbent, Mulroney and Turner before and after the 1988 Canadian federal election. *Canadian Journal of Behavioral Science, 24,* 404-409.

Hildebrandt, K. A. and Fitzgerald, H. E. (1981). Physical appearance cues and interpersonal attraction in children. *Child Development, 45,* 305-310.

Hill, M. E. (2002). Skin color and the perception of attractiveness among African Americans: Does gender make a difference? *Social Psychology Quarterly, 65,* 77-91.

Hinsz, V. B. (1989). Facial resemblance in engaged and married couples. *Journal of Social and Personality Relationships, 6,* 223-229.

Ho, H. S. (1986). Assortat.ive mating in unwed-birth parents? Adoptive and nonadoptive parents. *Social Biology, 33,* 77-86.

Hofstede, G. (1983). Dimensions of national cultures in fifty countries and three regions. In J. Deregowski, S. Dzuirawiec and R. Annis (Eds.), *Explications in cross-cultural psychology* (pp. 335-355). Lisse, Switzerland: Swets and Zietlinger.

Hogg, M. A. and Vaughan, G. M. (2005). *Social psychology* (4th edn). Harlow: Pealson.

Holmberg, A. R. (1946). The Siriono: A study on the effect of hunger frustration on the culture of a semi-nomadic Bolivian Indian society.

Holmes, J. G. (2002). Interpersonal expectations as the building blocks of social cognition: An interdependence theory perspective. *Personal Relationships, 9,* 1-26.

Horai, J., Naccari, N. and Fatoullan, E. (1974). The effects of expertise and physical attractiveness upon opinion agreement and liking. *Sociometry, 37,* 601-606.

Horn, M. J. and Gurel, L. M. (1981). *The second skin* (3rd edn). Boston, MA: Houghton Mifflin.

Hovath, T. (1979). Correlates of physical beauty in men and women. *Social Behaviour and Personality, 7,* 145-151.

Huang, Z., Willet, W. C. and Colditz, G. A. (1999). Waist circumference, waist:hip ratio, and risk of breast cancer in the Nurses' Health Study. *American Journal of Epidemiology, 150,* 1316-1324.

Huenemann, R. L., Shapiro, L. R., Hampton, M. C. and Mitchell, B. (1966). A longitudinal study of gross body composition and body confirmation and their association with food and activity in a teenage population. *American Journal of Clinical Nutrition, 18,* 325-338.

Hughes, K. A., Du, L„ Rodd, F. H. and Reznick, D. N. (1999). Familiarity leads to female mate preference for novel males in the guppy, *Poecilia reticulata. Animal Behaviour, 58,*907-916.

Hughes, S. M. and Gallup Jr., G. G. (2003). Sex differences in morphological predictors of sexual behavior: Shoulder-to-hip and waist-to-hip ratios. *Evolution and Human Behavior, 24,* 173-178.

Hughes, S. M., Dispenza, F. and Gallup Jr., G. G. (2004). Ratings of voice attractiveness predict sexual behavior and body configuration. *Evolution and Human Behavior, 25,* 295-304.

Hughes, S. M., Harrison, M. A. and Gallup Jr., G. G. (2002). The sound of symmetry: Voice as a marker of developmental instability. *Evolution and Human Behavior, 23,* 173-180.

Hume, D. (1757). *Four dissertations. IV: Of the standard of taste.* London: Millar.

Humphreys, P. and Paxton, S. J. (2004). Impact of exposure to idealized male images on adolescent boys' body image. *Body Image: An International Journal of Research,* 7, 253-266.

Huston, T. (1974). *Foundations of interpersonal attraction.* London: Academic Press.

Huxley, J. S. (1938). The present standing of the theory of sexual selection. In G. R. de Beer (Ed.), *Evolution: Essays on aspects of evolutionaiy biology* (pp. 11-42). Oxford: Clarendon Press.

Irving, L. M„ Wall, M„ Neumark-Sztainer, D. and Story, M. (2002). Steroid use among adolescents: Findings from Project EAT.*Journal of Adolescent Health, 30,* 243-252.

Iwasa, Y., Pomiankowski, A. and Nee, S. (1991). The evolution of costly mate preferences: the handicap principle. *Evolution, 45,* 1431-1442.

Jablonski, N. G. and Chaplin, G. (2000). The evolution of human skin coloration.*Journal of Human Evolution, 39,* 57-106.

Jackson, K. M. and Aiken, L. S. (2000). A psychosocial model of sun protection and sunbathing in young women: The impact of health beliefs, attitudes, norms and self-efficacy for sun protection. *Health Psychology, 13,* 86-90.

Jackson, L. A. (1992). *Physical appearance and gender: Sociobiological and sociocultural perspectives.* Albany, NY: State University of New York Press.

Jackson, L. A. and Ervin, K. S. (1992). Height stereotypes of women and men: The liabilities of shortness for both *sexes. Journal of Social Psychology, 132,* 433-445.

Jacobi, L. and Cash, T. F. (1994). In pursuit of the perfect appearance: Discrepancies among self-ideal perceptions of multiple physical attributes../oM??2a/ *of Applied Social Psychology, 24,* 379-396.

Jacobson, M. B. (1981). Effects of victim's and defendant's physical attractiveness on subjects' judgements in a rape case. *Sex Roles,* 7, 247-255.

Jaffe, K. (1999). On the adaptive value of some mate selection strategies. *Acta Biotheoretica, 47,* 29-40.

— — *(2000).* Emergence and maintenance of sex among diploid organisms aided by assortative mating. *Acta Biotheoretica, 48,* 137-147.

(2001). On the relative importance of haplo-diploidy, assortative mating and social synergy on the evolutionary emergence of social behavior. *Acta Theoretica, 49,* 29-42.

(2002). On sex, mate selection and evolution: An exploration. *Comments on Theoretical Biology, 7,* 91-107.

Jaffe, K. and Chaconpuignau, G. (1995). Assortative mating: Sex-differences in mate selection for married and unmarried couples. *Human Biology, 67,* 111-120.

Jasienka, G., Ziomkiewicz, A., Ellison, P. T., Lipson, S. F. and Thune, I. (2004). Large breasts and narrow waists indicate high reproductive potential in women. *Proceedings of the Royal Society of London B, 271,* 1213-1217.

Jeffreys, S. (2005). *Beauty and misogyny: Harmful cultural practices in the west.* London: Routledge.

Jelinek, J. (1975). *The pictorial encyclopedia of the evolution of man.* London: Hamlyn.

Jennings, M. K. and Niemi, R. G. (1968). The transmission of political values from parent to child. *American Political Review, 62,* 546-575.

Jensen-Campbell, L„ Graziano, W. G. and West, S. G. (1995). Dominance, prosocial orientation, and female preferences: Do nice guys really finish last? *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 427-440.

Johnson, K. and Tassinary, L. (2005). Perceiving sex directly and indirectly. *Psychological Science, 16,* 890-897.

Johnson, K. L. and Tassinary, L. G. (2007). Interpersonal metaperception: The importance of compatibility in the aesthetic appreciation of bodily cues. In V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionaiy and socio-culturalperspectives.* London: Macmillan.

Johnston, V. S. and Franklin, M. (1993). Is beauty in the eye of the beholder? *Ethology and Sociobiology, 14,* 183-199.

Johnston, V. S, Hagel, R,, Franklin, M,, Fink, B. and Grammer, K. (2001). Male facial attractiveness: Evidence for hormone medicated adaptive design. *Evolution and Human Behavior, 21,* 251-267.

Joiner Jr., T. E, (1994). The interplay of similarity and self-verification in relationship formation. *Social Behavior and Personality, 22,* 195-200.

Jones, B. C, Little, A. C, Feinberg, D. R. and Penton-Voak, I. S. (2004). The relationship between shape symmetry and perceived skin condition in male facial attractiveness. *Evolution and Human Behavior, 25,* 24-30.

Jones, B. T, Jones, B. C, Thomas, A. P. and Piper, J. (2003). Alcohol consumption increases attractiveness ratings of opposite-sex faces: A possible third route to risky sex. *Addiction, 98,* 1069-1075.

Jones, D. (1995). Sexual selection, physical attractiveness and facial neoteny. *Current Anthropology, 36,* 723-748.

(1996). *Physical attractiveness and the theory of sexual selection.* Ann Arbor, MI: Museum of Anthropology, University of Michigan.

(1999). Evolutionary psychology. *Annual Review of Anthropology, 28,* 553-575.

(2001). Social comparison and body image: Attractiveness comparisons to models and peers among adolescent boys and girls. *Sex Roles, 45,* 645-664.

Jones, P. R. M, Hunt, M. J., Brown, T. P. and Norgan, N. G. (1986). Waist-hip circumference ratio and its relation to age and overweight in British men. *Human Nutrition: Clinical Nutrition, 40,* 239-247.

Jones, S. E. and Yarbrough, A. E. (1985). A naturalistic study of the meanings of touch. *Communication Monographs, 52,* 19-56.

Jorgensen, B. W. and Cervone, J. C. (1978). Affect enhancement in the pseudo recognition task. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4,* 285-288.

Jourard, S. M. (1966). An exploratory study of body-accessibility. *British Journal of Social and Clinical Psychology, 5,* 221-231.

Judge, T. A. and Cable, D. M. (2004). The effect of physical height on workplace success and income: Preliminary test of a theoretical model. *Journal of Applied Psychology, 89,* 428-441.

Junqueira, L. C, Carneiro, J. and Kelley, R. 0. (1995). *Basic histology* (8th edn). Norwalk CT: Appleton and Lange.

Kaplan, H. and Gangestad, S. (2005). Life history theory and evolutionary psychology. In D. M. Buss (Ed.), *The handbook of evolutionary psychology* (pp. 68-95). New York: Wiley.

Katz, A. M. and Hill, R. (1958). Residential propinquity and marital selection. *Marriage and Family Living, 20,* 27-35.

Kaye, S. A, Folsom, A. R, Prineas, R.J. and Gapstur, S. M. (1990). The association of body fat distribution with lifestyle and reproductive factors in a population study of post-menopausal women. *International Journal of Obesity, 14,* 583-591.

Keenan, K. (1996). Skin tones and physical features of blacks in magazine advertisements. *Journalism and Mass Communication Quarterly, 73,* 905-912.

Keith, V. M. and Herring, C. (1991). Skintone and stratification in the black community. *American Journal of Sociology, 97,* 760-778.

Kelley, H. H,, Holmes, J. G,, Kerr, N. L,, Reis, H. T, Rusbult, C. E. and van Lange, P. A. M. (2003). *An atlas of interpersonal situations.* New York: Cambridge University Press.

Kenny, C. T. and Fletcher, D. (1973). Effects of beardedness on person perception. *Perceptual and Motor Skills, 37,* 413-414.

Kenrick, D. T. and Keefe, R. C. (1992). Age preferences in mates reflect sex differences in human reproductive strategies. *Behavioral and Brain Sciences, 15,* 75-133.

Kenrick, D. T, Keefe, R. C, Bryan, A., Barr, A. and Brown, S. (1995). Age preferences and mate choice among homosexuals and heterosexuals: A case for modular psychological mechanisms. *Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 1166-1172.

Kenrick, D. T, Li, N. P. and Butner, J. (2003). Dynamical evolutionary psychology: Individual decision rules and emergent social norms. *Psychological Review, 110,* 3-28.

Kenrick, D. T, Sadalla, E. K„ Groth, G. and Trost, M. R. (1990). Evolution, traits and the stages of human courtship: Qualifying the parental investment model. *Journal of Personality, 58,* 97-117.

Kenrick, D. T, Trost, M. R. and Sheets, V. L. (1996). Power, harassment, and trophy mates: The feminist advantages of an evolutionary perspective. In D. M. Buss and N. M. Malamuth (Eds.), *Sex, power and conflict: Evolutionary and feminist perspectives* (pp. 29-53). New York: Oxford University Press.

Kilbourne, J. (1994). Still killing us softly: Advertising and the obsession with thinness. In P. Fallen, M. A. Katzman and S. C. Wooley (Eds.), *Feminist perspectives on eating disorders* (pp. 395-418). New York: Guilford Press.

Kim, H. and Markus, H. R. (1999). Deviance or uniqueness, harmony or conformity? A cultural analysis. *Journal of Personality and Social Psychology, 77,* 785-800.

Kim, M. P. and Rosenberg, S. (1989). The effects of involvement on persuasion: A meta-analysis. *Psychological Bulletin, 106,* 290-314.

Kirchengast, S. and Huber, J. (1999). Body composition characteristics, sex hormone levels and circadian gonadotrophin fluctuations in infertile young women. *Collegium Anthropologicum, 23,* 407-423.

Kirkpatrick, M. and Ryan, M. J. (1991). The evolution of mating preferences and the paradox of the lek. *Nature, 350,* 33-38.

Kirschner, M. A. and Samojlik, E. (1991). Sex hormone metabolism in upper and lower body obesity. *International Journal of Obesity, 15,* 101-108.

Kissebah, A. H. and Krakower, G. R. (1994). Regional adiposity and mortality. *Physiological Review, 74,* 761-811.

Kitayama, S, Markus, H. R„ Matsumoto, H. and Norasakkunkit, U. (1997). Individual and collective processes in the construction of the self: Self-enhancement in the United States and self-criticism in Japan. *Journal of Personality and Social Psychology, 72,* 1245-1267.

Kitcher, R (1985). *Vaulting ambition: Sociobiology and the quest for human nature.* Cambridge, MA: MIT Press.

(2004). Evolutionary theory and the social uses of biology. *Biology and Philosophy, 19,* 1-15.

Kleck, R. E, Richardson, S. A. and Ronald, L. (1974). Physical appearance cues and interpersonal attraction in children. *Child Development, 45,* 305-310.

Klein, H. and Shiftman, K. S. (2006). Messages about physical attractiveness in animated cartoons. *Body Image: An International Journal of Research, 3,* 353-363.

Kleinke, C. L. (1986). Gaze and eye contact: A research review. *Psychological Bulletin, 100,* 78-100.

Kleinke, C. and Staneski, R. (1980). First impressions of female bust size. *Journal of Soda! Psychology, 110,* 123-134.

Kleinke, C. L, Bustos, A. A., Meeker, F. B. and Staneski, R. A. (1973). Effects of self-attributed and other-attributed gaze on interpersonal evaluations between males and females. *Journal of Experimental Social Psychology, 9,* 154-163.

Klohnen, E. C. and Mendelsohn, G. A. (1998). Partner selection for personality characteristics: A couple-centred approach. *Personality and Social Psychology Bulletin, 24,* 268-278.

Knapp, M. L. (1978). *Nonverbal communication in human interaction* (2nd edn). New York: Holt, Rinehart and Winston.

Kniffin, K. M. and Wilson, D. S. (2004). The effect of non-physical traits on the perception of physical attractiveness: Three naturalistic studies. *Evolution and Human Behavior, 25,*88-101.

Knight, D., Davies, P., Swami, V. and Tovee, M.J. (2004). The relative contributions of body-mass index (BMI) and waist-to-hip ratio (WHR) on Samoan adolescent male perceptions of female attractiveness. *Archives of Disease in Childhood, 89* (Supplement 1), A17.

Koehler, N„ Rhodes, G. and Simmons, L. W. (2002). Are human female preferences for symmetrical male faces enhanced when conception is likely? *Animal Behaviour, 64,* 233-238.

Koehler, N., Simmons, L. W., Rhodes, G. and Peters, M. (2004). The relationship between sexual dimorphism in human faces and fluctuating asymmetry. *Proceedings of the Royal Society of London B, 271* (Supplement 4), S233-236.

Koff, E. and Benevage, A. (1998). Breast size perception and satisfaction, body image, and psychological functioning in Caucasian and Asian American college women. *Sex Roles, 38,* 655-673.

Kokko, H. (2001). Fisherian and "good genes" benefits of mate choice: How (not) to distinguish between them. *Ecology Letters, 4,* 159-165.

Kokko, H., Brooks, R., Jennions, M. and Morley, J. (2003). The evolution of mate choice and mating biases. *Proceedings of the Royal Society of London B, 270,* 653-664.

Kokko, H„ Jennions, M. D. and Brooks, R. (2006). Unifying and testing models of sexual selection. *Annual Reviews of Ecology, Evolution and Systematics, 37,* 43-66.

Kondrashov, A. S. and Kondrashov, F. A. (1999). Interactions among quantitative traits in the course of symaptric speciation. *Nature, 400,* 351-354.

Kopelman, P. G. (2000). Obesity as a medical problem. *Nature, 404,* 635-643.

Kosambi, D. and Raghavachari, D. (1962). Seasonal variation in the Indian birth rate. *Annals of Eugenics, 16,* 173.

Kraig, K. A. and Keel, R K. (2001). Weight-based stigmatization in children. *International Journal of Obesity, 25,* 1661-1666.

Krauss, R. M., Freyberg, R. and Morsella, E. (2002). Inferring speakers' physical attributes from their voices. *Journal of Experimental Social Psychology, 38,* 618-625.

Krusse, M. I. and Fromme, K. (2005). Influence of physical attractiveness and alcohol on men's perceptions of potential sexual partners and sexual behavior intentions. *Experimental and Clinical Psychopharmacology, 13,* 146-156.

Kulka, R. A. and Kessler, J. D. (1978). Is justice really blind? The influence of litigant physical attractiveness on juridical *judgements. Journal of Applied Social Psychology,* 5,366-381.

Kurtz, D. L. (1969). Physical appearance and stature: Important variables in sales recruiting. *Personnel Journal, 48,* 981-983.

LaFrance, M. and Mayo, C. (1976). Racial differences in gaze behavior during conversations: Two systematic observational studies.*Journal of Personality and Social Psychology, 33,* 547-552.

Lake, J. K., Power, C. and Cole, T.J. (1997). Women's reproductive health: The role of body mass index in early and adult life. *International Journal of Obesity, 21,* 432-438.

Lakkis, J., Ricciardelli, L. A. and Williams, R.J. (1999). Role of sexual orientation and gender-related traits in disordered eating. *Sex Roles, 41,* 1-16.

Landy, D. and Sigall, H. (1974). Beauty is talent: Task evaluation as a function of the performer's physical attractiveness./омта/ *of Personality and Social Psychology, 29,* 299-304.

Lane, I. M. and Messe, L. A. (1971). Equity and the distribution of *rewards. Journal of Personality and Social Psychology, 20,* 1-17.

Langlois, J., Ritter, J., Casey, R. and Swain, D. (1995). Infant attractiveness predicts maternal behaviors and attitudes. *Developmental Psychology, 31,* 464-472.

Langlois,J. H., Kalakanis, L. E., Rubenstein, A.J., Larson, A. D., Hallam, M.J. and Smoot, M. T. (2000). Maxims and myths of beauty: A meta-analytic and theoretical review. *Psychological Bulletin, 126,* 390-423.'

Langlois, J. H., Ritter, J. M„ Roggman, L. A. and Vaughn, L. S. (1991). Facial diversity and infant preferences for attractive faces. *Developmental Psychology, 27,* 79-84.

Lanska, D. J., Lanska, M. J., Hartz, A. J. and Rimm, A. A. (1985). Factors influencing anatomical location of fat tissue in 52,953 women. *International Journal of Obesity, 9,* 29-38.

Latner, J. D. and Stunkard, A.J. (2003). Getting worse: The stigmatization of obese children. *Obesity Research, 11,* 452-456.

Lauer, R. H. and Lauer, J. C. (1994). *Marriage and family: The quest for intimacy.* Madison: Brown and Benchmark.

Laurenceau, J. P., Barrett, L. F. and Peitromonaco, P. R. (1998). Intimacy as an interpersonal process: The importance of self-disclosure, partner disclosure and perceived partner responsiveness in interpersonal exchanges. *Journal of Personality and Social Psychology, 74,* 1238-1251.

LaVelle, M. (1995). Natural selection and developmental sexual variation in the human pelvis. *American Journal of Physical Anthropology, 98,* 59-72.

Lavrakas, P. J. (1975). Female preferences for male physique. *Journal of Research in Personality, 9,* 324-334.

Lawson, E. D. (1971). Hair color, personality, and the observer. *Psychological Reports,* 25, 311-322.

Lean, M. E., Han, T. S. and Morrison, C. E. (1995). Waist circumference as a measure for indicating need for weight management. *British Medical Journal, 311,* 158-161.

Lee, K., Gray, E. and Mahler, H. I. (2004). Effects of magazine ads on mood and attitudes toward tanning. Paper presented at the Annual Meeting of the Society for Behavioral Medicine.

Lee, S. (1996). Reconsidering the status of anorexia nervosa as a western culture-bound syndrome. *Social Science and Medicine, 42,* 21-34

(1998). Global modernitv and eating disorders in Asia. *European Eating Disorders Review, 6,* 151-153.

Lee, S. and Lee, A. M. (2000). Disordered eating in three communities of China: A comparative study of female high school students in Hong Kong, Shenzhen, and rural Hunan. *International Journal of Eating Disorders, 27,* 317-327.

Le Grand, R., Mondloch, C. J., Maurer, D. and Brent, P. (2001). Early visual experience and face processing. *Nature, 410,* 890.

Leit, R. A., Pope, Jr., H. G. and Gray, J. J. (2001). Cultural expectations of muscularity in men: The evolution of *Playgirl* centrefolds. *International Journal of Eating Disorders, 29,* 90-93.

Leitch, I. (1951). Growth and health. *British Journal of Nutrition, 5,* 142-151.

Leong, A. (2006). Sexual dimorphism of the pelvic architecture: A struggling response to destructive and parsimonious forces by natural and mate selection. *McGill Journal of Medicine, 9,* 61-66.

Lerner, R. M. (1969). The development of stereotyped expectancies of body build-behaviour relations. *Child Development, 40,* 137-141.

Leroi-Gourhan, A. (1968). *The art of prehistoric man in western Europe.* London: Thames and Hudson.

Leslie, M. (1995). Slow fade to advertising in *Ebony* magazine, 1957-1989. *Journalism and Mass Communication Quarterly, 72,* 426-435.

Lester, D. and Sheehan, D. (1980). Attitudes of supervisor toward short police officers. *Psychological Reports, 47,* 462.

Leung, F., Lam, S. and Sze, S. (2001). Cultural expectations of thinness in Chinese women. *Eating Disorders, 9,* 339-350.

Levesque, M.J. and Vichesky, D. R. (2006). Raising the bar on the body beautiful: An analysis of the body image concerns on homosexual men. *Body Image: An International Journal of Research, 3,* 45 -55.

Levi-Strauss, C. (1963). *Structural anthropology.* New York: Basic Books.

Levine, M. P. and Smolak, L. (1996). Media as a context for the development of disordered eating. In L. Smolak, M. P. Levine and R. Strigel-Moore (Eds.), *The developmentalpsychopathology of eating disorders: Implications for research, prevention and treatment* (pp. 235-257). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Lewontin, R. C. (1978). Adaptation. *Scientific American, 239,* 156-169.

Li, N. P., Bailey, J. M., Kenrick, D. T. and Linsenmeier, J. A. (2002). The necessities and luxuries of mate preferences: Testing the tradeoffs .*Journal of Personality and Social Psychology, 82,*947-955.

Little, A. C., Burt, D. M., Penton-Voak, I. S. and Perrett, D. I. (2001). Self-perceived attractiveness influences human female preferences for sexual dimorphism and symmetry in male faces. *Proceedings of the Royal Society of London B, 268,* 39-44.

Little, A. C„ Penton-Voak, I. S„ Burt, D. M. and Perrett, D. I. (2003). Investigating an imprinting-like phenomenon in humans: Partners and opposite-sex parents have similar hair and eye colour. *Evolution and Human Behavior, 24,* 43-51.

Liu, J. H., Campbell, S. M. and Condie, H. (1995). Ethnocentrism in dating preferences for an American sample: The ingroup bias in social context. *European Journal of Social Psychology, 25,* 95-115.

Loh, E. S. (1993). The economic effects of physical appearance. *Social Science Quarterly, 71, 130-141.*

Lombroso, C. (1895). Criminal anthropology. *The Forum, 20,* 33-49.

Lorenzi-Cioldi, F. and Clemence, A. (2001). Group processes and the construction of social representations. In M. A. Hogg and R. S. Tindale (Eds.), *Blackwell handbook of social psychology: Group processes* (pp. 311-333). Oxford: Blackwell.

Lott, A. J. and Lott, B. E. (1972). The power of liking: Consequences of interpersonal attitudes derived from a liberalized view of secondary reinforcement. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 6, pp. 109-148). New York: Academic Press.

(1974). The role of reward in the formation of positive interpersonal attitudes. In T. L. Huston (Ed.), *Foundations of interpersonal attraction* (pp. 171-189). New York: Academic Press.

Louie, K (2002). *Theorising Chinese masculinity: Society and gender in China.* Cambridge: Cambridge University Press.

Love, B. (1994). *The encyclopedia of unusual sexual practises.* London: Barricade Books.

Low, B. S. (1979). Sexual selection and human ornamentation. In N. A, Chagnon and W. Irons (Eds.), *Evolutionary biology and human social behavior.* North Scituate, MA: Duxbury.

Lundy, D. E., Tan, J. and Cunningham, M. R. (1998). Heterosexual romantic preferences: The importance of humor and physical attractiveness for different types of relationships. *Personal Relationships, 5,* 311-325.

Luo, S. and Klohnen, E. C. (2005). Assortative mating and marital quality in newly-weds: A couple-centered approach. *Journal of Personality and Social Psychology, 88,* 304-326,

Luszyk, D. (2001). Gender-specific mating preferences: A contribution to the discussion between evolutionary psychology and social role theory. *Zeitschrift fuer Sozialpsychologie, 32,* 95-106.

Lynch, S. M. and Zellner, D. A. (1999). Figure preferences in two generations of men: The use of figure drawings illustrating differences in muscle mass. *Sex Roles, 40,* 833-843.

Lytton, H. and Romney, D. M. (1991). Parents' differential socialization of boys and girls: A meta-analysis. *Psychological Bulletin, 109,* 267-296.

McArthur, L. and Ross, J. (1997). Attitudes of registered dietitians toward personal overweight and overweight clients. *Journal of the American Dietetic Association, 97,* 63-66.

McBurney, D. H. and Streeter, S. A. (2007). Waist-to-hip ratios and female attractiveness: Comparing apples, oranges, and pears. In. V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionary and socio-cultural perspectives.* London: Macmillan.

McClelland, D. C., (1985). *Human motivation.* Glenview, IL: Scott, Foresman.

McCreary, D. R. and Sadava, S. W. (2001). Gender differences in relationships among perceived attractiveness, life satisfaction and health in adults as a function of body mass index and perceived weight. *Psychology of Men and Masculinity, 2,* 108-116.

McCreary, D. R. and Sasse, D. K. (2000). Exploring the drive for muscularity in adolescent boys and girls. *Journal of American College Health, 48,* 297-304.

(2002). Gender differences in high school students' dieting behavior and their correlates. *International Journal of Men's Health, 1,* 195-213.

McCreary, D. R., Saucier, D. M. and Courtenay, W. H. (2005). The drive for muscularity and masculinity: Testing the associations among gender-role traits, behaviors, attitudes, and conflict. *Psychology of Men and Masculinity, 6,* 83-94.

McGarvey, S. (1991). Obesity in Samoans and a perspective in its aetiology in Polynesians. *American Journal of Clinical Nutrition, 53,* 86-94.

McGraw, K. J. (2002). Environmental predictors of geographic variation in human mating preferences. *Ethology, 108,* 303-317.

McKeigue, P. M., Shah, B. and Marmot, M. G. (1991). Relation of central adiposity and insulin resistance with high diabetes prevalence and cardiovascular risk in South Asians. *Lancet, 337,* 382-386.

McLain, D. K., Setters, D„ Moulton, M. P. and Pratt, A. E. (2000). Ascription of resemblance of newborns by parents and non-relatives. *Evolution and Human Behavior, 21,* 11-23.

McLellan, B. and McKelvie, S. J. (1993). Effccts of age and gender on perceived facial attractiveness. *Canadian Journal of Behavioral Science, 25,* 135-142.

Maddox, K. (2004). Perspectives on racial phenotypicality bias. *Personality and Social Psychology Review, 8,* 383-401.

Maier, R. and Lavrakas, P.J. (1984). Attitudes towards women, personality rigidity, and idealized physique preferences in males. *Sex Roles, 11.* 425-433.

Maisev, D. M., Vale, E. L. E„ Cornelissen, P. L. and Tovee, M.J. (1999). Characteristics of male attractiveness for women. *Lancet, 353,* 1500.

Malcom, L. *W. G. (*1925). *Note on the seclusion* of girls among the Efik at Old Calabar. *Man,* 25, 113-114.

Malina, R. M„ Katzmarzyk, P. T, Song, T. M. K„ Theriault, G. and Bouchard, C. (1997). Somatvpe and cardiovascular risk factors of healthy adults. *American Journal of Human Biology, 9,* 11-19.

Malkin, A. R., Wornian, K. and Chrisler, J. C. (1999). Women and weight: Gendered messages on magazine covers. *Sex Roles. 40,* 647-655.

Malson, H. (1998). *The thin woman: Feminism,post-stmcturalism and the social psychology of anorexia newosa.* London: Routledge.

Mann, J. (2003, October 26). The uncovered poll. *Observer.*

Manning, J. T, Anderton, K. and Washington, S. M. (1996). Women's waist and the sex ratio of their progeny: Evolutionary aspects of the ideal female body shape. *Journal of Human Evolution, 31,* 41-47.

Maiming, J. T, Bundred, P. E. and Mather, F. M. (2004). Second to fourth digit ratio, sexual selection, and skin colour. *Evolution and Human Behavior, 25,* 38-50.

Manning, J. T., Trivers, R. L., Singh, D. and Thornhill, A. (1999). The mvsterv of female beauty. *Nature, 399,* 214-215.

Manson, J. E„ Willet, W. C„ Stampfer, M. J., Colditz, G. A, Hunter, D. J.. Hankinson. S. E. *et al.* (1995). Body weight and mortality among women. *New England Journal of Medicine, 333,* 677-685.

Markus, H. and Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review, 98,* 224-253.

Marlowe, F. (1998). The nubility hypothesis: The human breast as an honest signal of residual reproductive value. *Human Nature, 9,* 263-271.

Marlowe, F. (2005). Hunter-gatherers and human evolution. *Evolutionary Anthropology, 14:* 54-67.

Marlowe, F. and Wetsman, A. (2001). Preferred waist-to-hip ratio and ecology. *Personality and Individual Differences, 30,* 481-489.

Marlowe, F. W., Apicella, C. L. and Reed, D. (2005). Men's preferences for women's profile waist-hip-ratio in two societies. *Evolution and Human Behavior, 26,* 458-468.

Maroney, D. and Golub, S. (1992). Nurses' attitudes toward obese persons and certain ethnic groups. *Perceptual and Motor Skills, 75,* 387-391.

Martel, L. F. and Billier, H. B. (1987). *Stature and stigma.* Lexington, MA: Lexington Books.

Marti, B., Tuomilehto, J., Saloman, V., Kartovaara, H.J. and Pietinen, P. (1991). Body fat distribution in the Finnish population: Environmental determinants and predictive power for cardiovascular risk factor level. *Journal of Epidemiology and Community Health, 45,* 131-137.

Martz, J. M„ Verette, J., Arriaga, X. B., Slovic, L. F., Cox, C. L. and Rusbult, C. E. (1998). Positive illusion in close relationships. *Personal Relationships, 5,* 159-181.

Massara, E. B. (1980). Obesity and cultural weight evaluation. *Appetite, 1,* 291-298.

(1989). *Que Gordita! A study of weight among women in a Puerto Rican community.* New York: AMS Press.

Mazella, R. and Feingold, A. (1994). The effect of physical attractiveness, race, socio-economic status, and gender of defendants and victims on judgements of mock jurors: A meta-analysis. *Journal of Applied Social Psychology, 24,* 1315-1344.

Mazur, A. (1986). US trends in feminine beauty and overadaptation._/ow7?a/ *of Sex Research, 22,* 281-303.

Mazur, A., Mazur, J. and Keating, C. F. (1984). Military rank attainment of a West Point class: Effects of cadets' physical features. *American Journal of Sociology, 90,* 125-150.

Messner, M. A. and Sabo, D. F. (1994). *Sex, violence and power in sports: Rethinking masculinity.* Freedom, CA: The Crossing Press.

Mikash, S. H. and Bailey, J. M. (1999). What distinguished women with high numbers of sex partners? *Evolution and Human Behavior, 20,* 141-150.

Miller, A. G„ Ashton, W. A., McHoskey, J. W. and Gimbel, J. (1990). What price attractiveness? Stereotype and risk factors in suntanning behavior. *Journal of Applied Social Psychology, 23,* 1390-1406.

Miller, G. P. (1993). Evolution of the human brain through runaway sexual selection: The mind as a Protean courtship device. PhD thesis, Stanford University Psychology Department.

(1998). How mate choice shaped human nature: A review of sexual selection and human evolution. In C. Crawford and D. L. Krebs (Eds.), *Handbook of evolutionary psychology: Ideas, issues and applications* (pp. 87-129). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Miller, L. C., Berg, J. H. and Archer, R. L. (1983). Openers: Individuals who elicit intimate self-disclosure. *Journal of Personality and Social Psychology, 44,* 1234-1244.

Millner, V. S. and Eichold, B. H. (2001). Body piercing and tattooing perspectives. *Clinical Nursing Research, 10,* 424-441.

Mishkind, M. E„ Rodin, J., Silberstein, L. R. and Striegel-Moore, R. H. (1986). The embodiment of masculinity: Cultural, psychological and behavioral dimensions. *American Behavioral Scientist, 29,* 545-562.

Misra, A. and Vikram, N. (2003). Clinical and pathophysiological consequences of abdominal adiposity and abdominal adipose tissue depots. *Nutrition, 19,* 456-457.

Miyake, K. and Zuckerman, M. (1993). Beyond personality impressions: Effects of physical and vocal attractiveness on false consensus, social comparison, affiliation, and assumed and perceived similarity. *Journal of Personality, 61,* 411-437.

Mobius, M. M. and Rosenblatt, T. S. (2006). Why beauty matters. *American Economic Review, 96,* 222-235.

Mohanty, C„ Prasad, R„ Reddy, A. S„ Ghosh, J. K„ Singh, T. B. and Das, B. K. (2006). Maternal anthropometry as predictors of low birth weight. *Journal of Tropical Pediatrics, 52,* 24-29.

Molarius, A, Seidell, J. C, Sans, S., Tuomilehto, J. R. and Kuulasmaa, K. (1999). Waist and hip circumference, and waist-to-hip ratio in 19 populations of WHO MONICA Project. *International Journal of Obesity, 2 3,* 116-125.

Moller, A. P. (1988). Female choice selects for male sexual tail ornaments in the monogamous swallow. *Nature, 332,* 640-642.

(1991). Sexual selection in the monogamous barn swallow *(Hirundo rustica):* I. Determinants of tail ornament size. *Evolution, 45,* 1823-1836.

(1992). Female swallow preference for symmetrical male sexual ornaments. *Nature, 357,* 238-240.

— — (1996). Developmental stability of flowers, embryo abortion, and developmental stability of plants. *Proceedings of the Royal Society of London B, 263,* 53-56.

Moller, A. P. and Swaddle, J. P. (1997). *Asymmetry, developmental stability, and evolution.* Oxford: Oxford University Press.

Moller, A. P and Thornhill, R. (1998). Bilateral symmetry and sexual selection: A meta-analysis. *American Naturalist, 151,* 174-192.

Monaghan, L. F. (2005). Big handsome men, bears and others: Virtual constructions of "fat male embodiment." *Body and Society, 11,* 81-111.

Montagna, W. (1983). The evolution of human skin. *Journal of Human Evolution, 14,* 3-22.

Moreland, R. L. and Beach, S. R. (1992). Exposure effects in the classroom: The development of affinity among students. *Journal of Experimental Social Psychology, 28,* 255-276.

Morris, A, Cooper, T. and Cooper, P.J. (1989). The changing shape of female fashion models. *International Journal of Eating Disorders, 8,* 593-596.

Morris, D. (1978). *Manwatching.* London: Grafton Books.

(1987). *Body-watching.* London: Grafton Books.

Morrison, M. A., Morrison, T. G. and Sager, C.-L. (2004). Does body satisfaction differ between gay men and lesbian women and heterosexual men and women? A meta-analytic review. *Body Image: An International Journal of Research, 1,* 127-138.

Morry, M. M. and Staska, S. L. (2001). Magazine exposure: Internalization, self-objectification, eating attitudes, and body satisfaction in male and female university students. *Canadian Journal of Behavioural Sciences, 33,* 269-279.

Moscovici, S. (1961). *La psychoanalyse: Son image et son public.* Paris: Presses Universitaires de France.

(1981). On social representation. In J. P. Forgas (Ed.), *Social cognition: Perspectives on everyday understanding* (pp. 181-209). London: Academic Press.

(1983). The phenomenon of social representations. In R. M. Parr and S. Moscovici (Eds.), *Social representations* (pp. 3-69). Cambridge: Cambridge University Press.

(1988). Notes towards a description of social representations. *European Journal of Social Psychology, 18,* 211-250.

Mueser, K. T., Grau, B. W, Sussman, S. and Rosen, A.J. (1984). You're only as pretty as you feel: Facial expression as a determinant of physical attractiveness. *Journal of Personality and Social Psychology, 46,* 469-478.

Murray, S. H., Touyz, S. W. ana Beumont, P.J. V. (1996). Awareness and perceived influence of body ideals in the media: A comparison of eating disorder patients and the general community. *Eating Disorders: The Journal of Treatment and Prevention, 4,* 33-46.

Murray, S. L. and Holmes, J. G. (1997). A leap of faith? Positive illusions in romantic relationships. *Personality and Social Psychology Bulletin, 23,* 586-604.

Murstein, B. I. (1972). Physical attractiveness and marital *choice. Journal of Personality and Social Psychology, 22,* 8-12.

Musimeci, C. and Shahani-Denning, C. (1996). Self-monitoring: Impact on applicant attractiveness and selection decisions. Paper presented at the Annual convention of the Society for Industrial and Organizational Psychology, San Diego, April.

Mvo, Z., Dick, J. and Steyn, K.. (1999). Perceptions of overweight African women about acceptable body size of women and children. *Curatonis, 22,* 27-31.

Myers, D. (1996). *Social psychology.* New York: McGraw Hill.

Nasser, M. (1988). Eating disorders: The cultural dimension. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 23,* 184-187.

National Heart, Lung and Blood Institute (1998). *Clinical guidelines on the identification, evaluation and treatmetit of overweight and obesity in adults: The evidence report* (NIH Publication no. 98-4083). Bethesda, MD: National Institute of Health.

Nelson, L. D. and Morrison, E. L. (2005). The symptoms of resource scarcity: Judgements of food and finances influence preference for potential partners. *Psychological Science, 16,*167-173.

Nelson, L. D., Pettijohn, T. F. and Galak, J. (2007). Mate preferences in a social cognitive context: When environmental and personal change leads to predictable cross-cultural variation. In V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionary and socio-cultural perspectives.* London: Macmillan.

Nelson, S. M. (1997). *Gender in archaeology: Analyzing power and prestige.* Walnut Creek, CA: Altamira Press.

Nesse, R. M., Silverman, A. and Bortz, A. (1990). Sex differences in ability to recognize family resemblance. *Ethology and Sociobiology, 11,* 11-21.

Nettle, D. (2002a). Height and reproductive success in a cohort of British men. *Human Nature, 13,* 473-491.

(2002b). Women's height, reproductive success and the evolution of sexual dimorphism in modem humans. *Proceedings of the Royal Society of London B, 269,* 1919-1923.

Newcomb, T. M. (1961). *The acquaintance process.* New York: Holt, Rinehart and Winston.

Noller, P. (1984). *Nonverbal communication and marital interaction.* Oxford: Pergamon Press.

Noor, F. and Evans, D. C. (2003). The effect of facial symmetry on perceptions of personality and attractiveness. *Journal of Research in Personality, 37,* 339-347.

Norris, M. L., Boydell, K. M„ Pinhas, L. and Katzman, D. B. (2006). Ana and the internet: A review of pro-anorexia websites. *International Journal of Eating Disorders, 39,* 443-447.

Norton, K. I., Olds, T. S., Olive, S. and Dank, S. (1996). Ken and Barbie at life size. *Sex Roles, 34,* 287-294.

Oda, R., Matsumoto-Oda, A. and Kurashima, A. (2002). Facial resemblance of Japanese children to their parents *.Journal of Ethology, 20,* 81-85.

O'Dea, J. A. and Rawsthorne, P. R. (2001). Male adolescents identify their weight gain practices, reasons for desired weight gain, and sources of weight gain information. *Journal of the American Dietetic Association, 101,* 105-107.

O'Hara, M. D. (1996). Please weight to be seated: Recognizing obesity as a disability to prevent discrimination in public accommodations. *Whittier Law Review,* 77,895-954.

Ojerholm, A. and Rothblum, E. (1999). The relationships of body image, feminism, and sexual orientation in college women. *Feminism and Psychology, 9,* 431-438.

Oliver, D. (1974). *Ancient Tahitian society.* Honolulu: University of Hawaii Press.

Osborn, D. R. (2004). A biological, cultural and interactional (BIC) model of physical attractiveness judgements. Poster presented at the 16th Annual Convention of the American Psychological Society, Chicago, May 27-30.

(2006). Historico-cultural factors in beauty judgments: 16th-century courtesans judged against 21st-century media ideals. Poster presented at the Annual Meeting of the Association for Psychological Science, New York, May 28-31.

Oskamp, S. (1977). *Attitudes and opinions.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Owen, P. R. and Laurel-Seller, E. (2000). Weight and shape ideals: Thin is dangerously in. *Journal of Applied Social Psychology, 30,* 979-990.

Pagan, J. A. and Davila, A. (1997). Obesity, occupational attainment, and earnings. *Social Sciences Quarterly, 78,* 756-770.

Palmer, J. A. and Palmer, L. K. (2002). *Evolutionary psychology: The ultimate origins of human behavior.* Boston, MA: Allyn and Bacon.

Pancer, S. M. and Meindl, J. R. (1978). Length of hair and beardedness as determinants of personality impressions. *Perceptual and Motor Skills, 46,* 1328-1330.

Park, B. (1986). A method for studying the development of impressions of real people. *Journal of Personality and Social Psychology, 51,* 907-917.

Parsons, J. H. (Ed.) (1980). *The psychobiology of sex differences and sex roles.* Washington, DC: Hemisphere.

Pasquali, R, Gambineri, A, Anconetani, B, Vicennati, V, Colitta, D, Caramelli, E. *et al.* (1999). The natural history of the metabolic syndrome in young women with the polycystic ovary syndrome and the effect on long-term oestrogen-progestagen treatment. *Clinical Endocrinology, 50,* 517-527.

Passemard, L. (1938). *Les statuettes feminines Paleolithiques dites Venus steatopyges.* Nimes: Teissier.

Patterson, M. L. (1983). *Nonverbal behavior: A functional perspective.* New York: Springer.

Patzer, G. L. (1985). *Physical attractiveness phenomena.* New York: Plenum Press.

(2002). *The power and paradox of physical attractiveness.* Boca Raton, FL: Brown Walker Press.

(2006). *The power and paradox of physical attractiveness.* Boca Raton, FL: Brown Walker Press.

Paunonen, S. V. (2006). You are honest, therefore I like you and find you attractive./оыгаа/ *of Research in Personality, 40,* 237-249.

Pawlowski, B. (2001). The evolution of gluteal/femoral fat deposits and balance during pregnancy in bipedal *Homo. Current Anthropology, 42, 572-57*4.

(2003). Variable preferences for sexual dimorphism in height as a strategy for increasing the pool of potential partners in humans. *Proceedings of the Royal Society of London B, 270,* 709-712.

Pawlowski, B. and Dunbar, R. I. M. (1999). Impact of market value on human mate choice decisions. *Proceedings of the Royal Society of London B, 266.* 281-285.

(2005). Waist-to-hip ratio versus body mass index as predictors of fitness in women. *Human Nature, 16,* 164-177.

Pawlowski, B. and Grabarczyk, M. (2003). Center of body mass and the evolution of female body shape. *American Journal of Biology, 15,* 144-150.

Pawlowski, B. and Koziel, S. (2002). The impact of traits offered in personal advertisements on response rates. *Evolution and Human Behavior, 23,* 139-149.

Pawlowski, B, Dunbar, R. I. M. and Lipowicz, A. (2000). Tall men have more reproductive success. *Nature, 403,* 156.

Pei, M. (1965). *The story of language* (2nd edn). Philadelphia, PA: Lippincott.

Peixoto Labre, M. (2002). Adolescent boys and the muscular male body ideal. *Journal of Adolescent Health, 30,* 233-242.

Pellegrini, R. J. (1973). Impressions of male personality as a function of beardedness. *Psychology, 10,* 29-33.

Pennebaker, J. W. (1979). Don't the girls get prettier at closing time: A country and western application to psychology. *Personality and Social Psychology Bulletin,* 5, 122-125.

Penton-Voak, I. S. and Perrett, D. I. (2000). Consistency and individual differences in facial attractiveness judgements: An evolutionary perspective. *Social Research, 67,* 219-245.

Penton-Voak, I. S.Jones, B. C., Little, A. C., Baker, S„ Tiddeman, B., Burt, D. M. *et al.* (2001) Symmetry, sexual dimorphism in facial proportions, and male facial attractiveness. *Proceedings of the Royal Society of London B, 268,* 1617-1623.

Penton-Voak, I. S„ Perrett, D. I., Castles, D., Burt, M„ Kobayashi, T. and Murray, L. K. (1999a). Female preference for male faces changes cyclically. *Nature, 399,* 741-742.

Penton-Voak, I. S., Perrett, D. I. and Pierce, J. (1999b). Computer graphic studies of the role of facial similarity in attractiveness judgements. *Current Psychology, 18,* 104-117.

Perez, M. and Joiner, T. E., Jr. (2003). Body image dissatisfaction and disordered eating in black and white women. *International Journal of Eating Disorders, 33,* 342-350.

Periman, D. and Peplau, L. A. (1998). Loneliness. *Encyclopedia of mental health* (Vol. 2, pp. 571-581). New York: Academic Press.

Perrett, D. I., Burt, D. M„ Penton-Voak, I. S. and Lee, K.J. (1999). Symmetry and human facial attractiveness. *Evolution and Human Behavior, 20,* 295-307.

Perret, D. I., Lee, КJ., Penton-Voak, I., Rowland. D„ Yoshikawa, S„ Burt, D. M. *etal.* (1998). Effects of sexual dimorphism on facial attractiveness. *Nature, 394,* 884-887.

Peterkin, A. (2001). *One thousand beards: A cultural history offacial hair.* London: Arsenal Pulp Press.

Peterson, K. and Curran, J. P. (1976). Trait attribution as a function of hair length and correlates of subjects' preference for hair style. *Perceptual and Motor Skills, 46,* 1328-1330.

Petrie, M. (1992). Peacocks with low mating success are more likely to suffer predation. *Animal Behavior, 44,* 585-586.

Petrie, M., Halliday, T. and Sanders, C. (1991). Peahens prefer peacocks with elaborate trains. *Animal Behavior, 41,* 323-331.

Petrie, T. A., Austin, L. J., Crowley, B. J., Helmcamp, A., Johnson, C. E., Lester, R. *et al.* (1996). Sociocultural expectations of attractiveness for males. *Sex Roles, 35,* 581-602.

Pettijohn II, T. F. and Tesser, A. (1999). An investigation of popularity in environmental context: Facial feature assessment of American movie actresses. *Media Psychology, 1,* 229-247.

Pettijohn II, T. F., and Yerkes, M. E. (2004), Miss America facial and body feature changes across social and economic conditions. Paper presented at the 16th Annual American Psychological Society Convention, Chicago, IL, May.

(2005). Miss Hong Kong facial and body feature changes across social and economic conditions and time. Paper presented at the 17lh Annual American Psychological Society Convention, Los Angeles, CA, May.

Phillips, К A. and Diaz, S. F. (1997). Gender differences in body dysmorphic disorder *.Journal of Nervous and Mental Disease, 185,* 570-577,

Pinel, J. (1993). *Biopsychology* (2nd edn). Toronto: Allyn and Bacon.

Pingitore, R., Spring, B. and Garfield, D. (1997). Gender differences in body satisfaction. *Obesity Research, 5, 402-409.*

Pinker, S. (1997). *How the mind works.* New York: Norton.

(2002). *The blank slate.* New York: Viking.

Pitts, V. (2003). *In the flesh: The cultural politics of body modification.* New York: Palgrave Macmillan.

Plautus, T. M. (c. 2 Bc/1997). *Miles gloriosus.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pleck, J. H. (1979). The male sex role: Definitions, problems, and sources of change. In J. H. Williams (Ed.), *Psychology of women.* New York: Norton.

(1987). *The myth of masculinity* (3rd edn). Cambridge, MA: MIT Press.

Pleck, J. H., Sonenstein, F. L. and Ku, L. C. (1994). Problem behaviours and masculinity ideology in adolescent males. In R. D. Ketterlinus and M. E. Lamb (Eds.), *Adolescent problem behaviours: Issues and research* (pp. 165-186). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Plotkin, H. (1994). *Darwin machines and the nature of knowledge.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

(1997). *Evolution in mind: An introduction to evolutionary psychology.* London: Penguin.

Podratz, K. and Dipboye, R. L. (2002). In search of the "beauty is beastly" effect. Paper presented at the Annual Convention of the Society for Industrial and Organizational Psychology, Toronto, April.

Polivy,J. and Herman, P. C. (1985). Dieting and hinging. *American Psychologist, 40,*193-201.

Polivy, 1, Garner, D. M. and Garfinkel, P. E. (1986). Causes and consequences of the current preference for thin female physiques. In C. P. Herman, M. Zanna and E. T. Huggins (Eds.), *Physical appearance, stigma and social behavior* (pp. 89-112). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Pollock, N. J. (1995a). Social fattening patterns in the Pacific: The positive side of obesity: A Nauru case study. In I. De Gerine and N. J. Pollock (Eds.), *Social aspects of obesity* (pp. 87-110). Amsterdam: Gordon and Breach.

(1995b). Cultural elaborations of obesity: Fattening processes in Pacific societies. *Asia Pacific Journal of Clinical Nutrition, 4,* 357-360.

Pond, C. M. (1981). Storage. In C. R. Townsend and P. Calow (Eds.), *Physiological ecology* (pp. 190-219). Sunderland, MS: Sinauer.

Pond, C. M. and Mattachs, C. A. (1987). The anatomy of adipose tissue in captive Macaca monkeys and its implications for human biology. *Folio Primatology, 48,* 164-185.

Pope, A. (1711). *An essay on criticism,* http://poetry.eserver.org.

Pope, H. G,, Gruber, A. 1, Mangweth, B., Bureau, B,, deCol, C,, Jouvent, R. *et al.* (2000). Body image perception among men in three countries. *American Journal of Psychiatry, 157,* 1297-1301.

Pope, H. G,, Olivardia, R, Borowiecki, J. B. and Cohane, G. H. (2001). The growing commercial value of the male body: A longitudinal survey of advertising in women's magazines. *Psychotherapy and Psychosomatics, 70,* 189-192.

Pope, Jr., H. G., Olivardia, R., Gruber, A. and Borowiecki, J. (1999). Evolving ideal of male body image as seen through action toys. *International Journal of Eating Disorders, 26,* 65-72.

Pope Jr., H. G., Phillips, K. A., Olivardia, R. (2000). *The Adonis complex: How to identify, treat, and prevent body obsession in men and boys.* New York: Simon and Schuster.

Popenoe, R. (2003). *Feeding desire: Fatness and beauty in the Sahara.* London: Routledge.

Poran, M. A. (2002). Denying diversity: Perceptions of beauty and social comparison processes among Latina, Black and White women. *Sex Roles, 47,* 65-81.

Posavac, H. D,, Posavac, S. S.and Weigel, R. G. (2001). Reducing the impact of media images on women at risk for body image disturbance: Three targeted interventions. *Journal of Social and Clinical Psychology, 20,* 324-340.

Powdermaker, H. (1960). An anthropological approach to the problem of obesity. *Bulletin of the New York Academy of Science, 36,* 286-295.

Price, J. H,, Desmond, S. M,, Krol, R. A., Snyder, F. F. and O'Connell, J. (1987). Family practise physicians' beliefs, attitudes and practises regarding obesity. *American Journal of Preventitive Medicine, 3,* 339-345.

Puhl, R. M. and Boland, F.J. (2001). Predicting female physical attractiveness: Waist-to-hip ratio versus thinness. *Psychology, Evolution and Gender, 3,* 27-46.

Puhl, R. M. and Brownell, K. D. (2001). Bias, discrimination and obesity. *Obesity Research, 9,* 788-805.

— — (2003). Psychosocial origins of obesity stigma: Toward changing a powerful and pervasive bias. *Obesity Reviews, 4,* 213-227.

Purkhardt, S. C. (1995). *Transforming social representations.* London: Routledge.

Purvis, J. A., Dabbs, J. M. and Hopper, C. H. (1984). The "opener": Skilled user of facial expression and speech pattern. *Personality and Social Psychology Bulletin, 10,* 61-66.

Puts, D. A. (2005). Menstrual phase and mating context affects women's preferences for male voice pitch. *Evolution and Human Behavior, 26,* 388-397.

Puts, D. A., Gaulin, S.J. C. and Verdolini, K. (2006). Dominance and the evolution of sexual dimorphism in human voice pitch. *Evolution and Human Behavior, 27,* 283-296.

Ramachandran, V. S. (1997). Why do gentlemen prefer blondes? *Medical Hypotheses, 48,* 19-20.

Randall, S. (1995). Low fertility in pastoral populations: Constraints or choice? In R. I. M. Dunbar (Ed.), *Human reproductive decisions: Biological and social aspects* (pp. 279-296). London: Macmillan.

Rebuffe-Scrive, M. (1988). Metabolic differences in deposits. In C. Bouchard and F. E.Johnston (Eds.), *Fat distribution during growth and later health outcomes* (pp. 163-173). New York: Alan R. Liss.

— — (1991). Neuroregulation of adipose tissue: Molecular and hormonal mechanisms. *International Journal of Obesity, 15,* 83-86.

Reed, J. A. and Blunk, E. M. (1990). The influence of facial hair on impression formation. *Social Behavior and Personality, 18,* 169-175.

Regan, P. C. (1998). What if you can't get what you want? Willingness to compromise ideal mate selection standards as a function of sex, mate value, and relationship context. *Personality and Social Psychology Bulletin, 24,* 1294-1303.

Register, C. A. and Williams, D. R. (1990). Wage effects of obesity among young workers. *Social Science Quarterly, 71,* 130-141.

Reid, R. L. and van Vugt, D. A. (1987). Weight related changes in reproductive function. *Fertility and Sterility, 48,* 905-913.

Reischer, E. and Koo, K. S. (2004). The body beautiful: Symbolism and agency in the social world. *Annual Review of Anthropology, 33,* 297-317.

Rempel, J. K,, Ross, M. and Holmes, J. G. (2001). Trust and communicated attributions in close relationships. *Journal of Personality and Social Psychology, 81,* 57-64.

Rentschler, L, Juttner, M., Unzicker, A. and Landis, A. (1998). Facial symmetry and the perception of beauty. *Psychometric Bulletin and Review, 5,* 659-669.

Rguibi, M. and Belahsen, R. (2006). Body size preferences and sociocultural influences on attitudes towards obesity among Moroccan Sahraoui women. *Body Image: An International Journal of Research, 3,* 395-400.

Rhodes, G., Roberts, J. and Simmons, L. (1999). Reflections on symmetry and attractiveness. *Psychology, Evolution and Gender, 1,* 279-295.

Rhodes, G., Yoshikawa, S., Clark, A., Lee, K., McKay, R. and Akamatsu, S. (2001a). Attractiveness of facial averageness and symmetry in non-western cultures: In search of biologically-based standards of beauty. *Perception, 30,* 611-625.

Rhodes, G,, Zebrowitz, L. A., Clark, A., Kalick, S M,, Hightower, A. and McKay, R. (2001b). Do facial averageness and symmetry signal health? *Evolution and Human Behavior, 22,* 31-46.

Rhodes, G., Chan, J., Zebrowitz, L. A. and Simmons, L. (2003). Does sexual dimorphism in human faces signal health? *Proceedings of the Royal Society of London B, 266,* 2089-2093.

Ricciardelli, L. A. and McCabe, M. P. (2003). A longitudinal analysis of the role of biopsychosocial factors in predicting body change strategies among adolescent boys. *Sex Roles, 48,* 349-359.

Rice, R C. (1982). Prehistoric Venuses: Symbols of motherhood or womanhood? *Journal of Anthropological Research, 37,* 402-414.

Rich, M. KL. and Cash, T. F. (1993). The American image of beauty: Media representations of hair colour for four decades. *Sex Roles, 29,* 113-122.

Richardson, S. A., Goodman, N., Hastorf, A. H. and Dornbusch, S. M. (1961). Cultural uniformity in reaction to physical disabilities. *American Sociological Review, 26,* 241-247.

Riggio, R. E. (1986). Assessment of basic social skills. *Journal of Personality and Social Psychology, 51,* 649-660.

Riggio, R. E. and Friedman, H. S. (1986). Impression formation: The role of expressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 421-427.

Riggio, R. E. and Throckmorton, B. (1988). The relative effects of verbal and nonverbal behavior, appearance and social skills on evaluations made in hiring interviews. *Journal of Applied Social Psychology, 18,* 331-348.

Riggio, R. E, Friedman, H. S. and DiMatteo, M. R. (1981). Nonverbal greetings:Effects of the situation and personality. *Personality and Social Psychology Bulletin, 7,* 682-689.

Riggio, R. E, Widaman, K. F, Tucker, J. S. and Salinas, C. (1991). Beauty is more than skin deep: Components of attractiveness. *Basic and Applied Social Psychology, 12,* 423-439.

Rime, B. (1983). Nonverbal communication or nonverbal behavior. In W. Doise and S. Moscovici (Eds.), *Current issues in European social psychology* (Vol. 1, pp. 85-141). Cambridge: Cambridge University Press.

Rittenbaugh, C. (1982). Obesity as a culture-bound syndrome. *Culture, Medicine and Psychiatry, 6,* 347-361.

(1991). Body size and shape: A dialogue of culture and biology. *Medical Anthropology, 13,* 173-180.

Roberts III, T. L. and Weinfield, A. B. (2005). "Universal" and ethnic ideals of beautiful buttocks and how to create them surgically. Paper presented at the American Society for Aesthetic Plastic Surgery, New Orleans, Louisiana, April 30.

Rodin, J., Silberstein, L. and Striegel-Moore, R. (1984). Women and weight: A normative discontent. *Nebraska Symposium on Motivation, 32,* 267-307.

Roll, S. and Verinis, J. S. (1971). Stereotypes of scalp and facial hair as measured by the semantic differential. *Psychological Reports, 28,* 975-980.

Rolls, B. 1, Fedoroff, I. C. and Guthrie, J. F. (1991). Gender differences in eating behaviour and body weight regulation. *Health Psychology, 10,* 133-142.

Rosenberg, S. (1977). New approaches to the analysis of personal constructs in person perception. In A. L. Land and J. K. Cole (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation 1976* (Vol. 24, pp. 179-242). Lincoln: University of Nebraska Press.

Rosenblatt, P. C. (1974). Cross-cultural perspective on attraction. In T. L. Huston (Ed.), *Foundations of interpersonal attraction.* New York: Academic Press.

Rosenblatt, P. C. and Cozby, P. C. (1972). Courtship patterns associated with freedom of choice of spouse. *Journal of Marriage and the Family, 34,* 689-695.

Rosenfeld, H. M. (1965). Effect of approval-seeking induction on interpersonal proximity. *Psychological Reports, 17,* 120-122.

Ross, C. E. and Mirowsky, J. (1983). The social epidemiology of overweight: A substantive and methodological investigation. *Journal of Health and Social Behavior, 24,* 288-298.

Ross, W. D. and Ward, R. (1982). Human proportionality and sexual dimorphism. In R. L. Hall (Ed.), *Sexual dimorphism in Homo sapiens: A question of size* (pp. 317-361). New York: Praeger.

Rowe, L. and Houle, D. (1996). The lex paradox and the capture of genetic variance by condition-dependent traits. *Proceedings of the Royal Society of London B, 263,* 1415-1421.

Rozmus-Wrzesinska, M. and Pawlowski, B. (2005). Men's ratings of female attractiveness are influenced more by changes in female waist size compared with changes in hip size. *Biological Psychology, 68,* 299-308.

Rubin, A. (1988). *Marks of civilization.* Los Angeles, CA: Museum of Cultural History.

Rubinstein, S. and Caballero, B. (2000). Is Miss America an undernourished role model? *Journal of the American Medical Association, 283,* 1569.

Rucas, S, Kaplan, H, Winking, J, Gurven, M., Gangestad, S. and Crespo, M. (2006). Female intrasexual competition and reputational effects on attractiveness among the Tsimane of Bolivia. *Evolution and Human Behavior, 27,* 40-52.

Rucker III, C. E. and Cash, T. F. (1992). Body images, body-size perceptions, and eating behaviour among African-Americans and white college women. *International Journal of Eating Disorders, 12,* 291-299.

Rusbult, C. E. and Buunk, B. R. (1993). Commitment processes in close relationships: An interdependence analysis. *Journal of Social and Personal Relationships, 10,* 175-204.

Rusbult, C. E, Drigotas, S. M. and Verette, J. (1994). The investment model: An interdependence analysis of commitment processes and relationship maintenance phenomena. In D. Canary and L. Stafford (Eds.), *Communication and relational maintenance* (pp. 115-139). San Diego, CA: Sage.

Rusbult, C. E, Verette, J., Whitney, G. A., Slovik, L. F. and Lipkus, I. (1991). Accommodation processes in close relationships: Theory and preliminary empirical evidence. *Journal of Personality and Social Psychology, 60,* 53-78.

Russell, C. J. and Keel, P. K. (2002). Homosexuality as a specific risk factor for eating disorders in men. *International Journal of Eating Disorders, 31,* 300-306.

Russell, K, Wilson, M. and Hall, R. (1992). *The color complex: The politics of skin color among African Americans.* New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Russell, P. (1998). The palaeolithic mother-goddess: Fact or fiction? In K. Hays-Giplin and D. S. Whitley (Eds.), *Reader in gender archaeology* (pp. 261-268). London: Routledge.

Sabatelli, R. M. and Rubin, M. (1986). Nonverbal expressiveness and physical attractiveness as mediators of interpersonal perceptions. *Journal of Nonverbal Behavior, 10,* 120-133.

Sahay, S. and Piran, N. (1997). Skin-color preferences and body satisfaction among South Asian Canadian and European-Canadian female university students. *Journal of Social Psychology, 137,* 161-171.

Salusso-Deonier, C.J, Markee, N. L. and Pedersen, E. L. (1993). Gender differences in the evaluation of physical attractiveness ideals for male and female body builds. *Perceptual and Motor Skills, 76,* 1155-1167.

Samaras, T. T, Elrick, H. and Storms, L. H. (1999). Is attainment of greater height and body size really desirable? *Journal of the National Medical Association, 91,* 317-321.

Sandars, N. K. (1968). *Prehistoric art in Europe.* Baltimore, MA: Penguin.

Santrock, J. (1994). *Child development* (6th edn). Madison: Brown and Benchmark.

Sarwer, D. B, Grossbart, T. A. and Didie, E. R. (2002). Beauty and society. In M. S. Kaminer, J. S. Dover and K. A. Arndt (Eds.), *Atlas of cosmetic surgery* (pp. 48-59). Philadelphia: Saunders.

Scheib, J. E, Gangestad, S. W. and Thornhill, R. (1999). Facial attractiveness, symmetry and cues of good genes. *Proceedings of the Royal Society of London B, 266,* 1318-1321.

Schmalt, H.-D. (2006). Waist-to-hip ratio and female physical attractiveness: The moderating role of power motivation and the mating context. *Personality and Individual Differences, 41,* 455-465.

Schneider, D.J, Hastorf, A. H. and Ellsworth, P. C. (1979). *People perception.* Reading, MA: Addison-Wesley.

Schneider, J. A, O'Leary, A. and Jenkins, S. R. (1995). Gender, sexual orientation, and disordered eating. *Psychology and Health, 10,* 113-128.

Schofield, W. (1964). *Psychotherapy: The purchase of friendship.* New York: Prentice Hall.

Schultz, A. H. (1969). *The life of primates.* New York: University Books.

Schweder, B. I. M. (1994). The impact of the face on long-term relationships. *Homo, 45,* 74-93.

Scrimshaw, N. S. and Dietz, W. H. (1995). Potential advantages and disadvantages of human obesity. In I. De Gerine and N. J. Pollock (Eds.), *Social aspects of obesity* (pp. 147-162). Amsterdam: Gordon and Breach.

Seidell, J. C, Perusse, L,, Despres, J. P. and Bouchard, C. (2001). Waist and hip circumferences have independent and opposite effects on cardiovascular disease risk factors: The Quebec Family Study. *American Journal of Clinical Nutrition, 74,* 315-321.

Seifert, T. (2005). Anthropomorphic characteristics of centerfold models: Trends toward slender figures over time. *International Journal of Eating Disorders, 37,* 271-274.

Shackelford, T. K. and Larsen, R. J. (1997). Facial asymmetry as an indicator of psychological, emotional and physiological distress. *Journal of Personality and Social Psychology, 72,* 456-466.

Shaffer, D. R„ Crepaz, N. and Sun, C.-R. (2000). Physical attractiveness stereotyping in cross-cultural perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 31,* 557-582.

Shahani-Denning, C. and Plumitallo, D. (1993). The influence of physical attractiveness and gender on disciplinary decisions. Paper presented at the fifth Annual Convention of t American Psychological Society, Chicago.

Shahani-Denning, C., Dipboye, R. L. and Gehrlein, T. M. (1993). Attractiveness bias in the interview: Exploring the boundaries of an effect. *Basic and Applied Social Psychology, 14,* 317-328.

Shakespeare, W. (1596/2003). *The merchant of Venice.* http://www.opensourceshakespeare.org

(1598/2003). *The passionate pilgrim,* http://www.opensourceshakespeare.org

Share, T. L. and Mintz, L. B. (2002). Differences between lesbians and heterosexual women in disordered eating and related attitudes. *Journal of Homosexuality, 42,* 89-106.

Shaw, J. (1995). Effects of fashion magazines on body dissatisfaction and eating psychopathology in adolescent and adult females. *Eating Disorders Review, 3,* 15-23.

Sheldon, W. H., Dupertuis, C. W. and McDermott, E. (1954). *Atlas of men.* New York: Harper.

Sheldon, W. H., Stevens, S. S. and Tucker, W. B. (1940), *The varieties of the human physique.* New York: Harper.

Shennan, S. (2000). Population, culture history and the dynamics of culture change. *Current Anthropology, 41,* 811-836.

Sheppard, J. and Strathman, A. (1989). Attractiveness and height: The role of stature in dating preference, frequency of dating and perceptions of attractiveness. *Personality and Social Psychology Bulletin, 15,* 617-627.

Shetty, P. S. and James, W. P. T. (1994). *Body mass index: A measure of chronic energy deficiency in adults.* Rome: Food and Agriculture Organisation of the United Nations, Food and Nutrition Paper 56.

Shors, A. R., Solomon, C., McTiernan, A. and White, E. (2001). Melanoma risk in relation to height, weight and exercise (United States). *Cancer Causes and Control, 12,* 599-606.

Siever, M. D. (1994). Sexual orientation and gender as factors in socioculturally acquired vulnerability to body dissatisfaction and eating disorders. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 62,* 252-260.

Sigall, H. and Ostrove, N. (1975). Beautiful but dangerous: Effects of offender's attractiveness and nature of the crime on juridic judgements. *Journal of Personality and Social Psychology, 31,* 410-414.

Silberstein, L. R„ Mishkind, M. E„ Striegel-Moore, R. H„ Timko, C. and Rodin, J. (1989). Men and their bodies: A comparison of homosexual and heterosexual men. *Psychosomatic Medicine, 51,* 337-346.

Silverstein, B., Perdue, L., Peterson, B. and Kelly, E. (1986). The role of the mass media in promoting a thin standard of bodily attractiveness for women. *Sex Roles, 14,* 519-533.

Simchuk, A. P. (2001). Frequency-dependent sexual selection in a natural population of oak leafroller moth (*Tortrix viridana L.). Tsitologiya i Genetika, 35,* 25-29.

Simmons, L. W., Rhodes, G., Peters, M. and Koehler, N. (2004). Are human preferences for facial symmetry focussed on signals of developmental instability? *Behavioral Ecology, 15,* 864-871.

Simpson, J. A. and Gangestad, S. W. (1991). Individual differences in sociosexuality: Evidence for convergent and discriminant validity./омта/ *of Personality and Social Psychology, 60,* 870-883.

Simpson, J. A. and Orina, M. (2003). Strategic pluralism and context-specific mate preferences in humans. In K. Sterelny and J. Fitness (Eds.), *From mating to mentality* (pp. 39-70). Hove: Psychology Press.

Singh, D. (1993a). Adaptive significance of female physical attractiveness: Role of waist-to-hip ratio. *Journal of Personality and Social Psychology, 65,* 292-307.

(1993b). Body shape and women's attractiveness. The critical role of waist-to-hip ratio. *Human Nature, 4,* 297-321.

(1994a). Is thin really beautiful and good? Relationship between waist-to-hip ratio (WHR) and female attractiveness. *Personality and Individual Differences, 16,* 123-132.

(1994b). Waist-to-hip ratio and judgements of attractiveness and healthiness of females' figures by male and female physicians. *International Journal of Obesity, 18,* 731-737.

(1994c). Body fat distribution and perception of desirable female body shape by young black men and women. *International Journal of Eating Disorders, 16,* 289-294.

(1995a). Female health, attractiveness and desirability for relationships: Role of breast asymmetry and WHR. *Ethology and Sociobiology, 16,* 465-481.

(1995b). Female judgement of male attractiveness and desirability for relationships: Role of waist-to-hip ratio and financial *status. Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 1089-1101.

(2002). Female mate value at a glance: Relationship of waist-to-hip ratio to health, fecundity and attractiveness. *Human Ethology and Evolutionary Psychology, 23,* 81-91.

(2006). Universal allure of the hourglass figure: An evolutionary theory of female physical attractiveness. *Clinics in Plastic Surgery, 33,* 359-370.

Singh, D. and Luis, S. (1995). Ethnic and gender consensus for the effect of waist-to-hip ratio on judgements of women's attractiveness. *Human Nature, 6,* 51-65.

Singh, D. and Randall, P. K. (2007). Beauty is in the eye of the plastic surgeon: Waist-hip ratio (WHR) and women's attractiveness. *Personality and Individual Differences, 43,* 329-340.

Singh, D. and Young, R. K. (1995). Body weight, waist-to-hip ratio, breasts, and hips: Role in judgements of female attractiveness and desirability for relationships. *Ethology and Sociobiology, 16,* 483-507.

Singh, D. and Zambarano, R. J. (1997). Offspring sex ratio in women with android body fat distribution. *Journal of Human Biology, 69,* 545-556.

Singh, D„ Davis, M. and Randall, R (2000). Fluctuating ovulation: Lower WHR, enhanced self-perceived attractiveness, and increased sexual desire. Paper presented at human Evolution and Behavioral Society meeting, London, 13-17 June.

Singh, D., Renn, P. and Singh, A. (в прессе). Did the perils of abdominal obesity affect depiction of feminine beauty in the sixteenth to eighteenth century British literature? Exploring the health and beauty link. *Proceedings of Royal Society of London B.*

Singh, R. and Ho, S. Y. (2000). Attitudes and attraction: A new test of the attraction, repulsion and similarity-dissimilarity asymmetry hypotheses. *British Journal of Social Psychology, 39,*197-211.

Smith, K. L, Cornelissen, P. L. and Tovee, M.J. (2007a). Color 3D bodies and judgements of human female attractiveness. *Evolution and Human Behavior, 28,* 48-54.

Smith, K. L, Tovee, M.J., Hancock, P.J. B, Bateson, M, Cox, M. A. A. and Cornelissen, P. L. (2007b). An analysis of body shape attractiveness based on image statistics: Evidence for a dissociation between expressions of preference and shape discrimination. *Visual Cognition, 15,* 1-27.

Smith, S. M„ Mcintosh, W. D. and Bazzini, D. G. (1999). Are the beautiful good in Hollywood? An investigation of the beauty-and-goodness stereotype on film. *Basic and Applied Social Psychology, 21,* 69-80.

Smolak, L. (2006). Body image. In J. Worell and C. D. Goodheart (Eds.), *Handbook of girls' and women's psychological health: Gender and well-being across the lifespan* (pp. 69-76). New York: Oxford University Press.

Snow, J. T. and Harris, M. B. (1986). An analysis of weight and diet content in five women's magazines. *Journal of Obesity and Weight Regulation, 5,* 194-214.

Snyder, M., Tanke, E. D. and Berscheid, E. (1977). Social perception and interpersonal behavior: On the self-fulfilling nature of social stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 656-666.

Sobal, J. and Stunkard, A. J. (1989). Socio-economic status and obesity: A review of the literature. *Psychological Bulletin, 105,* 260-275.

Soler, J. J., Cuervo, J. 1, Moller, A. P. and de Lope, F. (1998). Nest building is a sexually selected behaviour in the barn swallow. *Ecology, 56,* 1435-1442.

Solomon, M. R. and Schopler, J. (1978). The relationship of physical attractiveness and punitiveness: Is the linearity assumption out of line? *Personality and Social Psychology Bulletin, 4,* 483-486.

Spenser, E. (1715/1936). Amoretti, XV: Sonnet 15. In R. E. Neil Dodge (Ed.), *The complete poetical works of Spenser.* Boston: Houghton Miffin.

Sperling, M. B. and Borgaro, S. (1995). Attachment anxiety and reciprocity as moderators of interpersonal attraction. *Psychological Reports, 76,* 323-335.

Spitzer, B. L., Henderson, K. A. and Zivian, M. T. (1999). Gender differences in population versus media body sizes: A comparison over four decades. *Sex Roles, 40,* 545-565.

Sprecher, S. (1998). Insiders' perspectives on reasons for attraction to a close other. *Social Psychology Quarterly, 61,* 287-300.

Spuhler, J. (1968). Assortative mating with respect to physical characteristics. *Social Biology, 15,* 128-140.

Staats, C. K. and Staats, A. W. (1957). Meaning established by classical conditioning./омгиа/ *of Experimental Social Psychology, 54,* 74-80.

Staffieri, J. R. (1967). A study of social stereotypes of body image in children. *Journal of Personality and Social Psychology, 7,* 101-104.

Stainton Rogers, W. and Stainton Rogers, R. (2001). *The psychology of gender and sexuality.* Maidenhead, UK: Open University Press.

Steele, V. (1995). *Fetish: Fashion, sex and power.* Oxford: Oxford University Press.

Stephan, C. W. and Langlois, J. H. (1984). Baby beautiful: Adult attributions of infant competence as a function of infant attractiveness. *Child Development, 55,* 576-585.

Sterelny, K. and Griffiths, P. E. (1999). *Sex and death: An introduction to the philosophy of biology.* Chicago: University of Chicago Press.

Stevens, G., Owens, D. and Schaefer, E. (1990). Education and attractiveness in marriage choices. *Social Psychology Quarterly, 53,* 62-70.

Stewart, J. E. (1980). Defendant's attractiveness as a factor in the outcome of criminal trials: An observational study. *Journal of Applied Social Psychology, 10,* 348-361.

(1984), Appearance and punishment: The attraction-leniency effect in the courtroom. *Journal of Social Psychology, 125,* 373-378.

Stice, E. (1998). Modelling of eating pathology and social reinforcement of the thin-ideal predict onset of bulimic symptoms. *Behaviour Research Therapy, 36,* 931-944.

Stirn, A. (2004). Motivationen von Tatowierten und Gepiercten fur ihre Korpermodifikationen [Motivations of tattooed and pierced for their body modifications]. *Zeitschrift fur Klinische Psychologic, Psychiatric und Psychotherapie, 51,* 43-58.

Stogdill, R. M. (1948). Personal factors associated with leadership: A survey of the literature. *Journal of Psychology, 25,* 35-71.

Stolz, K. C. and Griffiths, P. E. (2002). Dancing in the dark: Evolutionary psychology and the argument from design. In S. J. Scher and F. Rauscher (Eds.), *Evolutionary psychology: Alternative approaches* (pp. 135-160). Dordrecht: Kluwer.

Streeter, L. A., Krauss, R. M„ Geller, V.J, Olson, C. T. and Apple, W. (1977). Pitch changes during attempted deception. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 345-350.

Streeter, S. A. and McBurney, D. (2003). Waist-hip ratio and attractiveness: New evidence and a critique for a "critical test." *Evolution and Human Behaviour, 24,* 88-98.

Stunkard, A.J. (2000). Factors in obesity: Current views. In M. Penaand J. Bacallo (Eds.), *Obesity and poverty* (pp. 23-29). Washington, DC: PAHO.

Stunkard, A.J. and Sorensen, T. I. A. (1993). Obesity and socioeconomic status: A complex relation. *New England Journal of Medicine, 329,* 1036-1037.

Sugiyama, L. S. (2004). Is beauty in the context-sensitive adaptations of the beholder? Shiwiar use of waist-to-hip ratio in assessments of female mate value. *Evolution and Human Behaviour, 25,* 51-62.

(2005). Physical attractiveness in adaptationist perspective. In D. M. Buss (Ed.), *The handbook of evolutionary psychology* (pp. 293-343). New York: Wiley.

Susanne, C. and Lepage, Y. (1988). Assortative mating for anthropometric characteristics. In C. Mascie-Taylor and A. Boyce (Eds.), *Human mating patterns* (pp. 137-159). Cambridge: Cambridge University Press.

Swaddle, J. P. and Cuthill, I. C. (1994). Preference for symmetric males by female zebra finches. *Nature, 367,* 165-166.

(1995). Asymmetry and human facial attractiveness: symmetry may not always be beautiful. *Proceedings of the Royal Society of London B, 261,* 111-116.

Swami, V. (2006a). Darwin's legacy: What evolution means today. Invited talk given at Marxism 2006, London, July 9.

(2006b). The influence of body weight and shape in determining female and male physical attractiveness. In M. V. Kindes (Ed.), *Body image: New research* (pp. 35-61). New York: Nova Biomedical Books.

— — (2006c). Female physical attractiveness and body image disorders in Malaysia. *Malaysian Journal of Psychiatry, 14,* 3-7.

(2007). *The missing arms of Venus de Milo: Reflections on the science of physical attractiveness.* Brighton: Book Guild.

— — (в прессе). Evolutionary psychology: "New science of the mind" or "Darwinian fundamentalism"? *Historical Materialism.*

Swami, V. and Furnham, A. (2006). The science of attraction. *The Psychologist, 19,* 362-365.

(Eds.) (2007a). *The body beautiful: Evolutionary and socio-cultural perspectives.* London: Macmillan.

(2007b). Big and beautiful: The body weight and shape preferences of "fat admirers." *Archives of Sexual Behavior,* на рассмотрении.

(2007c). Unattractive, promiscuous and heavy drinkers: Perceptions of women with tattoos. Рукопись на рассмотрении.

Swami, V. and Tovee, M.J. (2005a). Male physical attractiveness in Britain and Malaysia: A cross-cultural study. *Body Image: An International Journal of Research, 2,* 383-393.

(2005b). Female physical attractiveness in Britain and Malaysia: A cross-cultural study. *Body Image: An International Journal of Research, 2,* 115-128.

(2006a). Does hunger influence judgements of female physical attractiveness? *British Journal of Psychology, 97,* 353-363.

(2006b). The influence of body weight on the physical attractiveness preferences of feminist and non-feminist heterosexual women and lesbians. *Psychology of Women Quarterly, 30,* 252-257.

(2007a). Differences in attractiveness preferences between observers in low and high resource environments in Thailand.

(2007b). Perceptions of female body weight and shape among indigenous and urban Europeans. *Scandinavian Journal of Psychology, 48,* 43-50.

(в прессе). The muscular male: A comparison of the physical attractiveness preferences of gay and heterosexual men. *International Journal of Men's Health.*

Swami, V, Antonakopoulos, N., Tovee, M. J. and Furnham, A. (2006a). A critical test of the waist-to-hip ratio hypothesis of female physical attractiveness in Britain and Greece. *Sex Roles, 54,* 201-211.

Swami, V., Caprario, C., Tovee, M.J. and Furnham, A. (2006b). Female physical attractiveness in Britain and Japan: A cross-cultural study. *European Journal of Personality, 20,* 69-81.

Swami, V., Einon, D. and Furnham, A. (2006c). An investigation of the leg-to-body ratio as a human aesthetic criterion. *Body Image: An International Journal of Research, 3,* 317-323.

Swami, V., Poulogianni, K. and Furnham, A. (2006d). The influence of resource availability on preferences for human body weight and non-human objects. *Journal of Articles in Support of the Null Hypothesis, 4,* 17-28.

Swami, V, Einon, D., Furnham, A. and Sung, K.-M. (2007a). Perbezaan antara budaya dalam piliphan rupa badan perempuan [Cross-cultural differences in preferences for female body shape]. Рукопись на рассмотрении.

Swami, V, Furnham, A., Georgiades, C. and Pang, L. (2007b). Evaluating self and partner physical attractiveness. *Body Image: An International Journal of Research, 4,* 94-101.

Swami, V, Furnham, A., Shah, K., McClelland, A. and Baguma, P. (2007c). Body mass index, waist-to-hip ratio and breast size correlates of ratings of physical attractiveness in Britain and Uganda. Рукопись на рассмотрении.

Swami, V, Gray, M. and Furnham, A. (2007d). The female nude in Rubens: Disconfirmatory evidence of the waist-to-hip ratio hypothesis of female physical attractiveness. *Imagination, Cognition and Personality, 26,* 136-147.

Swami, V., Greven, C. and Furnham, A. (2007e). More than just skin-deep? A pilot study integrating physical and non-physical factors in the perception of physical attractiveness. *Personality and Individual Differences, 42,* 563-572.

Swami, V, Jones, J, Einon, D. and Furnham, A. (2007f)- Men's preferences for women's profile waist-to-hip ratio, breast size and ethnic group in Britain and South Africa. Рукопись на рассмотрении.

Swami, V., Knight, D., Tovee, M. J., Davies, P. and Furnham, A. (2007g). Perceptions of female body size in Britain and the South Pacific. *Body Image: An International Journal of Research, 4,* 219-223.

Swami, V, Rozmus-Wrzesinska, M., Voracek, M„ Haubner, T., Danel, D., Pawlowski, B. *et al.* (2007h). The influence of skin tone, body weight and hair colour on perceptions of women's attractiveness, health and fertility: A cross-cultural investigation. Рукопись на рассмотрении..

Swami, V, Smith, J., Tsiokris, A., Georgiades, C.. Sangareau, Y, Tovee, M. J., *et al.* (2007i). Male physical attractiveness in Britain and Greece: A cross-cultural study. *Journal of Social Psychology, 147,* 15-26.

Swami, V.. Tovee, M.J. and Furnham, A. (2007j). The relative contributions of profile waist-to-hip ratio and body mass index to judgements of female attractiveness in three societies. Рукопись на рассмотрении.

Swami, V, Chan, R, Wong, V, Furnham, A. and Tovee, M. J. (in press, a). Weight-based discrimination in occupational hiring and helping behaviour. *Journal of Applied Social Psychology.*

Swami, V, Neto, F, Tovee, M. J. and Furnham, A. (in press, b). Preference for female body weight and shape in three European countries. *European Psychologist.*

Swim, J. T. and Stangor, C. (1998). *Prejudice from the target's perspective.* Santa Barbara, CA: Academic Press.

Symons, D. (1979). *The evolution of human sexuality.* New York: Oxford University Press.

(1987). If we're all Darwinians, what the fuss about? In C. B. Crawford, M. S. Smith and D. L. Krevs (Eds.), *Sociobiology and psychology: Ideas, issues and applications* (pp. 121-146). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

(1989). A critique of Darwinian anthropology. *Ethology and Sociobiology, 10,* 131-144.

(1990). Adaptiveness and adaptation. *Ethology and Sociobiology, 11,* 427-444.

(1992). On the use and misuse of Darwinism in the study of human behaviour. In J. H. Barkow, L. Cosmides and J. Tooby (Eds.), *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture* (pp. 137-159). New York: Oxford University Press.

(1995). Beauty is the adaptations of the beholder: The evolutionary psychology of human female sexual attractiveness. In P. R. Abramhamson and S. D. Pinker (Eds.), *Sexual nature/sexual culture* (pp. 80-118). Chicago: Chicago University Press.

Sypeck, M. R, Gray, J. J. and Ahrens, A. H. (2004). No longer just a pretty face: Fashion magazines' depictions of ideal female beauty from 1959 to 1999. *International Journal of Eating Disorders, 36,* 342-347.

Sypeck, M. R, Gray, J. J., Etu, S. R, Ahrens, A. H,, Mosimann, J. E. and Wiseman, C. V. (2006). Cultural representations of thinness in women, redux: *«Playboy»* magazine's depiction of beauty from 1979 to 1999. *Body Image: An International Journal of Research, 3,* 229-235.

Tan, D. T. Y. and Singh, R. (1995). Attitudes and attraction: A developmental study of the similarity-attraction and dissimilarity-repulsion hypotheses. *Personality and Social Psychology Bulletin, 21,* 975-986.

Tassinary, L. G. and Hansen, K. A. (1998). A critical test of the waist-to-hip ratio hypothesis of female physical attractiveness. *Psychological Science, 9,* 150-155.

Taylor, S. E. (1998). The social being in social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske and G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th edn, Vol. 1, pp. 58-95). New York: McGraw-Hill.

Taylor, S. E. and Brown, J. D. (1994). Positive illusions and well-being revisited: Separating fact from fiction. *Psychological Bulletin, 116,* 21-27.

Taylor, S. E, Peplau, L. and Sears, D. (1997). *Social psychology.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Terry, R. L. and Krantz, J. H. (1993). Dimensions of trait attributions associated with eyeglasses, men's facial hair and women's hair length. *Journal of Applied Social Psychology, 23,* 1757-1769. Teti, V. (1995). Food and fatness in Calabria. In I. De Garine and N. J. Pollock (Eds.), *Social aspects of obesity* (pp. 3-30). Amsterdam: Gordon and Breach.

Thelen, T. H. (1983). Minority type human mate preference. *Social Biology, 30,* 162-180.

Thibaut, J. and Kelley, H. (1959). *The social psychology of groups.* New York: Wiley.

Thiessen, D. and Gregg, B. (1980). Human assortative mating and genetic equilibrium: An evolutionary perspective. *Ethology and Sociobiology, 1,* 111-140.

Thompson, J. K, Heinberg, L.J, Altabe, M. and Tantleff-Dunn, S. (1999). Socio-cultural theory: The media and society. In J. K. Thompson (Ed.), *Exacting beauty: Theory, assessment and treatment of body image disturbance* (pp. 85-124). Washington, DC: American Psychological Association.

Thompson, M. S. and Keith, V. M. (2001). The blacker the berry: Gender, skin tone, self-esteem and self-efficacy. *Gender and Society, 15,* 336-357.

Thornhill, R. (1992). Fluctuating asymmetry and the mating system of the Japanese scorpionfly, *Panorpa japonica. Animal Behavior, 44,* 867-879.

Thornhill, R. and Gangestad, S. W. (1993). Human facial beauty: Averageness, symmetry and parasite resistance. *Human Nature, 4,* 237-269.

(1999). Facial attractiveness. *Trends in Cognitive Science, 3,* 452-460.

Thornhill, R. and Grammer, K. (1999). The body and face of women: One ornament that signals quality? *Evolution and Human Behavior, 20,* 105-120.

Thornhill, R., Gangestad, S. W. and Comer, R. (1995). Human female orgasm and mate fluctuating asymmetry. *Animal Behaviour, 50,* 1601-1615.

Tietje, L. and Cresap, S. (2005). Is lookism unjust? The ethics of aesthetics and public policy implications. *Journal of Liberterian Studies, 19,* 31-50.

Tiggemann, M. and Rothblum, E. D. (1988). Gender differences in social consequences of perceived overweight in the United States and Australia. *Sex Roles, 18,* 75-86.

Tinbergen, N. (1957). *The herring gulls'world.* Oxford: Oxford University Press.

Tobias, P. V. (1957). Bushmen of the Kalahari. *Man, 36,* 33-40.

Todd, P. M. and Miller, G. F. (1993). Parental guidance suggested: How parental imprinting evolves through sexual selection as an adaptive learning mechanism. *Adaptive Behavior. 2.* 5-47.

Tomkinson, G. R. and Olds, T. S. (2000). Physiological correlates of bilaterial symmetry in humans. *International Journal of Sports Medicine, 21,* 545-550.

Tooby, J. and Cosmides, L. (1990a). The past explains the present: Emotional adaptations and the structure of ancestral environments. *Ethology and Sociobiology, 11,* 375-424.

(1990b). On the universality of human nature and the uniqueness of the individual: The role of genetics and adaptation. *Journal of Personality, 58,* 17-67.

(1992). The psychological foundations of culture. In J. H. Barkow, L. Cosmides and J. Tooby (Eds.), *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture* (pp. 19-136). New York: Oxford University Press.

(1995). Foreword. In S. Baron-Cohen, *Mindblindness* (pp. xi-xviii). Cambridge, MA: MIT Press.

Tovee, M. J. and Cornelissen, P. L. (1999). The mystery of human beauty. *Nature, 399.* 215-216.

(2001). Female and male perceptions of female physical attractiveness in front-view and profile. *British Journal of Psychology, 92,* 391-402.

Tovee, M,, Mason, S., Emery, J., McCluskey, S. and Cohen- Tovee, E. (1997). Super-models: Stick insects or hourglasses? *Lancet, 350,* 1474-1475.

Tovee, M. J., Reinhardt, S., Emery, J. and Cornelissen, P. (1998). Optimum body-mass index and maximum sexual attractiveness. *Lancet, 352,* 548.

Tovee, M. J., Maisey, D. S., Emery, 1 L. and Cornelissen, P. L. (1999). Visual cues to female physical attractiveness. *Proceedings of the Royal Society of London B, 266,* 211-218.

Tovee, M. J, Tasker, K. and Benson, P. J. (2000). Is symmetry a visual cue to attractiveness in the human female body? *Evolution and Human Behavior, 21,* 191-200.

Tovee, M. J., Brown, J. E. and Jacobs, D. (2001). Maternal waist-hip ratio does not predict child gender. *Proceedings of the Royal Society London B, 268,* 1007-1010.

Tovee, M. J., Hancock, P., Mahmoodi, S,, Singleton, B. R. R. and Cornelissen. P. L. (2002). Human female attractiveness: Waveform analysis of body shape. *Proceedings of the Royal Society of London B, 269,* 2205-2213.

Tovee, M. J., Benson, P. J,, Emery, J. L,, Mason, S. M. and Cohen- Tovee, E. M. (2003). Measurement of body size and shape perception in eating-disordered and control observers using body-shape software. *British Journal of Psychology, 94,* 501-516.

Tovee, M.J, Swami, V., Furnham, A. and Mangalparsad, R. (2006). Changing perceptions of attractiveness as observers are exposed to a different culture. *Evolution and Human Behavior,* 27, 443-456.

Tovee, M.J, Furnham, A. and Swami, V. (2007). Healthy body equals beautiful body? Changing perceptions of health and attractiveness with shifting socioeconomic status. In V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionary and socio-cultural perspectives.* London: Macmillan.

Townsend,J. M. and Levy, G. D. (1990). Effects of potential partners' physical attractiveness and socioeconomic status on sexuality and partner selection. *Archives of Sexual Behavior, 19,* 149-164.

Treloar. C, Porteous, J, Hassan, F, Kasniyah, N, Lakshmandu, M, Sama, M. *et al.* (1999). The cross-cultural context of obesity: An INCLEN multicentre collaborative study. *Health and Place, 5,* 279-286.

Trivers, R. (1972). Parental investment and sexual selection. In B. Campbell (Ed.), *Sexual selection and the descent of man* (pp. 136-179). New York: Aldine de Gruyrer.

(1985). *Social evolution.* Menio Park, CA: Benjamin Cummings.

Twine, R. (2002). Physiognomy, phrenology and the temporality of the body. *Body and Society, 8,* 67-88.

Ucko, P. J. (1962). The interpretation of prehistoric anthropomorphic figurines. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 92,* 38-54.

Urdy, R.J. (1971). *The social context of marriage* (2nd edn). Philadelphia, PN:J. B. Lippincott.

Van den Berghe, P. L. and Frost, P. (1986). Skin color preference, sexual dimorphism and sexual selection: A case of gene-culture co-evolution? *Ethnic and Racial Studies,* 9, 87-113.

Van Dijk, N. (1991). The Hansel and Gretel syndrome: A critique of Houghton's cold adaptation hypothesis and an alternative model. *New Zealand Journal of Archaeology, 13,* 65-89.

Van Hooff, M. H, Voorhorst, F. J, Kaptein, M. B, Hirasing, R. A, Koppenaal, C. and Schoemaker, J. (2000). Insulin, androgen and gonadotrophin concentration, body mass index, and waist-to-hip ratio in the first years after menarche in girls with regular menstrual cycle, irregular menstrual cycle, or oligomenorrhea./оигаа/ *of Clinical Endocrinology and Metabolism, 85,*1394-1400.

Vance, C. S. (1995). Social construction theory and sexuality. In M. Berger, B. Wallis and S. Watson (Eds.), *Constructing masculinity* (pp. 37-48). New York: Routledge.

Vittengl, J. R. and Holt, C. S. (2000). Getting acquainted: The relationship of self-disclosure and social attraction to positive affect. *Journal of Social and Personal Relationships, 17,* 53-66.

Voland, E. (1988). Differential infant and child mortality in evolutionary perspective: Data from 17th to 19th century Ostfriesland (Germany). In L. Betzig, M. Borgerhff Mulder and P. W. Turke (Eds.), *Human reproductive behaviour: A Darwinian perspective* (pp. 253-262). Cambridge: Cambridge University Press.

Voracek, M. and Fisher, M. L. (2002). Shapely centrefolds? Temporal change in body measures: Trend analysis. *British Medical Journal, 325,* 1447-1448.

(2006). Success is all in the measures: Androgenousness, curvaceousness and starring frequencies in adult media actresses. *Archives of Sexual Behavior, 35,* 297-304.

Wadden, T. A, Anderson, D. A, Poster, G. D,, Bennett, A, Steinberg, C. and Sarwer, D. B. (2000). Obese women's perceptions of their physicians' weight management attitudes and practises. *Archives of Family Medicine, 9,* 854-860.

Walrath, D. E. and Glantz, M. M. (1996). Sexual dimorphism in the pelvic midplane and its relationship to Neandertal reproductive patterns. *American Journal of Physical Anthropology, 100,* 89-100.

Walsh, B. T. (1997). Eating disorders. In A. Tasman, J. Kay and J. A. Lieberman (Eds.), *Psychiatry* (Vol. 2, pp. 1202-1216). New York: Saunders.

Walster, E, Walster, G. W, Piliavin, J. and Schmidt, L. (1973). Playing hard-to-get: Understanding an elusive phenomenon. *Journal of Personality and Social Psychology, 26,113-121.*

Walster, E, Walster, G. W. and Berscheid, E. (1978). *Equity theory and research.* Boston, MA: Allyn and Bacon.

Wang, J. X., Davies, M. and Norman, R.J. (2000). Body mass and probability of. pregnancy during assisted reproduction to treatment: Retrospective study. *Lancet, 321,* 1320-1321.

Warren, B. L. (1970). Socioeconomic achievement and religion: The American case. In E. O. Laumann (Ed.), *Social stratification: Research and theory for the 1970s* (pp. 130-155). Indianapolis, IL: Bobbs-Merrill.

Washburn, D. and Humphrey, D. (2001). Symmetries in the mind: Production, perception and preference for seven one-dimensional patterns. *Visual Arts Research, 70,* 57-68.

Wass, P., Waldenstrom, U, Rossner, S. and Hellberg, D. (1997). An android body fat distribution in females impairs the pregnancy rate of in-vitro fertilisation-embryo transfer. *Human Reproduction, 12,* 2057-2060.

Watkins, L. M. and Johnston, L. (2000). Screening job applicants: The impact of physical attractiveness and application quality. *InternationalJournal of Selection and Assessment, 8,* 76-81

Watson, D„ Klohnen, E. C„ Casillas, A., Nus Simms, E„ Haig, J. and Berry, D. S. (2004). Match makers and deal breakers: Analyses of assortative mating in newly-wed couples. *Jour>:s. of Personality, 72,* 1029-1068.

Waynforth, D. (2001). Mate choice trade-offs and women's preference for physical/, attractive men. *Human Nature, 12,* 207-219.

Waynforth, D. and Dunbar, R. (1995). Conditional mate choice strategies in human?: Evidence from lonely hearts advertisements. *Behaviour, 132,* 735-779.

Weeden, J. and Sabini, J. (2005). Physical attractiveness and health in western societies: A review. *Psychological Bulletin, 131,* 635-653.

Weitz, S. (1977). *Sex roles: Biological, psychological and socialfoundations.* New York: Oxiorc University Press.

Wells, P. A., Wilmoth, T. and Russell, R. J. (1995). Does fortune favour the ba'c^ Psychological correlates of hair loss in males. *British Journal of Psychology, 86,* 337-344.

West, C. and Zimmerman, D. H. (1987). Doing gender. *Gender and Society, 1,* 125-151.

Wetsman, A. and Marlowe, F. (1999). How universal are preferences for female waist-to-h.r ratios? Evidence from the Hadza of Tanzania. *Evolution and Human, Behaviour, 20,* 219-21--

Whitcher, S.J. and Fisher, J. D. (1979). Multidimensional reaction to therapeutic touch r_ hospital setting. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 87-96.

Wichstrom, L. (1994). Predictors of Norwegian adolescents' sunbathing and use :: sunscreen. *Health Psychology, 13,* 412-420.

Wiederman, M. W. (1993). Evolved gender differences in mate preferences: Evidence rr:~ personal advertisements. *Ethology and Sociobiology, 14,* 331-352.

Wiggins, J, Wiggins, N. and Conger, J. (1968). Correlates of heterosexual **soei**::: preferences. *Journal of Personality and Social Psychology, 10,* 82-90.

Wilkinson, J., Ben-Tovim, D. and Walker, M. (1994). An insight into the significance of weight and shape in large Samoan women. *International Journal of O'-'.:^. " :* 602-606.

Willet, W. C„ Manson, J. E„ Stampfer, M. J., Colditz, G. A., Rosner. B.. Speizer E - (1995). Weight, weight change and coronary heart disease in women: R:?k • • ": т — weight range. *Journal of the American Medical Association, 273.* 461-465

Williams, J. H. (Ed.) (1979). *Psychology of women.* New York: X:- r.

Williams, S. R. P., Goodfellow, J, Davies, B., Bell. W. McDowe:. I .-.:. / • • E . Somatypes and angiographically determined atherosclerotic **coronar alter disease it men** *American Journal of Human Biology, 12,* 128-138.

Wilson, J. M. B., Tripp, D. A. and Boland, F.J. (2005). The relative contributions ofwaist-to-hip ratio and body mass index to judgements of attractiveness. *Sexualities, Evolution and Gender, 7,* 245-267.

Wiseman, C. V, Gray, J. J, Mosimann, J. E. and Ahrens, A. H. (1992). Cultural expectations of thinness in women: An update. *International Journal of Eating Disorders, 11,* 85-89.

Wogalter, M. S. and Hosie, J. A. (1991). Effects of cranial and facial hair on perceptions of age and person. *Journal of Social Psychology, 131,* 589-591.

Wohlrab, S, Stahl, J. and Kappeler, P. M. (2007). Modifying the body: Motivations for getting tattooed and pierced. *Body Image: An International Journal of Research, 4,* 219-223.

Wolf, N. (1990). *The beauty myth.* London: Chatto and Windus.

Wong, B. B. M. and Candolin, U. (2005). How is female mate choice affected by male competition? *Biological Reviews of the Cambridge Philosophical Society, 80,* 1-13.

Wood, D. R. (1986). Self-perceived masculinity between bearded and non-bearded males. *Perceptual and Motor Skills, 62,* 769-770.

Wood, L. E. P. (2006). Obesity, waist-hip ratio and hunter-gatherers. *BJOG. An International Journal of Obstetrics and Gynaecology, 113,* 1110-1116.

Wuensch, K. L. and Moore, C. H. (2004). Effects of physical attractiveness on evaluations of a male employee's allegation of sexual harassment by his female employer. *Journal of Social Psychology, 144,* 207-217.

Wuensch, K. L, Castellow, W. A. and Moore, C. H. (1991). Effects of defendant attractiveness and type of crime on juridic judgement. *Journal of Social Behaviour and Personality, 5,* 547-562.

Yang, C.-F. J, Gray, P. and Pope Jr., H. G. (2005). Male body image in Taiwan versus the west: *Yanggang Zhiqi* meets the Adonis complex. *American Journal of Psychiatry, 162,* 263-269.

Yarmouk, U. (2000). The effect of presentation modality on judgements of honesty and attractiveness. *Social Behavior and Personality, 28,* 269-278.

Young, T. J. and French, L. A. (1998). Height and perceived competence of US presidents. *Perceptual and Motor Skills, 87,* 321-322.

Yu, D. W. and Shepard, G. H. (1998). Is beauty in the eye of the beholder? *Nature, 396,* 321-322.

(1999). The mystery of female beauty — reply. *Nature, 399,* 216.

Yu, D. W, Proulx, S. R. and Shepard, G. H. (2007). Masculinity, culture and the paradox of the leks. In. V. Swami and A. Furnham (Eds.), *The body beautiful: Evolutionary andsocio-cultural perspectives.* London: Macmillan.

Zaadstra, B. M,, Seidell, J. C,, van Noord, P. A. H,, te Velde, E. R,, Habbema, J. D. F, Vrieswijk, B. *et al.* (1993). Fat and female fecundity: Prospective study of effect of body fat distribution on conception rates. *British Medical Journal, 306,* 484-487.

Zahavi, A. (1975). Mate selection — a selection for a handicap. *Journal of Theoretical Biology, 53,* 205-214.

Zajonc, R. B. (1968). Attitudinal effects of mere exposure. *Journal of Personality and Social Psychology, 9,* 1-27.

Zanna, M. P., Kiesler, C. A. and Pilkonis, D. A. (1970). Positive and negative affect established by classical conditioning./оитеа/ *of Personality and Social Psychology, 14,* 321-328.

Zebrowitz, L. A., Montepare, J. M. and Lee, H. K. (1993). They don't all look alike: Individuated impressions of other racial groups. *Journal of Personality and Social Psychology, 65,* 85-101.

Zebrowitz, L. A., Voinescu, L. and Collins, M. A. (1996). "Wide-eyed" and "crooked-faced": Determinants of perceived and real honesty across the life span. *Personality and Social Psychology Bulletin, 22,* 1258-1269.

Zelnik, M. (1969). Socioeconomic and seasonal variation in births: A replication. *Milbank Memorial Fund Quarterly, 57,* 159.

Zuckerman, M. and Driver, R. (1989). What sounds beautiful is good: The vocal attractiveness stereotype. *Journal of Nonverbal Behavior, 13,* 67-82.

Zuckerman, M, Hodgins, H. and Miyake, K. (1990). The vocal attractiveness stereotype: Replication and elaboration. *Journal of Nonverbal Behavior, 14,* 97-112.